Белорусский государственный университет
Республиканский институт китаеведения имени Конфуция

白俄罗斯国立大学
白俄罗斯国立大学共和国汉学孔子学院

IX РЕСПУБЛИКАНСКАЯ ШКОЛА КИТАЕВЕДЕНИЯ: ПРИОРИТЕТНЫЕ НАПРАВЛЕНИЯ ИССЛЕДОВАНИЯ СОВРЕМЕННОГО КИТАЯ И БЕЛОРУССКО-КИТАЙСКОГО СОТРУДНИЧЕСТВА

Сборник статей участников
IX Республиканской школы китаеведения
Минск, 4 марта 2026 г.

第九届白俄罗斯共和国汉学研讨班：新时代中国和中白合作的重点研究领域 明斯克2026年3月4日

Минск
РИВШ
2026

УДК 308(510)(06)
ББК 60.526(5Кит)я431
Р43

Рекомендовано
Советом Республиканского института китаеведения имени Конфуция
Белорусского государственного университета
(протокол № 4 от 13 апреля 2026 г.)

Рецензенты:
ректор УО «Белорусский государственный экономический университет»,
доктор юридических наук, профессор *А. В. Егоров*;

проректор по научной работе Белорусского национального
технического университета, доктор экономических наук,
доцент *К. В. Якушенко*

Под редакцией
профессора *А. А. Тозика*

Р43 **IX Республиканская** школа китаеведения: приоритетные направления исследования современного Китая и белорусско-китайского сотрудничества = 第九届白俄罗斯共和国汉学研讨班:新时代中国和中白合作的重点研究领域明斯克2026年3月4日 : сб. ст. участников IX Республиканской школы китаеведения, Минск, 4 марта 2026 г. / под ред. проф. А. А. Тозика. – Минск : РИВШ, 2026. – 360 с.
ISBN 978-985-7375-39-4.

Сборник содержит доклады участников пленарного заседания IX Республиканской школы китаеведения, посвященные актуальным вопросам развития современного Китая и белорусско-китайских отношений и задачам, стоящим перед отечественной школой китаеведения, а также статьи ученых, экспертов и специалистов из Беларуси и Китая, выступавших на заседаниях тематических секций. Издание призвано помочь исследователям в анализе и углублении изучения различных аспектов развития современного Китая и белорусско-китайских отношений, формировании и развитии белорусской школы китаеведения.

Адресуется широкому кругу читателей.

УДК 308(510)(06)
ББК 60.526(5Кит)я431

ISBN 978-985-7375-39-4

© Оформление. ГУО «Республиканский институт высшей школы», 2026

ПЛЕНАРНОЕ ЗАСЕДАНИЕ

В. П. Кочин,
проректор по учебной работе
и интернационализации образования БГУ,
кандидат технических наук, доцент

ПРИВЕТСТВЕННОЕ СЛОВО

Уважаемый Чрезвычайный и Полномочный Посол Китайской Народной Республики в Республике Беларусь Чжан Вэньчуань! Уважаемые коллеги, участники ежегодной Республиканской школы китаеведения!

Республиканская школа китаеведения традиционно проходит в формате международной научно-практической конференции. Ее основная задача и основная функция – внести максимально возможный вклад в формирование белорусской школы китаеведения. Это крайне важно для реализации того колоссального потенциала взаимовыгодного сотрудничества, который наши страны сформировали почти за три с половиной десятилетия после установления дипломатических отношений.

В работе Школы участвуют как известные белорусские и китайские ученые, так и молодые исследователи, магистранты, аспиранты и докторанты, которые хотели бы посвятить свою профессиональную деятельность изучению выдающихся результатов социально-экономического развития современного Китая и перспективных направлений белорусско-китайского сотрудничества. Передача научной традиции, формирование нового поколения экспертов по Китаю – это стратегическая инвестиция в будущее белорусско-китайского партнерства и в интеллектуальный потенциал страны.

Современный Китай – один из ключевых центров глобальной экономики, науки и технологического развития. Понимание логики его модернизации является необходимым условием выработки обоснованных решений в сфере нашего национального развития

и международного сотрудничества. Белорусско-китайское взаимодействие требует глубокой аналитики, подготовки компетентных специалистов и системных исследований – именно такие задачи стоят сегодня перед отечественным китаеведением.

Проведение нынешней конференции в год двадцатилетия Республиканского института китаеведения имени Конфуция придает мероприятию особый символический и содержательный статус. За прошедшие два десятилетия Институт прошел этап институционального становления, укрепил научно-методическую базу и сформировал устойчивую экспертную платформу по изучению Китая. Юбилей в данном контексте является не только хронологической вехой, но и показателем научной состоятельности, организационной устойчивости и стратегической значимости проводимой работы.

В фойе Института мы могли познакомиться с работами, изданными в РИКК за последние годы. По результатам каждой Школы Институт издает сборники статей, подготовленных по материалам лучших докладов. Думаю, есть основания ходатайствовать перед ВАК Беларуси о присвоении таким сборникам статуса ВАКовского издания.

Белорусский государственный университет последовательно развивает сотрудничество с университетами и научными учреждениями Китайской Народной Республикой, рассматривая его как стратегическое направление своей международной деятельности. В 2024 г. БГУ вошел в число 25 наиболее надежных университетов-партнеров Министерства образования Китайской Народной Республики. В этот список включены авторитетные университеты мира, удостоенные высокой оценки своей деятельности и доверия китайской стороны. Символично, что БГУ открывает этот список, который размещен на тематической «Стене доверия» Министерства образования КНР.

Статус надежного партнера закреплен Соглашением БГУ с Китайским центром образовательных обменов Министерства образования КНР о стратегическом сотрудничестве, подписанным 6 ноября 2025 г. Документ предусматривает реализацию совместных проектов в сфере академической мобильности студентов и преподавателей, разработку программ подготовки граждан Китая к обучению в БГУ, проведение консультационных

и адаптационных мероприятий, а также взаимодействие в работе с выпускниками в целях повышения их конкурентоспособности на рынке труда. Фактически речь идет о формировании устойчивого институционального механизма присутствия БГУ в образовательном пространстве Китая. Сегодня в университет обучается около 3,8 тыс. граждан Китайской Народной Республики. Реализуются совместные образовательные программы, проводятся научные исследования, конференции и академические обмены, что свидетельствует о высоком уровне доверия и взаимной заинтересованности сторон.

Полагаю, что многие актуальные проблемы белорусско-китайского сотрудничества будут рассмотрены участниками сегодняшнего пленарного заседания и тематических секций. Желаю успехов нашей очередной Республиканской школе китаеведения и всем ее участникам!

УДК 316.422+327:338.2

Чжан Вэньчуань,
Чрезвычайный и Полномочный Посол
Китайской Народной Республики
в Республике Беларусь

ДОСТИЖЕНИЯ СОЦИАЛЬНО-ЭКОНОМИЧЕСКОГО РАЗВИТИЯ КИТАЯ И ПЕРСПЕКТИВЫ КИТАЙСКО-БЕЛОРУССКИХ ОТНОШЕНИЙ

Уважаемый проректор БГУ Виктор Павлович Кочин,

уважаемая заместитель Председателя Государственного комитета по науке и технологиям Республики Беларусь Татьяна Григорьевна Столярова,

уважаемый профессор Анатолий Афанасьевич Тозик,

уважаемые участники конференции, дамы и господа, друзья!

Я очень рад быть сегодня вместе с новыми и старыми друзьями-китаеведами Беларуси, чтобы совместно стать участниками этого торжества мысли. Здесь присутствуют многие ведущие китаеведы из Национальной академии наук Беларуси, Государственного комитета по науке и технологиям и белорусских университетов. На протяжение долгого времени вы глубоко изучали китайскую историю, культуру и социальное развитие. Благодаря вашим превосходным знаниям и содержательным трудам вы играете незаменимую роль в формировании у белорусской общественности реального, многогранного и всестороннего образа Китая, а также вносите важный вклад в дружественные отношения между двумя странами. От имени Посольства Китайской Народной Республики в Республике Беларусь позвольте мне выразить вам глубочайшее уважение и искреннюю благодарность!

Эта конференция, посвященная развитию современного Китая и белорусско-китайского сотрудничества, отличается особой практической значимостью. 2025-й – это не только заключительный год XIV пятилетки в Китае, но и очередной «год богатого урожая» в развитии всепогодного и всестороннего стратегического партнерства между Китаем и Беларусью. Позвольте мне начать

с краткого обзора общей ситуации социально-экономического развития Китая в период XIV пятилетки, состоящего из девяти ключевых аспектов. Надеюсь, это поможет вам глубже и всестороннее понять Китай.

I. О достижениях социально-экономического развития Китая в период XIV-й пятилетки.

Во-первых, существенный рост экономической мощи. Объем экономики Китая продолжает расти, а темпы роста по-прежнему являются самыми высокими среди крупнейших экономик мира. За последние 5 лет среднегодовой темп роста экономики Китая составил 5,4 процента. В 2025 г. объем ВВП Китая впервые преодолел отметку в 140 трлн юаней, а показатель ВВП на душу населения превысил среднемировой уровень и приблизился к уровню, характерному для стран с высоким доходом. Качество экономического развития неуклонно растет, стабильно развиваются производительные силы нового качества. Китай занимает лидирующие позиции примерно в половине ключевых узлов, расположенных в верхних и нижних звеньях глобальных цепочек создания стоимости. Китай по-прежнему остается основным источником движущей силы и важным двигателем мирового экономического роста.

Во-вторых, значительные успехи в области научно-технических инноваций. Технологическая самостоятельность и опора на собственные силы стали для Китая стратегической опорой национального развития. Благодаря ускоренному формированию национальных стратегических научно-технических сил инновационный потенциал страны неуклонно растет. В 2024 г. общие расходы на научно-исследовательские и опытно-конструкторские работы (НИОКР) превысили 3,6 трлн юаней, а доля расходов на фундаментальные исследования достигла 6,88 процентов. Оба показателя обновили исторические максимумы. Достигнут значительный прогресс в прорывных исследованиях ключевых технологий в таких областях, как интегральные микросхемы, искусственный интеллект, квантовые технологии, биомедицина и новые источники энергии. Высокотехнологичное производство и новые стратегические отрасли стали важными движущими

силами, возглавляющими и стимулирующими оптимизацию и модернизацию промышленности.

В-третьих, дальнейшее продвижение всестороннего углубления реформ. Руководствуясь задачей продвижения китайской модернизации, мы провели системное планирование дальнейшего всестороннего углубления реформ. Институциональные и механические барьеры, сдерживающие высококачественное развитие, постепенно устраняются, наращивая тем самым потенциал для будущего роста. Формирование новой системы открытой экономики более высокого уровня ускорилось. Вступило в силу и реализуется Региональное всестороннее экономическое партнерство. Высококачественное совместное строительство в рамках инициативы «Один пояс и один путь» углубляется и укрепляется, ускоряется строительство пилотных зон свободной торговли и портов свободной торговли. Все это открывает новые возможности и расширяет пространство для экономического и социального развития.

В-четвертых, неуклонное совершенствование демократии и верховенства закона. Китай активно развивает демократию в полном процессе, совершенствует институциональную систему, обеспечивающую народовластие, и последовательно расширяет упорядоченное участие граждан в политической жизни. Укрепляется и расширяется единый патриотический фронт, межнациональное единство и прогресс обретают новый облик, неуклонно совершенствуется новая модель партийной системы Китая. Правовая система социализма с китайской спецификой становится все более совершенной: ускоряются темпы законотворчества в ключевых, новых и внешнеполитических сферах, достигаются новые успехи в реформировании судебной системы. Живая, стабильная и сплоченная политическая обстановка в стране не только сохраняется, но и получает дальнейшее развитие.

В-пятых, бурное развитие культурной сферы. Китай неуклонно продвигает строительство социалистической культуры с китайской спецификой, благодаря чему неуклонно повышается уровень культурного развития граждан и моральный облик общества. Всесторонне усиливаются охрана и передача культурного

наследия, а также защита и использование культурных реликвий. Высокими темпами реализуется строительство национальных культурных парков. Мы торжественно отметили 80-ю годовщину Победы китайского народа в Войне сопротивления японским захватчикам и Второй мировой войне, а также успешно провели зимние Олимпийские и Паралимпийские игры в Пекине. Эффективность международных коммуникаций неуклонно повышается, растут мощь национальной «мягкой силы» культуры и влияние китайской культуры в мире.

В-шестых, прочные и стабильные гарантии благосостояния народа. Мы одержали победу в борьбе с бедностью, исторически решив проблему абсолютной бедности. Сосредоточив усилия на решении насущных и актуальных проблем населения, обеспечили рост доходов граждан синхронно с экономическим ростом. Китай создал крупнейшую в мире систему образования, здравоохранения и социального обеспечения. Показатели завершения обязательного девятилетнего образования, охвата базовым пенсионным страхованием и базовым медицинским страхованием превышают 95 процентов. Введена политика поддержки рождаемости, разрешающая семьям иметь третьего ребенка, и осуществляются сопутствующие меры поддержки, а также поэтапно внедряется бесплатное дошкольное образование. В результате у населения неуклонно растет чувство удовлетворенности от проводимых реформ, и последовательно продвигается общее процветание для всего народа.

В-седьмых, значительное повышение потенциала в области национальной безопасности. Китай придерживается комплексного подхода к национальной безопасности, постоянно совершенствуя систему руководства, правовую базу, стратегическое планирование и политические механизмы в этой сфере. Неуклонно растет потенциал обеспечения экономической безопасности: ежегодное производство зерна стабильно превышает 650 млн тонн, усилились возможности по обеспечению стабильных поставок энергоресурсов и управлению рисками. Достигнуты важные промежуточные результаты в решающей битве по предотвращению и нейтрализации финансовых рисков. Строительство

«Безопасного Китая» принесло очевидные результаты: мы стали одной из стран с самым низким уровнем преступности и самым высоким чувством безопасности в мире.

В-восьмых, достижение значительного прогресса в строительстве национальной обороны и армии. Китай неуклонно придерживается принципа абсолютного руководства партии народной армией, следует военно-стратегическим установкам новой эпохи и реализует цели по укреплению армии, соответствующие новым условиям. На комплексной основе усиливается способность к военному противодействию на всех направлениях и во всех областях, большое внимание уделяется боевой подготовке в условиях, приближенных к реальным. Продолжается углубление реформы национальной обороны и армии, ускоряется формирование интегрированной национальной стратегической системы и потенциала. В результате неуклонно повышаются уровень модернизации и боеспособность армии.

В-девятых, всестороннее расширение дипломатии великой державы с китайской спецификой. Китай высоко держит знамя сообщества единой судьбы человечества, решительно отстаивает международную справедливость, выступает за подлинный мультилатерализм и недвусмысленно отвергает любые проявления гегемонизма и политики силы. Мы принимаем активное участие в реформировании и совершенствовании глобальной системы управления, а также играем ведущую роль в этом процессе. Инициатива по глобальному развитию, Инициатива глобальной безопасности, Инициатива глобальной цивилизации и Инициатива по глобальному управлению вносят китайскую мудрость и китайские предложения в совместное преодоление глобальных вызовов.

II. О пяти секретах стабильности и развития Китая.

Друзья, современный мир переживает масштабные изменения, невиданные за последние сто лет, односторонний подход и менталитет «холодной войны» вновь дают о себе знать, а международные нормы и порядок подвергаются серьезным испытаниям. Перед лицом сложной и нестабильной международной обстановки, а также бесчисленных глобальных вызовов Китай

сохраняет спокойствие и устойчивость, обеспечивая долгосрочное стабильное развитие. Именно благодаря следующим аспектам Китай стал главным источником стабильности в мировом управлении.

Во-первых, преимущества государственного строя формируют «чувство доверия». Стабильность Китая проистекает из высокой степени одобрения всего народа государственного строя и пути развития страны. Это одобрение берет начало в исторической практике и является консенсусом, сформировавшимся в ходе длительного поиска, сравнения и проверки. Одним из преимуществ социализма с китайской спецификой является способность концентрировать силы для решения крупных задач. Например, перед лицом таких природных катастроф, как землетрясения, наводнения и лесные пожары, у нас действует механизм реагирования, основанный на принципе «единой стратегии для всей страны», который позволяет оперативно мобилизовать ресурсы для эффективной ликвидации последствий бедствий. Китайский народ искренне ощущает, что Коммунистическая партия Китая и китайское правительство являются надежным щитом, защищающим народ. Каждое важное решение государства исходит из интересов народа и направлено на их реализацию. Результаты многочисленных авторитетных международных исследований, в том числе проведенных Гарвардским университетом, показывают, что уровень доверия и удовлетворенности китайской общественности Коммунистической партией Китая и правительством Китая превышает 90 процентов, а также граждане полны уверенности в развитии страны как глобальной державы.

Во-вторых, экономическое развитие повышает «чувство удовлетворенности». Стратегический курс на развитие экономики как главного приоритета и последовательное углубление реформ – вот что лежит в основе стабильности Китая. Китай вовлекает институциональные преимущества социалистической рыночной экономики, обеспечивая устойчивое развитие в соответствии со стратегическими ориентирами пятилеток. Объем китайской экономики прочно занимает второе место в мире, а среднегодовые темпы роста значительно превышают общемировые показатели.

Доход на душу населения превышает 40 тыс. юаней, на тысячу человек приходится 250 автомобилей, а жилая площадь на душу населения составляет более 40 кв метров. Бурный рост реального сектора экономики обеспечил изобилие качественных и доступных потребительских товаров, а стремительное внедрение технологических инноваций сделало повседневную жизнь более комфортной, принося реальную пользу простым людям. В условиях стабильности представители разных социальных групп могут реализовывать свои устремления и находить применение своим способностям. В свою очередь, бурный рост предпринимательства создает новые рабочие места и приумножает общественное богатство, формируя благоприятный цикл: «стабильность приводит к развитию, которое помогает добиться еще большей стабильности».

В-третьих, забота о благосостоянии народа повышает «чувство счастья». Стабильность Китая проистекает из стремления к более справедливому распределению плодов развития среди всех граждан. Мы уже помогли более 800 млн людей выбраться из нищеты, исторически решив проблему абсолютной бедности и совершив чудо в истории борьбы человечества с бедностью. Во всех 500 тыс. сельских населенных пунктах проложены асфальтированные и бетонные дороги. По количеству базовых станций 5G Китай обогнал все остальные страны мира вместе взятые, добившись непрерывного покрытия на уровне поселков и выше. В стране сформированы, как уже отмечалось, крупнейшие в мире системы образования, соцзащиты и медицинского обслуживания. Реализация концепции «Безопасного Китая» дала выдающиеся результаты. Сегодня Китай – одна из стран мира с наименьшим числом умышленных убийств, самым низким уровнем преступности и минимальным количеством инцидентов с применением огнестрельного оружия и взрывчатых веществ. В отчете «Глобальная безопасность-2025» Китай занял третье место в мире по индексу безопасности ночных прогулок и четвертое – по индексу законности и правопорядка.

В-четвертых, «ощущение вовлеченности» укрепляется благодаря присутствию демократии во всех сферах. Китайская

стабильность базируется на институциональных механизмах и управленческом потенциале демократической системы. Мы последовательно совершенствуем институт собрания народных представителей и другие политические институты, обеспечивая гражданам доступ к участию в государственном управлении через множество каналов и гарантируя, что их мнения учитываются при принятии решений. При разработке предложений по XV пятилетке, утвержденных в прошлом году на IV Пленуме ЦК КПК двадцатого созыва, было получено свыше 3,11 млн предложений от интернет-пользователей. Из них отобрали более 1500 конструктивных идей по 27 ключевым направлениям. В центре внимания было решение самых насущных проблем граждан: доступность жилья, качество образования и медицинских услуг. В более чем 240 городах круглосуточно работает горячая линия 1-2-3-4-5, принимающая обращения от населения и предприятий. Такая демократия, нацеленная на конкретный результат и решение реальных проблем, оказывается по-настоящему действенной и заслуживает поддержки народа.

В-пятых, традиционная культура укрепляет «гармонию в обществе». Китайская стабильность уходит корнями в глубинную генетику китайской цивилизации и базируется на общности ценностных ориентиров. Опираясь на лучшие образцы китайской традиционной культуры, страна последовательно внедряет основные социалистические ценности, находя ту самую «общую платформу» мировоззренческих установок, которая объединяет современное китайское общество. Эта ценностная опора служит тем самым фундаментом, что консолидирует общественное сознание, повышает сплоченность нации и обеспечивает социальную гармонию. В период XIV пятилетки было урегулировано более 79 млн различных споров, причем успешность урегулирования превысила 95 процентов. Подавляющее большинство раздоров на местах решается во внесудебном порядке, что позволяет устранять факторы социальной нестабильности еще на начальной стадии.

III. О глобальном значении стабильности и развития Китая.

Китай – это огромная страна с населением в 1,4 млрд человек, 56 национальностями и колоссальными региональными

различиями. Уровень развития, культурные традиции и природные условия в разных регионах и национальностях существенно отличаются, что делает управление такой страной уникальной по сложности задачей в мировом масштабе. Под твердым руководством Компартии Китая мы прошли свой путь и построили социализм с китайской спецификой, на протяжении долгого времени сохраняя стабильность и обеспечивая развитие. Это имеет огромное значение не только для самого Китая, но и для всего мира.

Во-первых, Китай твердо отстаивает всеобщий мир. Китай неуклонно следует по пути мирного развития, последовательно придерживается независимой и мирной внешней политики, а также оборонительной политики национальной обороны, что делает его самой успешной крупной державой по показателям мира и безопасности. Доля военных расходов Китая в ВВП стабильно составляет менее 1,5 процентов, что ниже, чем в других ведущих странах мира. Будучи единственной ядерной державой, взявшей на себя обязательство не применять ядерное оружие первой, Китай выступил инициатором принятия первого совместного заявления лидеров 5 ядерных государств о предотвращении ядерной войны. Китай является крупнейшим поставщиком войск для миротворческих миссий ООН среди постоянных членов Совета Безопасности и вторым по величине плательщиком в бюджет миротворческих операций ООН. Китайские военнослужащие приняли участие в 26 миротворческих миссиях ООН с участием в них в общей сложности более 50 тыс. миротворцев и 2700 полицейских, чья деятельность охватила 4 континента.

Во-вторых, Китай привержен урегулированию конфликтов и противоречий. Китай неизменно придерживается принципа невмешательства во внутренние дела других государств, выступает за политическое урегулирование споров и конструктивно участвует в разрешении острых вопросов. По украинскому кризису и палестино-израильскому конфликту были опубликованы позиционные программные документы, ведется неустанная работа по содействию переговорам и миру. Китай сыграл историческую роль в восстановлении дипломатических отношений между

Саудовской Аравией и Ираном, а также в содействии внутрипалестинскому примирению. Китай способствовал подписанию соглашения о прекращении огня внутри Мьянмы и внес активный вклад в мирное урегулирование пограничного спора между Камбоджей и Таиландом. В мае 2025 г. в Сянгане Китай совместно с 32 государствами, включая Беларусь, подписал Конвенцию о создании Международной организации по медиации, восполнив институциональный пробел в этой сфере и внеся китайский вклад в решение международных споров.

В-третьих, Китай привержен содействию экономического развития. Развитие является основополагающим путем решения проблем нестабильности и отсутствия безопасности. Вклад Китая в рост мировой экономики на протяжении многих лет держится на уровне около 30 процентов. Китай входит в тройку крупнейших торговых партнеров для 157 стран и регионов мира. По подсчетам Международного валютного фонда, каждый процентный пункт роста экономики Китая в среднем обеспечивает повышение экономических показателей других стран на 0,3 процентного пункта. 13 лет подряд Китай входит в тройку мировых лидеров по объему зарубежных инвестиций. С 2012 г. по 2025 г. общий объем таких инвестиций достиг 1,85 трлн долларов США, принеся странам-реципиентам налоговые поступления в размере 518,5 млрд долларов США и обеспечив ежегодно 2 млн рабочих мест, что дает мощный импульс местному развитию. Высококачественное совместное строительство инициативы «Одного пояса и одного пути» прокладывает «дороги счастья», соединяющие страны-участницы. По прогнозам Всемирного банка, к 2030 г. эта инициатива поможет 7,6 млн человек в соответствующих странах выбраться из крайней нищеты, а 32 млн – избавиться от умеренной бедности.

В-четвертых, Китай готов делиться возможностями своего рынка. Китай решительно отстаивает многостороннюю торговую систему, ядром которой является Всемирная торговая организация, и активно делится возможностями своего сверхкрупного внутреннего рынка, что разительно контрастирует с политикой отдельных стран, злоупотребляющих введением пошлин. Китай

в полном объеме выполнил обязательства по вступлению в ВТО, снизив к 2024 г. общий уровень таможенных пошлин до 7,3 процентов. Подписал 23 соглашения о свободной торговле с более чем 30 странами и регионами, объявив о предоставлении нулевых тарифов на 100 процентов товарных позиций для всех наименее развитых стран, имеющих с Китаем дипломатические отношения, а также для 53 африканских государств. Китай уже 8 раз проводил Китайскую международную выставку импорта (CIIE), общий объем заключенных на ней сделок превысил 500 млрд долларов США. Трижды организовывал Китайскую международную выставку цепочек поставок (CISCE), внося весомый вклад в поддержание стабильности глобальных производственно-сбытовых цепочек.

IV. О развитии китайско-белорусских отношений.

В настоящее время китайско-белорусские отношения динамично развиваются: всестороннее сотрудничество постоянно расширяется, механизмы взаимодействия в различных областях становятся все более совершенными, а отношения достигли своего исторического пика – уровня всепогодного и всестороннего стратегического партнерства. Особо стоит отметить, что в прошлом году обе стороны совместно вписали еще одну замечательную главу в историю дружественных отношений между двумя странами. Президент Республики Беларусь Александр Лукашенко дважды посетил Китай с визитами и провел теплые встречи с Председателем КНР Си Цзиньпином, в ходе которых были намечены новые стратегические планы по дальнейшему развитию китайско-белорусских отношений. Деловое сотрудничество между двумя странами неуклонно развивается: за прошедший год объем двусторонней торговли товарами достиг рекордного уровня в 8,86 млрд долларов США. Стороны достигли ощутимых успехов в совместном строительстве «Одного пояса и одного пути». С успехом завершились Годы сотрудничества Китая и Беларуси в области науки, технологий и инноваций, и официально был дан старт Году промышленного сотрудничества Китая и Беларуси на 2026–2027 гг. Китай и Беларусь поддерживают тесные контакты в рамках международных многосторонних структур, совмест-

но продвигая реализацию «4 глобальных инициатив» и выступая за создание Международной организации по медиации. Стороны неизменно оказывают друг другу твердую поддержку по вопросам, касающимся коренных интересов и ключевых озабоченностей каждой из сторон, совместно отстаивая международную справедливость и равноправие.

Можно сказать, что китайско-белорусские отношения демонстрируют мощную жизнеспособность и динамику, и у них блестящие перспективы развития! 2026 г. станет стартовым годом для XV пятилетки Китая, и в это же время начнет официально реализовываться программа социально-экономического развития Беларуси на 2026–2030 гг. Таким образом, китайско-белорусские отношения открывают новые возможности для развития.

Мы готовы совместно с белорусской стороной, руководствуясь важными договоренностями лидеров двух стран как основополагающим принципом, в дальнейшем укреплять политическое взаимодоверие, углублять сопряжение стратегий развития, расширять взаимовыгодное сотрудничество, активизировать гуманитарные обмены, наращивать международную координацию и совместными усилиями добиваться новых успехов в развитии китайско-белорусских отношений во благо народов обеих стран. Мы также надеемся, что присутствующие здесь участники конференции смогут активно предлагать идеи и рекомендации по развитию двусторонних отношений, оказывая этому процессу необходимую интеллектуальную поддержку.

УДК 316.422+327:338.2

Чжао Хуэйжун,
заместитель директора китайско-белорусского
аналитического центра развития
Китайской академии общественных наук,
главный научный сотрудник
Института России, Восточной Европы
и Центральной Азии Китайской академии
общественных наук

ОСОБЕННОСТИ КИТАЙСКО-БЕЛОРУССКИХ ОТНОШЕНИЙ И ПРЕДЛОЖЕНИЯ ПО ПРОДВИЖЕНИЮ ВЫСОКОКАЧЕСТВЕННОГО РАЗВИТИЯ ДВУСТОРОННЕГО СОТРУДНИЧЕСТВА

Аннотация: *в статье указаны основные особенности, характеризующие достигнутый уровень китайско-белорусских отношений и их особенности, содержатся предложения по их дальнейшему высококачественному развитию.*

Summary: *the article identifies main features characterizing Chinese-Belarusian relations level achieved and their peculiarities, and contains their further high-quality development proposals.*

***Ключевые слова*:** *стабильность, лидерская роль, флагманские проекты, институциализация, многосторонняя координация.*

Keywords: *stability, leadership role, flagship projects, institutionalization, multilateral coordination.*

Китай и Беларусь являются всепогодными всеобъемлющими стратегическими партнерами. За более чем 30 лет как Республиканский институт китаеведения имени Конфуция Белорусского государственного университета, так и Китайско-белорусский аналитический центр развития Китайской академии общественных наук внесли важный вклад в развитие двусторонних отношений.

I. Особенности китайско-белорусских отношений.

Китайско-белорусские отношения характеризуются следующими особенностями:

1. **Стабильность.** С момента установления дипломатических отношений китайско-белорусские связи развиваются стабильно

и долгосрочно. Политическое взаимодоверие прочно, общественный консенсус дружественный. Двусторонние отношения неизменно следуют по позитивному и устойчивому пути, демонстрируя высокую преемственность и предсказуемость.

2. **Лидерская роль Глав государств.** Лидеры двух стран играют ключевую стратегическую роль в развитии двусторонних отношений. Они лично определяют направления и продвигают сотрудничество, обеспечивая преемственность политики и эффективность ее реализации.

3. **Флагманские проекты-образцы.** Китайско-Белорусский индустриальный парк «Великий камень» – крупнейшая зарубежная зона экономического и торгового сотрудничества Китая. Созданный при личном участии Глав государств он стал знаковым проектом транснационального экономического сотрудничества в рамках инициативы «Один пояс и один путь».

4. **Институционализация.** Стороны создали совершенные механизмы взаимодействия, включая Межправительственный комитет по сотрудничеству и многоуровневые координационные структуры. Это обеспечивает всестороннее и институциональное взаимодействие, создавая стабильную системную основу для практического сотрудничества.

5. **Многосторонняя координация.** В рамках ООН и других многосторонних площадок обе страны разделяют схожие подходы и позиции, демонстрируя высокую степень координации и взаимной поддержки в вопросах глобального управления и международных инициатив.

6. **Образцово-показательное сотрудничество.** Беларусь выступает первопроходцем в сотрудничестве с Китаем в таких областях, как использование юаня в резервах, взаимное признание стандартов сельхозпродукции и упрощение людских обменов. Это привело к созданию ряда новаторских и показательных практических результатов.

II. Предложения по содействию высококачественному развитию двусторонних отношений следующие:

1. **Усиление стратегического лидерства глав государств.** Используя многосторонние площадки, такие как Саммит ШОС в 2026 г., содействовать встречам лидеров двух стран. Продолжать укреплять роль высокоуровневого стратегического

руководства, углублять политический диалог и стратегическое сопряжение, выявлять новые точки роста сотрудничества, расширять его глубину и широту, повышая устойчивость и уровень двустороннего взаимодействия.

2. **Повышение качества и модернизация флагманских проектов.** Придерживаться принципов совместного обсуждения и совместного строительства. Углублять коммуникацию и координацию по ключевым проектам, таким как Китайско-Белорусский индустриальный парк, планомерно решать проблемы развития, четко определять будущие направления, способствуя повышению эффективности и устойчивому развитию знаковых проектов.

3. **Повышение эффективности торгово-экономического и инвестиционного сотрудничества.** Сосредоточиться на ключевых аспектах, таких как платежные расчеты, торговое упрощение и снижение торговых издержек. Стороны могут, продвигая сотрудничество в сфере высоких технологий и крупных ключевых проектов, активно расширять взаимодействие с малыми и средними предприятиями. Опираясь на гибкость, технологическое разнообразие и адаптивность этих предприятий, учитывая особенности белорусского рынка, можно формировать здоровую модель сотрудничества, где крупные проекты задают тон, а малые и средние предприятия действуют согласованно.

4. **Углубление образовательного и гуманитарного сотрудничества.** Используя благоприятную динамику быстрого развития образовательного сотрудничества, посредством тесной коммуникации и эффективных консультаций своевременно и надлежащим образом решать технические и сопутствующие проблемы, возникающие в процессе сотрудничества. Совершенствовать программно-аппаратную поддержку и сервисное обеспечение, способствуя планомерному, упорядоченному и качественному устойчивому развитию образовательного сотрудничества.

5. **Расширение сотрудничества по всей сельскохозяйственной цепочке создания стоимости.** Углублять взаимное обучение и обмен сельскохозяйственными технологиями, совместно создавать современные сельскохозяйственные базы, повышать добавленную стоимость сельхозпродукции, развивать новые форматы, такие как агротуризм, формируя модель сотрудничества по всей

сельскохозяйственной цепочке. Дальнейшее содействие экспорту качественной белорусской сельхозпродукции в Китай и продвижению китайского сельскохозяйственного оборудования и конкурентоспособной продукции на белорусский рынок для достижения взаимной выгоды.

6. **Использование новых возможностей технологической революции для углубления инновационного сотрудничества.** Учитывая особенности эпохи ускорения нового витка технологической революции и промышленных преобразований, в полной мере использовать результаты Года китайско-белорусского научно-технического сотрудничества. Следить за тенденциями технологических итераций и промышленных изменений, активно расширять практическое сотрудничество в новых областях, таких как искусственный интеллект и цифровые технологии, чтобы инновации в науке и технике стали новой движущей силой качественного развития двусторонних отношений.

УДК 339.97

Г. В. Турбан,
заведующая кафедрой международного бизнеса БГЭУ,
кандидат экономических наук, доцент

ВЫСОКОТЕХНОЛОГИЧНОЕ, ВЫСОКОКАЧЕСТВЕННОЕ РАЗВИТИЕ КИТАЯ И ЕГО ЗНАЧЕНИЕ ДЛЯ РЕСПУБЛИКИ БЕЛАРУСЬ

Аннотация: *в статье анализируется политика Китая, направленная на высокотехнологичное высококачественное развитие, поддержка государством научно-исследовательских и опытно-конструкторских работ, определены приоритеты, стимулы и практические возможности высокотехнологичного развития в Республике Беларусь при сотрудничестве с Китаем.*

Summary: *the article analyzes China's policy aimed at high-tech, high-quality development, R&D state support, identifies priorities, incentives and practical opportunities for Belarus high-tech development in cooperation with China.*

***Ключевые слова*:** *патентные заявки, высокотехнологичное развитие, инновации.*

Keywords: *patent applications, high-tech development, innovation.*

Современный мир, для которого характерно широкое освоение передовых технологий, очень быстро меняется. Развитие процессов в мировой экономике в последние три десятилетия показывает, что, если в 90-е гг. XX-го столетия нарастали процессы глобализации, когда производства переносились на дальние расстояния и формировались новые цепочки добавленной стоимости, что создавало конкурентные преимущества странам и компаниям, то для современной мировой экономики характерна геоэкономическая фрагментация, ориентация на развитие национальных производств, в том числе высокотехнологичных.

Количественные показатели роста экономик стран уже не рассматриваются как наиболее значимые для их развития. Следует отметить, что последнее десятилетие Китай демонстрирует

не просто рост валового внутреннего продукта и экспорта, а их высококачественное развитие на основе современных технологий. Уже несколько лет КНР является лидером в мире по показателю ВВП по паритету покупательной способности (ППС), который в 2025 г. составил 37 072,1 млрд долларов США (для сравнения: вторая позиция у США со значением 29 167,8 млрд долларов США; третья – у Японии – 6 572,2 млрд долларов США; четвертая – у Германии – 6 017,2 млрд долларов США) [1].

Трансформируются и факторы, характеризующие развитие ведущих центров мировой торговли. В 1990-е гг. прошлого столетия одним из основных факторов, характеризующих роль стран в мировой экономике, была доля свободно конвертируемых валют в международных расчетах. Однако опыт Китая показал, что не столь важна доля национальной валюты в международных расчетах, сколько гибкая государственная политика регулирования внешнеторговых потоков на основе валютного курса. Важным фактором, характеризующим экономическую мощь государств, как в прошлом, так и в нынешнем столетии, является наличие у стран золотых резервов. Но ключевым фактором качественного экономического развития стран сегодня является фокусирование на высоких технологиях, для развития которых критически важны редкоземельные металлы.

За последние два десятилетия передовые технологии продемонстрировали колоссальный рост: в 2020 г. их совокупная рыночная стоимость составила 1,5 трлн долларов США, а к 2030 г. может достичь 9,5 трлн долларов США [1]. То есть всего за 10 лет ожидается рост в 6,2 раза, что эквивалентно среднегодовым темпам прироста в 20 процентов. Около половины (48,5 процента) из этой стоимости приходится на интернет вещей. Наряду с интернетом вещей к 2030 г. ожидается наибольший вклад в развитие рынка таких высоких технологий как искусственный интеллект (ИИ), электромобили, 5G и солнечные фотоэлектрические системы. В географическом разрезе Китай является одним из ведущих государств мира по поставке передовых технологий. Компании Китая является лидирующими по технологиям 5G, ИИ, солнечной энергетике, беспилотникам.

В октябре 2025 г. в Пекине состоялся IV Пленум Центрального комитета Коммунистической партии Китая (ЦК КПК) двадцатого созыва. Принятые на Пленуме установки предусматривают значительный акцент на повышении уровня научно-технической самостоятельности, создании экологически чистого государства, непрерывном улучшении качества жизни китайского народа. Реализуя инициативу «Прекрасный Китай», в стране планируется к 2035 г. достигнуть еще большей совокупной экономической, научно-технической, оборонной мощи и усилить влияние Китая на мировой арене.

О возрастании значения высокотехнологичного развития свидетельствует патентная активность стран. С 2013 г. по 2023 г. число заявок на патенты в мире увеличилось на 138,6 процента – с 2564,4 тыс. до 3556,5 тыс. единиц, на полезные модели на 319,5 процента – с 978,86 тыс. до 3127,96 тыс. единиц, на промышленные образцы на 118,4 процента – с 1286,8 тыс. до 1524,0 тыс. единиц [2]. Из 3556,5 тыс. заявок на патенты, поданных в 2023 г. новаторами всех стран мира во Всемирную организацию интеллектуальной собственности, 1652,437 тыс. или 46,5 процента приходилось на китайских заявителей (*рисунок 1*).

В 2023 г. Китай подал заявок на патенты на 103,8 процента больше, чем в 2022 г. За Китаем следуют США со значительно меньшим числом патентных заявок, в абсолютном выражении в 2023 г. их число составило 516,427 тыс. единиц, или 14,5 процента от общемирового показателя. Третья позиция по числу заявок на патенты в 2023 г. – за Японией с 417,709 тыс. единиц или долей в 11,7 процента в общемировом показателе. За десять лет с 2014 г. по 2023 г. количество заявок, поданных Китаем, увеличилось почти в два раза – с 837,357 тыс. до 1652,437 тыс. единиц (*рисунок 2*) [2].

Преимущественное большинство из поданных Китаем заявок на патенты приходилось на резидентов и только 7,9 процента или 130 145 тыс. единиц – на поданные за рубежом (*рисунок 3*). По соотношению заявок резидентов и нерезидентов, в США ситуация отличная от Китая: 242 940 тыс. заявок или 47 процентов приходилось на поданные за рубежом, как и у Японии – 188 777 тыс. заявок или 45,2 процента было подано за рубежом.

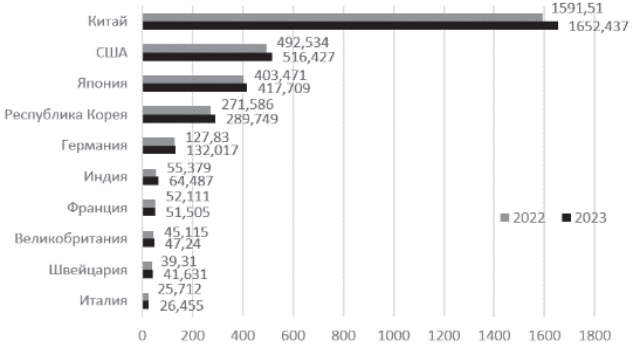

Рисунок 1. **Общее количество патентных заявок по странам происхождения заявителя, 2022–2023 гг., тыс. ед.**

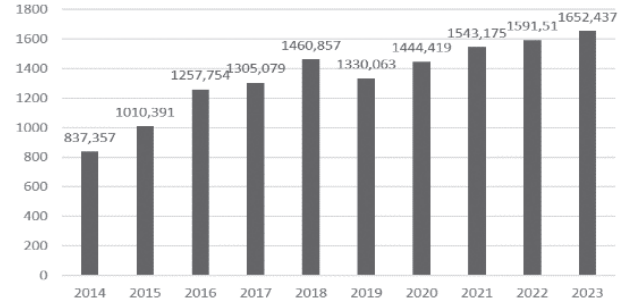

Рисунок 2. **Общее количество патентных заявок Китая, 2014–2023 гг., тыс. ед.**

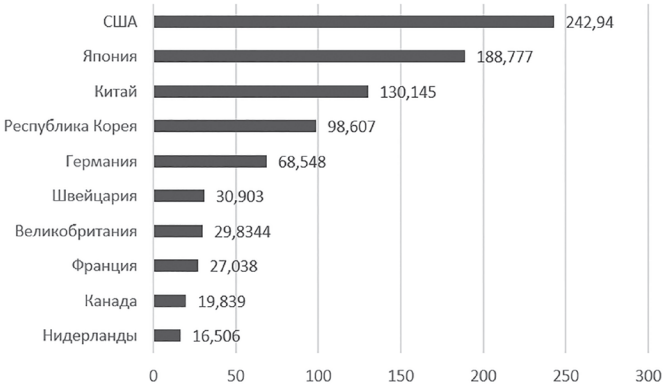

Рисунок 3. **Количество патентных заявок, поданных за рубежом в 2023 г., тыс. ед.**

Примечательно, что больше всего заявок на патенты подали компании Китая. Из лидирующей в мире первой десятки – 4 являются китайскими (*рисунок 4)*. На первом месте находится телекоммуникационная компания Huawei Technologies, подавшая в 2024 г. 6600 заявок на патенты.

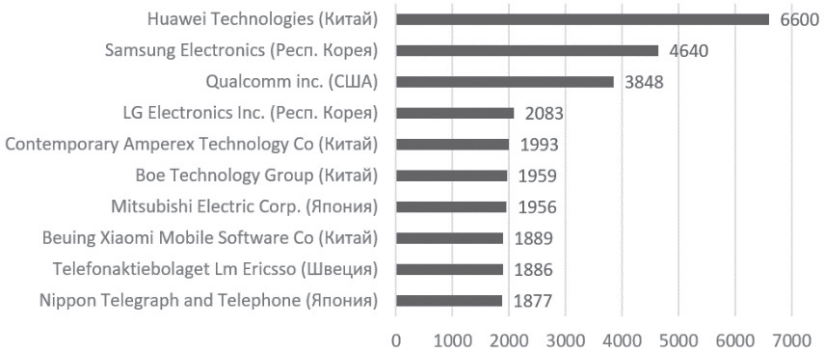

Рисунок 4. **Количество патентных заявок, поданных ведущими компаниями мира в 2024 г., ед.**

Патентная активность стран и компаний свидетельствует о развитии института интеллектуальной собственности, преследующего цель стимулирования роста национальной инновационной экономики или экономики знаний. Об ускорении темпов инновационного развития свидетельствует растущая концентрация инновационных кластеров. В Китае функционирует 24 из 100 ведущих кластеров мира [1]. Согласно принятому в Китае плану по развитию прав интеллектуальной собственности на 2021–2035 гг. к концу 2025 г. доля патентоемких и инновационных отраслей в ВВП страны составила 13 процентов. Таким образом, Китай обладают значительным потенциалом для качественного экономического развития и расширения сотрудничества с зарубежными странами.

В 2024 г. значительно возросло количество поданных заявок в Гааге на регистрацию промышленных образцов, достигнув рекордного значения в 27 161 образец, что на 6,8 процента больше, чем в 2023 г. Крупнейшими пользователями международ-

ной Гаагской системы стали заявители из Китая (4870 заявок) (*рисунок 5*). Заявители из Китая в 2024 г. подали заявки на регистрацию промышленных образцов в основном в области ИКТ и аудиовизуала.

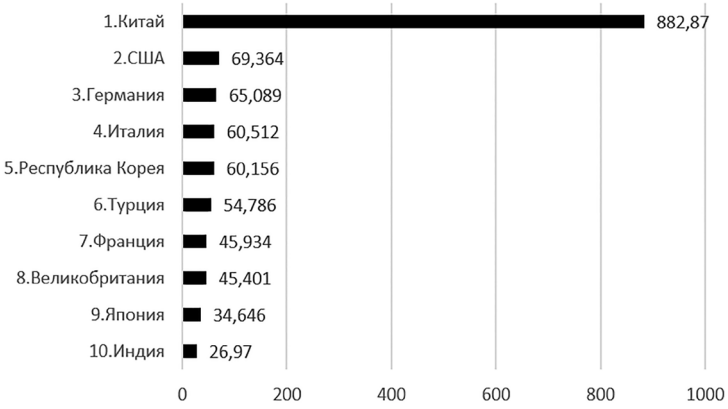

Рисунок 5. **Общее количество заявок на регистрацию промышленных образцов по странам происхождения заявителя в 2024 г., тыс. ед.**

Новейшие знания и технологии в современных условиях становятся важным ресурсом экономического развития как в целом стран, так и отдельных предприятий. Их развитие в значительной степени определяется расходами на научно-исследовательские и опытно-конструкторские разработки (НИОКР). Данные Всемирной организации интеллектуальной собственности свидетельствуют, что в последние десятилетия расходы на НИОКР в международной практике значительно увеличились. Если в 2000 г. они составляли 1 трлн долларов США, то в 2024 г. возросли почти в 2,8 раза – до 2,75 трлн долларов США [2]. В 2024 г. расходы Китая на НИОКР составили 510 млрд. долларов США. Среди компаний-мировых лидеров в 2024 г. наибольшие расходы на исследования и разработки были у:

- Amazon – 88,6 млрд долларов США;
- Apple – 31,4 млрд долларов США;

• Huawei – 30,5 млрд долларов США;

• Microsoft – 29,5 млрд долларов США [2].

Именно компании Китая и США в наибольшей степени инвестируют в научные исследования.

Значительное внимание высокотехнологичному развитию придается и в Республике Беларусь. На начало 2025 г. в республике насчитывается «23 юридических лица в качестве субъектов инновационной инфраструктуры, из них 16 научно-технологических парков и 5 центров трансфера технологий, Белорусский инновационный фонд и национальный центр интеллектуальной собственности» [3]. По результатам последней версии рейтинга «Глобальный инновационный индекс-2024» Республика Беларусь занимает 85-е место среди 133 стран мира. Примерами высокотехнологичных производств в Республике Беларусь являются ОАО «Интеграл» – производитель интегральных схем и жидкокристалических индикаторов, ОАО «БелОМО» – лидер оптико-электронного приборостроения, ОАО Рогачевский завод «Диапроектор» – лидер оптического приборостроения, ОАО «Планар» – электронное машиностроение, УП «Адани» – рентгеновское оборудование, УП «АтомТех» – радиационный контроль, а также многие другие.

Уже более 3 лет как Китай является для Беларуси вторым партнером по показателям объема внешнеторгового оборота. Сложившиеся дружеские отношения стран и созданный в Республике Беларусь инвестиционный климат выступают факторами, способствующими расширению сотрудничества в области высоких технологий.

В Республике Беларусь создана система мер поддержки экономического развития, в том числе высокотехнологичных производств, включающая:

• межотраслевые меры поддержки (инвестиционный договор (для крупных инвесторов); специальный инвестиционный договор (импортозамещение); преференциальный инвестиционный проект; освобождение от НДС при ввозе технологического оборудования; стимулирование создания инфраструктуры;

концессионный договор; соглашение о государственно-частном партнерстве;

• инвестиционные преференциальные режимы (свободные экономические зоны; Индустриальный парк «Великий камень»; особая экономическая зона «Бремино-Орша»; парк высоких технологий; научно-технологические парки);

• развитие бизнеса в регионах (малые и средние города, сельская местность; Юго-Восточный регион).

В республике успешно реализуется проект развития особой экономической зоны – Китайско-Белорусский индустриальный парк «Великий камень», который предполагает создание принципиально новых производств, высокотехнологичных продуктов. Технопарки также являются важными структурами в инновационном развитии республики. Для субъектов хозяйствования, осуществляющих деятельность в таких структурах, предусмотрена система льгот: снижение налога на прибыль до 10 процентов (при 20 процентах по республике), полное освобождение от уплаты налогов на недвижимость и землю, существенное понижение коэффициентов арендных ставок, а для резидентов научно-технологических парков областных городов Брест, Витебск, Гомель, Могилев, а также города районного значения Горки – полное освобождение от уплаты налогов и сборов в местные бюджеты.

Приоритетными инновационными сферами для инвестирования в Республике Беларусь являются:

• искусственный интеллект (ИИ);
• микроэлектроника и приборостроение;
• биотехнологии;
• робототехника;
• аддитивные технологии;
• новые материалы;
• беспилотные системы.

Исследование в области высокотехнологичного развития как Китая, так и Беларуси свидетельствует о возможности расширения кооперации стран, в том числе на условиях взаимодополняемости. При этом инновационная политика государства

играет решающую роль в создании благоприятной среды для технологического прогресса, стимулировании научных исследований и внедрении новых технологий в производство.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. Global trade outlook and statistics. Update: October 2025. World Trade Organization. – URL: https://www.wto-ilibrary.org/content/books/9789287075024 (date of access: 08.02.2026).

2. WIPO IP Statistics Data Center. – URL: https://www3.wipo.int/ipstats/keysearch/search-result?typ-e=KEY&key=221 (date of access: 28.01.2026).

3. Инновационная инфраструктура. – URL: http://www.belisa.org.by/ru/nis/innovac_infrastr/ (дата обращения: 14.02.2026).

УДК 339.97

Чэнь Чжэнь,
доцент экономического факультета
Даляньского политехнического университета,
доктор экономики

ОСНОВНОЕ СОДЕРЖАНИЕ И ПЕРСПЕКТИВЫ РЕАЛИЗАЦИИ КИТАЙСКО-БЕЛОРУССКОГО МЕЖПРАВИТЕЛЬСТВЕННОГО СОГЛАШЕНИЯ О ТОРГОВЛЕ УСЛУГАМИ И ОСУЩЕСТВЛЕНИИ ИНВЕСТИЦИЙ

Аннотация: *в статье анализируются возможности углубления торгово-экономического сотрудничества Китая и Беларуси со вступлением в юридическую силу «Соглашения между Правительством Китайской Народной Республики и Республики Беларусь о торговле услугами и осуществлении инвестиций» от 22 августа 2024 г.*

Summary: *the article contains the analysis of Chinese – Belarusian deepening trade and economic cooperation possibilities after entry into force of the Agreement between the Government of the People's Republic of China and the Republic of Belarus on Trade in Services and Investments dated August 22, 2024.*

Ключевые слова: *расширение доступа к рынку и снижение торговых барьеров, большая степень открытости, стабильное и долгосрочное развитие торговли услугами.*

Keywords: *expanding market access and reducing trade barriers, greater openness, stable & long-term services trade development.*

1 января 2026 г. официально вступило в силу «Соглашение между Правительством Республики Беларусь и Правительством Китайской Народной Республики о торговле услугами и осуществлении инвестиций», которое, несомненно, окажет глубокое влияние на экономическое и торговое сотрудничество наших стран. Поэтому я хотел бы поделиться с вами своим пониманием этого документа, рассмотрев в данной статье три основных вопроса.

Во-первых, основное содержание Соглашения.

Во-вторых, возможности для развития, которые оно открывает.

В-третьих, то, как сделать его реализацию более эффективной.

Соглашение было официально подписано в Минске 22 августа 2024 г. Основная цель Соглашения – установление системы принципов и правил торговли услугами и осуществления инвестиций между двумя странами. Это первое подобное соглашение Китая и Беларуси, создающее условия для взаимовыгодного сотрудничества такого рода на высоком уровне.

Соглашение состоит из преамбулы, десяти глав и трех приложений. Особое внимание следует обратить на главу 2 и главу 3, а также на отдельные положения последующих глав. В частности, в сфере торговли услугами Китай и Беларусь определили так называемый «позитивный перечень» из 7 ключевых секторов услуг, для которых установлены обязательства сторон и правила регулирования торговли. К этим секторам относятся такие сферы услуг, как телекоммуникации, транспорт и логистика, финансы, почтовые и курьерские услуги, здравоохранение, туризм, а также компьютерные услуги. Соглашение расширяет доступ к рынку и снижает торговые барьеры в этих секторах, создавая благоприятные условия для развития торговли услугами.

В осуществлении инвестиций стороны достигли высокого уровня открытости для капиталовложений в сектора, не относящиеся к сфере услуг, при этом обеспечивая условия национального режима на этапе, предшествующем доступу на рынок, в сочетании с так называемым «негативным перечнем» Китая, инвестирование в сферы которого не приветствуются. Соглашение включает высокие стандарты защиты инвестиций. Это самый либеральный инвестиционный договор, подписанный Китаем с каким-либо из государств на сегодняшний день.

В соответствии с предыдущими соглашениями, в сельском хозяйстве и обрабатывающей промышленности лишь небольшое количество секторов остается закрытыми. Во всех остальных секторах мы приветствуем инвестиции. Это означает, что белорусские предприятия могут инвестировать в эти отрасли в Китае, а китайские – в Беларуси. Таким образом, уровень открытости значительно вырос.

Соглашение также устанавливает правила в отношении временного перемещения физических лиц, электронной коммерции, защиты интеллектуальной собственности, регулирования конкуренции, поддержки малых и средних предприятий, а также урегу-

лирования споров. Эти нормы чрезвычайно важны для оптимизации делового климата между Китаем и Беларусью. Они призваны способствовать устойчивому росту двусторонней торговли услугами и активизации инвестиций.

Какие же возможности открывает вступление Соглашения в силу для китайских и белорусских компаний? Во-первых, оно сокращает число барьеров в торговле услугами и осуществлении инвестиций. Во-вторых, оно устанавливает надежные правила их защиты. В-третьих, оно предусматривает большую степень открытости в 7 упомянутых секторах услуг и, в-четвертых, укрепляет сотрудничество между нашими странами в области надзора и управления.

Все эти меры создают для предприятий и инвесторов обеих стран более стабильную, прозрачную и предсказуемую деловую среду. Можно с уверенностью сказать, что вступление Соглашения в силу значительно активизирует двустороннюю торговлю услугами и двусторонние инвестиции.

Если рассматривать конкретные перспективы, то после вступления Соглашения в силу широкие возможности для развития открываются в следующих секторах.

Для китайского бизнеса в Беларуси это сельское хозяйство и переработка сырья для пищевой промышленности, производство высококачественного оборудования, цифровая экономика и телекоммуникационные услуги, финансовые услуги и трансграничные платежи, туризм и здравоохранение.

Для белорусского бизнеса в Китае открываются перспективы сотрудничества и развития в сельском хозяйстве, пищевой промышленности, высокотехнологичном производстве, технологическом сотрудничестве, инновациях, цифровой экономике, логистике и управлении трансграничными цепочками поставок, а также в сфере образовательных и культурных услуг.

Каким образом обеспечить эффективную реализацию потенциала Соглашения? Здесь можно выделить 3 аспекта.

Прежде всего, необходимо дальнейшее повышение роли Китайско-Белорусского индустриального парка «Великий камень» как платформы для открытого сотрудничества. Еще до подписания Соглашения Индустриальный парк «Великий камень» достиг высокого уровня развития и имеет большое число резидентов

из разных стран. Новое Соглашение открывает для индустриального парка «Великий камень» широкие перспективы, позволяя более эффективно реализовать его функции, создает новые возможности не только для Китая и Беларуси, но и для компаний из других государств. Поэтому необходимо продолжать работу по развитию Китайско-Белорусского индустриального парка «Великий камень».

Во-вторых, Соглашение недавно вступило в силу, и многие государственные органы, а также компании в Китае и Беларуси еще недостаточно знакомы с его положениями и не знают, как воспользоваться предоставленными возможностями. Поэтому крайне важно организовать обучение и информационно-разъяснительную работу по данному Соглашению, ориентированную на профильные государственные ведомства и компании, занимающиеся торговлей услугами и осуществлением инвестиций. Разъяснить суть документа и научить эффективно использовать предоставленные возможности – это, на наш взгляд, задача первостепенной важности.

И наконец, необходимо проводить совместные исследования для оценки влияния Соглашения на рынки обеих стран и на деятельность компаний. Мы должны своевременно выявлять возникающие проблемы и принимать меры для их решения. В будущем это позволит вносить правки и дополнения в текст Соглашения, обеспечивая его соответствие актуальным задачам сотрудничества. Такой подход позволит гарантировать стабильное и долгосрочное развитие торговли услугами и осуществление инвестиций между нашими странами.

УДК 338; 001.895 (510)

Е. Л. Давыденко,
профессор кафедры
международных экономических отношений
факультета международных отношений БГУ,
доктор экономических наук, профессор

КИТАЙСКИЙ ОПЫТ ИННОВАЦИОННОГО РАЗВИТИЯ НА СОВРЕМЕННОМ ЭТАПЕ: ПРОБЛЕМЫ, ВЫЗОВЫ И ПЕРСПЕКТИВЫ ЕГО ИСПОЛЬЗОВАНИЯ В РЕСПУБЛИКЕ БЕЛАРУСЬ

Аннотация: *в статье анализируется политика Китая, направленная на развитие мощной инновационной экономики, представлен опыт реализации инновационной политики, определены существующие вызовы и барьеры на пути технологического развития страны и содержатся рекомендации по адаптации данного опыта в условиях Республики Беларусь.*

Summary: *the article contains analysis of China's policy aimed at developing a powerful innovative economy, the experience of implementing innovation policy presentation, existing challenges and barriers to the country's technological development identification as well as recommendations to accommodate the experience in the Republic of Belarus.*

Ключевые слова: *лидер в области инноваций и технологий, развитие «национальных приоритетных проектов», формирование самодостаточной технологической базы, возможности адаптации китайского опыта инновационного развития.*

Keywords: *the leader in the field of innovation & technology, «national priority projects» development, self-sufficient technological base formation, opportunities for adopting Chinese experience in innovative development.*

Китайская Народная Республика в настоящее время выступает в роли одного из мировых лидеров в области инноваций и технологий. За относительно короткий исторический период Китай сумел совершить впечатляющий переход от роли «мировой фабрики», основанной на дешевой рабочей силе, к статусу мощной инновационной экономики, определяющей глобальные тренды в таких сферах, как искусственный интеллект, робототехника, телекоммуникации, «зеленая» энергетика и электротранспорт.

Этот успех является прямым результатом последовательной и целенаправленной государственной политики, основанной на стратегическом планировании, масштабных инвестициях в научно-исследовательские и опытно-конструкторские работы (НИОКР) и создании эффективной национальной инновационной системы.

Изучение китайского опыта представляет значительный теоретический и практический интерес, особенно для стран, находящихся на пути формирования собственной модели инновационного развития, таких как Республика Беларусь. Анализ факторов, механизмов и результатов инновационной политики КНР позволяет выявить универсальные принципы и адаптируемые инструменты, которые могут быть применены в других национальных контекстах, в том числе к условиям белорусской модели экономического развития.

Актуальность темы исследования инновационного развития национальных экономик обусловлена и тем, что в 2025 г. Нобелевскую премию по экономике разделили трое ученых – Джоэль Мокир, Филипп Агион и Питер Ховитт за объяснение экономического роста, основанного на инновациях. Джоэль Мокир (Северо-Западный университет, США) получил половину премии за установление предварительных условий для устойчивого роста через технологический прогресс. Его работы показывают, как культурные и институциональные условия способствуют обмену знаниями и инновациям, что, в свою очередь, ведет к экономическому росту.

Филипп Агион (Коллеж де Франс и Лондонская школа экономики) и Питер Ховитт (Университет Брауна, США) разделили вторую половину премии за теорию устойчивого роста через креативное разрушение. Их исследования объясняют, как инновации могут приводить к замене устаревших технологий и продуктов новыми, что способствует экономическому прогрессу.

Работы Нобелевских лауреатов подчеркивают важность инноваций для долгосрочного экономического роста и показывают, как они могут помочь странам выйти из бедности и достичь процветания. Нобелевская премия по экономике 2025 г. акцентирует внимание на том, что качество институтов и культурные факторы играют ключевую роль в стимулировании инноваций и экономического развития.

Китайский опыт инновационного развития.

Становление системы инновационного развития с начала 2000-х гг. ознаменовалось качественно новым этапом в эволюции стратегического планирования, начавшимся с вступления Китая в ВТО в 2001 г. и принятия в 2006 г. «Средне- и долгосрочного плана развития науки и технологий на 2006–2020 гг.» [1]. Этот программный документ установил амбициозные целевые показатели по увеличению внутренних затрат на НИОКР до 2,5 процента ВВП, снижению зависимости от иностранных технологий ниже 30 процентов, вхождению в пятерку мировых лидеров по количеству патентных заявок и созданию национальной инновационной системы. Особое внимание уделялось развитию «национальных приоритетных проектов» в таких областях, как микроэлектроника, биотехнологии, новые материалы и освоение космоса.

В этот период началось активное формирование технопарков и зон высоких технологий, наиболее известными из которых стали Чжунгуаньцунь в г. Пекине и Чжанцзян в г. Шанхай, а также г. Шэньчжэнь в провинции Гуандун – крупнейший центр инноваций Китая, который известен как «Силиконовая долина Востока». Последний лидирует в производстве электроники, дронов (выпускает каждый третий дрон в мире), телекоммуникаций, являясь хабом для стартапов и гигантов вроде Huawei, Tencent, DJI, ZTE. В г. Шэньчжэне насчитывается более 2600 компаний, работающих в сфере ИИ, включая 6 компаний-единорогов. В области робототехники насчитывается 34 компании, из них – 9 единороги, что демонстрирует постоянный рост инновационной активности.

В 2015 г. была принята программа «Сделано в Китае 2025», ставшая краеугольным камнем нового этапа технологической модернизации**.** Программа предусматривала развитие 10 ключевых секторов, включая новые информационные технологии, высокоточные станки и робототехнику, аэрокосмическое оборудование, современное железнодорожное оборудование, энергосберегающие автомобили и новые материалы. Этот программный документ ставил задачу уменьшения зависимости страны от иностранных технологий и превращения Китая из «мировой фабрики» в мировой центр инноваций.

Современный этап технологического суверенитета (2016 г. – настоящее время) характеризуется усилением внимания к вопросам технологической независимости и национальной безопасности. Принятие «Программы развития искусственного интеллекта нового поколения» в 2017 г. обозначило перенос фокуса внимания на сквозные технологии. Ключевыми направлениями стали искусственный интеллект и машинное обучение, квантовые вычисления и коммуникации, полупроводниковая промышленность, биотехнологии и генная инженерия, новые энергетические технологии. Особое значение имело объявление в 2020 г. стратегии «двойной циркуляции», направленной на сбалансированное развитие внутреннего рынка и внешнеэкономических связей. В рамках этой стратегии акцент сместился на формирование самодостаточной технологической базы, развитие внутреннего потребительского рынка, повышение конкурентоспособности на глобальных рынках и обеспечение безопасности цепочек поставок.

Реализация последовательной стратегии планирования позволила Китаю достичь значительных успехов, включая подъем в Глобальном инновационном индексе с 29-го места в 2015 г. до 10-го в 2025 г. (*рисунок 1*).

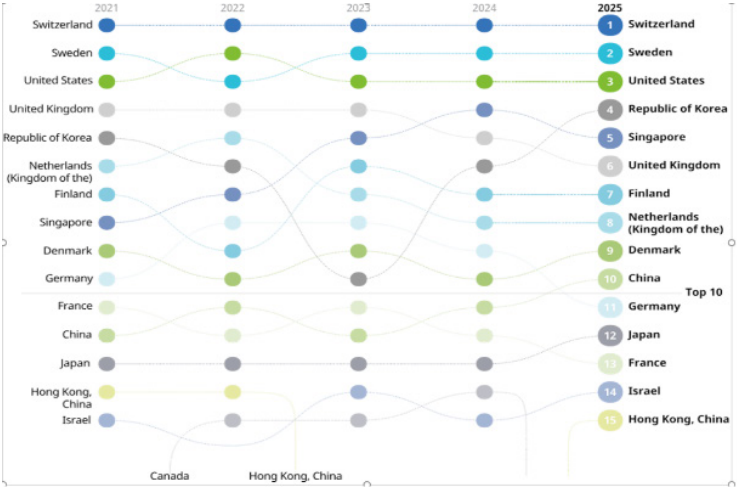

Рисунок 1. **Топ 15 лучших новаторов в 2021–2025 гг.**
Источник: [3, с. 55].

Данная траектория свидетельствует о системной эффективности проводимой государственной политики в области научно-технического развития и инноваций. Следует отметить, что последовательный рост конкурентоспособности на фоне традиционных технологических лидеров также подчеркивает успешность стратегии, направленной на наращивание научно-технического потенциала. Сочетание государственного регулирования с рыночными механизмами и стратегической гибкости с преемственностью курса позволило стране осуществить беспрецедентный технологический рывок и занять ведущие позиции в глобальной экономике знаний (*рисунок 2*).

Economy	Overall GII	Insti-tutions	Human capital and research	Infra-structure	Market sophist-ication	Business sophist-ication	Knowledge and technology outputs
Switzerland	1	3	6	5	3	5	2
Sweden	2	12	3	4	9	2	4
United States	3	16	13	32	1	1	3
Republic of Korea	4	20	1	7	5	4	9
Singapore	5	1	2	19	6	3	7
United Kingdom	6	25	7	23	4	17	5
Finland	7	5	5	3	11	12	8
Netherlands (Kingdom of the)	8	11	14	30	12	7	10
Denmark	9	2	11	8	16	11	13
China	10	44	20	6	13	8	1

Рисунок 2. **Рейтинг ГИИ в целом и по направлению инноваций, 2025 г.**
Источник: [3, с. 55].

Внутренние и внешние вызовы технологическому развитию КНР.

Внутренние и внешние вызовы, формирующие направления технологического развития Китая, представляют собой разноплановые и системно взаимосвязанные процессы, которые определяют стратегическую самостоятельность и конкурентоспособность страны на глобальной арене. На современном этапе **цифровая экономика** стала основным драйвером роста китайской экономики: за период с 2012 по 2023 гг. ее средний ежегодный темп

прироста составил 15,9 процента, а объем вырос в 3,8 раза – с 11,2 трлн юаней до 53,9 трлн юаней в 2023 г. В результате доля цифровой экономики в ВВП стабильно увеличивается и приближается к 50 процентам, что свидетельствует о полномасштабной переходе в фазу высокотехнологического развития, где инновации становятся локомотивом внутреннего роста [4]. Такие показатели демонстрируют, что Китай не только догнал западных технологических лидеров, но и ***сформировал собственные прорывные решения, определяющие новые глобальные стандарты: электромобили, дроны, 5G, квантовые технологии, высокоскоростные железные дороги – все это стало результатом системной государственной политики и активных инвестиций*** (*рисунок 3*).

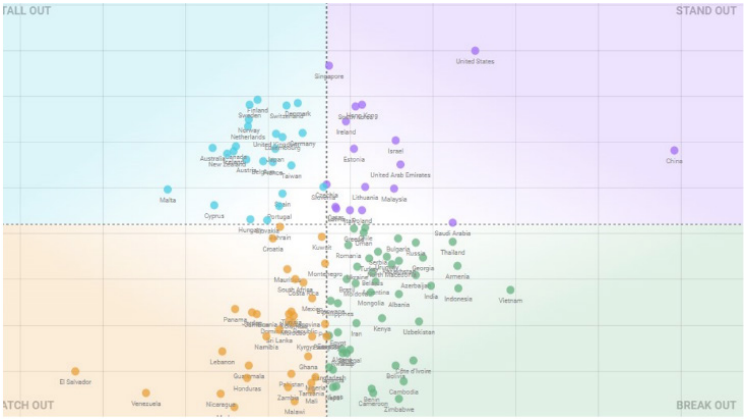

Рисунок 3. **Индекс цифровой эволюции 2025 г.**
Источник: [5, p.9].

Внешние вызовы связаны главным образом с ограничительным давлением со стороны США и их союзников, что вынудило Китай переориентироваться на создание замкнутых, самодостаточных технологических систем. В условиях санкций и запретов на использование иностранного оборудования и программного обеспечения Китай активизировал развитие собственной инфраструктуры и технологий, реализуя двухуровневую модель: внутренний – укрепление национальных предприятий и контроль за технологиями, и внешний – использование гибридных схем

для выхода на международный рынок через создание инновационных кластеров в разных юрисдикциях и экосистем стартапов, ориентированных на глобальную экспансию. Важным элементом этой стратегии стала инициатива «Маленькие гиганты», рассчитанная на выращивание к 2025 г. около 10 000 технологических предприятий среднего и малого бизнеса, способных конкурировать на международном уровне.

Внутренний вызов – это прежде всего кадровый фактор. В условиях стареющего населения и нехватки опытных специалистов особенно остро стоит вопрос сохранения и развития квалифицированных кадров. Китай сталкивается с проблемой замещения опытных инженеров и ученых молодыми специалистами, что сдерживает долгосрочные инновационные проекты. Также наблюдается тенденция к профессиональной дискриминации в части возрастных ограничений, что затрудняет привлечение и удержание специалистов старше 35 лет. С учетом данных вызовов реализуется политика по развитию STEM-образования, а также созданию условий для привлечения молодых талантов через грантовые программы, поддержку стартапов и создание индустриальных хабов.

В результате интенсивного роста китайской экономики накапливаются новые уязвимости. Главнейшая проблема – экстремальное энергопотребление в масштабных вычислительных и инфраструктурных проектах, которые требуют больших ресурсов, что вызывает опасения относительно устойчивости энергетической системы и необходимости перехода к «зеленым» технологиям. В условиях дефицита ресурсов и необходимости обеспечения энергетической безопасности внутренние ограничения могут стать критическими для реализации амбициозных целей по развитию ИИ и цифровых платформ. Для преодоления данных уязвимостей Китай инвестирует в возобновляемую энергетику и уверенно занимает ведущие позиции в глобальном энергетическом переходе, демонстрируя масштабные достижения в области возобновляемых источников энергии и инновационных технологий: он обеспечивает более половины глобального роста в солнечной и ветровой энергетике, инвестируя около двух третей от общего глобального объема – 2,1 трлн долларов США в 2024 г. (*рисунок 4*).

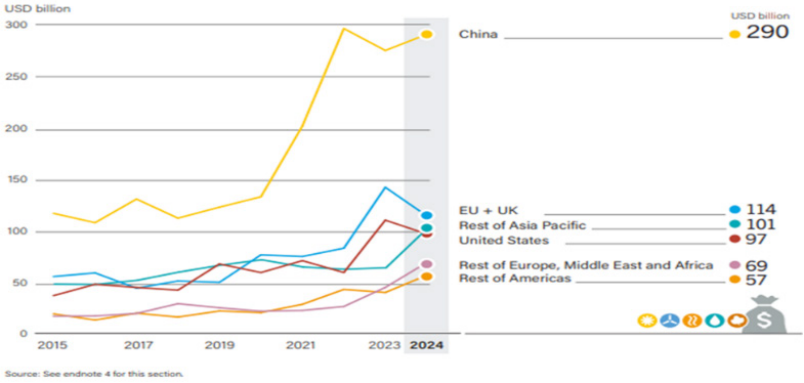

Рисунок 4. **Глобальные инвестиции в возобновляемые источники энергии и виды топлива в разбивке по странам и регионам, 2015–2024 гг.**
Источник: [6, с.30].

Только на его долю приходится 290 млрд долларов США, что более чем в два раза превышает объем инвестиций следующего за ним региона – Европейского союза и Великобритании (114 млрд долларов США), но и практически равна совокупным инвестициям 3 следующих за Китаем крупнейших мировых субъектов: ЕС с Великобританией, остальных стран Азиатско-Тихоокеанского региона (101 млрд долларов США) и США (97 млрд долларов США) [6]. Такой масштаб инвестиций позволяет стране достигать и превосходить запланированные показатели по новым мощностям, выполняя и даже перевыполняя свои планы по достижениям в области солнечных и ветровых электростанций.

Перспективы дальнейшего развития КНР и возможности адаптации китайского опыта инновационного развития для Республики Беларусь.

Перспективы дальнейшего стратегического развития Китая до 2049 г. предполагают реализацию масштабных целей по укреплению национальной безопасности, технологической самостоятельности и международного влияния. Экономическая стратегия Китая ориентируется на переход к технологии **высокого качества развития**, завершение процесса «модернизации китайского типа» к 2049 г., что предусматривает укрепление внутреннего потребления, развитие инновационного потенциала и устранение структурных диспропорций.

Несмотря на системные внутренние препятствия, такие как старение населения, снижение доли частного потребления и ограниченность природных ресурсов, аналитики Института Китая и современной Азии РАН сходятся во мнении о значительном экономическом потенциале страны. Важнейшей задачей является создание условий для роста научно-технического потенциала и внедрения инновационных технологий, включая искусственный интеллект, квантовые вычисления, био- и нанотехнологии, защиту интеллектуальной собственности и развитие собственных продуктовых цепочек, что позволит снизить зависимость от иностранных технологий.

Планируемая модернизация предполагает достижение технологической автономии с использованием системного подхода, охватывающего инфраструктуру, нормативно-правовую базу и кадровую подготовку. Согласно одному из сценариев, к 2030 г. Китай может создать конкурентоспособные аналоги критически важных технологий, таких как чипы, системы программного обеспечения и коммуникационное оборудование, что позволит сформировать замкнутый цикл «данные – вычисления – алгоритмы» и обеспечить внутренний рынок объемом в несколько трлн долларов США. Это сделает КНР самодостаточным технологическим игроком, способным конкурировать с ведущими мировыми центрами инноваций, а также предложить альтернативные стандарты и технологические экосистемы.

Практические рекомендации для адаптации китайского опыта инновационного развития в Беларуси подготовлены совместно с китайским аспирантом Су Цяном, который успешно защитил кандидатскую диссертацию в 2025 г. в БГЭУ, получил степень доктора философии в области экономики и в настоящее время работает ведущим научным сотрудником исследовательского центра стратегического развития Харбинского института технологий. В качестве пожеланий и рекомендаций сформулировали следующие положения:

• дальнейшее развитие инновационной инфраструктуры, повышение результативности функционирования технопарков, научных центров и промышленных кластеров, создание сети отраслевых лабораторий в области искусственного интеллекта (в Китае в настоящее время действует более 500 таких лабораторий),

объединяющих ученых, предпринимателей и инженеров и государственных служащих для обмена знаниями и совместной работы, т. е. реализовывать концепцию тройной спирали Генри Ицковича, в котором 3 действующих субъекта – бизнес, университеты и государство перенимают черты друг друга и эффективно друг с другом взаимодействуют, формируя устойчивую инновационную экосистему;

• совершенствование механизма государственной поддержки через предоставление грантов, субсидий и льготное кредитование, что будет способствовать развитию высокотехнологичных предприятий и стартапов, центров исследовательских талантов, специализирующихся на конкретных цифровых технологиях (большие данные, искусственный интеллект, интернет вещей, блокчейн и др.), повышая доступность финансирования и создавая доверие через защиту интеллектуальной собственности. Современная система защиты прав на интеллектуальную собственность должна быть усовершенствована, внедряя современные патентные системы и базы данных инновационной информации;

• обновление образовательных программ с акцентом на развитие науки, технологий, инноваций и предпринимательства. Создание совместных программ с зарубежными вузами, в частности с китайскими, в области информационных технологий, искусственного интеллекта, больших данных и др.), направление белорусских студентов на обучение в вузы КНР, специализирующиеся на цифровых технологиях;

• развитие международного сотрудничество, включая участие в глобальных научных проектах, обмен технологиями и привлечение иностранных инвестиций. Участие в совместных исследованиях с китайскими учеными и специалистами и внедрение проверенных практик ускорят технологический прогресс и повысят конкурентоспособность страны;

• поддержка молодых предпринимателей, создание бизнес-инкубаторов, акселерационных программ и венчурных фондов для появления новых технологий и решений. Венчурное финансирование в Республике Беларусь рекомендуется осуществлять через специализированный институт развития в форме Фонда фондов, который будет функционировать в качестве основного инвестора в отраслевых и региональных фондах, создаваемых с участием

государства. Фонд фондов целесообразно создать на базе Банка развития Республики Беларусь, обладающего достаточными административными ресурсами и полномочиями для решения проблем, возникающих в процессе развития венчурной индустрии. Дополнительно предлагается применять 4 вида корпоративных венчурных фондов: 1) корпоративный венчурный фонд отдельных ИТ-компаний с белорусским капиталом; 2) корпоративный венчурный фонд технопарка, функционирующий как независимый бизнес; 3) корпоративный венчурный фонд с китайским капиталом; 4) совместный венчурный фонд, управляемый китайскими и белорусскими ИТ-компаниями.

Особый интерес для Беларуси представляет адаптация китайского опыта целевой поддержки малого и среднего технологического бизнеса, в частности, программы «Маленькие гиганты». В отличие от широкой поддержки стартапов вообще, данная программа фокусируется на целенаправленном выявлении и выращивании высокоспециализированных предприятий, которые занимают нишевые рынки в критически важных отраслях, обладают собственными патентами и имеют потенциал стать лидерами в своих узких сегментах.

Адаптация этого подхода для Беларуси могла бы заключаться в целенаправленном выявлении уже существующих малых и средних предприятий с высоким технологическим потенциалом в приоритетных для страны сферах, таких как оптоэлектроника, фармацевтические субстанции или специализированное программное обеспечение. Таким компаниям-«гигантам» можно было бы предоставлять не разрозненные гранты, а комплекс мер поддержки «под ключ» – от льготного кредитования под конкретные НИОКР и налоговых каникул до административного содействия и обеспечения доступа к инфраструктуре госкомпаний для тестирования продуктов.

Ключевым элементом успеха является создание системы, при которой крупные государственные и частные холдинги формируют стабильные заказы для таких «гигантов», обеспечивая им не только финансирование, но и главное – рынок сбыта и обратную связь. Такой сфокусированный подход позволил бы не распылять ограниченные ресурсы, а целенаправленно выращивать национальных технологических лидеров, способных занять

прочные позиции в глобальных цепочках создания стоимости и обеспечить импортозамещение в самых уязвимых областях.

Для обеспечения полномасштабного участия Республики Беларусь в реализации концепции «Цифрового Шелкового пути» целесообразно привлекать китайских инвесторов к строительству современной ИКТ-инфраструктуры, а также сформировать совместную сеть центров обработки данных для обслуживания заказчиков из других стран – участниц «Цифрового Шелкового пути», которые не имеют соответствующей инфраструктуры и специалистов. Актуальна подготовка студентов в области цифровых технологий в КНР, открытия магистерских программ в БГУ, БГУИР на основе учебных планов, разработанных китайскими и белорусскими специалистами (с учетом потребностей китайского и белорусского рынков) в высококачественных специалистах в области цифровой экономики.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. Инновационное развитие КНР // КиберЛенинка. – URL: https://cyberleninka.ru/article/-n/innovat-sionnoe-razvitie-knr/viewer (дата обращения: 10.12.2025).

2. Стратегия развития больших данных в Китае. – URL: https://mgimo.ru/upload/iblock/522/ed8xn1kq6rg7ffp8z-83iifh692z3qhfw/ (дата обращения: 01.12.2025).

3. Global Innovation Index 2025: Results. – URL: https://www.wipo.int/web-publications/global-innovation-index-2025/en/gii-2025-results.html (date of access^ 01.02.2026).

УДК 327: 339.9

Шао Наньси,
директор Центра изучения Беларуси
Сычуаньского университета иностранных языков,
профессор

ИССЛЕДОВАНИЕ МЕХАНИЗМОВ МЕЖРЕГИОНАЛЬНОГО СОТРУДНИЧЕСТВА МЕЖДУ КИТАЕМ И БЕЛАРУСЬЮ

Аннотация: *в статье рассматриваются механизмы межрегионального сотрудничества Китайской Народной Республики и Республики Беларусь на примере четырех основных сфер сотрудничества г. Чунцина и Беларуси в 2021–2025 гг.*

Summary: *the article highlights the mechanisms of interregional cooperation between the People's Republic of China and the Republic of Belarus, using the example of four key areas of cooperation between Chongqing and Belarus during 2021–2025.*

Ключевые слова: *Беларусь, Чунцин, региональное сотрудничество, Китайско-Белорусский индустриальный парк «Великий Камень», железнодорожный коридор «Чунцин – Синьцзян – Европа», взаимодополняемость и взаимная выгода.*

Keywords: *Belarus, Chongqing, regional cooperation, the China-Belarus Industrial Park Great Stone; the Chongqing – Xinjiang – Europe railway corridor; complementarity and mutual benefit.*

В 2021 г. состоялось открытие Генерального консульства Республики Беларусь в г. Чунцине, ставшего центральным узлом обмена и сотрудничества между Беларусью и Юго-Западным Китаем. В настоящее время Генконсульство, руководствуясь всеобъемлющим стратегическим партнерством между Китаем и Беларусью, выполняет ведущую роль как «связующее звено и окно», содействуя «углубленной стыковке» между г. Чунцин и Беларусью в сферах экономики и торговли, логистики, промышленности, образования и научных исследований, гуманитарных обменов, постепенно формируя многоуровневую структуру сотрудничества. Вступление в силу «Соглашения между Правительством Республики Беларусь и Правительством Китайской Народной Республики о торговле

услугами и осуществлении инвестиций», запуск «Года промышленной кооперации между Китаем и Беларусью», расширение Китайско-Белорусского индустриального парка «Великий Камень» и углубление сотрудничества в рамках Шанхайской организации сотрудничества в 2026 г. создают надежные институциональные предпосылки для развития регионального взаимодействия.

Взаимосвязанность экономики, торговли и логистики.

1. **Торгово-экономическое сотрудничество является ядром регионального взаимодействия между Китаем и Беларусью.**

При содействии Генконсульства и правительства г. Чунцина во взаимодействии с основным транспортным оператором-компанией «Юй Синь-Оу» удалось одновременно повысить эффективность транспортных коридоров и торговли. Открытие «зеленых коридоров», значительный рост числа поездов по маршруту Китай – Беларусь – Европа, большая часть которых начинают свой путь из г. Чунцина, привело к стремительному росту двустороннего товарооборота. По данным Главного таможенного управления КНР, данный рост составил 1192 процента, с 50 млн долларов США в 2021 г. до 596 млн долларов США в 2025 г. [1].

2. **Платформы сотрудничества являются ключевым фактором повышения эффективности торгово-экономического сотрудничества.**

В 2023 г. на площадке Китайско-Белорусского индустриального парка «Великий камень» в рамках проведения «Выставки китайских товаров и услуг» была организована тематическая экспозиция Павильона товаров и услуг предприятий г. Чунцина, где было представлено более 20 предприятий различных сфер деятельности, в том числе машиностроения, одного из столпов чунцинской экономики.

Чунцин, в свою очередь, столица проведения одной из самых крупных выставок в Юго-Западном Китае – Международной инвестиционной выставки-ярмарки Западного Китая. Беларусь является ее активным участником, начиная с онлайн-формата в пандемийное время и заканчивая очным участием в качестве страны-почетного гостя в 2024 г. на шестой по счету

выставке-ярмарке. В 2024 г. для участия в выставке была создана Национальная экспозиция Беларуси, в рамках которой Минскую область – регион-побратим г. Чунцина, – представляли более 15 ведущих региональных отраслевых предприятий. Кроме того, был организован бизнес-форум «Беларусь – Чунцин», в котором приняли участие представители более 100 предприятий, а по итогам успешных деловых переговоров были подписаны 13 соглашений о сотрудничестве и коммерческих договоров на поставки мясо – молочной, кондитерской и иной продукции.

На основе подобных форумов расширяются каналы сотрудничества между предприятиями. Вступление в силу в 2026 г. Межправительственного соглашения о торговле услугами и осуществлении инвестиций между Китаем и Беларусью способствует переходу сотрудничества между Чунцином и Беларусью на более высокий качественный уровень. Чунцинские логистические парки заключили стратегическое сотрудничество с Китайско-Белорусским индустриальным парком «Великий камень». По состоянию на конец 2025 г. в индустриальном парке насчитывалось 171 предприятие с заявленными инвестициями в размере 1,744 млрд долларов США [3], что помогает предприятиям двух сторон интегрироваться в глобальные производственные цепочки.

Взаимовыгодное промышленное сотрудничество: двусторонний механизм под эгидой Годов промышленного сотрудничества Китая и Беларуси.

1. **Сотрудничество в цифровой и информационной сфере: согласование с целями Устойчивого развития ООН (ЦУР).** Китайская «цифровая технология» и белорусская «семистадийная схема реализации инвестиционной политики» [6] взаимно увязаны и интегрированы в Цели устойчивого развития ООН. В период Года научно-технического сотрудничества между Китаем и Беларусью стороны провели более 60 ключевых научно-технических мероприятий, что привело к достижению 34 конкретных результатов и утверждению 47 совместных научно-исследовательских проектов в таких передовых сферах, как биомедицина, искусственный интеллект

и др. [7]. Благодаря инновационной практике подтвердились «три нелинейные взаимосвязи между расходами на НИОКР и инновациями, инновациями и производительностью, инновациями и экспортом средне-высоко технологичной продукции» [8, с. 100].

2. **Сотрудничество в области медицинских технологий: транснациональная практика «китайского интеллектуального производства».** Высокоточная трехмерная реконструкция и нейрохирургическая навигационная система NeuroNav-118 компании Chongqing Fudimai Digital Technology успешно помогли Гродненской клинической больнице скорой медицинской помощи в Беларуси в 2025 г. выполнить первую операцию по удалению менингиомы головного мозга. Обеспечено точное позиционирование патологического очага и функциональных зон нервной системы, а также интеграция мультимодальных изображений в реальном времени во время операции. «Стабильность и точность системы значительно превзошли ожидания».

Глубокое интегрирование образования и научных исследований: механизм подготовки кадров на основе многоуровневого сотрудничества.

1. **Белорусские исследования: поддержка специализированного исследовательского узла.** Центр изучения Беларуси Сычуаньского университета иностранных языков – первый специализированный центр белорусоведения на Юго-Западе Китая. На основе сильной позиции в области русского языка Центр углубленно занимается исследованиями в соответствующих сферах. В 2025 г. Генеральное консульство Республики Беларусь в Чунцине и Центр изучения Беларуси достигли 4 ключевых соглашений: сосредоточиться на академических инновациях, совершенствовать механизмы подготовки кадров, сформировать сеть сотрудничества и разрабатывать модели подготовки, точно соответствуя государственной стратегии китайско-белорусского образовательного сотрудничества.

2. **Сеть межвузовского сотрудничества: углубление многоуровневой координации.**

В 2023 г. в г. Чунцине состоялся первый круглый стол ректоров вузов «Преобразования научно-исследовательских парадигм

в цифровую эпоху». В ходе визита делегации Белорусского государственного университета был подписан Меморандум о сотрудничестве между Белорусским государственным университетом и Сычуаньским университетом иностранных языков. Чунцинский технологический университет принял участие в конференции Союза китайских и белорусских университетов для продвижения научно-исследовательского сотрудничества.

Чунцинский университет, Юго-Западный университет, Сычуаньский университет иностранных языков и другие чунцинские вузы заключили соглашения о сотрудничестве, охватывающие академические обмены, совместную подготовку кадров и другие области. Участники активно участвуют в отборе на национальную программу подготовки специалистов для работы в Беларуси на ежегодной основе [8], формируя двойную гарантию «вузовская стыковка + государственная поддержка».

3. **Повышение эффективности сотрудничества: переход от подписания соглашений к реализации проектов.** Образовательное сотрудничество между г. Чунцин и Беларусью совершило ключевой переход от «подписания соглашений» к «реализации проектов». Западный (Чунцинский) научно-технический городок заключил рамочное соглашение о научно-техническом сотрудничестве с Национальной академией наук Беларуси. В Чунцинском внешнеэкономическом и торговом институте и Белорусском государственном университете открылась подготовительная группа совместной магистерской программы, что обеспечило воспроизводимую практическую модель подготовки высококвалифицированных кадров для г. Чунцин и Беларуси.

Гуманитарные обмены и взаимопонимание народов: механизм регионального взаимодействия в многосторонних рамках.

1. **Сеть дружественных городов: формирование механизма трехступенчатого взаимодействия.** На основе ключевой роли Генерального консульства в Чунцине между г. Чунцин и Беларусью сформирована трехступенчатая система взаимодействия дружественных городов: г. Чунцин и Минская область; район Ваньчжоу г. Чунцина и Копыльский район Минской области; район Юйбэй г. Чунцина и Минский район Минской области.

Благодаря этому г. Чунцин вошел в число 3 демонстрационных городов китайско-белорусского регионального торгово-экономического сотрудничества, что свидетельствует о гуманитарном доверии между двумя сторонами.

2. **Многообразные культурные мероприятия: путь взаимного обогащения.** Самым значимым событием пятилетней работы Генконсульства в этом направлении стала организация первой телевизионной недели Беларуси и Минской области в г. Чунцине, которая прошла в январе 2022 г. по случаю 30-летия со дня установления дипломатических отношений между Беларусью и Китаем. Белорусское туристическое шоу «Я хочу это увидеть» транслировалось в эфире двух телеканалов Chongqing TV и международном спутниковом канале Chongqing International, суммарная аудитория которых составляет около 1 млрд человек, что кратно повысило узнаваемость Беларуси не только в этом китайском регионе, но и в целом в Китае.

3. **Интеграция культуры и туризма: практическое углубление взаимопонимания.** Белорусский культурно-туристический комплекс объединяет функции торговли, туризма и культуры, через тематические ярмарки и фольклорные мероприятия создает площадку межкультурного диалога, углубляя взаимопонимание между народами г. Чунцин и Беларуси. В 2024 г. под эгидой Министерства спорта и туризма Республики Беларусь был организован полноценный пресс-тур для китайских представителей туристического бизнеса. В делегацию вошли два крупнейших представителя туристического бизнеса г. Чунцина.

Участие в совместных мероприятиях позволило значительно повысить узнаваемость как г. Чунцин для белорусских, так и Беларуси для чунцинских туристов.

В связи с изложенным предлагаются следующие шаги **по углублению сотрудничества между Чунцином, Беларусью и Китайско-белорусским индустриальным парком.**

1. **Усиление стратегической координации и интеграция в многостороннюю торговую структуру.** Создается ежегодный механизм совместных совещаний для эффективного преодоления препятствий при реализации проектов. Предусматривается интеграция проектов чунцинско-белорусского сотрудничества

в многосторонний банк проектов ШОС, привлечение Азиатского банка инфраструктурных инвестиций и Фонда «Шелковый путь» для решения структурных проблем. Более глубокое изучение предпочтений белорусских и чунцинских потребителей для повышения интенсивности торговли между Китаем и Беларусью в целом [10].

2. **Точная промышленная интеграция и формирование системы координации по цепочкам добавленной стоимости.** «Экономическое сотрудничество является одним из наиболее перспективных направлений взаимодействия Беларуси со странами – членами ШОС» [11, с. 67]. Опираясь на 5 приоритетных отраслей Китайско-Белорусского индустриального парка и преимущества г. Чунцин в интеллектуальном производстве, стороны участвуют в формировании местной цифровой инфраструктуры, реализуют стратегию «точной интеграции + цепочного сотрудничества» и формируют скоординированную систему производственных цепочек.

3. **Создание механизмов взаимодействия и повышение трансрегионального эффекта.** «В результате заключения сделок с товарами и услугами, представляющих собой регулярно повторяющиеся процессы или действия, формируется торговая деятельность или обменные операции» [12, с. 86]. Необходимо опираться на мостовое и связующее значение Беларуси как звена между Европой и Азией [13, с. 57] и на реализацию ее программ развития транзитно-транспортного потенциала между Европейским союзом и Евразийским экономическим союзом [14], содействовать беспрепятственному сопряжению железнодорожного коридора «Чунцин – Европа» с логистической системой Индустриального парка «Великий камень» и формировать инновационную цепочку «разработки в Чунцине – коммерциализация в Беларуси – применение в Европе».

4. **Совершенствование финансового обеспечения и подготовка комплексных межрегиональных кадров.** На основе Межправительственного соглашения о торговле услугами и осуществлении инвестиций между Китаем и Беларусью открываются «зеленые коридоры» таможенного оформления, сокращаются сроки процедур утверждения. Развивается механизм расчетов

в национальных валютах между двумя сторонами, расширяется объем прямых расчетов [15, с. 16].

На базе межвузовского сотрудничества ежегодно готовить 30–50 специалистов профиля «язык + специальность» для работы на двустороннем треке.

5. **Совершенствование системы предотвращения рисков и обеспечение устойчивости сотрудничества.** Формируется комплексная система «прогнозирование – предотвращение – реагирование». Создается центр мониторинга рисков для анализа и заблаговременного предупреждения, проводится предварительная оценка крупных проектов с распределением ответственности между ответственными сторонами. На основе соответствующих соглашений совершенствуется обслуживание, оперативно разрешаются споры, контролируется и предотвращается нарушение прав, защищаются интересы обеих сторон.

Таким образом, за 5 лет при содействии Генерального консульства Беларуси в Чунцине между г. Чунцин и Беларусью сформирована многообразная и взаимодополняющая система взаимовыгодного сотрудничества, ставшая успешным региональным образцом всеобъемлющего стратегического партнерства между Китаем и Беларусью. В перспективе, опираясь на поддержку Генерального консульства и руководства Китайско-Белорусского индустриального парка «Великий Камень», используя благоприятные политические факторы, в том числе китайско-белорусские соглашения о свободной торговле, стороны будут расширять новые направления сотрудничества, что даст воспроизводимый опыт регионального сотрудничества в рамках инициативы «Один пояс и один путь».

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. Таможенный округ Чунцин, КНР. – URL: http://hefei.customs.gov.cn/chongqing_customs/-515860/515862/515863/-6958142/index.html. – (дата обращения: 19.03.2026).

2. *Ли, Кэ.* Китайско-белорусская торговля: более открытый рынок, более удобное сотрудничество / Кэ Ли // Международная коммерческая газета. – 2026. – 9 янв. – № 1. – С. 1.

3. Чунцинские предприятия выходят на мировой рынок, совместно строим новый «Шелковый путь» – углубление торгово-экономического и инвестиционного сотрудничества между Чунцином и Беларусью. Презентация прошла в Беларуси // Народное правительство района Шапинба г. Чунцин. – URL: https://www.cqspb.-gov.cn/bm/qsww_63873/sy_63874/bmdt_63876/202509/t20250912_15004324.html (дата обращения: 19.03.2026).

4. *Милашевич, Е. А.* Экономическая безопасность внешней торговли услугами Беларуси: готова ли экономика страны к новым вызовам и угрозам? / Е. А. Милашевич // Вестник Института экономики НАН Беларуси : сб. науч. ст. / Нац. акад. наук Беларуси, Ин-т экономики. – 2022. – Вып. 5. – С. 73–82.

5. Департамент коммерции провинции Ляонин. Динамика внешнеинвестиционного сотрудничества (№ 65): Регионы России, Монголии, Беларуси и пяти стран Центральной Азии // Департамент коммерции провинции Ляонин. – 2026. 16 янв. – URL: https://swt.ln.gov.cn/swt/ywxx/dwtzhz/20260116175758-80678/index.shtml (дата обращения: 19.03.2026).

6. *Муха, Д. В.* Алгоритм реализации инвестиционной политики в интересах устойчивого научно-технологического и инновационного развития Беларуси / Д. В. Муха // Вестник института экономики НАН Беларуси. – 2025. – № 10. – С. 7–14.

7. *Ши, Цзы.* «Год науки и технологий Китая и Беларуси 2024–2025» дал богатые плоды: подписаны 7 новых соглашений о сотрудничестве // Сеть «Новости Китая» (chinanews.com.cn). – 2025. – 21 сен. – URL: https://www.chinanews.com.cn/sh/2025/09-21/10486336.shtml (дата обращения: 19.03.2026).

8. *Карловская, Г. В.* Наукоемкость ВВП как ключевой индикатор научнотехнологической безопасности Республики Беларусь / Г. В. Карловская // Вестник Института экономики НАН Беларуси : сб. науч. ст. / Нац. акад. наук Беларуси, Ин-т экономики. – 2022. – Вып. 5. – С. 98–114.

9. Образовательный отдел Посольства Китайской Народной Республики в Российской Федерации. Уведомление о приеме заявок на программу подготовки специалистов для работы в России, Украине и Беларуси на 2026 год // Образовательный отдел Посольства Китая в России. – 2026. – 16 янв. – URL: https://russia.lxgz.org.cn/russia/-tzgg/202601161441-3935616/index.html (дата обращения: 19.03.2026).

10. *Сунь, Яньянь.* Исследование интенсивности и взаимодополняемости торговли между Китаем и Беларусью в контексте «Одного пояса и одного пути» / Яньянь Сунь, Шуюй У // Журнал ценовых исследований. – 2022. – № 7. – С. 36–46.

11. *Dostanko, E.* Expansion of the Economic Cooperation of Belarus with SCO / E. Dostanko // Journal of International Analytics (Ezhegodnik IMI). – 2015. – № 2. – С. 67–70.

12. *Бельзецкий, А. И.* Рынок как организованная целостность / А. И. Бельзецкий // Вестник Института экономики НАН Беларуси : сб. науч. ст. / Нац. акад. наук Беларуси, Ин-т экономики. – 2022. – Вып. 5. – С. 83–97.

13. *Дэн, Чжоу.* Причины вступления Белоруссии в ШОС, предпочтения в сотрудничестве и его последствия / Чжоу Дэн, Сяоюй Сюе // Российские восточноевропейские и центральноазиатские исследования. – 2025. – № 2. – С. 45–66, 161–162.

14. National Infrastructure Plan 2016–2030 [Ele] Interministerial Infrastructure Coordinating Board, Ministry of Economy of the Republic of Belarus. – Minsk : Ministry of Economy of the Republic of Belarus, 2015.

15. *Голубеў, С. Р.* Экалагізацыя эканамічнага развіцця ў Кітайскай Народнай Рэспубліцы і ў Рэспубліцы Беларусь / С. Р. Голубеў // Стратегия развития экономики Беларуси: Вызовы, инструменты реализации и перспективы : сб. науч. ст. – Минск: «Право и экономика», 2022. – Т. 2. – С. 13–18.

УДК 330.341.424

Т. С. Вертинская,
руководитель центра мировой экономики
Института экономики НАН Беларуси,
доктор экономических наук, доцент

ТРАНСПОРТНО-ЛОГИСТИЧЕСКОЕ ОБЕСПЕЧЕНИЕ БЕЛОРУССКО-КИТАЙСКИХ ТОРГОВЫХ ОТНОШЕНИЙ: СОСТОЯНИЕ, ПРОБЛЕМЫ, НАПРАВЛЕНИЯ РАЗВИТИЯ

Аннотация: *в статье содержится развернутый анализ базовых транспортно-логистических маршрутов и каналов сухопутной и морской коммуникации между Республикой Беларусь и Китайской Народной Республикой, рассматриваются ключевые факторы влияния на эффективность транспортных коридоров, соединяющих две страны.*

Summary: *the study contains detailed analysis of basic transport and logistics routes and land and sea communication channels between the Republic of Belarus and the People's Republic of China, concerns the key factors influencing the efficiency of transport corridors connecting two countries.*

Ключевые слова: *эффективность транспортных коридоров, опыт КНР в развитии транспортно-логистической сферы, международные транспортные коридоры, «Один пояс и один путь».*

Keywords: *transport corridors efficiency, influencing the transport & logistics system factors, China's developing the transport and logistics sector experience, international transport corridors, One Belt & One Road.*

1. Базовые логистические схемы и каналы связи.

В рамках текущего взаимодействия между Республикой Беларусь и Китайской Народной Республикой можно выделить 5 основных логистических схем, которые классифицируются по видам транспорта и способам организации:

• прямые железнодорожные и автомобильные перевозки, которые ориентированы на доставку грузов «от двери до двери» без смены транспортного средства;

• прямое национальный авиасообщение из аэропорта Минск, осуществляемое при обеспечении поставок высокостоимостных и скоропортящихся грузов;

• мультимодальные перевозки железнодорожным транспортом как доминанта использования железной дороги на основном плече доставки грузов с подвозом автотранспортом;

• мультимодальные морские перевозки с использование морского плеча доставки грузов через порты Балтийского и Черного морей;

• комбинированные авиа-схемы с использованием авиации в сочетании с другими видами транспорта для оптимизации сроков и стоимости доставки грузов.

Главными каналами связи для обеспечения товарных потоков в обоих направлениях являются Евразийские сухопутные коридоры. В частности, транспортировка грузов в направлении «Запад – Восток» опирается на два главных сухопутных коридора, каждый из которых имеет свою географическую специфику:

• северный коридор, проходящий через территорию Российской Федерации с узловыми точками в Москве, Санкт-Петербурге, Екатеринбурге и Чите, с входом в КНР через пограничный пункт Забайкальск – Маньчжурия. Основными целевыми регионами грузопотока из Беларуси выступает северо-восточная провинция Китая Ляонин (г. Далянь), город центрального подчинения Тяньцзинь.

• центральный коридор, представляющий собой основное транспортное звено стратегической инициативы «Один пояс и один путь». Маршрут через центральный коридор пролегает по территории Казахстана с узловыми точками в Астане, пунктах пропуска Достык и Хоргос и точкой входа в центральные районы КНР: г. Урумчи, г. Ланьчжоу, г. Сиань). Данный маршрут наиболее эффективен для связи с глубокими внутренними районами Китая.

Сравнительный анализ имеющихся морских путей свидетельствует, что протяженность Северного морского пути (СМП), проходящего по водам Арктики, составляет всего 12 200 км. По сравнению с классическим морским путем через Суэцкий канал, огибающим Евразию с юга и составляющим 22 000–28 000 км с транзитным временем от 20 до 35 суток, СМП значительно короче, что делает его стратегически перспективным

для Беларуси в контексте использования российских северных портов.

Следует иметь ввиду, что эффективность транспортных коридоров между Беларусью и Китаем зависит не только от географии, но и от устранения ряда критических факторов, которые классифицируются по трем категориям:

Ключевые проблемы функционирования коридоров в виде выявленных так называемых «болевых точек», препятствуют росту грузооборота. Во-первых, дисбаланс контейнерных потоков: существенное превышение импорта из Китая над экспортными поставками из Беларуси, приводящее к накоплению порожних контейнеров, что создает финансовую нагрузку на логистических операторов. Во-вторых, административная перегруженность, заключающаяся в сохранении многоступенчатых процедур контроля на границах, которые увеличивают общее время транзита. В-третьих, наличие инфраструктурных ограничений, суть которых – дефицит современных терминально-складских мощностей на отдельных участках железной дороги, способных обрабатывать возрастающие объемы контейнерных поездов.

2. **Факторы влияния** как причины возникновения барьеров. Анализ показывает, что названные проблемы обусловлены рядом объективных причин:

• инфраструктурным разрывом т. е. несовпадением темпов модернизации дорожной сети и роста объемов торговли;

• различием в правовых системах т. е. несоответствием транспортного законодательства государств – членов ЕАЭС и КНР, затрудняющих создание единого юридического пространства для перевозчиков;

• отсутствием сквозного тарифного регулирования, когда ценообразование часто зависит от национальных тарифов стран-транзитеров, что делает итоговую стоимость перевозки нестабильной для бизнеса.

В числе стратегических способов решения перечисленных факторов для формирования бесшовной логистической среды можно предложить следующие меры:

• в области институциональной интеграции создать единое транспортное пространство в рамках ЕАЭС и его сопряжение

с инициативой «Один пояс и один путь» на уровне межправительственных соглашений;

• в области цифровой трансформации внедрить интеллектуальные транспортные системы и электронные накладные e-CMR; использовать спутниковые навигационные пломбы для упрощения таможенного транзита;

• в области развития опорной инфраструктуры: превратить Индустриальный парк «Великий камень» в мультимодальный хаб, где происходит не только транзит, но и консолидация, переработка и распределение грузов;

• в области экологизации осуществить переход на «зеленые» стандарты перевозки с целью повышения конкурентоспособности транспортных маршрутов в долгосрочной перспективе.

Для объективной оценки состояния транспортных связей между Беларусью и Китаем необходимо рассмотреть следующие статистические данные и программные установки.

Оптимальный выбор транспортного маршрута доставки груза определяется балансом между стоимостью и скоростью. Основные показатели такого выбора распределяются следующим образом:

• железнодорожный транспорт (сухопутный путь) является «золотой серединой», срок доставки груза составляет 14–18 дней, что значительно быстрее доставки морем, при этом стоимость остается доступной благодаря государственному субсидированию в рамках проекта China Railway Express;

• морской транспорт остается самым бюджетным, но и самым медленным со сроком доставки 35–45 дней. Данный вид транспорта используется для крупногабаритных и дешевых грузов, где время не является критическим фактором;

• авиационный транспорт обеспечивает максимальную скорость со сроком доставки до 3–5 дней, однако из-за высокой стоимости его доля в общем объеме грузоперевозок ограничена высокотехнологичными и срочными товарами.

Матрица ключевых проблем и факторов задержек позволяет классифицировать их по степени влияния на логистическую цепочку. Так, технический барьер, заключающийся в разнице ши-

рины колеи (1520 мм против 1435 мм), диктует необходимость перегрузки, что повышает рост затрат на терминальную обработку. Инфраструктурный барьер, обусловленный недостаточной мощностью существующих погранпереходов, обусловливает образование очередей и непредсказуемость сроков доставки. Цифровой барьер, связанный с низким уровнем внедрения e-CMR и единых платформ, порождает избыточный бумажный документооборот и риск ошибок.

3. **Стратегические цели и индикаторы эффективности**.

Целевыми ориентирами развития транспортно-логистической системы до 2026 г. являются:

• снижение логистических издержек за счет минимизации транспортной составляющей в конечной цене товара;

• повышение индекса LPI (Logistics Performance Index);

• улучшение позиций Беларуси в международном рейтинге за счет цифровизации и совершенствования качества инфраструктуры;

• увеличение частоты контейнерных поездов с переходами от разовых отправок к регулярному циклическому расписанию курсирования грузопотоков до нескольких железнодорожных составов в сутки.

4. **Влияние ЕАЭС на логистику с КНР.**

Данные подтверждают, что членство Беларуси в ЕАЭС создает уникальные преимущества для китайских партнеров. Это и отсутствие таможенного контроля на внутренних границах союза между Республикой Беларусь, Российской Федерацией, Республикой Казахстан, что позволяет грузу из Китая, оформленному в Казахстане, беспрепятственно следовать, например, до Минска. Унификация тарифов на транзитные перевозки по территории союза делает маршрут прозрачным для планирования. В настоящее время транспортно-логистическая система ЕАЭС находится в стадии трансформации от экстенсивного (увеличение количества вагонов) к интенсивному росту (повышение скорости за счет цифровизации и устранения так называемых «бутылочных горлышек» на границах).

5. **Опыт КНР в развитии транспортно-логистической сферы.** К основным направлениям технологических нововведений

в функционировании транспортной инфраструктуры Китая следует отнести:

• внедрение в транспортную инфраструктуру дронов и машинного обучения, «цифровых двойников»;

• использование технологии интернета вещей (IoT), применение облачных вычислений, автоматизация и внедрение робототехники;

• активное использование блокчейн-технологий, преобразование логистики с использованием дополненной реальности (AR);

• модернизация путей сообщения автомобильного транспорта с использованием интеллектуальных транспортных систем для управления;

• цифровизация железных дорог, в рамках инициативы «Цифровой Шелковый путь» (ЦШП), объединяющей **физическую инфраструктуру:** мобильные сети 5G, подводные и наземные оптоволоконные кабели, спутниковые наземные станции, центры обработки данных и оборудование для умных городов; **программную инфраструктуру:** трансграничные платформы электронной коммерции, схемы мобильных платежей, цифровую таможню, системы электронного правительства, облачные вычислительные сервисы и приложения искусственного интеллекта.

Цели «Цифрового Шелкового пути» предусматривают достижение самодостаточности и технологического суверенитета Китая, инфраструктурного развития и цифровой связанности, формирования соответствующих стандартов и технологических норм, создание цифровой коммерческой экосистемы, поддержание кибербезопасности и управляемости данными, в конечном счете расширения геополитического влияния и цифровой «мягкой силы» и лидерства в инновациях и технологиях будущего.

Для обеспечения стабильного функционирования транспортных коридоров между Беларусью и Китаем в настоящее время продолжает формироваться многоуровневая система управления, которая включает политическое взаимодействие, правовое регулирование и финансовую поддержку.

Уровни межгосударственного взаимодействия опираются на «трех китов» институциональной поддержки. Во-первых, это

заключение межправительственных соглашений, создающих нормативную базу, которая гарантирует взаимное признание документов и упрощение процедур транзита. Во-вторых, это сопряжение стратегии ЕАЭС и инициативы «Один пояс и один путь», представляющее собой глобальную политическую задачу, направленную на создание «бесшовного» экономического пространства на всем материке. Важная роль принадлежит специализированным комиссиям, действующим в рамках Белорусско-Китайского межправительственного комитета по сотрудничеству, где транспортные вопросы выделены в отдельное профильное направление.

Инструментами и механизмами управления транспортно-логистической системой являются конкретные рычаги, с помощью которых оба государства стимулируют грузопотоки. Среди этих инструментов – тарифное регулирование, позволяющее устанавливать конкурентоспособные «сквозные» ставки на перевозку грузов железнодорожным транспортом.

Затем это преференциальные кредиты и инвестиции, в том числе привлечение китайского капитала для модернизации белорусской транспортной инфраструктуры (дорог, терминалов, логистических центров). Не остается в стороне и потенциал индустриального парка «Великий камень», который целесообразно использовать как площадку с особым правовым и налоговым режимом для привлечения крупнейших мировых логистических операторов.

Кроме того, это гармонизации (стандартизация), направленная на устранение нестыковок в работе транспортной логистики разных стран, включая принятие единых технических стандартов и работа над тем, чтобы требования к контейнерам, весовым категориям и безопасности были одинаковыми от Минска до Пекина. Важный инструмент – упрощение таможенного администрирования за счет перехода к принципу «одного окна» и совместному использованию данных таможенными службами обеих стран.

С точки зрения развития транспортно-логистической системы Беларуси представляет интерес созданный в Китае в 2016 г. так называемый Инновационный коридор G60, основанный

на многоуровневой интеграции, т. е. сочетании транспортной, цифровой, инновационной и энергетической инфраструктуры с передовым производством. Коридор охватывает девять городов, включая г. Шанхай, г. Ханчжоу (провинция Чжэцзян) и г. Хэфэй (провинция Аньхой), и ориентирован на развитие стратегически значимых отраслей, таких как интегральные схемы, искусственный интеллект, биомедицина, новые материалы, новая энергетика, автомобильная электроника и спутниковые технологии. В коридоре сформированы 16 промышленных альянсов и 13 демонстрационных зон промышленной кооперации.

Отдельного изучения заслуживает опыт Китая в подготовке кадров для транспортной отрасли, в том числе проектирование образовательных программ под «профессии будущего», – специалист по беспилотным транспортным средствам, инженер транспортной безопасности, специалист по управлению поездами на магнитной подушке Maglev; широкое применение дистанционных образовательных технологий, электронного обучения и модели «смешанного обучения»; активное формирование soft skills и универсальных компетенций (коммуникативные навыки, навыки самоорганизации, умение работать с информацией, командная работа, стрессоустойчивость); развитие коллаборативных форматов обучения с использованием потенциала нескольких образовательных организаций и компаний; использование прообраза «цифрового университета», обеспечивающего управление образовательной организацией на основе Big Data с помощью платформенных решений.

6. **Практические аспекты развития транспортно-логического обеспечения торговых связей Беларуси и Китая.**

К ним необходимо отнести комплексный и согласованный подход к развитию инфраструктурных объектов международных транспортных коридоров (МТК) в рамках ЕАЭС, включая синхронизацию логистических центров и терминалов путем внедрения информационных систем и сервисов, развитие объектов индустриально-инновационной инфраструктуры, развитие таможенной и пограничной инфраструктуры, нормативная правовая и финансовая гармонизация, совершенствование и координация

страновых стратегий развития МТК, разработка и реализация новых программ в кооперации с Китаем для создания и развития альтернативных маршрутов доставки грузов, формирование и реализация программ цифровизации логистики в ЕАЭС, развитие «умных терминалов» и тестирование автономных транспортных систем.

Важным аспектом представляется и развитие государственно-частного партнерства (ГЧП) в инфраструктурном обеспечении евразийских транспортных коридоров. Приоритеты ГЧП должны быть направлены на формирование системы стратегического планирования в области реализации инвестиционных проектов в сфере транспортной инфраструктуры; разработку специальной правовой и методологической основы на уровне ЕАЭС для реализации совместных проектов ГЧП; дальнейшее развитие сотрудничества с международными банками развития, повышение эффективности взаимодействия совместных структур в области поддержки (ЕАБР, рабочих групп); разработка общей цифровой платформы в области реализации инфраструктурных проектов в рамках ЕАЭС, в том числе в отношении единых транспортных компаний, реализованных на принципах ГЧП.

Сегодня необходима взаимная интеграция зон сопряжения международных транспортных коридоров ЕАЭС и транспортной составляющей китайской инициативы «Один пояс и один путь», направленная на расширение инвестиционного сотрудничества с Китаем в целях сопряжения Евразийских транспортных коридоров и маршрутов «Одного пояса и одного пути», работа по развитию и координации транспортной инфраструктуры на территории ЕАЭС с учетом китайских транспортных проектов.

К практическим аспектам развития транспортно-логистической системы обеспечения торговых связей Беларуси и Китая относится и дальнейшее развитие логистического субпарка «Великий камень». На сегодняшний день это мультимодальный транспортно-логистический терминал с объектами площадью 50 тыс. кв. м складской и 20 тыс. кв. м торгово-выставочной недвижимости. Основу логистического субпарка составляет

мультимодальный логистический терминал «Евразийский железнодорожный гейтвей». Главной целью здесь является интегрирование парка в Евразийский транспортный каркас и «Один пояс и один путь» с дальнейшим выходом на рынки сбыта производимой продукции в Китай, Россию, Европу, в страны дальней дуги, а также для перегруза грузопотоков компаний индустриального парка «Великий камень» с автомобильного на железнодорожный транспорт.

Необходима реализация совместных инфраструктурных проектов по развитию железнодорожных контейнерных перевозок (включая прямые поезда Китай – Европа), а также установление диалога между институтами развития ЕАЭС и КНР с целью обмена стратегической информацией и практиками развития транспортной инфраструктуры.

Продолжает развиваться мультимодальный логистический терминал «Евразийский железнодорожный гейтвей», который располагается на участке общей площадью около 30 га на территории индустриального парка «Великий камень». В данном проекте участвует белорусская сторона, а также китайская и швейцарская логистические компании, стоимость его реализации оценивается в более чем 50 млн долларов США. В настоящее время возводится площадка для складирования контейнеров емкостью 1345 сорокафутовых контейнеров плюс 25 контейнеров для рефрижераторов с соответствующей инфраструктурой. Дополнительно здесь строятся ремонтный цех для контейнеров, контрольно-пропускной и топливораздаточный пункты, станция пожаротушения.

Профильные специалисты в области транспортной логистики разработали **ряд рекомендаций** для Беларуси в контексте обеспечения торговых отношений с Китаем, основными из которых являются:

• формирование и развитие цифровых транспортных коридоров между Беларусью и Китаем с расширением использования таких цифровых технологий, как «Интернет вещей» и облачные вычисления для оптимизации транспортных потоков; штриховое кодирование, радиочастотная идентификация, блокчейн, «цифровые двойники»;

• внедрение в грузовые железнодорожные перевозки таких информационных технологий как машинное обучение (для оптимизации переключения вагонов) и искусственный интеллект (для проверки вагонов во время движения);

• создание инфраструктуры для развития беспилотного транспорта;

• внедрение на пунктах пропуска портальных инспекционно-досмотровых комплексов с использованием систем ИИ.

В более отдаленной перспективе целесообразно создание автоматических системах управления и строительство складских помещений с возможностью ведения необходимые обрабатывающих операций с продукцией.

Направлениями развития инновационных международных транспортных коридоров должны стать:

• формирование на территории Беларуси вдоль транспортных артерий высокотехнологичных кластеров, включающих промышленные парки, логистические центры, технопарки, научно-исследовательские образовательные учреждения и сопутствующую инфраструктуру;

• цифровизация данных коридоров и создание «цифрового двойника» национальной транспортной системы;

• развитие агробиотехнологического коридора, предусматривающего взаимодействие между инновационным центром коммерциализации (ИЦК) научно-технических разработок парка «Великий камень» и регионами, обладающими мощным аграрным потенциалом (Брестская и Гродненская области);

• создание коридора IT и Deep Tech (глубокие технологии), суть которого заключается в интеграции белорусской IT-индустрии, сконцентрированной в Минске, с производственными и логистическими возможностями «Великого камня» через индустриальный центр компетенций.

7. **Предложения по подготовке кадров для транспортной отрасли:**

• разработка «Концепции развития транспортного образования в Республике Беларусь на период до 2035 г.» в контексте дальнейшего совершенствования «Концепции развития инженерного образования в Республике Беларусь на период до 2035 г.»;

• создание Координационного совета по транспортному образованию при Министерстве транспорта и коммуникаций Республики Беларусь;

• разработка новых направлений развития профессионального транспортного образования;

• разработка учебных программ для подготовки специалистов для работы с высокоскоростным железнодорожным подвижным составом;

• обеспечение роста взаимных студенческих обменов и академического сотрудничества, разработка совместных образовательных проектов мирового уровня и развитии белорусско-китайской ассоциации транспортных университетов.

УДК 327(476:510)

Р. О. Есин,
заведующий кафедрой комплексного изучения развития КНР
факультета международных отношений БГУ,
доктор политических наук, профессор

АКТУАЛЬНЫЕ НАПРАВЛЕНИЯ ИССЛЕДОВАНИЯ КИТАЯ НА КАФЕДРЕ КОМПЛЕКСНОГО ИЗУЧЕНИЯ РАЗВИТИЯ КНР ФАКУЛЬТЕТА МЕЖДУНАРОДНЫХ ОТНОШЕНИЙ БГУ

Аннотация: *статья посвящена актуальным направлениям исследования современного Китая на кафедре комплексного изучения развития Китайской Народной Республики факультета международных отношений БГУ. Отмечается важность создания на ФМО БГУ научной школы по вопросам «арктической дипломатии» в рамках трехстороннего взаимодействия ученых Республики Беларусь, РФ и КНР.*

Summary: *the article describes current areas of China research at the Department of Comprehensive Studies of the People's Republic of China development, Faculty of International Relations, BSU. The importance of creating at the Faculty of International Relations, BSU the «Arctic diplomacy» scientific school within the trilateral cooperation between the Republic of Belarus, the Russian Federation, and the People's Republic of China.*

Ключевые слова: *научно-исследовательская деятельность, «Беларусь – Россия – Китай», «арктическая дипломатия».*

Keywords: *research activities, «Belarus – Russia – China», «Arctic diplomacy».*

Изучение Китая в Белорусском государственном университете прошло путь от преподавания отдельных дисциплин до формирования полноценной научной и образовательной школы китаеведения. Казалось бы, в университете и в целом в стране достаточно структур, изучающих в той или иной степени китайской направление. Однако команда БГУ под руководством ректора БГУ А. Д. Короля и известных белорусских ученых, в том числе имеющих многолетней опыт работы в Китае, прежде всего профессора, посла А. А. Тозика осознавала, что современный этап развития Китайской Народной Республики характеризуется масштабной трансформацией как внутренней модели развития,

так и внешнеполитической стратегии. В этих условиях комплексное изучение Китая требует междисциплинарного подхода, сочетающего политологию, экономику, историю, международное право, регионалистику и анализ социокультурных процессов.

Важное событие в жизни университета произошло 6 июля 2021 г., когда ректором на Белорусско-Китайском форуме в индустриальном парке «Великий камень» было озвучено решение о создании на факультете международных отношений БГУ кафедры комплексного изучения развития Китайской Народной Республики. И выбор этого факультета был не случаен, именно ФМО уже более 3 десятилетий готовит высококвалифицированных специалистов-международников. При этом выпускники, как правило, получают широкие знания о традициях и культуре Китая, современных тенденциях в китайском обществе, усилиях политического руководства КНР по сохранению мира и развитию отношений с Республикой Беларусь. Многие выпускники университета гордятся тем, что смогли достигнуть хороших результатов по изучению китайского языка, а также успешно защитить дипломные работы, магистерские и диссертационные исследования. И как результат, занятие достойных рабочих мест в различных организациях и компаниях как в нашей стране, так и в Китае и других странах.

Полноценно кафедра КИР КНР начала функционировать 1 октября 2021 г. и в этом году будет подводить итоги первого пятилетнего периода деятельности. На протяжении всего этого времени кафедра опиралась на положения Директивы Президента Республики Беларусь № 9 «О развитии двусторонних отношений Республики Беларусь с Китайской Народной Республикой», установки ректора по вопросам, касающимся изучения современного Китая, а по сути проводимых в Китае реформ по вопросам государственного и партийного строительства, национальной безопасности, внешней политики, экономики и др.

Далее акцент будет сделан на следующих актуальных направлениях исследования Китая. Первое направление – исследование трансформации политической системы КНР и механизмов стратегического управления. Особое внимание уделяется эволюции партийно-государственной модели, роли КПК в формировании внутренней и внешней политики, а также институциональным

изменениям в рамках концепции «модернизации с китайской спецификой». Анализируются особенности принятия решений, антикоррупционная политика, кадровая стратегия и долгосрочное планирование как инструменты обеспечения устойчивости системы.

Каких результатов удалось достичь на этом направлении? Так, только в 2024–2025 гг. проведено более 20 тематических международных круглых столов и других мероприятий. Важно отметить круглые столы по теме «Модернизация в китайском стиле» и «Вместе реализуем договоренности лидеров Беларуси и Китая: история дружбы, глобальное управление и другие инициативы дружественных государств». Завершается подготовка сборника материалов «Комплексное изучение развития Китайской Народной Республики», который включает в себя более 40 авторских материалов.

Второе направление – внешняя политика Китая в условиях формирования многополярного мира и создания новых макрорегионов. На этом направлении исследуются труды лидеров Китая, в том числе инициативы Председателя КНР Си Цзиньпина глобального уровня, включая инициативу «Один пояс и один путь», инициативы по глобальному развитию, глобальной безопасности, глобальной цивилизации, глобальному управлению. В центре внимания – роль Китая в ООН и других международных организациях, трансформация его отношений с США и ЕС, а также стратегическое партнерство с Российской Федерацией и развитие сотрудничества в рамках ШОС и БРИКС.

На этом направлении следует особо отметить вклад Посольства КНР в Минске и лично Посла Китайской Народной Республики в Республике Беларусь Чжан Вэньчуаня. Кроме того, кафедра активно взаимодействует с профильными научными, и образовательными учреждениями в Китае и России, в том числе в целях подготовки учебного пособия «Китай и современная Азия: геополитические и региональные аспекты», работу над которым планируется завершить к 35-й годовщине установления дипломатических отношений между двумя дружественными странами. Одноименная учебная дисциплина уже преподается на ФМО.

Третье направление связано с китайской экономической моделью и ее адаптацией к новым глобальным вызовам. Изучается

переход от модели экстенсивного роста к инновационно-технологическому развитию, политика «двойной циркуляции», вопросы технологического суверенитета, цифровизации и развития высокотехнологичных отраслей. Особое значение имеет анализ роли Китая в глобальных цепочках добавленной стоимости, а также его инвестиционной активности в различных регионах мира. На этом направлении важно отметить тесное взаимодействие с Белорусским обществом дружбы и культурных связей с зарубежными странами, которое выступает организатором студенческих чтений. В частности, в 2025 г. по теме «Цифровой Китай: актуальные тенденции цифровой трансформации».

Отдельное внимание уделяется цифровому измерению развития КНР, а именно использованию искусственного интеллекта в дипломатии, большим данным, электронной коммерции, финтеху и формированию цифрового юаня. Эти процессы рассматриваются не только как экономический фактор, но и как инструмент укрепления государственного управления и международного влияния.

Четвертое направление – региональная политика и взаимодействие Китая с государствами Евразии. В контексте белорусско-китайских отношений исследуются перспективы промышленной кооперации, логистические маршруты, развитие Индустриального парка «Великий камень», а также гуманитарное и образовательное сотрудничество. Анализируются механизмы сопряжения интеграционных процессов в рамках ЕАЭС и китайских инициатив. Созданная по инициативе кафедры студенческая лаборатория северного вектора и международная команда ученых и молодых исследователей «Корабль Гошкевичей» смогли в кратчайшие сроки организовать работу по запуску инициативы «Трансарктическая политическая ось стратегических партнеров», основной целью которой является объединение усилий Беларуси, России и Китая на дальневосточном, арктическом и азиатском путях. Апробация отдельных элементов инициативы уже состоялась в рамках трехсторонней встречи ученых из Беларуси, России и Китая и недавно состоявшейся на площадке факультета международных отношений Международной научно-практической конференции «Корабль Гошкевичей»: от духовной миссии в Азии к сотрудничеству стратегических партнеров на арктическом маршруте».

Пятое направление – социокультурные процессы и вопросы «мягкой силы». Изучаются трансформация китайской идентичности, роль традиционной культуры в современной политике, а также информационная стратегия Китая. В условиях глобальной конкуренции нарративов исследования этих аспектов приобретает особую значимость. Наряду с потенциалом БГУ, кафедра активно взаимодействует с коллегами из МИД, НАН Беларуси, БГЭУ, филиала РГСУ в Минске, Международного института управления и предпринимательства.

Таким образом, актуальные направления исследования Китая на кафедре комплексного изучения развития КНР ФМО БГУ отражают необходимость дальнейшего системного, междисциплинарного анализа. Китай сегодня – это не только крупный экономический центр, но и самостоятельный полюс глобального развития, формирующий новые подходы к модернизации, международному сотрудничеству и глобальному управлению.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. Информационные сообщения кафедры комплексного изучения развития КНР ФМО БГУ (2021–2026 гг.) // сайт ФМО БГУ. – URL: https://fir.bsu.by/departments/china/%D1%-81hina-novosti (дата обращения: 23.03.2026).

Секция 1

БЕЛОРУССКО-КИТАЙСКОЕ ТОРГОВО-ЭКОНОМИЧЕСКОЕ И НАУЧНО-ТЕХНИЧЕСКОЕ СОТРУДНИЧЕСТВО

Руководители секции:
Ю. А. Шаврук,
заместитель директора РИКК БГУ,
кандидат экономических наук, доцент
Н. В. Юрова,
заведующая кафедрой международных экономических отношений
факультета международных отношений БГУ,
кандидат экономических наук, доцент

УДК 327

В. Э. Василевская,
аспирант факультета международных отношений БГУ

Научный руководитель: Н. И. Дрозд,
профессор кафедры международных
отношений факультета международных
отношений БГУ, кандидат филологических наук, доцент

КЛЮЧЕВЫЕ СОБЫТИЯ БЕЛОРУССКО-КИТАЙСКОГО СОТРУДНИЧЕСТВА В 2025 Г.

Аннотация: *в статье представлен комплексный анализ ключевых событий белорусско-китайского сотрудничества по итогам 2025 г., основанный на официальных данных Посольства КНР в Республике Беларусь.*

Summary: *the article provides a comprehensive analysis of the key events in Belarusian-Chinese cooperation in 2025, based on official data of the PRC Embassy in the Republic of Belarus.*

Ключевые слова: *Беларусь, Китай, белорусско-китайские отношения, всепогодное партнерство, стратегическое сотрудничество, 2025 г.*

Keywords: *Belarus, China, Belarusian-Chinese relations, all-weather partnership, strategic cooperation, 2025.*

В 2025 г. белорусско-китайские отношения характеризовались качественным развитием: двустороннее сотрудничество расширилось по всем ключевым направлениям. С целью выделения наиболее значимых достижений двустороннего диалога Посольство Китайской Народной Республики в Республике Беларусь организовало специальный онлайн-опрос по определению ключевых событий двустороннего сотрудничества по итогам 2025 г.

Официальный запуск проекта состоялся 9 января 2026 г.; в течение месяца пользователи имели возможность принять участие в голосовании. Из 22 номинированных событий предстояло выбрать 10 наиболее значимых [1]. По итогам опроса в рамках специального брифинга были представлены лидирующие события в политической, экономической, межпарламентской, культурной и образовательной сферах.

Ключевым событием года признаны встречи Президента Республики Беларусь А. Г. Лукашенко и Председателя КНР Си Цзиньпина 4 июня и 31 августа 2025 г. в г. Пекине и г. Тяньцзине. В ходе встреч состоялся обмен мнениями по вопросам региональной и международной безопасности. Встреча в г. Пекин прошла в уникальном неформальном формате, который, по оценке Первого вице-премьера Н. Г. Снопкова, не применяется в отношениях с другими лидерами [2]. Приоритетными темами стали технологическая модернизация и машиностроение. Кроме того, было согласовано участие белорусской делегации в саммите ШОС и мероприятиях, посвященных 80-й годовщине Победы во Второй мировой войне.

Переговоры 31 августа в г. Тяньцзине акцентировали внимание на обмене опытом государственного управления. А. Г. Лукашенко высоко оценил результаты развития Китая, отметив эффективность организации и дисциплины, и подтвердил статус Беларуси как всепогодного партнера. Си Цзиньпин отметил высокий

уровень взаимной поддержки по вопросам национальных интересов и предложил сосредоточиться на развитии «производительных сил нового качества». Стороны также договорились расширить сотрудничество в сферах образования, культуры, туризма и молодежной политики. По итогам встречи подписан пакет документов в областях науки и техники, транспорта, таможенного контроля, финансов и медиа [3].

В перечень ключевых событий вошло поздравительное послание Председателя КНР Си Цзиньпина Президенту Республики Беларусь А. Г. Лукашенко по случаю переизбрания на пост Главы государства, направленное 27 января 2025 г. В поздравлении констатировалось, что благодаря постоянным контактам на высшем уровне двусторонние отношения достигли исторически высокого статуса всепогодного и всестороннего стратегического партнерства. Председатель КНР подтвердил приверженность углублению взаимовыгодного сотрудничества. Особый акцент был сделан на высоком уровне политического взаимодоверия, эффективности многостороннего взаимодействия и результатах реализации инициативы «Один пояс и один путь» [4]. Данное обращение задало позитивную тональность развитию диалога в течение года.

Особое значение имеет совместное участие А. Г. Лукашенко и Си Цзиньпина 31 августа – 3 сентября 2025 г. в Саммите ШОС в г. Тяньцзине и в мероприятиях в г. Пекине по случаю 80-летия Победы во Второй мировой войне. Впервые приняв участие в саммите в качестве полноправного члена, Беларусь обеспечила учет своих национальных интересов в органах управления ШОС. На пленарном заседании А. Г. Лукашенко изложил белорусские стратегические инициативы: формирование архитектуры безопасности в Евразии, либерализация торговли, развитие независимых финансовых механизмов и интеграция с ЕАЭС в логистике [5]. Получение полноправного статуса позволило республике перейти от адаптации к проактивному формированию повестки ШОС, внося вклад в укрепление экономического суверенитета евразийского пространства.

Важным элементом сотрудничества в 2025 г. стала активизация диалога на уровне парламентских, партийных и правительственных структур. 13 июня 2025 г. состоялось заседание Комитета по сотрудничеству между законодательными органами

(сопредседатели Н. И. Кочанова и Чжан Цинвэй), в ходе которого обсуждались вопросы гармонизации законодательства, торгово-экономического взаимодействия и молодежной политики [6]. Стороны констатировали, что высокий уровень межпарламентского диалога базируется на устойчивом политическом доверии между лидерами государств.

22 сентября 2025 г. состоялась встреча Главы Администрации Президента Республики Беларусь Д. Н. Крутого с членом Постоянного Комитета Политбюро ЦК КПК Ли Си. Основной темой стал обмен опытом в сфере государственного управления. Белорусская сторона отметила схожесть подходов к обеспечению политической стабильности и экономической дисциплины, а также выразила заинтересованность в адаптации китайских управленческих практик [7].

21 мая 2025 г. под председательством Первого вице-премьера Республики Беларусь Н. Г. Снопкова и вице-премьера Госсовета КНР Лю Гочжуна прошло 6-е заседание Белорусско-Китайского межправительственного комитета по сотрудничеству. Участники согласовали меры по реализации договоренностей Глав государств, уделив особое внимание научно-технической кооперации. В частности, были одобрены планы проведения специализированных форумов и создания совместных структур, включая Центр сотрудничества в области геологических наук. По итогам заседания подписан пакет документов, направленных на стимулирование прикладных исследований и создание совместных высокотехнологичных предприятий [8].

К числу знаковых событий гуманитарного и инфраструктурного измерения относятся следующие мероприятия. 9 мая 2025 г. в Минске в военном параде, посвященном 80-летию Победы в Великой Отечественной войне, принял участие почетный караул Народно-освободительной армии Китая. Данное событие символизировало общность исторической памяти двух народов. В связи с проводимым мероприятием Чрезвычайный и Полномочный Посол КНР в Республике Беларусь Чжан Вэньчуань подтвердил готовность Китая совместно отстаивать историческую правду и развивать партнерство в рамках построения Сообщества единой судьбы человечества. Представители Министерства обороны Беларуси отметили, что военное сотрудничество будет

углубляться на основе достигнутого высокого уровня стратегического доверия [9].

В сфере гуманитарных обменов ключевым событием стала реализация в августе 2025 г. оздоровительной программы для 100 школьников из КНР в Национальном детском центре «Зубренок». Инициатива, реализованная белорусской стороной на безвозмездной основе, была направлена на укрепление межличностных контактов и знакомство китайской молодежи с культурным наследием Беларуси, что создает основу для развития долгосрочных гуманитарных связей [10].

7 июня 2025 г. официально введен в эксплуатацию Национальный футбольный стадион в Минске, построенный при содействии Китая. Данный проект демонстрирует эффективность практической реализации договоренностей Беларуси и Китая о технико-экономическом сотрудничестве. Объект имеет не только спортивное, но и символическое значение, закрепляя статус двусторонних отношений как всепогодного партнерства, ориентированного на конкретные результаты [11]. Таким образом, события в военной, молодежной и спортивной сферах подтвердили комплексный характер белорусско-китайского взаимодействия, сочетающего идеологическую близость с практической реализацией совместных проектов.

Важным аспектом многостороннего взаимодействия стало активное участие Беларуси в мероприятиях ШОС в 2025 г. в период председательства Китая. Белорусская делегация приняла участие в заседаниях Совета министров иностранных дел, министров обороны, образования и руководителей ведомств стран ШОС. Данная активность способствовала углублению сотрудничества в рамках организации и содействовала ее дальнейшему развитию. Историческая ретроспектива демонстрирует последовательную интеграцию в ШОС Республики Беларусь: от статуса партнера по диалогу (2010 г.) и наблюдателя (2015 г.) к полноправному членству (2024 г.). Полноправное членство предоставило Беларуси право голоса при принятии консенсусных решений и инструменты для продвижения национальных интересов в сферах безопасности, экономики и гуманитарного сотрудничества.

В области культурной дипломатии ключевым событием стал международный фестиваль «Чай для гармонии мира», прошед-

ший 31 мая 2025 г. в Минске. Мероприятие, организованное Министерством культуры и туризма КНР, Посольством КНР в Республике Беларусь и Минским горисполкомом, было направлено на демонстрацию китайских традиций и укрепление гуманитарных связей. В ходе церемонии открытия Чрезвычайный и Полномочный Посол КНР Чжан Вэньчуань отметил символическое значение чая как элемента цивилизации, связывающего Китай с миром. Было подчеркнуто, что Китай готов сотрудничать с Беларусью в продвижении идей мирного развития и построения Сообщества единой судьбы человечества [12].

Таким образом, проведенный анализ ключевых событий 2025 г. свидетельствует о поступательном развитии и качественном углублении белорусско-китайского сотрудничества. Выборка, сформированная на основе данных Посольства КНР, подтверждает, что приоритетами двусторонней повестки остаются укрепление политического доверия, расширение практического взаимодействия в экономике и науке, а также развитие гуманитарных связей. Реализация инфраструктурных проектов, активизация диалога в рамках ШОС и обмен на высшем уровне создали прочный фундамент для дальнейшей институционализации партнерства.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. Топ-10 событий в китайско-белорусском сотрудничестве в 2025 году // Посольство Китайской Народной Республики в Республике Беларусь. – URL: https://wj.qq.com/s-2/17333672/8d8e/ (дата обращения: 22.02.2026).

2. Лукашенко и Си Цзиньпин в Пекине провели встречу // БЕЛТА. – URL: https://belta.by/president/view/lukashenko-i-si-tszinpin-v-pekine-provodjat-vstrechu-718889-2025/ (дата обращения: 22.02.2026).

3. Си Цзиньпин встретился с Президентом Беларуси Лукашенко // Посольство Китайской Народной Республики в Республике Беларусь. – URL: https://ru.chinaembassy.gov.cn/rus/zgxw/202508/t20250831_11699065.htm (дата обращения:22.02.2026).

4. Поздравление от Председателя Китайской Народной Республики Си Цзиньпина // Президент Республики Беларусь. – URL: https://president.gov.by/ru/events/-pozdravlenie-ot-predsedatela-kitajskoj-narodnoj-respubliki-si-czin-pina (дата обращения: 22.02.2026).

5. Участие в саммите ШОС в Тяньцзине // Президент Республики Беларусь. – URL: https://president.-gov.by/ru/events/ucastie-v-sammite-sos-v-tanczine (дата обращения: 22.02.2026).

6. Сотрудничество Беларуси и Китая из года в год развивается по восходящей траектории // Национальный правовой Интернет-портал Республики Беларусь. – URL: https://pravo.by/novosti/-obshchestvenno-politicheskie-i-v-oblasti-prava/2025/june/89098/ (дата обращения: 22.02.2026).

7. Глава Администрации Президента Дмитрий Крутой встретился с членом Постоянного комитета Политбюро ЦК Коммунистической партии Китая Ли Си // Президент Республики Беларусь. – URL: https://president.-gov.by/ru/novosti-aprb/glava-administracii-prezidenta-dmitrij-krutoj-vstretilsa-s-clenom-postoannogo-komiteta-politburo-ck-kpk-li-si (дата обращения: 22.02.2026).

8. В Минске прошло заседание Белорусско-Китайского межправительственного комитета по сотрудничеству // Государственный комитет по науке и технологиям. – URL: https://www.gknt.gov.by/news/2025/v_minske_proshlo_zasedanie_belorussko_kitayskogo_mezhpravitelstvennogo_komiteta_po_sotrudnichestvu/ (дата обращения: 22.02.2026).

9. Проведение торжественного приема в Посольстве КНР в РБ в честь Почетного караула НОАК, принимающего участие в параде, посвященном 80-летию Победы // Посольство Китайской Народной Республики в Республике Беларусь. – URL: https://by.chinaembassy.gov.cn/rus/sgxwdt/202505/t20250509-_11618337.htm (дата обращения: 22.02.2026).

10. Об оздоровлении китайских школьников в «Зубрёнке» // Посольство Республики Беларусь в КНР. – URL: https://by.chinaembassy.gov.cn/rus/sgxwdt/202505/t20250509_11618337.htm (дата обращения: 22.02.2026).

11. Президент Лукашенко принял участие в церемонии открытия Национального футбольного стадиона, построенного при поддержке Китая // Посольство Китайской Народной Республики в Республике Беларусь. – URL: https://by.china-embassy.gov.cn/rus/sbgx/202506/t20250610_11645129.htm (дата обращения: 22.02.2026).

12. Успешное проведение мероприятия «Чай для гармонии мира-2025» в Беларуси // Посольство Китайской Народной Республики в Республике Беларусь. – URL: https://by.chinaembassy.gov.cn/rus/DS/JH/202506/t20250603_11639771.htm (дата обращения: 22.02.2026).

УДК 342.9:351.74:314.15

Чжан Хайжун,
аспирант кафедры международного
экономического права БГЭУ

Научный руководитель: А. В. Егоров,
ректор БГЭУ, доктор юридических наук, профессор

НЕЗАКОННАЯ МИГРАЦИЯ КАК ВЫЗОВ ПРАВОПОРЯДКУ И НАЦИОНАЛЬНОЙ БЕЗОПАСНОСТИ В АДМИНИСТРАТИВНО-ПРАВОВОМ ИЗМЕРЕНИИ БЕЛАРУСИ И КНР

Аннотация: *в статье рассматривается незаконная миграция как фактор угрозы правопорядку и национальной безопасности в Республике Беларусь и Китайской Народной Республике в контексте административно-правового регулирования. В работе выявлены процессуальные риски квалификации нарушений и использования цифровых данных в качестве доказательств, а также проанализированы модели межведомственной координации.*

Summary: *the article examines illegal migration as a challenge to public order and national security in the Republic of Belarus and the People's Republic of China. The study identifies procedural risks related to qualification and the use of digital evidence, and analyzes institutional coordination models.*

Ключевые слова: *незаконная миграция, национальная безопасность, административно-правовое регулирование, миграционный контроль, межведомственное взаимодействие, цифровые доказательства, правоприменение.*

Keywords: *illegal migration, national security, administrative law, migration control, inter-agency coordination, digital evidence, enforcement practice.*

Незаконная миграция в Республике Беларусь и КНР формирует устойчивый комплекс угроз правопорядку и национальной безопасности, сопровождается высокой латентностью, деятельностью посредников, использованием цифровых каналов и смежными правонарушениями. Она проявляется не только в классических формах незаконного пересечения границы или нарушения сроков пребывания, но и в более сложных конструкциях, связанных с фиктивными основаниями для въезда, злоупотреблением

разрешительными процедурами. В таких условиях ключевым становится не только формальное наличие норм, но и способность административно-правового механизма обеспечивать управляемость миграционных потоков и своевременное выявление нарушений. Таким образом незаконная миграция выступает не только как совокупность отдельных административных правонарушений, но и как индикатор функциональной устойчивости административно-правового механизма государственного управления в сфере безопасности.

Белорусская модель межведомственной координации строится на Законе Республики Беларусь от 04.01.2010 г. № 105-З «О правовом положении иностранных граждан и лиц без гражданства в Республике Беларусь» [1], Кодексе Республики Беларусь об административных правонарушениях и Процессуально-исполнительном кодексе Республики Беларусь об административных правонарушениях. Эти акты закрепляют режим въезда, пребывания и выезда, составы правонарушений, административный процесс. Однако на практике выявляются проблемы, связанные с разрывом между абстрактными формулировками и конкретными ситуациями. Так, разграничение «незаконного пребывания» и формальных нарушений учетных процедур затруднено при смене цели нахождения в стране, при совмещении нескольких оснований пребывания (например, обучение и трудовая деятельность) и т. п.

Нормы о миграционных правонарушениях не всегда учитывают специфику использования электронных сервисов и дистанционного взаимодействия с органами внутренних дел. Для ряда составов ключевым становится не фактическое местонахождение лица, а момент поступления или обработки электронного сообщения, записи в информационной системе. Это прямо не отражено в диспозициях и порождает разнотолки при оценке соблюдения сроков регистрации, продления пребывания и др.

Концепция национальной безопасности Республики Беларусь, утвержденная решением Всебелорусского народного собрания от 25.04.2024 № 5 [2], относит миграционные процессы к значимым факторам безопасности и предусматривает необходимость их управляемости, в том числе посредством административно-правовых средств. Однако при переходе на уровень подзаконного

регулирования эта установка реализуется фрагментарно: отдельные ведомства закрепляют собственные алгоритмы действий, ориентированные на их узкий функционал, без достаточной стыковки с процедурами иных органов. В результате при привлечении к ответственности за нарушения миграционного режима одно и то же лицо может становиться объектом параллельных проверок, а обмен информацией осуществляется с опозданием либо в неполном объеме.

В КНР регулирование незаконной миграции опирается на «Закон КНР об управлении въездом и выездом» 2012 г. [3] и комплекс подзаконных актов. Национальная иммиграционная администрация в системе Министерства общественной безопасности КНР аккумулирует функции контроля за въездом, пребыванием, выездом, сокращая число участников административного процесса и уменьшая риск рассогласованности. Вместе с тем, концентрация полномочий приводит к интенсификации административного контроля, особенно в отношении категорий мигрантов, воспринимаемых как «рисковые» (например, трудовые мигранты из определенных регионов или лица, часто меняющие цель пребывания).

Сравнение белорусской и китайской моделей показывает различную степень интеграции: Беларусь опирается на координацию нескольких органов (миграционные подразделения, пограничная служба, органы внутренних дел и др.), в то время как КНР стремится к вертикальной интеграции в рамках одного ведомства. При этом в обеих юрисдикциях результативность административного воздействия определяется согласованностью цепочки действий: выявление, квалификация, фиксация доказательств, принятие решения, контроль исполнения. На каждом этапе возникают типичные сбои. Например, иностранец формально имеет действительные документы, но фактически осуществляет деятельность, не соответствующую заявленной цели въезда, либо находится в процессе переоформления статуса и временно выходит за пределы формально установленных сроков. В отсутствие четких критериев добросовестного поведения правоприменитель вынужден действовать по усмотрению, что ведет к неоднородности практики и спорам при обжаловании постановлений.

Отдельную проблему составляет использование данных регистров и информационных систем в качестве доказательств. В Беларуси и КНР активно развиваются электронные реестры, интегрированные базы данных, системы учета въезда и выезда, но процессуальные кодексы и специальные законы зачастую не содержат детальной регламентации порядка получения, закрепления и проверки таких сведений. В результате одни и те же электронные документы в одних делах признаются достаточными и надлежащими доказательствами, а в других – отвергаются как не отвечающие формальным требованиям.

Процессуальные риски усиливаются и на стадии оформления материалов. Нередко должностные лица ограничиваются краткими ссылками на «данные системы», не конкретизируя источник, время выгрузки и способ проверки. Это облегчает оспаривание таких доказательств и ведет к отмене решений по формальным основаниям.

Предел вмешательства административных органов в отношении иностранных граждан требует закрепления критериев, позволяющих разграничивать ситуации, где достаточно мягких мер профилактики, от случаев, когда необходимы жесткие меры пресечения. К таким критериям относятся наличие или отсутствие реального риска для общественного порядка и безопасности, повторность правонарушений, степень вовлеченности в незаконную занятость, использование подложных документов либо посредников.

Выявленные проблемы в значительной мере обусловлены недостаточной регламентацией межведомственного взаимодействия. Для их преодоления требуется закрепление в подзаконных актах четкого алгоритма, который бы связывал воедино действия органов внутренних дел, пограничных служб, миграционных подразделений, органов труда и социальной защиты, а в КНР – также структур Национальной иммиграционной администрации на различных уровнях. Важным направлением выступает унификация стандартов обмена информацией между органами: требуется установить единые сроки и форматы передачи данных, определить обязательные реквизиты информационных сообщений, предусмотреть механизмы автоматической синхронизации данных между регистрами. Наряду с этим необходимо детализи-

ровать в процессуальных актах порядок работы с цифровыми доказательствами: от момента их получения (фиксации) до предъявления в деле, включая требования к верификации, сохранности и воспроизводимости сведений.

Таким образом, борьба с незаконной миграцией требует согласованной, риск-ориентированной и процессуально регламентированной модели реагирования. Сопоставление белорусских и китайских решений показывает, что устойчивость административной практики достигается не столько за счет ужесточения санкций, сколько через институциональное упорядочивание: концентрацию компетенций либо эффективную координацию органов, интеграцию информационных систем, четкое определение пределов вмешательства и закрепление алгоритмов межведомственного взаимодействия. Именно в этих аспектах сосредоточены основные резервы повышения эффективности противодействия незаконной миграции и снижения правоприменительных рисков.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. О правовом положении иностранных граждан и лиц без гражданства в Республике Беларусь: Закон Респ. Беларусь от 4 янв. 2010 г. № 105-З // Национальный правовой Интернет-портал Республики Беларусь. – URL: http://www.pravo.by (дата обращения: 24.01.2026).

2. Об утверждении Концепции национальной безопасности Республики Беларусь: решение Всебелорусского народного собрания от 25 апр. 2024 г. № 5 // Национальный правовой Интернет-портал Республики Беларусь. – URL: http://www.pravo.by (дата обращения: 24.01.2026).

3. 中华人民共和国出境入境管理法: Закон КНР об управлении выездом и въездом: принят 30.06.2012 на 27-м заседании Постоянного комитета Всекитайского народного съезда 11-го созыва: вступ. в силу 01.07.2013 // Вестник Всекитайского собрания народных представителей. – 2012. – 30 июня. – URL: http://www.npc.gov.cn/zgrdw/npc/xinwen/2012-07/01/content_1728516_2.htm (дата обращения: 23.02.2026).

УДК 339.5

М. Кулагин,
магистрант школы экономики и менеджмента ДПУ,
К. В. Фарино,
студент исторического факультета БГУ

Научный руководитель: Чэнь Чжэнь,
доцент факультета экономики ДПУ,
доктор экономики

SWAP AGREEMENTS' ROLE AND PLACE IN BELARUS-CHINA RELATIONS

Аннотация: *в статье исследуется валютный своп как инструмент двустороннего финансового сотрудничества Республики Беларусь и Китайской Народной Республики, анализируется практика применения своп-соглашений между Национальным банком Республики Беларусь и Народным банком Китая.*

Summary: *the article examines the currency swap as an instrument of bilateral financial cooperation between the Republic of Belarus and the People's Republic of China, analyses the swap agreement application between the National Bank of the Republic of Belarus and the People's Bank of China application.*

Ключевые слова: *своп-соглашение, валютный своп, вторичные санкции, белорусско-китайские отношения, расчеты в национальных валютах.*

Keywords: *swap agreement, currency swap, secondary sanctions, Belarus-China relations, settlements in national currencies.*

Financial relations between the Republic of Belarus and the People's Republic of China are developing within a framework of long-term strategic partnership anchored by a series of bilateral agreements. One of the central instruments in this framework is the currency swap agreement concluded between the National Bank of the Republic of Belarus (NBRB) and the People's Bank of China (PBC). The swap line allows two central banks to exchange their national currencies – Belarusian rubles (BYN) and Chinese yuan renminbi (CNY) – on predetermined terms, thereby creating a settlement infrastructure that operates independently of US dollar and euro [1].

In 2022 Western governments imposed a new wave of wide-ranging sanctions against Belarus. Chinese banks and enterprises that maintain

exposure to US and EU markets have faced a tangible risk of secondary sanctions for processing payments to Belarusian counterparties through dollar or euro correspondent accounts. Against this backdrop, the swap agreement has come to perform a function that extends well beyond its original purpose of reinforcing bilateral financial ties: it provides an infrastructure through which trade flows can be maintained when conventional settlement channels are impaired [2].

The Currency Swap as a Financial Instrument.

In the interbank practice of central banks, a currency swap is an agreement to exchange specified amounts of two different currencies for a predetermined period, with a commitment to reverse the exchange at maturity at the same rate. Unlike a market swap contract, central-bank swap agreements function primarily as reserve-liquidity facilities: they allow a party to obtain foreign-currency liquidity without having to purchase it on the open market, thereby insulating the requesting central bank from adverse exchange-rate movements at the time of drawdown [3].

The People's Bank of China (PBC) has been building its network of bilateral swap lines as a key element of its yuan-internationalisation policy. By the end of 2024 the PBC maintained active swap agreements with more than 40 central banks worldwide, with a combined limit exceeding CNY 4 trillion, according to the PBC Annual Report [4]. The Belarus-China line occupies a modest position in volume terms within this global network, yet holds disproportionate strategic importance given the geographic context and the current geopolitical environment.

The bilateral swap agreement between the NBRB and the PBC was originally signed on 10 May 2015[1], providing for an exchange of up to CNY 7 billion against the BYN equivalent. The agreement was renewed in 2020 for a further 3-year term with unchanged limits [5]. Under its terms, each central bank may draw on the allocated limit to fund settlements in the partner's currency – that is, the NBRB gains access to yuan liquidity while the PBC can access Belarusian-ruble liquidity. A further renewal in 2023 extended the line through 2026, confirming both parties' commitment to this settlement mechanism [1].

[1] Первое СВОП соглашение между Национальным банком Республики Беларусь и Народным банком Китая было подписано в марте 2009 г. (прим. ред.).

Trade Balance Dynamics: Belarus and the PRC.

Bilateral goods trade between Belarus and China has grown substantially over the past decade: by 2024 total turnover reached approximately USD 8,4 billion, representing a 4,7-fold increase compared to 2014, according to data published by the Embassy of Belarus in China [2]. At the same time the trade balance has remained persistently negative for the Belarusian side. Belarusian exports to China consist primarily of potash fertilisers, rapeseed oil, processed meat and dairy products, timber and pulp; import from China covers a broad range of industrial goods, machinery, electronics, vehicles, and consumer products. This structural asymmetry makes the question of accessible, sanction-insulated settlement mechanisms especially pressing for Belarus [6].

As *Table 1* illustrates, the trade deficit widened sharply from USD 1,5 billion in 2020 to approximately USD 4,8 billion in 2024.

Table 1

Trade Balance of the Republic of Belarus with the People's Republic of China, 2020–2024

Year	BY Exports to PRC, USD mn	BY Imports from PRC, USD mn	Total Turnover, USD mn	Trade Balance, USD mn	Source
2020	697.2	2,181.4	2,878.6	–1,484.2	Belstat / GACC
2021	900.8	2,892.6	3,793.4	–1,991.8	Belstat / GACC
2022	893.5	3,155.9	4,049.4	–2,262.4	Belstat / GACC
2023	782.6*	3,540.7	4,323.3	–2,758.1	Belstat / GACC
2024	1,820.0**	6,580.0	8,400.0	–4,760.0	GACC / Embassy

Note: Belstat open data for 2020–2023 (exports figures exclude classified strategic commodities, primarily potash fertilizers). 2024 figures are derived from General Administration of Customs of China (GACC) mirror statistics and Embassy of Belarus in China data.

* Belstat open-data estimate; actual exports including classified items significantly higher.

** Implied figure (Total − Imports).

Sources: [6–8].

The particularly steep growth in Chinese exports to Belarus in 2024 – reaching USD 6,58 billion according to GACC data – reflects the accelerated reorientation of Belarusian import demand towards China following the effective closure of many EU supply channels. Total bilateral turnover of USD 8,4 billion in 2024 represents a new historical high and confirms the deepening of structural trade interdependence [2, 7].

Partial data for 2025 point to continued growth. According to the Belarusian Universal Commodity Exchange (BUCE), Chinese companies ranked third in exchange-traded exports from Belarus in January–August 2025, with transaction volumes reaching USD 94 million – a 7 percent increase year-on-year [9]. Full-year 2025 trade statistics with a country breakdown are expected from Belstat in the first quarter of 2026 [8].

Secondary Sanctions and Their Impact on Settlements.

Secondary sanctions refer to the extraterritorial extension of a sanction's regime to third-country entities that conduct transactions with primary-sanctioned parties. In the context of Belarus–China trade, this means that a Chinese bank routing a dollar-denominated payment to a Belarusian enterprise through a US correspondent account risks exposure to US sanctions authorities. Analogous exposure arises for euro-denominated transactions processed via EU-headquartered correspondents [10].

Since 2022 a significant share of Chinese financial and credit institutions has de facto suspended or severely restricted dollar-denominated transactions directed at Belarusian counterparties, citing compliance risk. A parallel tightening of euro-transaction procedures has been observed. The consequence is a widening gap between the declared ambition to increase bilateral trade and the practical ability to service that trade through conventional correspondent-banking channels. This structural tension elevates the operational relevance of alternative settlement mechanisms [2; 10].

The Swap Mechanism as a Settlement Infrastructure.

The NBRB-PBC swap agreement provides an infrastructural response to the problem described above. By channeling transactions through the swap line, the parties can construct a settlement chain in which no leg involves a payment instrument subject to US or EU jurisdiction. The operational logic of this mechanism is set out in *Table 2.*

Table 2

Settlement Mechanism Based on the NBRB-PBC Swap Agreement

Step	Party	Action
1	Belarusian exporter / importer	Initiates a commercial transaction with a Chinese counterparty; both parties agree to settle in CNY or BYN, explicitly avoiding USD/EUR-denominated flows.
2	Chinese commercial bank	Transfers CNY to an authorised PRC bank domestically, without routing any payment through USD/EUR correspondent accounts subject to US or EU jurisdiction.
3	Authorised PRC bank → People's Bank of China (PBC)	PBC activates the swap line with the National Bank of the Republic of Belarus (NBRB): delivers CNY and receives the BYN equivalent at the pre-agreed rate.
4	NBRB → Authorised Belarusian bank	Converts received CNY into BYN and credits the Belarusian counterparty's account; alternatively, provides CNY liquidity for domestic trade-finance operations.
5	Outcome	Settlement is completed without any SWIFT transaction in USD or EUR, thereby removing the legal basis for triggering secondary sanctions against PRC banks.

Note: compiled by the author on the basis of [1; 3; 5].

The critical feature of this arrangement is that the PBC and the NBRB act as clearing nodes, absorbing exchange-rate risk and executing conversion without accessing external payment systems. The Chinese commercial bank in the chain operates exclusively in CNY within the PRC domestic market, which formally places its operations outside the jurisdictional reach of US sanctions authorities. The Belarusian recipient obtains BYN or CNY liquidity through the NBRB without any transaction in freely convertible reserve currencies [3; 5].

It should be emphasized that this mechanism does not constitute sanctions evasion in any legal sense. It represents a legitimate bilateral currency-cooperation infrastructure, established well before the current restrictive measures were introduced and fully consistent with accepted central-bank practice. The PBC's official position, reflected in its 2024 Annual Report, is that CNY-denominated settlements under bilateral agreements constitute sovereign operations of the PRC and are not subject to third-country legislation (*Figure 1*) [4].

Prospects for the Development of the Swap Instrument.

Despite its evident potential, practical use of the NBRB-PBC swap line faces several constraints. First, the facility limit of CNY 7 billion

represents only a fraction of Belarus's annual import bill from China: at 2024 volumes, it covers roughly 15 percent of Chinese exports to Belarus. Systematic drawdown would exhaust the limit within months in the absence of an efficient rotation mechanism.

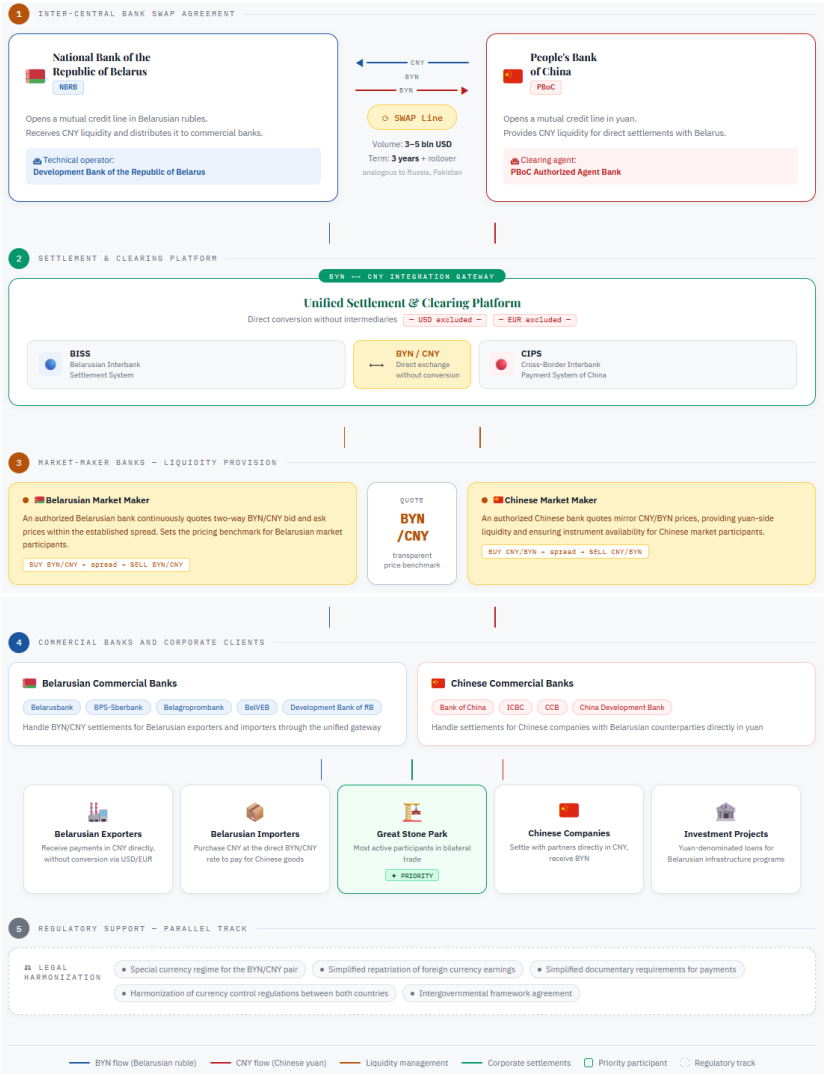

Figure 1. **Diagram of the NBRB-PBC Swap Settlement Mechanism**

Second, the instrument requires authorized commercial banks on both sides that are operationally equipped and legally willing to work with both currencies within the existing compliance environment. Third, BYN/CNY exchange-rate risk remains a meaningful consideration for commercial transaction parties [3].

The overall trajectory of Belarus-China financial cooperation nonetheless points toward deeper integration in national-currency settlements. Joint governmental statements have consistently affirmed both sides' intention to increase the share of CNY and BYN in bilateral trade settlements. The expansion of Chinese company participation in Belarusian exchange platforms – with 64 new entities accredited on BUCE in 2025 alone – signals active interest from the Chinese private sector in developing national-currency-based trade infrastructure [9]. If the swap-line limit were to be expanded and the number of authorized intermediary banks to grow, the instrument could cover a substantially larger share of bilateral payment needs, reducing dependence on Western payment infrastructure [2].

In conclusion, the currency swap agreement between the National Bank of the Republic of Belarus and the People's Bank of China serves a dual function within the bilateral relationship. On one level, it is an instrument of financial integration, supporting the gradual transition to national-currency settlements in accordance with the long-term strategic interests of both states. On another level, in the context of sustained Western sanctions pressure on Belarus, it provides an alternative settlement channel that allows Chinese companies to make payments to Belarusian counterparties without incurring secondary-sanctions exposure under US or EU law. The further development of this instrument – expansion of the facility limit, broadening of the authorized-bank network, and codification of standardized operating procedures – represents a priority direction for both parties in the medium term.

REFERENCES

1. On bilateral currency swap operations in national currencies: Agreement between the National Bank of the Republic of Belarus and the People's Bank of China // National Bank of the Republic of Belarus. – URL: https://www.nbrb.by/mp/interdocs (date of access: 01.02.2026).

2. Belarussian-Chinese Strategic Partnership: Trade and Economic Dimension // Embassy of the Republic of Belarus in the People's Republic of China. – URL: https://china.mfa.gov.by/ru/embassy/news/de366361de98f986.html (date of access: 03.02.2026).

3. National Bank of the Republic of Belarus Annual Report 2024 // National Bank of the Republic of Belarus. – URL: https://www.nbrb.by/publications/report (date of access: 01.02.2026).

4. People's Bank of China Annual Report 2024 // People's Bank of China. – URL: https://www.pbc.gov.cn/en/3688110/3688172/index.html (date of access: 03.02.2026).

5. National Bank of the Republic of Belarus Annual Report 2020: Section on International Cooperation // National Bank of the Republic of Belarus. – URL: https://www.nbrb.by/publications/report (date of access: 01.02.2026).

6. Foreign Trade of the Republic of Belarus: Statistical Yearbook 2025 // National Statistical Committee of the Republic of Belarus (Belstat). – Minsk: Belstat, 2025. – URL: https://www.belstat.gov.by (date of access: 05.02.2026).

7. Results of Foreign Trade in Goods for 2025: Press Release, 05 February 2026 // National Statistical Committee of the Republic of Belarus (Belstat). – URL: https://www.belstat.gov.by (date of access: 06.02.2026).

8. General Administration of Customs of China: Foreign Trade Statistics 2024 // General Administration of Customs of the People's Republic of China. – URL: http://english.customs.gov.cn (date of access: 05.02.2026).

9. Belarusian Universal Commodity Exchange: Results of Exchange Trade with the PRC, January–August 2025 // Belarusian Universal Commodity Exchange (BUCE). – URL: https://eng.buce.by (date of access: 07.02.2026).

10. General Information on Foreign Trade: Directions and Results // Ministry of Foreign Affairs of the Republic of Belarus. – URL: https://mfa.gov.by/trade/ (date of access: 04.02.2026).

УДК 339.56.055

Ян Цяньхуэй,
магистрант кафедры национальной экономики
и государственного управления БГЭУ

Научный руководитель: **Е. Е. Шарилова,**
доцент кафедры статистики БГЭУ,
кандидат экономических наук, доцент

CHINA-BELARUSIAN COOPERATION IN SERVICES TRADE: STATE, TRENDS AND PROSPECTS

Аннотация: *статья посвящена комплексному анализу торговли услугами между Беларусью и Китаем в контексте Соглашения о торговле услугами и осуществлении инвестиций, заключенном в 2024 г.*

Summary: *the article presents a comprehensive analysis of trade in services between Belarus and China within the context of the 2024 Agreement Between the Government of the People's Republic of China and the Government of the Republic of Belarus on Trade in Services and Investment.*

Ключевые слова: *торговля услугами, инвестиции, транспортная логистика, «Великий камень», МСП.*

Keywords: *trade in services, investment, transport logistics, «Great Stone», SMEs.*

1. The Institutional Framework: The 2024 Agreement on Trade in Services and Investment.

The foundation of modern economic relations between China and Belarus is built on a robust legal structure. On August 22, 2024, both nations signed the Agreement on Trade in Services and Investment (hereinafter the 2024 Agreement). Belarus is the first Eurasian Economic Union member to establish such a comprehensive services free trade zone with China [1]. The agreement creates a transparent, predictable environment for bilateral trade growth. *Table 1* summarizes its key components based on official reports.

This framework follows principles of mutual respect and shared development, reducing barriers for service providers through clear rules and enforceable standards [1]. It covers finance, transport, and professional services, allowing both nations to leverage comparative

advantages. For Belarus, it means better access to the Chinese market; for China – a stable Eastern European investment destination [2, p. 108–115].

Table 1

Summary of 2024 China-Belarus Agreement on Trade in Services and Investment

Category	Key Provisions & Objectives
Market Access	Establishing high levels of mutual openness in service sectors and removing discriminatory barriers for service providers
Investment Protection	Providing legal guarantees for Chinese and Belarusian investors, including protection against non-commercial risks
Personnel Movement	Simplifying procedures for the entry and temporary stay of business personnel to facilitate project implementation
Transparency	Committing to the timely publication of laws and regulations related to trade in services and investment
Economic Impact	Target of 12 percent growth in service exports and 30 percent increase in bilateral investment over five years
Effective Date	The agreement is set to enter into full force on January 1, 2026, following national ratification processes

Source: [1].

2. Information and Communication Technologies (ICT) in China-Belarus cooperation.

The digital economy drives global growth, and ICT services are a key cooperation area between China and Belarus. Belarus is a regional leader in software development, while China leads in 5G, AI, and digital infrastructure. Integrating Belarusian programming with Chinese hardware creates a powerful synergy [2, p. 108–115].

ICT cooperation involves deep institutional integration. Under the Digital Silk Road, both nations collaborate on smart cities, e-commerce, and telecom upgrades. The 2024–2025 Year of Cooperation in Science, Technology, and Innovation prioritizes high-tech sectors [2, p. 108–115]. Huawei and ZTE have modernized Belarusian telecom networks. Belarusian IT firms provide specialized software for the Chinese market. *Figure 1* and *Figure 2* illustrate ICT trade cooperation and growth.

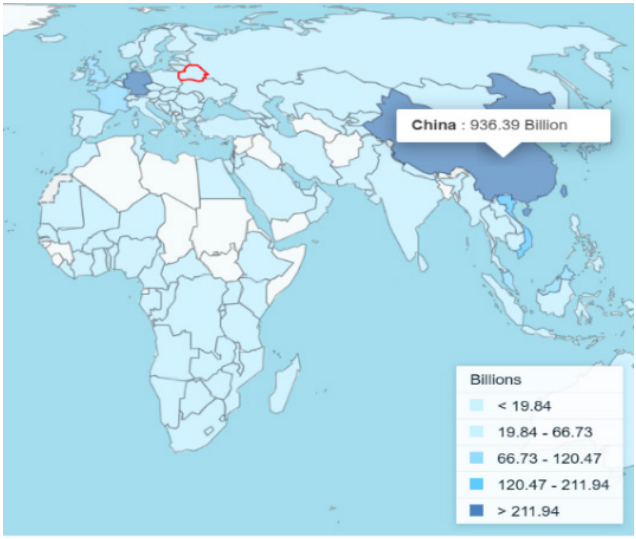

Figure 1. **China is the largest importer of ICT-related goods in Belarus (2024) (Billion USD)**
Source: [3].

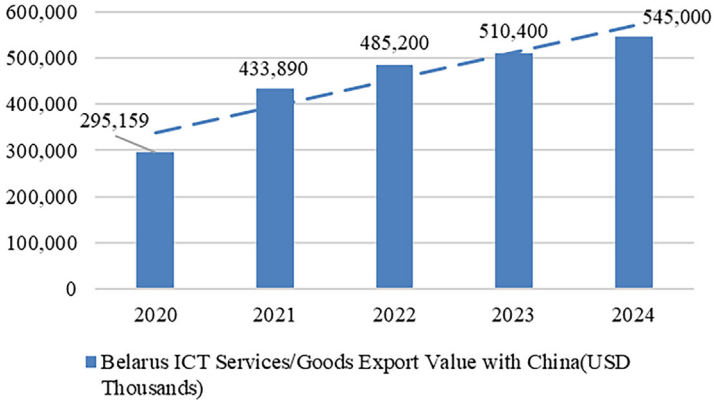

Figure 2. **Growth trends in Belarus ICT-related trade with China (2020–2024)**
Source: [3].

Data analysis shows a consistent upward trend in the exports of ICT services from Belarus to China. Although global economic conditions have been volatile, the demand for digital services has

remained resilient. In 2024, Belarusian exports of ICT goods and services reached record levels, reflecting the growing maturity of this partnership [3]. The focus is now shifting toward advanced fields such as data processing, cloud computing, and the digital transformation of traditional industries. This shift is essential for Belarus to maintain its competitive edge in the international service market.

3. The Strategic Role of Rail Transit.

Transport and logistics are the backbone of the Industrial Park Great Stone and the Belt and Road Initiative. Belarus' location makes it a key gateway between Asia and Europe. The China-Europe Railway Express balances speed and cost. The Belarus rail corridor remains vital for global supply chains. In 2024, Belarus transport service exports grew 19,6 percent, with railway services up 33,8 percent [4]. This growth stems from increased container traffic on the China-Belarus route. Fixed schedules have cut travel times by over 30 percent [5].

Rail's role extends beyond freight movement to logistics services like warehousing and customs brokerage. Belarus has modernized infrastructure to handle growing container volumes, supporting trade and generating service demand. The Eurasian Land Bridge drives economic integration. Freight volumes confirm the strengthening partnership. *Table 2* shows container statistics highlighting the railway network's strategic importance.

Table 2

China-Europe rail transit volume through Belarus (2022–2024)

Metric	2022	2023	2024
Total Container Volume (TEU)	425	460	506,3
Number of Journey (Trains)	17,5	18,2	19,392
Transport Services Revenue (USD Billion)	3,8	4,1	4,5

Source: [4; 5].

The continued expansion of rail transit is vital for the success of the 2024 Agreement mentioned in the second section. As trade volumes grow, the demand for efficient logistics services will continue to rise. By maintaining its role as a reliable transit hub, Belarus can ensure a steady stream of service exports revenue while providing China

with a secure and efficient route to reach international markets. This mutually beneficial relationship is a key pillar of the China-Belarus comprehensive strategic partnership.

4. The Industrial Park Great Stone: A Hub for Trade in Services.

The China-Belarus Industrial Park Great Stone is a key pillar of bilateral economic cooperation, evolving into a hub for high-technology services and innovation. Its location near Minsk offers a geographical edge for logistics and service trade. As of 2025, it hosts 171 resident companies from 15 countries, attracting nearly 1,6 billion USD in foreign investment. Its service-oriented shift focuses on five sectors: integrated logistics, R&D, electronics, biotechnology, and e-commerce. Over 70 percent of ongoing projects use fifth and sixth-generation technologies, requiring specialized digital services [6].

The park's critical services include integrated logistics. In 2024, Belarus' transport and logistics service exports rose 19,6 percent [8]. Logistics residents offer high-value services like customs clearance and digital tracking. A one-stop service department streamlines legal procedures, cutting business costs. By adapting Chinese tech for the Eurasian market, the park enables IP and technical exchanges. Great Stone has evolved from manufacturing to a comprehensive service hub for trade in services, logistics, and innovation.

5. Banking Integration and Settlements.

Financial and banking cooperation is the foundation for China-Belarus trade in services. Without a stable system for cross-border settlements, growth in transportation, ICT, and tourism services would not be possible. In recent years, both nations have reduced their reliance on Western financial infrastructure and created a more integrated banking environment. This cooperation has moved toward the use of local currencies and Chinese-led payment systems. *Table 3* shows the chronology of major financial and banking agreements between China and Belarus.

The use of the Cross-Border Interbank Payment System (CIPS) is increasing. Belarus was an early participant, enabling direct RMB settlements without SWIFT. In 2024, CIPS processed over 8,2 million transactions globally, a 42,6 percent increase in total value [9]. Settling in RMB provides a secure channel that minimizes risks from sanctions and currency fluctuations, which is essential for frequent service payments. Major institutions like the China Development Bank and

Export-Import Bank of China are central to this integration, providing over 5 billion USD in credit lines for Belarusian infrastructure and services since 2008. On the Belarusian side, Belarus Bank and the Development Bank facilitate these funds [7, p. 265–270]. This cooperation also includes fintech exchange and personnel training.

Table 3

Chronology of Major Financial and Banking Agreements between China and Belarus

Year	Major Financial and Banking Agreements	Description
2009	Bilateral Currency Swap Agreement	Established a framework for exchanging local currencies to support trade and liquidity
2019	Agreement on Cooperation in the Financial Sector	Focused on interbank cooperation and the opening of representative offices in both countries
2023	RMB Revolving Credit Facility Agreement	Provided by the China Development Bank to support Belarusian projects and trade settlements
2024	Belarus Joins the Shanghai Cooperation Organization (SCO)	Enhanced the framework for regional financial security and multi-currency payment systems

Source: compiled by author.

6. The Role of SMEs in Interregional Cooperation.

SMEs (Small and Medium-sized Enterprises) are a key driver of service trade growth between China and Belarus, ensuring cooperation benefits reach local levels. Interregional cooperation has shifted from goods to services like consulting and digital marketing, supported by the 2024 Agreement's legal framework for small investors.

This interregional focus decentralizes economic activity. The years 2024–2025 were designated as the Years of Cooperation in Science, Technology and Innovation, leading regions like Brest and Minsk to partner with Chinese provinces such as Gansu and the municipality of central subordination Chongqing [12, p. 45–60]. These partnerships create joint service centers supporting SMEs. In early 2023, trade turnover between these regions grew by about 20 percent [10].

Table 4 outlines key interregional cooperation projects supporting SMEs and trade in service.

Table 4

Interregional Cooperation Mechanisms Supporting SMEs

Mechanism Name	Participating Regions	Primary Service Focus
Innovation Roadmap	National Level (Multiple Regions)	Science, Technology & Digital Services
Minsk-Chongqin Business Council	Minsk Region and Chongqing City	Logistics, Financial Consulting & E-commerce
Grodno-Gansu Tech Center	Grodno Region and Gansu Province	Agricultural Services & Biotechnology R&D
Brest-China Regional Hub	Brest Region and Various Provinces	Tourism, Transport Services & Trade Consulting
One Station Service Desk	Great Stone Park (All Regions)	Administrative & Legal Support for Foreign Investors

Source: [11].

The following *Figure 4* illustrates the growth trend in the number of SME participants in interregional trade programs in Belarus, showing a clear upward trajectory as institutional support has strengthened.

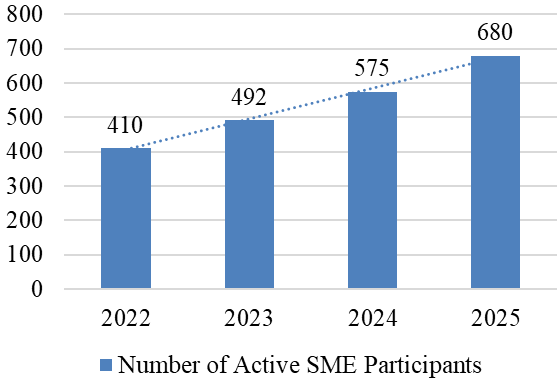

Figure 4. **Growth in SME Participation in Interregional Service Projects in Belarus (2022–2025)**
Source: [10; 12, p. 45–60].

Interregional cooperation bridges cultural and linguistic gaps. Local governments organize business matchmaking events where small firm owners meet directly. These events are essential for building trust in service-based transactions.

Focusing on the regional level allows both countries to address specific local needs, such as specialized logistics services in border regions or university-led research services in academic hubs. Thus, SMEs contribute not only volume but also quality and diversity of services to the bilateral economy.

7. Conclusion.

This study summarizes the current state of China-Belarus trade in services. The results show that the 2024 Agreement has accelerated integration in key sectors, particularly ICT, rail transit logistics, and SMEs interregional cooperation.

By mapping institutional barriers and sector dynamics, the study provides an empirical basis for analyzing modern international service markets. For practical application, the findings serve as an operational guide. The risk assessments allow policymakers to design mechanisms that lower financial and administrative barriers. Additionally, cross-border technology and logistics enterprises can use these insights to adjust supply chains and maximize commercial benefits under the bilateral legal framework.

REFERENCES

1. Agreement between the Government of the People's Republic of China and the Government of the Republic of Belarus on Trade in Services and Investment / THE STATE COUNCIL THE PEOPLE'S REPUBLIC OF CHINA. – URL: https://www.gov.cn/gongbao/2026/issue_12486/202601/content_7054227.html (date of access: 12.03.2026).

2. *Шелег, Н. С.* Торгово-экономическое сотрудничество Китая и Беларуси в контексте программы «Один пояс и один путь» / Н. С. Шелег, Лу Минцзинь // Общество и экономика. – 2023. – № 9. – С. 108–115.

3. High-technology exports (current US$) – Belarus // World Bank Open Data. – 2026. – URL: https://data.worldbank.org/indicator/TX.VAL.Tech.CD?locations=BY (date of access: 12.03.2026).

4. Belarus' transportation exports up by 19.6 % in 2024 // Republic of Belarus Government Portal. – 2025. – URL: https://narovlya.gov.by/en/republic-en/view/belarus-transportation-exports-up-by-196-in-2024-24852-2025/ (date of access: 12.03.2026).

5. The China-Europe Railway Express: A Closer Look Into the World's Longest Railway Line // European Guanxi. – 2026. – URL: https://www.europeanguanxi.com/post/the-china-europe-railway-express-a-closer-look-into-the-world-s-longest-railway-line (date of access: 12.03.2026).

6. Over 150 companies implement projects in Great Stone Park // Gomel Region Executive Committee. – 2025. – URL: https://gomel-region.gov.by/en/economicsen/view/-over-150-companies-implement-projects-in-great-stone-park-53771-2025/ (date of access: 12.03.2026).

7. Reproducing power through infrastructure: the development of Sino-Russian financial interdependence (2014–2024) // Taylor & Francis Online. – 2025. – Vol. 11 (1). – P. 256–270.

8. Belarus' transportation exports up by 19.6% in 2024 // Republic of Belarus Government Portal. – 2025. – URL: https://narovlya.gov.by/en/republic-en/view/belarus-transportation-exports-up-by-196-in-2024-24852-2025/ (date of access: 12.03.2026).

9. Cross-Border Interbank Payment System // Wikipedia. – 2026. – URL: https://en.wikipedia.org/wiki/CrossBorder_Interbank_Payment_System (date of access: 13.03.2026).

10. Belarusian-Chinese partnership // Newsletter of the Belarusian Chamber of Commerce and Industry "Mercury". – 2023. – URL: https://www.cci.by/en/byul-leten-merkuryy/publikatsii/beltpp-vregionakh/belarus-kitaystrategicheskoe-partnerstvo-regionov/ (date of access: 13.03.2026).

11. Belarus, China to develop roadmap for services and investment agreement // Belarusian Telegraph Agency (BelTA). – 2025. – URL: https://eng.belta.by/economics/-view/belarus-china-to-develop-roadmap-for-agreements-implementation-174702-2025/ (date of access: 13.03.2026).

12. China and Belarus' High-Quality Collaboration in the Belt and Road Initiative: Achievements, Challenges, and Prospects / Zberenovskaya [et al.] // ResearchGate. – 2025. – Vol. 11 (2). – P. 45–60.

УДК339.97

Ли Цзэюй,
магистрант экономического факультета БГУ

Научный руководитель: Ю. Ю. Рассеко,
доцент кафедры международного менеджмента
экономического факультета БГУ,
кандидат экономических наук, доцент

ОПЫТ ИМПОРТОЗАМЕЩЕНИЯ В КИТАЙСКОЙ НАРОДНОЙ РЕСПУБЛИКЕ

Аннотация: *в статье исследуется конкурентная борьба между отечественными производителями и импортерами на внутреннем рынке Китая в условиях глобальной трансформации цепочек поставок и усиления геополитической напряженности.*

Summary: *the article examines the competition between domestic producers and importers in the Chinese domestic market in the context of the global transformation of supply chains and increasing geopolitical tensions.*

Ключевые слова: *конкуренция на внутреннем рынке, импортозамещение, отечественные производители, импортеры, модели взаимодействия, национальные бренды, локализация производства.*

Keywords: *competition within the domestic market, import substitution, domestic producers, importers, interaction models, national brands, localization of production.*

На современном этапе экономического развития, характеризующемся глобализацией, трансформацией цепочек поставок и усилением геополитической напряженности, проблема конкуренции занимает центральное место в экономической политике государств. Открытость национальной экономики, с одной стороны, способствует насыщению рынка и технологическому обмену, а с другой – создает серьезные вызовы для отечественных производителей, вынужденных конкурировать с импортерами.

В сложившейся ситуации создание конкурентных преимуществ перед зарубежными поставщиками становится стратегическим направлением деятельности государства в области обеспечения конкурентоспособности и безопасности национальной экономики. Для успешной конкурентной борьбы недостаточно

лишь обновлять технологическое оборудование или ситуативно реагировать на рыночные изменения. Необходимо комплексное изучение внутреннего и внешнего рынков, глубокий маркетинговый анализ, выявление уязвимых мест конкурентов и скрытых резервов отечественных товаропроизводителей. Для Китая, обладающего открытой экономикой, поиск баланса между защитой внутреннего рынка и поддержанием здоровой конкурентной среды является критически важной задачей.

Конкуренция на внутреннем рынке определена как экономическое соревнование между отечественными производителями и импортерами, протекающее в рамках единого национального правового и налогового пространства, целью которого является завоевание предпочтений местного потребителя через наиболее эффективное сочетание цены, качества и сервиса.

На современном этапе экономика КНР трансформируется в сверхкрупный рынок, где структура конкуренции определяется не только рыночной борьбой, но и активным внедрением инноваций в рамках концепции «новых качественных производительных сил». В период 2021–2024 гг. китайский рынок стал ключевым драйвером глобального роста, демонстрируя высокую устойчивость к внешним шокам благодаря системным преимуществам и эффекту масштаба [1].

Китайская модель импортозамещения демонстрирует эволюцию от простого импортозамещения к глобальному лидерству. В КНР была реализована стратегия «красных цепочек поставок», где государство стимулировало отечественные фирмы заменять иностранные комплектующие своими аналогами на всех этапах.

На первом этапе китайские компании выступали как контрактные площадки для западных брендов (метод «обучения через производство»).

На втором этапе произошел переход к созданию собственных брендов, которые стали успешно вытеснять импорт на внутреннем рынке за счет лучшего понимания запросов местных потребителей.

Можно выделить несколько базовых моделей, описывающих механизмы сосуществования и борьбы национальных и зарубежных производителей в области распределения в Китае (*таблица 1*).

Таблица 1

Типология моделей взаимодействия «отечественный производитель – импортер – ритейлер»

Название модели	Сущность механизма взаимодействия	Опыт Китая
Модель замещения (вытеснения)	Полное вытеснение одного участника другим в результате ценовой или технологической борьбы	Активное замещение глобальных поисковых систем и соцсетей национальными аналогами (экосистемы Alibaba, Baidu, WeChat)
Модель комплементарности (дополнения)	Продукты импорта и местного производства сосуществуют, занимая разные ценовые сегменты (ниши)	Импортная электроника (Apple) занимает премиум-сегмент, в то время как бренды КНР (Xiaomi, Honor) доминируют в массовом сегменте
Модель вертикальной интеграции	Вхождение локальных заводов в производственные цепочки глобальных брендов для получения технологий	Масштабное создание «совместных предприятий» (Joint Ventures) в автопроме, где западные технологии соединяются с китайским производством
Сетевая (платформенная) модель	Соперничество и сотрудничество на базе цифровых площадок (маркетплейсов), где правила устанавливает владелец платформы	Доминирование национальных площадок (Taobao, JD.com), которые обеспечивают локальным брендам более удобную логистику и доступ к данным клиентов

Примечание: источник-собственная разработка на основе [2].

Особую роль в борьбе играет механизм собственных торговых марок (СТМ). Сети в Китае активно развивают свои бренды, производя их на национальных заводах. Это ставит импортеров в сложное положение: им приходится конкурировать не с другим заводом, а с самой торговой сетью.

Факторы, влияющие на импортозамещение в Китае:

1. Влияние инновационно-технологических факторов: трансформация автомобильного рынка КНР. В автомобильной промышленности Китая, которая долгое время служила площадкой для доминирования глобальных брендов, фактор технологического суверенитета стал решающим в борьбе между импортом и местным производством.

Яркой иллюстрацией действия этих факторов является переход КНР от модели совместных предприятий к лидерству национальных брендов (BYD, NIO, Geely). Ранее руководство Китая применяло политику «рынок в обмен на технологии», обязывая иностранных автопроизводителей (Volkswagen, General Motors) создавать партнерства с местными фирмами. Это позволило китайским компаниям пройти стадию обучения, но настоящим прорывом стал переход к производству электромобилей (NEV) [3].

В то время как классические западные импортеры продолжали делать ставку на двигатели внутреннего сгорания, компания BYD сосредоточилась на создании замкнутого технологического цикла – от добычи лития до производства собственных аккумуляторов. Глубокая локализация R&D позволила китайским компаниям не просто заместить импортные аналоги, но и предложить продукт, превосходящий их по уровню цифровизации и интеграции с мобильными сервисами. Для западных брендов это создало «институциональную ловушку»: они потеряли долю рынка из-за медленной адаптации к новым технологическим стандартам Китая. В данном случае интенсивность конкуренции определяется тем, что импорт технологий был успешно заменен собственной инновационной базой.

2. Экосистемная конкуренция в цифровой среде: доминирование платформ Alibaba и Tencent. В сфере цифровой экономики Китая конкуренция трансформировалась под влиянием так называемого «Великого китайского файрвола» и специфики местных

интерфейсов. Здесь традиционные барьеры (таможня) уступили место борьбе за «суперприложения». Конкуренция между национальными гигантами (WeChat, Baidu) и глобальными игроками, такими как Google или Amazon, демонстрирует силу культурно-поведенческих факторов.

Национальные экосистемы (Alibaba) использовали глубокое понимание паттернов поведения китайских потребителей, внедрив системы мобильных платежей (Alipay) и социальную коммерцию задолго до того, как это стало глобальным трендом. Глобальные импортеры цифровых услуг пытались использовать унифицированные шаблоны, что привело к их поражению на китайском рынке. В сегменте e-commerce импортные товары теперь конкурируют на площадках Tmall Global не с конкретными фирмами, а с алгоритмами выдачи, которые отдают приоритет тем, кто быстрее интегрируется в логистику платформы. В данном кейсе сработал инфраструктурный фактор: логистическая сеть Cainiao (подразделение Alibaba) обеспечивает доставку в течение суток даже в отдаленные провинции, что лишает классический трансграничный импорт его главного преимущества – эксклюзивности, делая ставку на сервис и скорость транзакций [4].

3. Рыночная власть ритейла и развитие CTM в торговых сетях КНР. В китайском секторе потребительских товаров (FMCG) ключевую роль играет «байерская сила» местных розничных гигантов и маркетплейсов. Взаимоотношения между сетями (например, Yonghui Superstores или JD.com) и поставщиками наглядно демонстрируют сдвиг власти в сторону посредника.

Ранее на полках магазинов доминировали импортные бренды (Nestle, P&G), диктуя условия за счет силы своего имени. Однако китайские ритейлеры, аккумулировав массивы больших данных, начали активно внедрять собственные торговые марки (CTM). Сети анализируют наиболее популярные импортные позиции и создают их полные аналоги под локальными брендами с более привлекательной ценой.

Отечественные заводы в Китае часто добровольно отказываются от собственного бренда, становясь контрактными площадками для этих сетей (модель C2M – «от потребителя к заводу»). Для иностранного производителя это означает «ценовые ножницы»: ритейлер требует снижения цен, одновременно запуская

на соседней полке свой продукт, произведенный на том же китайском заводе, но стоящий дешевле. Это превращает конкуренцию продуктов в конкуренцию бизнес-моделей, где импортер теряет позиции без инвестиций в локализацию производства под нужды конкретных торговых платформ.

4. Роль институциональных факторов в развитии аграрного сектора КНР. На примере агропромышленного комплекса Китая рельефно проявляется стратегия государственного управления конкурентным полем. Долгое время КНР была зависима от импорта сои, кукурузы и свинины (преимущественно из США и Бразилии). Для преодоления этой зависимости правительство задействовало комплекс институциональных рычагов – от прямых субсидий на покупку семян до стимулирования создания гигантских вертикально интегрированных холдингов (таких как COFCO).

Кейс компании COFCO показывает, как государство превращает компанию в «национального чемпиона», способного на равных конкурировать с мировыми зерновыми трейдерами. Путем введения квот на импорт и создания стратегических резервов, государство создало условия, в которых локальные производители мяса и зерна смогли нарастить объемы, нивелировав преимущество импорта по издержкам. Данный пример доказывает, что в КНР институциональная среда используется как рычаг для долгосрочного изменения структуры рынка в пользу национальных игроков [5].

5. Феномен «Guochao» и конкуренция в индустрии моды. В сфере fashion-ритейла решающее значение приобрел поведенческий фактор и феномен «Guochao» (национальная гордость в потреблении). Глобальные игроки сегмента Fast Fashion (H&M, Zara) доминировали в мегаполисах КНР в течение десятилетий. Однако в последние годы они столкнулись с ростом национальных брендов, таких как Li-Ning и Anta.

Успех местных компаний обусловлен не только коротким плечом логистики, но и адаптацией под специфический культурный код, который импортеры часто игнорируют. В условиях сбоев глобальных цепочек поставок китайские производители смогли обеспечить бесперебойное пополнение магазинов в городах 3-го и 4-го эшелонов, куда западные бренды просто не успевали дотянуться. Это подтверждает, что в современной торговой

системе надежность поставок и лояльность потребителя к местному культурному контексту становятся более важными активами, чем известность мирового бренда.

На современном этапе экономика КНР трансформируется в сверхкрупный рынок, где структура конкуренции определяется не только рыночной борьбой, но и активным внедрением инноваций в рамках концепции «новых качественных производительных сил». В период 2021–2024 гг. китайский рынок стал ключевым драйвером глобального роста, демонстрируя высокую устойчивость к внешним шокам благодаря системным преимуществам и эффекту масштаба [6].

Основой конкурентной архитектуры Китая является сосуществование 3 моделей взаимодействия субъектов, разделяемых по степени государственного участия и входным барьерам (*таблица 2*).

Таблица 2

Отраслевая структура моделей конкуренции в КНР (по состоянию на 2024 г.)

Модель конкуренции	Характеристика среды	Ключевые отрасли	Основные игроки
Естественно формируемая	Низкие барьеры входа, высокая роль частного сектора (POEs), минимальное вмешательство государства	Потребительская электроника, электронная коммерция, легкая промышленность	Aliba, Xiaoi, Anta, Li-Ning
Индуцированная политикой	Высокая капиталоемкость, стимулирование через субсидии, ценовые войны за долю рынка	Электромобили (NEV), полупроводники, возобновляемая энергия, робототехника	BYD, NIO, SMIC, CATL
Государственно-контролируемая	Жесткое регулирование, олигополия государственных предприятий (SOEs), ограниченная конкуренция	Банковское дело, энергетика, телекоммуникации	China Mobile, ICBC, Sinopec

Примечание: источник: составлено автором по [7; 8].

Представленная систематизация моделей взаимодействия субъектов бизнеса в КНР в 2024 г. свидетельствует о высокой степени сегментации национальной экономики, где условия соперничества между отечественными компаниями и импортерами напрямую зависят от стратегической значимости отрасли для государства.

Во-первых, наиболее зрелой и динамичной является модель естественного формирования. В сегментах потребительской электроники и легкой промышленности частный сектор не простоадаптировался к конкуренции с мировыми лидерами, но и перехватил инициативу. Компании уровня Xiaomi и Alibaba за последние 3 года трансформировали внутренний рынок из площадки сбыта иностранной продукции в среду доминирования национальных брендов. Конкурентоспособность здесь базируется на «гиперлокализации» продукта и сверхбыстром обновлении линеек.

Тот факт, что государственное вмешательство в этих секторах минимально, позволил сформироваться естественной рыночной селекции, где выживают наиболее эффективные по издержкам и маркетинговой гибкости игроки.

Во-вторых, наиболее агрессивная среда наблюдается в модели, индуцированной политикой. Примеры BYD и CATL наглядно демонстрируют, как масштабные государственные вливания в сектор электромобилей и возобновляемой энергетики привели к «перегреву» внутренней конкуренции.

Для отечественного производителя эта модель является наиболее рискованной: несмотря на рост выручки (до 35 процентов ежегодно), маржинальность в секторе NEV снижается из-за ценовых войн, инициируемых компаниями для захвата доли рынка. Для импортеров (например, европейских автопроизводителей) эта модель создала практически непреодолимые барьеры: высокая капиталоемкость в сочетании с национальными субсидиями для местных игроков лишает зарубежные компании возможности конкурировать исключительно за счет технологического качества.

В-третьих, государственно-контролируемая модель остается бастионом институциональной стабильности КНР. В таких стратегических хабах, как банковское дело и телекоммуникации, кон-

куренция фактически носит закрытый характер и ограничена взаимодействием нескольких государственных гигантов (COE). Это создает своеобразный «защитный пояс» экономики: государственные банки и операторы связи обеспечивают дешевой инфраструктурой частных производителей из первого и второго секторов, что является скрытым конкурентным преимуществом всей китайской экономической системы на мировом уровне.

К позитивным эффектам конкуренции на рынке КНР следует отнести создание совершенной логистики «последней мили», беспрецедентную акселерацию технологического обновления и развитие инновационных ниш спроса, таких как «серебряная экономика» и концепция «патриотического потребления» (Guochao). Однако эти достижения были получены ценой экстремального перегрева рынка, известного как феномен «нэйцзюань» (инволюция). Негативная динамика 2024–2025 гг. проявляется в тотальной эрозии корпоративной маржи (падение прибыли в ИТ до 0,23 процента), рыночном каннибализме и кризисе перепроизводства (мощности автозаводов вдвое превышают спрос). Чрезмерная интенсивность борьбы за потребителя привела к девальвации стоимости капитала и росту «плохих долгов» у малых и средних производителей, что подрывает финансовую автономию бизнеса.

В совокупности итоги развития конкурентной среды позволяют констатировать достижение рынком КНР «точки убывающей доходности», за которой экстенсивный рост рыночных долей через демпинг перестает служить драйвером национального развития. Дальнейшее усиление институциональной хрупкости предприятий и сокращение притока прямых иностранных инвестиций создают угрозу технологической стагнации. Дальнейшее эффективное функционирование хозяйственной системы КНР потребует жесткого государственного вмешательства для консолидации избыточных производств и смены управленческой парадигмы: от «гонки скоростей» и объемных показателей сбыта к формированию долгосрочного инвестиционного качества и реальной технологической самообеспеченности на всех уровнях цепочки создания стоимости.

Таким образом, опыт Китая показывает, что отечественные компании могут успешно конкурировать с глобальными игроками,

если научатся сочетать мировые стандарты качества с глубоким пониманием запросов местного потребителя. Создание правильной регуляторной среды, поддержка логистики и стимулирование собственных разработок позволяют местному бизнесу не просто защищаться от импорта, но и вытеснять его. Структура конкуренции в КНР эволюционировала в сторону сетевой экосистемности. В 2024 г. борьба за потребителя в Китае ведется не отдельными товарами, а бизнес-моделями, которые интегрированы либо в государственную промышленную повестку, либо в крупнейшие частные ИТ-платформы. Для эффективного противостояния импорту китайский бизнес использует сочетание трех факторов: контроля над национальными базами данных, короткого логистического плеча («последняя миля») и беспрецедентной поддержки со стороны финансовой системы, управляемой через государственные институты. Таким образом, отечественные производители в КНР сегодня формируют стандарты конкуренции, под которые импортеры вынуждены подстраиваться, теряя свою историческую маржинальность и технологическое превосходство.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. Четырнадцатый пятилетний план: модернизация Китая делает уверенные шаги – диалог с Ван Имином, заместителем председателя Китайского центра международных экономических обменов. – 2025. – URL: https://www.qstheory.cn/20251015/02d812e76f004426ada3a2697-dd0f9b6/c.html (дата обращения: 29.01.2026).

2. *Borst, N.* Deciphering Competition: Models of Competition in Chinese Industries / N. Borst // Seafarer Research, Prevailing Winds Blog. – 2024. – URL: https://www.seafarerfunds.com/prevailing-winds/deciphering-competition/ (date of access: 29.01.2026).

3. *Azimbayev, N.* China's Automakers: A Vast and Hyper-Competitive Landscape / N. Azimbayev // Nazym's Alt Bridge, Substack. – 2026. – URL: https://nazymaltbridge.substack.com/p/chinas-automakers-a-vast-and-hyper. – (date of access: 30.01.2026).

4. China's Digital Economy and E-commerce Landscape 2024: Trends and Challenges / Yinma Data Research Group. – Beijing, 2024. – URL: https://www.yinmadata.cn/report2024 (date of access: 29.01.2026).

5. Oriental FMCG Research Center. 2025 China Fast-Moving Consumer Goods (FMCG) Annual Industry Report. – 2025. – URL: https://www.fmcgcenter.org/report2025 (date of access: 29.01.2026).

6. Четырнадцатый пятилетний план: модернизация Китая делает уверенные шаги – диалог с Ван Имином, заместителем председателя Китайского центра международных экономических обменов. – 2025. – URL: https://www.qstheory.cn/20251015/02d812e76f004426ada3a2697dd0f9b6/c.html (дата обращения: 29.01.2026).

7. *Borst, N.* Deciphering Competition: Models of Competition in Chinese Industries / N. Borst // Seafarer Research, Prevailing Winds Blog. – 2024. – URL: https://www.seafarerfunds.com/prevailingwinds/decipheringcompetition/ (date of access: 29.01.2026).

8. China TOP500 New Economy Development Report 2024 / China Enterprise Evaluation Association; Institute of New Structural Economics at Peking University. – Beijing, 2025. – 128 p.

УДК 339.9

Чэнь Хуэйсянь,
аспирант экономического факультета БГУ

Научный руководитель: Н. С. Шалупаева,
доцент кафедры международной политической экономики
экономического факультета БГУ,
кандидат экономических наук

BELARUS-CHINA ECONOMIC AND SCIENCE COOPERATION THROUGH THE LENS OF GLOBAL AND REGIONAL VALUE CHAINS

Аннотация: *в статье рассматривается сотрудничество Беларуси и Китая через призму глобальных и региональных цепочек создания стоимости, уделяя особое внимание их трансформации и региональной интеграции.*

Summary: *the study examines Belarus-China cooperation through the lens of global and regional value chains, paying particular attention to value chain restructuring and regional integration.*

Ключевые слова: *белорусско-китайское сотрудничество, глобальные цепочки создания стоимости, региональные цепочки создания стоимости, цифровизация, региональное развитие*

Keywords: *Belarus-China cooperation, global value chains, regional value chains, digitalization, regional development.*

1. Global and Regional Value Chain Restructuring.

Global value chains have undergone significant restructuring in recent years, driven by geopolitical tensions, technological change, and growing regionalization. These dynamics have led to increased attention to regional value chains as an intermediate form between global fragmentation and national production systems. Regional value chains emphasize geographically proximate production networks, institutional coordination, and reduced exposure to global disruptions, while remaining embedded within broader global value chain structures.

Within this context, China plays a central role as both a lead economy and a coordinator of regional production networks. China-

centered value chains increasingly combine global reach with regional depth, particularly across Eurasia. For participating economies, integration into such value chains offers opportunities for stable market access and technological learning, but also introduces new forms of dependency shaped by governance structures and functional specialization.

From a value chain perspective, participation does not automatically translate into upgrading. The distribution of value-added activities is influenced by lead firm strategies, institutional arrangements, and domestic capabilities. Recent literature highlights that smaller economies often remain concentrated in manufacturing, logistics, or assembly functions, while higher value-added activities such as design and innovation are retained by lead firms. This analytical framework provides the basis for examining Belarus-China cooperation beyond trade flows, focusing instead on functional roles, governance relations, and development outcomes within evolving global and regional value chains.

2. Digitalization and Belarus-China Cooperation.

Digitalization has become a key factor reshaping global and regional value chains by reducing coordination costs, enhancing connectivity, and enabling cross-border production networks. In the context of regional value chains, digital technologies support closer interaction among geographically proximate partners while maintaining links to global markets. As a result, digitalization increasingly influences not only value chain participation, but also the type of functions performed by firms and regions.

Within Belarus-China cooperation, digitalization operates as an enabling mechanism rather than an independent driver of development. Digital infrastructure and platforms facilitate coordination between Belarusian enterprises and Chinese partners in areas such as manufacturing, logistics, and applied technological cooperation. These mechanisms support Belarus's integration into China-centered regional value chains by improving information exchange, supply chain management, and institutional interaction. At the same time, digital connectivity contributes to cooperation in science and technology, particularly in innovation-oriented industrial platforms.

Table 1 presents the analytical framework of this study, linking global and regional value chain restructuring with Belarus-China

economic and science cooperation and its implications for upgrading and regional development.

Table 1

Analytical framework of Belarus-China cooperation within global and regional value chains

Level	Key Elements	Role in Cooperation
Global	Global value chain restructuring	Shapes overall production environment
Regional	China-centered regional value chains	Coordinates regional production networks
Bilateral	Belarus-China cooperation	Enables trade, S&T and digital interaction
Development	Upgrading and regional outcomes	Determines value capture and constraints

However, the developmental impact of digitalization remains conditional. Value chain governance structures continue to shape the distribution of value-added activities, often limiting upgrading opportunities for smaller economies. In China-centered regional value chains, lead firms tend to retain control over strategic functions such as design, innovation, and market access, while partners remain concentrated in standardized or supportive activities. Without complementary investments in skills, innovation capacity, and institutional learning, digitalization may reinforce existing patterns of functional specialization rather than promote substantive upgrading.

3.Regional Development and Upgrading Prospects.

Participation in global and regional value chains has important implications for regional development, particularly for small open economies. A regional value chain perspective emphasizes not only firm-level performance, but also the territorial and institutional conditions shaping value creation and distribution. In this regard, Belarus-China cooperation should be assessed in terms of its contribution to regional development capacity rather than short-term trade outcomes.

Engagement in China-centered regional value chains offers Belarus opportunities for selective upgrading by embedding domestic firms within relatively stable production networks. Industrial cooperation platforms and science-oriented initiatives create channels for technology diffusion, learning, and institutional interaction. These mechanisms may support incremental improvements in production capabilities, organizational practices, and coordination across regions.

At the same time, upgrading prospects remain constrained by value chain governance structures. Recent literature highlights that lead firms typically retain control over strategic functions, while partner economies specialize in standardized or supportive activities. For Belarus, this implies that upgrading is more likely to occur in process optimization, logistics efficiency, and applied technological cooperation rather than in high-value functions such as product design or core innovation. Without sustained investment in human capital, research capacity, and institutional coordination, participation in regional value chains may reproduce existing patterns of specialization.

From a regional development perspective, the long-term impact of Belarus-China cooperation depends on the alignment between value chain participation and national development objectives. Effective upgrading requires coordinated policies that link industrial cooperation, science and technology development, and regional planning. A value chain approach thus underscores the importance of strategic governance and institutional learning in transforming cooperation outcomes into sustainable regional development gains.

Conclusion.

This study has examined Belarus-China economic and science cooperation through the analytical lens of global and regional value chains, situating the analysis within the broader context of value chain restructuring and regionalization. Marking the 34th anniversary of the establishment of diplomatic relations in 2026, the study highlights the relevance of reassessing bilateral cooperation beyond trade flows and toward functional roles, governance structures, and development outcomes.

The analysis shows that Belarus participation in China-centered regional value chains offers opportunities for selective upgrading,

particularly in manufacturing coordination, logistics, and applied technological cooperation. Digitalization functions as an enabling mechanism that supports integration and coordination but its developmental impact remains conditional on domestic capabilities and institutional learning. Value chain governance asymmetries continue to constrain access to higher value-added activities.

From a regional development perspective, the long-term benefits of Belarus-China cooperation depend on the alignment between value chain participation and national development strategies. A global and regional value chain approach underscores the importance of strategic governance, capability building, and institutional coordination in transforming cooperation into sustainable regional development outcomes.

REFERENCES

1. *Giunta, A.* Digitalization and regionalization of global value chains in European industries / A. Giunta, E. Marvasi, M. Sforza // Journal of Industrial and Business Economics. – 2025. – URL: https://doi.org/10.1007-/s40812-025-00347-2 (date of access: 01.02.2026).

2. *Gao, J.* RCEP regional value chain construction and global value chain position enhancement: A measurement analysis based on regional value chains / J. Gao, Y. Zhao, R. Jia // Journal of Industrial and Business Economics. – 2025. – URL: https://doi.org/10.1007/s40812-024-00320-5 (date of access: 05.02.2026).

3. *Ray, S.* Regional value chains: Opportunities for India and ASEAN? / S. Ray, V. Thakur // Journal of Social and Economic Development. – 2025. – URL: https://doi.org/10.1007/s40847-024-00410-z (date of access: 05.02.2026).

4. Xi Jinping meets President of Belarus Alexander Lukashenko / Ministry of Foreign Affairs of the People's Republic of China. – 2025. – August 31. – URL: https://by.china-embassy.gov.cn/chn/zgyw/202508/t20250831_1169-9033.htm (date of access: 06.02.2026).

5. Industrial Park Great Stone expands cooperation with Hong Kong SAR and Shenzhen / Belarusian Telegraph Agency (BelTA). – 2026. – February 2. – URL: https://belta.by/economics/view/velikij-kamen-rasshirjaet-sotrudnichestvo-s-kitajskim-sar-gonkong-i-shenchzhenem-762375-2026/ (date of access: 06.02.2026).

УДК 339.138:664

В. В. Гринько, А. Малашенока,
студенты Института бизнеса БГУ

Научный руководитель: Е. А. Чудинова,
старший преподаватель
кафедры бизнес-администрирования
Института бизнеса БГУ

BELARUSIAN FOOD EXPORTS TO CHINA: MARKETING ADAPTATION BASED ON CULTURAL CODES AND BRAND LOCALIZATION

Аннотация: *в статье исследуются механизмы культурной и визуальной адаптации белорусских экспортных товаров к китайскому рынку, указываются критические факторы, влияющие на успешность реализации, в частности, кондитерской продукции на этом рынке.*

Summary: *the article examines the mechanisms of cultural and visual adaptation of Belarusian goods exports for the Chinese market, the critical factors, influencing the success of sales, in particular, of confectionery products, on this market are identified.*

Ключевые слова: *экспорт продовольствия, Китай, Беларусь, глокализация, адаптация упаковки, функциональное питание.*

Keywords: *food exports, China, Belarus, glocalization, packaging adaptation, functional food.*

The global realignment of trade routes has compelled Belarusian food manufacturers to pivot decisively toward the East, a strategic shift strongly validated by recent economic data. By the end of 2025, Belarus's agricultural exports shattered historical ceilings, reaching the 10 billion USD mark [1]. In this landscape, the Chinese market serves not merely as a promising outlet but as a foundational pillar: the PRC consistently absorbs 4,5 percent of the republic's total food exports. Looking at the broader trade structure, food products account for a substantial 27 percent of all Belarusian shipments to China, cementing the agro-industrial complex as the primary engine of bilateral economic relations [2].

Selling raw commodities is no longer viable; the current market dictates a rigid demand for finished, high-value-added products. The core challenge lies in the so-called standardization trap. Domestic exporters frequently operate under the misconception that European quality certificates and strict state standards will automatically guarantee acceptance by Chinese buyers. Empirical reality proves otherwise. Contemporary China represents an oversaturated, hyper-competitive arena where the solvent Generation Z and urban middle classes categorically reject faceless mass-market commodities. Instead, they demand clean-label products with transparent compositions and, crucially, high emotional brand intelligence.

A foreign product must integrate into the local cultural fabric – becoming «familiar» – without sacrificing its premium imported status. Grant McCracken's Meaning Transfer Theory provides the academic architecture for addressing this challenge, effectively mapping the mechanics of cultural legitimation [3]. This paradigm dictates that a brand cannot simply parachute into a novel territory; it must actively absorb local narratives, filter them through its global identity, and project them back to the consumer as a coherent, relatable symbol.

Regarding packaging and visual communication, the S-O-R (Stimulus-Organism-Response) model governs this process. External stimuli – color schemes, typography, and adaptive naming – function as primary cognitive triggers that shape emotional responses and directly program purchasing impulses. In this sequence, the country of origin acts as an extrinsic quality signal. While Chinese consumers strongly associate Belarusian origin with naturalness and ecological purity, this potent signal dissipates instantly if the packaging ignores local visual codes.

To validate these hypotheses, we conducted an empirical study targeting consumers in major Chinese urban agglomerations (Tier-1 and Tier-2 cities). Initial data collection yielded a cohort of 57 valid questionnaires. When presented with visual packaging choices, the consumer preference clearly leans toward localization, as demonstrated in *Figure 1*.

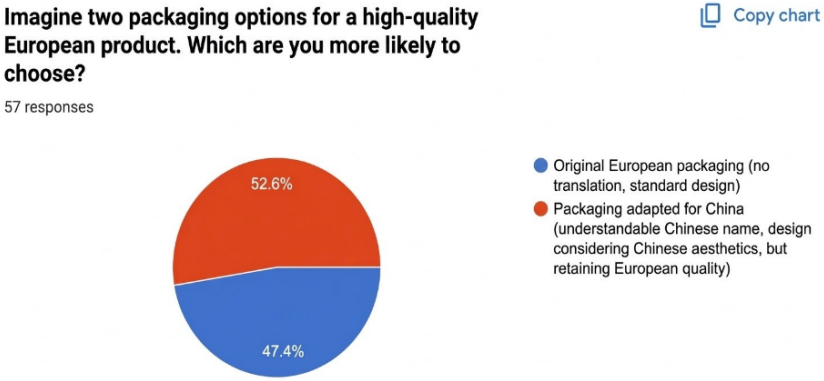

Figure 1. **Consumer preference between original European packaging and China-adapted packaging**

Investigating visual semantics through the S-O-R framework yielded an equally complex matrix. Packaging color programming exerts a rigid influence: red and gold predictably dominate as established markers of status and vital energy. Conversely, the blue-green spectrum triggers genuine cognitive dissonance. While a segment of the audience logically connects cold hues with nature and clean ingredients, a substantial consumer cohort finds that these colors viscerally suppress appetite, evoking associations with artificiality or budget-tier products. Deploying Western eco-design templates in China without profound adaptation effectively guarantees market failure.

Behavioral pattern analysis revealed a tectonic shift: the traditional hedonic consumption of sweets is rapidly ceding ground to functional pragmatism. When evaluating new food brands, respondents assigned identical priority to «impeccable taste» and «reduced sugar content» (42 mentions each). This directly mirrors the national «Healthy China» doctrine manifesting at the micro-economic level. Consumers still expect the traditional sensory pleasure of confectionery but exhibit a profound aversion to carbohydrates. Over half of the surveyed demographic identified reduced-sugar labeling as a critical, non-negotiable trigger for purchase conversion.

The translation of these theoretical constructs into applied commercial practice is clearly demonstrated by leading Belarusian enterprises. The Kommunarka factory introduced a confectionery line based on natural milk powder with minimal sugar, precisely intersecting with the target audience's taste matrix. The high milk protein content effectively dismantles the «junk food» barrier, repositioning the candy as a functional snack. As illustrated in *Figure 2*, our survey strongly corroborates the market appeal of this concept.

The metrics are definitive: in 2025, the enterprise exported over 6000 tons of this product, representing more than 30 percent of its total manufacturing output. Simultaneously, the Krasny Mozyryanin factory adopted a niche dominance strategy, focusing on fruit pastila, which now constitutes over 60 percent of its export portfolio. The clean-label composition satisfies the demand for naturalness, while continuous packaging adaptation for local retailers elevates the relationship from transactional shipments to systemic partnerships. *Figure 3* highlights the substantial local interest in this specific product format [4].

A distinct segment of the research focused on digital brand equity. The Xiaohongshu (Little Red Book) ecosystem has effectively monopolized trust-building mechanisms. The «grass planting» (Zhongcao) strategy – driven by authentic user-generated reviews and micro-influencer integration – has transitioned from a marketing tactic to a mandatory hygiene factor [5]. The absence of a verifiable digital footprint on Chinese social networks breeds immediate consumer skepticism, even toward flawlessly merchandised physical products, frequently leading to transaction abandonment. A foreign product lacking localized digital validation remains semantically mute.

The binary choice between total localization and rigid standardization is obsolete. The sole viable survival mechanism for food brands in the PRC is cross-cultural hybridization, or glocalization. The European product core – recipes utilizing premium, ecologically clean raw materials and stringent safety standards – must remain intact as the anchor of consumer trust. However, the external interface – naming, color semantics,

sweetness profiles, and social media narratives – must strictly adhere to local cognitive frameworks. Attempting to force a pure Western experience onto the Chinese consumer, or conversely, descending into caricatured imitations of local brands, inevitably destroys brand identity. Only the precise, calibrated transfer of cultural meanings will transform episodic export operations into sustainable, long-term international capital.

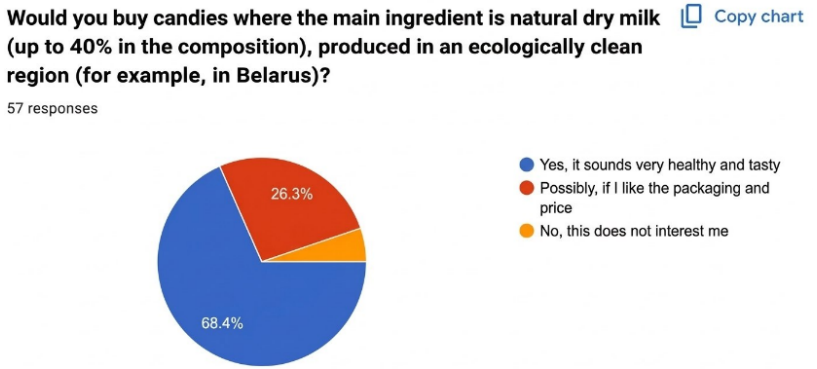

Figure 2. **Willingness to purchase candies featuring natural milk powder from an ecologically clean region**

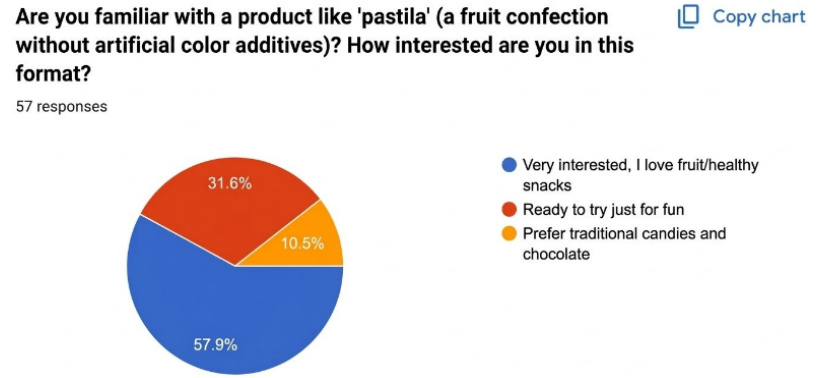

Figure 3. **Consumer familiarity and interest regarding «pastila» (fruit confectionery without artificial colors)**

REFERENCES

1. Belarus food exports hit $10bn record high in 2025 // Belarusian Telegraph Agency (BelTA). – 2026. – URL: https://www.belarus.by/en/business/business-news/belarus-food-exports-hit-10bn-record-high-in-2025_i_0000207081.html (date of access: 10.03.2026).

2. Belarus to export beef, flour, cereals to China // SB.by. – 2026. – URL: https://www.sb.by/en/belarus-to-export-beef-flour-cereals-to-china-.html (date of access: 13.03.2026).

3. *McCracken, G.* Culture and consumption: new approaches to the symbolic character of consumer goods and activities / G. McCracken. – Bloomington : Indiana University Press, 1988. – 174 p.

4. Belarus' top confectionary exports revealed // Belarusian Telegraph Agency (BelTA). – 2026. – URL: https://eng.belta.by/economics/view/belarus-top-confectionary-exports-revealed-176333-2026/ (date of access: 14.03.2026).

5. Xiaohongshu's 2025 Marketing Strategy: The Evolution of Marketing on Xiaohongshu for the Brands // China Trading Desk. – 2025. – URL: https://www.china-tradingdesk.com/post/xiaohongshu-s-2025-marketing-strategy-the-evolution-of-marketing-on-xiaohongshu-for-the-brands (date of access: 12.03.2026).

УДК 656.1:339.9

Нин Юйлинь,
аспирант кафедры экономики и управления
инновационными проектами в промышленности БНТУ

Научный руководитель: Л. В. Гринцевич,
профессор кафедры экономики и управления
инновационными проектами в промышленности БНТУ,
доктор экономических наук, доцент

PROSPECTS FOR THE DEVELOPMENT OF THE BELARUS – WESTERN CHINA TRANSPORT CORRIDOR IN THE SYSTEM OF INTERNATIONAL ECONOMIC COOPERATION

Аннотация: *в статье рассматриваются ключевые элементы транспортно-логистической инфраструктуры коридора Беларусь – Западный Китай, включая автомобильные и железнодорожные магистрали, логистические центры и пограничные переходы, указываются проблемы и ограничения, влияющие на эффективность функционирования данного коридора.*

Summary: *the article examines the key elements of transport and logistics infrastructure of the Belarus-Western China corridor, including highways and railways, logistics centers and border crossings, identifies the problems and limitations affecting the efficiency of this corridor.*

Ключевые слова: *международные транспортные коридоры, транспортная инфраструктура, логистика, Беларусь – Западный Китай, евразийские транспортные маршруты, логистические сети.*

Keywords: *international transport corridors, transport infrastructure, logistics, Belarus – Western China, Eurasian transport routes, logistics networks.*

One of the most important elements of the Eurasian transport system is the Belarus – Western China transport corridor, which connects the countries of East Asia with the European market through the territory of several states. This route plays a significant role in the development of trade and economic cooperation between China, Belarus, and European countries. Belarus occupies a strategically advantageous geographical position at the intersection of major

transport routes between East and West, which allows it to function as a key transit hub in the Eurasian transport network. The development of the Belarus – Western China corridor contributes to strengthening economic integration, increasing cargo flows, and expanding logistics cooperation within the framework of large international initiatives aimed at improving connectivity across the Eurasian continent.

Within the global transport system, Eurasian transport corridors occupy a particularly important position due to their ability to connect the rapidly developing economies of Asia with the large consumer markets of Europe. These corridors form an essential part of the transcontinental transport infrastructure and provide alternative routes for the movement of goods between East and West. The geographical location of Eurasia allows for the creation of land-based transport routes that significantly reduce transportation time compared to traditional maritime routes. As a result, Eurasian transport corridors are becoming increasingly important in the context of global trade development and economic integration. Their expansion and modernization contribute to the strengthening of economic ties between countries, the development of international logistics cooperation, and the formation of a more interconnected and efficient global transport system.

The Belarus – Western China transport corridor represents one of the significant elements of the modern Eurasian transport system, aimed at strengthening economic ties between Asia and Europe. The formation of this corridor is closely connected with the processes of international economic integration and the growing need to develop efficient land transport routes linking major production and consumer markets. The idea of creating a transcontinental transport route connecting Western China with Europe through the territories of Central Asia and Eastern Europe began to develop actively in the early 21st century. One of the key stages in the development of the corridor was the implementation of large-scale infrastructure projects focused on the modernization and construction of highways and railway lines that form a continuous transport route between China and European countries. These initiatives were supported by interstate cooperation agreements and international investment

programs aimed at strengthening transport connectivity across Eurasia.

From the point of geographical perspective, the Belarus – Western China transport corridor passes through several strategically important regions and connects the western provinces of China with Central Asia, Russia, Belarus, and further with European markets. The route significantly reduces the distance and transportation time between Asia and Europe compared to traditional maritime routes. This geographical advantage increases the attractiveness of the corridor for international cargo transportation, especially for goods that require faster delivery. Logistically, the corridor is designed to support multimodal transport operations, combining road, rail, and logistics services. The integration of different modes of transport within a unified transport system increases the flexibility and efficiency of cargo movement and helps optimize logistics processes along the entire route.

The functioning of the Belarus – Western China corridor relies on a complex system of transport and logistics infrastructure. Key infrastructure elements include modern highways, railway lines, logistics terminals, distribution centers, and border crossing points that ensure the smooth movement of goods across national borders. Significant investments have been directed toward the construction and modernization of high-capacity transport routes, which allow for the transportation of large volumes of cargo and ensure reliable connections between major economic centers. Logistics hubs and transport terminals located along the corridor play an important role in cargo consolidation, storage, and distribution. In addition, border checkpoints and customs infrastructure are essential components of the corridor, as they facilitate international transit operations and ensure the regulation of cross-border trade flows [1].

The Belarus – Western China transport corridor plays an important role in strengthening international economic cooperation and expanding trade relations between Asia and Europe. The existence of reliable and efficient transport routes is particularly important for industries that rely on stable and timely delivery of goods, including manufacturing, electronics, machinery production, and consumer goods markets.

The development of the Belarus – Western China corridor also stimulates the growth of logistics services and the modernization of transport infrastructure along the route. Increasing cargo flows require the expansion of logistics facilities, the construction of modern distribution centers, and the improvement of transport management systems. Logistics companies operating within the corridor develop advanced services related to cargo consolidation, storage, customs clearance, and multimodal transportation. These improvements contribute to the creation of integrated logistics networks that ensure the efficient coordination of supply chains. At the same time, governments and private investors allocate significant resources to the modernization of highways, railways, border terminals, and transport hubs, which enhances the reliability and capacity of the corridor.

Investment cooperation is another important aspect of the economic significance of the Belarus – Western China transport corridor. The implementation of large-scale infrastructure projects requires substantial financial resources and coordinated efforts among participating countries. International investment programs and development initiatives support the construction and modernization of transport infrastructure along the corridor. One of the most notable frameworks supporting such development is the Belt and Road Initiative, which aims to strengthen economic connectivity and cooperation across Eurasia through the development of transport, logistics, and trade infrastructure. Participation in international initiatives allows countries located along the corridor to attract foreign investment, develop joint projects, and enhance technological and economic cooperation in the field of transport and logistics [2].

In addition, the Belarus – Western China corridor contributes significantly to regional economic integration. By connecting major production centers in Asia with consumer markets in Europe, the corridor facilitates the movement of goods, services, and investment across national borders. This process strengthens economic ties between countries and promotes the formation of integrated regional markets. The development of transport corridors encourages the harmonization of customs procedures, regulatory frameworks, and

transport policies, which simplifies cross-border trade and improves the efficiency of international logistics operations. As a result, the corridor becomes not only a transport route but also an important mechanism for promoting long-term economic cooperation, regional development, and the strengthening of economic partnerships between participating countries.

Despite the significant economic potential of the Belarus – Western China transport corridor, its development faces a number of challenges and constraints that affect the efficiency and stability of transport operations. One of the major issues is the existence of infrastructure limitations in several sections of the route. Although significant investments have been made in the construction and modernization of highways, railways, and logistics facilities, certain parts of the transport network still require further improvement. Differences in the quality of infrastructure between countries, insufficient capacity of some transport routes, and the need to modernize existing facilities may slow down the movement of goods and increase transportation costs. Continuous infrastructure development, including the expansion of transport capacity and the introduction of modern logistics technologies, is therefore necessary to ensure the long-term competitiveness of the corridor [3].

Another important factor affecting the functioning of the corridor is the presence of complex customs procedures and administrative barriers at national borders. Since the transport corridor passes through several countries, international cargo transportation involves multiple regulatory systems, customs controls, and documentation requirements. Differences in national legislation, customs regulations, and administrative procedures can lead to delays in cargo movement and increase transaction costs for transport and logistics companies. The simplification and harmonization of customs procedures, the introduction of digital documentation systems, and the development of coordinated border management mechanisms are essential steps for improving the efficiency of cross-border transport operations.

Geopolitical and economic factors also have a significant influence on the stability of transport flows along the Belarus – Western China corridor. International trade routes are often affected by changes

in political relations, economic sanctions, and fluctuations in global markets. Such factors may alter trade patterns, influence the direction of cargo flows, and create uncertainties for logistics operators and investors. In addition, economic instability, fluctuations in fuel prices, and global supply chain disruptions can negatively affect the cost and reliability of transportation. As a result, the development of sustainable and diversified transport strategies is necessary to mitigate potential risks and ensure the long-term functioning of the corridor.

Environmental and technological challenges represent another important group of constraints affecting the development of the transport corridor. The growth of international cargo transportation increases pressure on the environment through higher emissions, energy consumption, and the expansion of transport infrastructure. In response to these challenges, many countries are placing greater emphasis on the development of environmentally sustainable transport systems and the implementation of green logistics solutions. At the same time, the rapid development of digital technologies and intelligent transport systems requires the modernization of existing infrastructure and the adoption of advanced technological solutions in the management of transport and logistics processes. Addressing these environmental and technological challenges is essential for ensuring the sustainable and efficient development of the Belarus – Western China transport corridor in the long term [4].

The future development of the Belarus – Western China transport corridor is closely linked with the implementation of modern technological, organizational, and institutional solutions aimed at increasing the efficiency of international transport and logistics systems. In the context of the rapid growth of global trade and the increasing complexity of supply chains, one of the most important directions for improving the functioning of the corridor is the digitalization of transport and logistics processes. The introduction of digital platforms, electronic documentation systems, and intelligent transport management technologies allows for the optimization of cargo transportation, the reduction of administrative procedures, and the improvement of coordination between different participants in the logistics chain. Smart logistics technologies, including real-time

cargo tracking systems, automated warehouse management systems, and digital customs clearance mechanisms, contribute to increasing the transparency, reliability, and speed of transport operations. As a result, digital transformation becomes a key factor in enhancing the competitiveness of the corridor within the global logistics network.

Another important strategic direction for the development of the Belarus – Western China transport corridor is the expansion of multimodal transport systems. Modern international logistics increasingly relies on the effective integration of different modes of transport, including road, rail, maritime, and air transport. Multimodal transportation allows cargo to be delivered using several types of transport within a single logistics chain, which helps to optimize transportation costs and improve delivery times. The development of multimodal transport infrastructure along the corridor contributes to greater flexibility in cargo routing and enables logistics operators to adapt transportation strategies to changing market conditions. The integration of rail and road transport systems, combined with the development of logistics terminals and transshipment facilities, creates favorable conditions for efficient cargo distribution between Asia and Europe.

The expansion and modernization of logistics centers and transport hubs also represent a crucial component of the corridor's future development. Logistics centers serve as key nodes within international transport networks, providing services related to cargo consolidation, storage, processing, and distribution. The creation of modern logistics hubs equipped with advanced technologies enhances the efficiency of cargo handling operations and supports the development of integrated logistics services. In the case of the Belarus – Western China corridor, the development of such centers along major transport routes can significantly increase the capacity and reliability of the corridor. Belarus, due to its advantageous geographical position, has the potential to further strengthen its role as a major logistics hub connecting Asian production centers with European markets. The expansion of logistics infrastructure within the country may contribute to the growth of transit cargo flows and the development of new logistics services.

Strengthening international cooperation and investment mechanisms is another essential factor for the sustainable development of the corridor. Large-scale infrastructure projects require significant financial resources and coordinated actions among participating countries. International cooperation in the field of transport development allows governments, financial institutions, and private investors to jointly implement projects aimed at improving transport connectivity across Eurasia. Investment partnerships and public-private cooperation mechanisms can play an important role in financing the construction and modernization of transport infrastructure, logistics facilities, and digital systems. In addition, participation in international transport initiatives and regional development programs helps create favorable conditions for attracting foreign investment and expanding economic collaboration between countries located along the corridor.

Improving regulatory and institutional frameworks is also necessary for ensuring the effective functioning of the Belarus – Western China transport corridor. Since international transport operations involve multiple national jurisdictions, differences in legal systems, customs procedures, and administrative regulations may create obstacles for efficient cross-border logistics. The harmonization of regulatory standards, simplification of customs procedures, and development of coordinated transport policies between participating countries can significantly improve the efficiency of cargo transportation. Institutional cooperation between government agencies, transport authorities, and international organizations can facilitate the implementation of unified transport regulations and support the development of modern logistics systems. The creation of transparent and predictable regulatory conditions is essential for increasing the attractiveness of the corridor for international logistics operators and investors.

The analysis conducted in this study demonstrates that international transport corridors play a crucial role in the development of global trade and international economic cooperation. In the context of increasing globalization and the growing importance of efficient logistics systems, the development of transcontinental transport routes connecting major economic regions has become

a strategic priority for many countries. The Belarus – Western China transport corridor represents an important component of the Eurasian transport network, providing a land-based route that links the rapidly developing economies of Asia with the large consumer markets of Europe. The corridor contributes to the intensification of trade relations, the expansion of logistics services, and the strengthening of economic cooperation between participating countries.

The research has shown that the corridor possesses significant economic potential due to its favorable geographical location and the growing demand for efficient transport connections between East and West. Belarus occupies a strategically advantageous position within this transport system and can function as an important transit hub in the Eurasian logistics network. The development of transport infrastructure, logistics centers, and multimodal transport systems along the corridor creates new opportunities for increasing cargo flows and improving the efficiency of international supply chains. At the same time, the successful realization of this potential depends on the ability of participating countries to address existing challenges related to infrastructure limitations, administrative barriers, geopolitical risks, and environmental sustainability.

In the long term, the Belarus – Western China transport corridor has the potential to become one of the key elements of the Eurasian transport and logistics system. Its further development requires the implementation of comprehensive strategies aimed at modernizing infrastructure, introducing digital logistics technologies, expanding multimodal transport capabilities, and strengthening international cooperation. The improvement of regulatory frameworks and the harmonization of customs procedures can significantly enhance the efficiency of cross-border transportation and reduce logistics costs for international trade participants.

To increase the competitiveness and effectiveness of the corridor, it is recommended to continue investing in transport and logistics infrastructure, promote the development of advanced digital transport management systems, and expand cooperation between governments, international organizations, and private sector partners.

In addition, the creation of modern logistics hubs and the development of integrated transport networks will contribute to strengthening the corridor's role in global supply chains. The implementation of these measures will not only enhance the efficiency of the Belarus – Western China transport corridor but also support the broader process of economic integration and sustainable development across the Eurasian region.

REFERENCES

1. *Rodrigue, J.-P.* The Geography of Transport Systems / J.-P. Rodrigue. - 5th ed. – New York : Routledge, 2020. – 456 p.

2. *Sheffi, Y.* Logistics Clusters: Delivering Value and Driving Growth / Y. Sheffi. – Cambridge : MIT Press, 2013. – 352 p.

3. World Bank. Belt and Road Economics: Opportunities and Risks of Transport Corridors / World Bank. – Washington, DC : World Bank Publications, 2019. – 174 p.

4. *Zhang, W.* Transport Infrastructure and Regional Economic Development in China / W. Zhang // Journal of Transport Geography. – 2021. – Vol. 94. – Article 103113.

УДК 658.7:005.334

Ма Синьтянь,
магистрант Института бизнеса БГУ

Научный руководитель: Е. А. Чудинова,
старший преподаватель
кафедры бизнес-администрирования
Института бизнеса БГУ

RESILIENCE BUILDING AND RISK RESPONSE OF CHINA-BELARUS CROSS-BORDER LOGISTICS CORRIDORS UNDER THE BELT AND ROAD INITIATIVE

Аннотация: *в статье исследуются механизмы формирования устойчивости и реагирования на реальные и потенциальные риски и угрозы в трансграничном логистическом коридоре Китай – Беларусь, который является ключевым звеном маршрута China Railway Express.*

Summary: *the study examines the mechanisms for building up resilience and responding to real and potential risks and threats within the China-Belarus transborder corridor as the key link of the China Railway Express route.*

Ключевые слова: *китайско-белорусская логистика, «Один пояс и один путь», устойчивое формирование, реагирование на риски.*

Keywords: *China-Belarus logistics, Belt and Road, resilience building, risk response.*

On September 12, 2025, Poland announced the closure of all border checkpoints with Belarus, citing security concerns related to the Zapad-2025 joint military exercises between Russia and Belarus [1]. What made this different from previous temporary disruptions was the phrase «indefinitely closed». About 85 to 90 percent of China-Europe Railway Express trains normally enter the EU through Poland [1], which meant that nearly 300 trains loaded with electronics, auto parts, and solar components were stuck on Belarusian tracks [2]. Some estimates suggested that total supply chain costs rose by more than 15 percent overnight [8].

According to data compiled from logistics industry reports, during the week following the border closure, more than 130 China-Europe trains accumulated at the Brest checkpoint waiting for

clearance [2]. New trains kept arriving from the east at a rate of about 20 per day, compounding the congestion [8]. The scene at the Brest railway station, as described by industry insiders, showed departure boards filled with status messages reading «suspended» and «standby» [8].

The financial impact was immediate. Logistics companies estimated daily losses in billions of euros, covering storage fees, contractual penalties, and emergency rerouting costs [2]. Some smaller forwarders had no choice but to switch urgently to sea freight, only to find that container shipping rates had jumped from around 3000 USD per TEU to 7500 USD [2].

Table 1 summarizes the key impacts observed during the September 2025 disruption.

Table 1

Impact indicators of the September 2025 border closure

Indicator	Normal situation	During disruption	Change
Trains stranded at Brest	Minimal queue	130+ trains	Severe congestion
Transit time to Duisburg	12–14 days	20+ days	+43–67 percent
Spot container freight rate	~3000 USD/TEU	~7500 USD/TEU	+150 percent
Supply chain comprehensive cost	Baseline	+15 percent or more	Significant increase

What made this disruption particularly painful was not just the scale but the timing. September marks the pre-Christmas shipping peak, when European retailers stock up for the holiday season. Goods stranded on trains meant empty shelves and missed sales opportunities on the other end [2].

For years, the China-Europe Railway Express operated like a well-oiled machine. Trains departed from cities like Xi'an, Chengdu, and Zhengzhou, crossed into Kazakhstan or Mongolia, entered Russia, passed through Belarus, and finally entered the EU via Poland. The Polish corridor, particularly the Malaszewicze terminal, handled

the vast majority of this traffic. It worked efficiently, so nobody questioned whether it was wise to put all eggs in one basket.

The September 2025 closure revealed what logistics professionals call «single-point-of-failure risk». When Poland closed its border, 85 to 90 percent of the northern corridor became unusable overnight [1]. The concentration of traffic through one gateway meant that a single political decision could paralyze the entire system.

This vulnerability was not entirely new. Industry observers had noted for years that the Malaszewicze terminal was operating at or beyond its designed capacity [8]. The facility struggled to handle the growing volume of trains, and any disruption – whether weather-related, technical, or political – would cascade through the system. But the scale of the September 2025 event, combined with the «indefinite» nature of the closure, forced a reckoning.

A logistics manager interviewed (who preferred to remain anonymous) put it simply: «We always knew this could happen. We just never prepared for it because preparing costs money and the old route kept working. Now we have no choice».

The most interesting part of this story is not the problem but how people responded to it. When the Brest – Malaszewicze route became unavailable, logistics companies scrambled to find alternatives. Three main options emerged.

First, some operators shifted to the «Middle Corridor» through Kazakhstan, the Caspian Sea, the Caucasus, and Turkey. This route had been discussed for years but never gained significant traction due to its longer transit time and multiple border crossings. The September crisis changed that calculation. Kazakhstan's Deputy Prime Minister openly invited shippers to use the Middle Corridor, promising that capacity could increase from 4,5 million tons to 10 million tons [5].

Data from the second half of 2025 shows that this was not empty rhetoric. Freight volume through Kazakhstan's main border posts (Alashankou and Khorgos) exceeded 6 million tons by December 2025, a year-on-year increase of over 25 percent [7]. The number of trains operating through these routes reached more than 4000, and the return container loading rate approached 98 percent, meaning trains were no longer going back empty [7].

Second, rail-sea intermodal solutions gained popularity. Trains would travel to Russian ports like St. Petersburg, then transfer goods to ships bound for German ports such as Hamburg [2]. This added complexity and time but bypassed the Polish bottleneck entirely.

Third, some operators simply waited. By late September, after 13 days of closure, Poland reopened the border, citing the need to maintain trade flows [2]. But the experience left scars. Transit times to Duisburg stretched to 20 days, and to Hamburg 25 to 28 days, compared to the usual 12 to 14 days [8].

Table 2 compares the performance of different routing options available during the crisis [2; 5; 7; 8].

Table 2

Comparison of alternative routes during September 2025 disruption

Route option	Transit time	Cost impact	Reliability	Current usage trend
Brest – Malaszewicze (Normal)	12–14 days	Baseline	High (when opened)	Recovering but reduced share
Brest-Malaszewicze (Post-Closure)	20–28 days	+15–20 percent	Unpredictable	Declining
Middle Corridor (Kazakhstan – Caspian)	+2 days vs normal	Comparable	Improving	Rapidly increasing
Rail-Sea Via St. Petersburg	+5–7 days	+10–15 percent	Moderate	Growing

Living in Minsk during these events provided a unique vantage point for observing the multidimensional impacts of logistical disruption. For Belarus, the September 2025 border closure represented not merely a logistical challenge but an existential economic threat. As the primary transit corridor between Russia and the European Union, Belarus derives substantial economic benefits from the operation of China-Europe Railway Express services. Transit fees, ancillary services, and employment opportunities throughout the logistics

sector are directly contingent upon the uninterrupted flow of freight trains through Belarusian territory.

The socioeconomic consequences of the disruption extended beyond aggregate economic indicators. Interviews with local residents revealed the human dimension often omitted from supply chain analyses. One Belarusian student reported that his father, employed at the Brest railway terminal, was sent home with reduced compensation during the closure period. The terminal, normally characterized by continuous activity, experienced an atypical cessation of operations. Such anecdotal evidence illustrates that behind macroeconomic statistics and stranded containers lie households whose livelihoods depend on railway operations. When logistical flows cease, the ripple effects permeate local communities, extending well beyond corporate balance sheets.

The Belarusian government and railway authorities have demonstrated proactive engagement in developing alternative infrastructure. The Industrial Park Great Stone, situated approximately 25 kilometers from Minsk, is currently constructing a multimodal railway hub scheduled to commence operations in mid-2026 [3]. With a designed annual handling capacity of 180 000 TEU and provisions for future expansion, this facility aims to transform the Industrial Park Great Stone from a manufacturing zone into a comprehensive logistics gateway [6].

Further evidence of adaptive capacity emerged in February 2026, when Belarusian Railways and China Merchants Group convened at the Industrial Park Great Stone to strengthen bilateral cooperation. Discussions focused on developing innovative transport-logistics products and establishing end-to-end container train services along the China-Europe-China route [4]. These initiatives suggest that Belarusian stakeholders recognize the imperative of adaptation, seeking to reposition the country as an integral node in Eurasian logistics networks rather than merely a transit territory.

Nevertheless, fundamental structural challenges persist. Belarus's geographical positioning between Russia and the European Union renders it susceptible to geopolitical fluctuations. When tensions escalate between these larger powers, railway operations become instruments in broader strategic calculations. The September

2025 closure exemplified this dynamic, originating not from logistical inefficiencies but from political considerations. Infrastructure investment alone cannot fully mitigate such geopolitical vulnerabilities.

The September 2025 disruption yields several analytical insights worthy of scholarly attention. Based on the observed events and available data, three principal lessons emerge.

First, efficiency optimization pursued without redundancy generates systemic fragility. The pre-2025 configuration of the China-Europe Railway Express prioritized speed and cost minimization, achieving notable operational efficiency. However, this optimization occurred at the expense of resilience. When the primary corridor through Poland became unavailable, no alternative route existed with sufficient scale and operational readiness to absorb diverted traffic. The Middle Corridor through Kazakhstan and the Caspian region, while discussed extensively in policy circles, remained largely theoretical rather than practically operational. The crisis functioned as a catalyst, compelling the transformation of conceptual alternatives into functional routes.

Second, geopolitical risk differs fundamentally from commercial risk in terms of diversifiability. Border closures, unlike cargo damage or theft, cannot be effectively hedged through conventional insurance mechanisms. The only viable hedge against geopolitical disruption is physical redundancy: multiple operational routes supported by trained personnel, functional infrastructure, and established procedural frameworks. This finding carries significant implications for supply chain risk management theory and practice.

Third, crisis conditions accelerate institutional and behavioral change. Prior to September 2025, the logistics industry engaged in extensive discourse regarding corridor diversification without commensurate action. The border closure transformed diversification from a theoretical discussion into an operational necessity. Empirical data from early 2026 substantiates this shift. Shijiazhuang, for example, announced temporary train services to Minsk in February 2026 [9]. More significantly, the proportion of China-Europe freight utilizing non-Polish entry points into the European Union has demonstrated measurable growth.

The concept of «dual-insurance» for logistics corridors has gained practical traction within the industry [2]. Analogous to household emergency preparedness, logistics networks require backup routing capacity capable of absorbing traffic when primary routes experience disruption. The northern corridor through Poland retains importance, but its status as the exclusive gateway to European markets has been permanently altered.

For Belarus, this diversification trajectory presents both challenges and opportunities. The challenge lies in the possibility that transit volumes may not fully return to pre-crisis concentration levels. The opportunity resides in Belarus's potential to reposition itself as a flexible node within a multi-corridor Eurasian logistics system, rather than remaining a fixed point along a single linear route.

The September 2025 closure of the Poland-Belarus border constituted a significant shock to the China-Europe Railway Express system. Shocks, however, possess the analytical virtue of revealing structural vulnerabilities obscured during periods of stable operation. The fundamental truth exposed by this event is that logistics corridors predicated on single points of failure are inherently unsustainable, regardless of their operational efficiency under normal conditions.

For China and Belarus, the path forward requires embracing complexity as a strategic imperative. Multiple corridors, diverse transport modes, and redundant gateway access constitute the necessary investment for systemic resilience. The Industrial Park Great Stone railway hub, upon its scheduled opening in 2026, will contribute to this diversification. Similarly, the Middle Corridor and rail-sea intermodal options via Russian ports represent complementary components of a more resilient network architecture.

The September 2025 closure of the Poland-Belarus border represented a significant disruption to the China-Europe Railway Express system and exposed critical structural vulnerabilities in its current configuration. The findings of this study demonstrate that a high degree of dependence on a single transit corridor creates systemic risks that cannot be mitigated through efficiency-oriented optimization alone [10]. The analysis indicates that the disruption accelerated the practical implementation of alternative routes,

including the Middle Corridor and rail-sea intermodal solutions. These developments suggest a gradual transition from a single-corridor model toward a more diversified and flexible logistics network. At the same time, the evidence shows that diversification remains constrained by infrastructure limitations, coordination challenges, and geopolitical factors. Within this context, resilience emerges as a key consideration in the strategic planning of cross-border logistics corridors. However, the results of this study should be interpreted within the limits of a single-case analysis. While the observed patterns provide important insights, further empirical research is required to assess the generalizability of these findings across different regions and transport systems.

For Belarus, the shift toward multi-corridor logistics presents both risks and opportunities. On the one hand, reduced concentration of transit flows may affect traditional revenue streams. On the other hand, investments in infrastructure such as the Industrial Park Great Stone multimodal hub and increased cooperation with international partners may enable the country to reposition itself within a more resilient Eurasian logistics framework. Overall, the study suggests that future development of China-Europe logistics corridors will depend not only on infrastructure expansion but also on the ability of stakeholders to integrate redundancy, flexibility, and risk-awareness into corridor design and management.

REFERENCES

1. 毅訪談也沒用？波蘭關閉邊境中歐班列300列車滯留 // 中時新聞網. – URL: https://www.chinatimes.com/realtimenews/-20250923002708-260409?chdtv (date of access: 18.02.2026).

2. Update of China-Europe Freight Trains (2026.01.01–2026.01.11) // New Silk Road Intermodal Co., Ltd. LinkedIn. – URL: https://www.linkedin.com/pulse/-update-china-europe-freight-trains-hqadc (date of access: 12.01.2026).

3. 中白工业园”巨石”多式联运铁路枢纽将于2026年建成 // БелТА. – URL: https://chn.belta.by/economics/view/2026-36260-2025/ (date of access: 24.06.2025).

4. Belarusian Railways, China Merchants Group boost cooperation // BelTA. – URL: https://eng.belta.by/economics/view/belarusian-railways-china-merchants-group-boost-cooperation-177099-2026/ (date of access: 19.02.2026).

5. 继白俄罗斯后，又有一国跳出来，中欧班列从我这过，运量翻一倍 // 今日头条. – URL: https://www.toutiao.-com/?wid=1771867451804 (date of access: 20.01.2026).
6. 中白工业园铁路货运站拟于2026年中期投运 // БелТА. – URL: https://chn.belta.by/-economics/view/2026-36779-2025/ (date of access: 13.07.2025).
7. 继白俄罗斯后，又有一国跳出来，中欧班列从我这过，运量翻一倍 // 搜狐网. – URL: https://www.sohu.-com/a/938448705_121285751 (date of access: 23.01.2026).
8. 中欧班列的时效波动主要受哪些因素影响？//易玛出海. – URL: https://ema56.com (date of access: 20.01.2026).
9. Belarus und China erklären die Jahre der industriellen Zusammenarbeit 2026–2027 // BelTA. – URL: https://deu.belta.by/society/view/belarus-und-chinaerkla-ren-die-jahre-der-industriellen-zusammenarbeit-2026-2027-84709-2025/ (date of access: 18.11.2025).
10. 欧亚经济联盟溯源机制白俄罗斯2026年9月实施 // 华人头条. – URL: https://www.52hrtt.-com/bels/n/w (date of access: 18.11.2025).

УДК 338.2:37.01

Фан Цзинцзин,
аспирант Международного государственного
экологического института имени А.Д. Сахарова БГУ

Научный руководитель: С. С. Мишук,
доцент кафедры социально-гуманитарных наук
и устойчивого развития МГЭИ имени А. Д. Сахарова БГУ,
кандидат философских наук, доцент

THE SYSTEM OF MODERN EDUCATIONAL TECHNOLOGIES AS A PREREQUISITE FOR ECONOMIC DEVELOPMENT: A CASE STUDY OF THE INDUSTRIAL PARK GREAT STONE

Аннотация: *в статье на примере Индустриального парка «Великий камень» рассматривается роль создания образовательной инфраструктуры как одного из ключевых факторов привлечения инвестиций и создание новых рабочих мест, достижения устойчивого роста и повышение конкурентоспособности.*

Summary: *using the Industrial Park Great Stone as an example, the article examines the role of creating educational infrastructure as a key factor in attracting investment and creating new jobs, achieving sustainable growth and increasing competitiveness.*

Ключевые слова: *система образовательных технологий, экономическое развитие, Индустриальный парк, инновации в образовании, профессиональная подготовка, кадровый потенциал, управление социально-экономическими процессами.*

Keywords: *educational technologies system, economic development, industrial park, innovations in education, professional training, human resources, socio-economic processes management.*

The Belarusian-Chinese Industrial Park Great Stone is a unique project created to stimulate economic cooperation between Belarus and China. An important aspect of the park is its integration into the Belt and Road Initiative, which enhances international cooperation and access to markets in Eurasian countries.

A key feature of the Industrial Park Great Stone is the close relationship between education and economic development management. From the very beginning of the project, special attention

was paid to the development of educational resources. Since the Industrial Park Great Stone is a platform for locating high-tech companies, the use of modern educational methods helps to develop start-ups, research and scientific projects, as well as promote the exchange of knowledge between different companies and institutions.

Educational technologies are a powerful engine of economic development, as is clearly demonstrated by the example of the Industrial Park Great Stone. This unique project has become not only a platform for attracting investment, but also a center of innovation, where knowledge and skills become key resources. The Industrial Park Great Stone is actively introducing modern educational approaches aimed at training specialists capable of working in high-tech industries. Theoretical knowledge and practical skills are closely combined here, which allows young talents to adapt to the requirements of the labor market as quickly as possible.

The Industrial Park Great Stone companies invest in training their employees, creating a special atmosphere of creativity and professional growth. The introduction of educational technologies is aimed at improving interaction with educational institutions, allowing the creation of internship programs, internships and joint projects, which, in turn, helps prepare young people for the requirements of modern business and innovative production. It is important to note that educational technology is making learning more accessible to a wider range of employees. The ability to take courses remotely or at a convenient time keeps employees engaged and motivated, and allows them to take control of their learning.

To assess the effectiveness of the use of educational technologies in the Industrial Park Great Stone several key criteria are established that allow talk about the successful operation of the park in this area. Between them are:

1. *Technological infrastructure*. This includes hardware and software that supports information technology, the degree of computerization and Internet accessibility.

2. *Educational Resources*. Availability of high-quality information and educational materials at all levels of the education system, from primary schools to universities.

3. *Initiatives for training and retraining of specialists*. Programs and events aimed at improving the skills of specialists, including

efforts to improve their information competence, as well as professional competitions and targeted events.

4. *Integration of information technologies in education.* Use of advanced information technologies in the teaching and learning process.

5. *Strategic planning*. Both long-term and short-term strategic planning of training and retraining of specialists in general.

The Industrial Park Great Stone has undertaken a systematic expansion of its educational and training infrastructure, emphasizing the deployment of advanced technological resources. By 2023, more than 10 specialized training centers had been established, including the China-Belarus Education and Innovation Center, which concentrates on high-priority fields such as robotics, industrial automation, and digital manufacturing. These centers deliver professionally oriented programs that are closely integrated with industrial processes, facilitating the acquisition of up-to-date technical competencies by over 1000 students and early-career professionals each year.

The Industrial Park Great Stone maintains active institutional partnerships with leading universities in Belarus and China, such as the Belarusian National Technical University and Tsinghua University. These collaborations facilitate the implementation of joint research initiatives, the co-development of innovative technological solutions, and the training of highly qualified personnel aligned with the evolving demands of the global labor market. As of 2023, over 20 inter-university cooperation agreements have been signed, resulting in more than 30 joint R&D projects and academic exchange programs annually.

Within the framework of the Industrial Park Great Stone the acquisition of practical competencies is regarded as equally essential to theoretical training. Students and early-career professionals are systematically involved in applied industrial projects, enabling them to collaborate directly with experienced engineers and technical specialists. This model of experiential learning significantly enhances their professional readiness and integration into the high-tech labor market. According to data from the Industrial Park Great Stone Human Resources Development Office (2023), more than 65 percent of program participants engage in on-site project work,

and approximately 80 percent receive full-time employment offers upon program completion.

The Industrial Park Great Stone offers a strategically structured environment for fostering youth entrepreneurship and early-stage technological innovation. Dedicated infrastructure–including startup incubators, acceleration programs, and mentoring platforms–has been established to support the transformation of innovative concepts into commercially viable solutions. As of 2023, over 50 startups have received targeted support through these mechanisms, with each selected project gaining access to seed funding averaging 25 000 USD, as well as technical and business mentorship. Approximately 30 percent of these enterprises have successfully progressed to subsequent investment rounds or entered international markets.

The Industrial Park Great Stone places strategic emphasis on the continuous professional development of personnel employed by resident enterprises. To this end, it facilitates access to advanced vocational training programs, both domestically and through international partnerships. Employees participate in skill enhancement modules covering fields such as AI-integrated manufacturing, industrial data analytics, and smart logistics. In 2023 alone, over 1200 professionals completed certified upskilling courses, with 35 percent of them receiving training abroad through cooperation agreements with institutions in Germany, China, and Singapore. Empirical evaluations conducted by the park's training division indicate a 20–25 percent increase in individual productivity following program completion.

The Industrial Park Great Stone is increasingly positioning itself as a regional innovation hub, where systematic knowledge exchange and interdisciplinary collaboration have become institutionalized practices. Through the regular organization of scientific conferences, industry-specific seminars, and international forums, the park fosters an environment conducive to idea generation, technological experimentation, and interdisciplinary dialogue. In 2023, over 80 events were hosted, attracting more than 5000 participants, including representatives from academia, industry, and government sectors. These platforms have directly contributed to the launch of 15 collaborative innovation projects and the registration of several intellectual property rights, thus reinforcing the park's status as a dynamic center of applied innovation.

In conclusion, the strategic integration of educational technologies within the operational framework of the Industrial Park Great Stone has proven to be a critical driver of sustainable economic development. Through targeted investments in human capital formation, the Industrial Park Great Stone not only cultivates a highly skilled workforce aligned with the demands of the digital and industrial economy, but also enhances national innovation capacity, attracts foreign direct investment, and stimulates job creation. Furthermore, the Industrial Park Great Stone comprehensive educational ecosystem – comprising training centers, university partnerships, and startup acceleration programs-serves as a catalyst for entrepreneurial growth and technological diffusion. This integrated approach positions the Industrial Park Great Stone as a model of how education-driven innovation ecosystems can contribute to regional competitiveness and long-term economic resilience.

In a rapidly changing world, where information technology penetrates all spheres of life, and innovation becomes the driving force of economic development, the role of education is undergoing a profound transformation. Modern education is no longer limited to the transfer of traditional knowledge, it should develop in people innovative potential, initiative and flexibility of thinking, which in turn increases the social productivity of labor. The economic well-being of society and the absence of social tension are closely related to the successful functioning of the education system. It is a key factor in the long-term increase in the efficiency of social production, growth in labor productivity, and improvement in the use of labor resources. All this leads to strengthening the socio-economic foundations of society, ensuring stability and prosperity.

The introduction of an innovative educational technologies system is the key to overcoming traditional limitations and to creating an educational environment that promotes the development of practical skills and competencies of specialists. Educational technologies not only contribute to the development of human potential, but also stimulate sustainable economic growth, creating an ecosystem where education, science and business are closely interconnected. Educational technologies thus become a powerful driver of economic growth, creating new prospects for the development of society.

The introduction of educational technologies in the Industrial Park Great Stone is not only a necessity, but also a strategic direction that helps increase the competitiveness, innovation and sustainable development of the territory, as well as improve working conditions and professional growth of employees. Investments in education at the Industrial Park Great Stone lead to positive economic impacts. It has become a magnet for technology companies seeking highly qualified personnel and an innovative environment. The creation of new jobs in the high-tech sector has a positive effect on the labor market. Employees who receive specialized training are able to use new technologies and work methods more effectively, resulting in increased productivity. Investments in education stimulate the development of new technologies and innovative products.

Thus, the Industrial Park Great Stone acts not only as a site for production, but also as an important center of education and innovation, which emphasizes the role of education as a strategic resource for dynamic economic development and the base for effective management in the social-economic sphere as a whole. Investments in educational technologies become the basis for sustainable growth and the formation of highly qualified personnel capable of adapting to a rapidly changing world.

УДК 339.9

С. Г. Хапанцева, А. А. Говоровская,
студенты машиностроительного факультета БНТУ

Научный руководитель: Т. И. Серченя,
старший преподаватель кафедры инженерной экономики
машиностроительного факультета БНТУ

ПОТЕНЦИАЛ И ПЕРСПЕКТИВЫ БЕЛОРУССКО-КИТАЙСКОГО СОТРУДНИЧЕСТВА В ОБЛАСТИ ЭЛЕКТРОМОБИЛЕСТРОЕНИЯ

Аннотация: *в статье раскрывается потенциал и перспективы белорусско-китайского сотрудничества в области автомобилестроения, в том числе электромобилестроения.*

Summary: *the article reveals the potential and prospects of Belarusian-Chinese cooperation in the automotive industry, and in particular, in the electric vehicles industry.*

Ключевые слова: *автомобилестроение, международное сотрудничество, электромобили, Китай, Беларусь, экспорт, локализация производства.*

Keywords: *automotive industry, international cooperation, electric vehicles, China, Belarus, export, production localization.*

Автомобилестроение является одной из флагманских отраслей китайской индустрии, сегодня страна занимает ведущие позиции на мировом рынке автомобилей, успешно конкурируя с американскими, европейскими и японскими производителями.

Стремительный рост китайской автомобильной промышленности имеет комплексную природу, ее развитие стало возможным благодаря сочетанию нескольких ключевых факторов: активной государственной поддержке экспорта, стимулированию инновационной деятельности и интеграции Китая в мировую экономику, что обеспечило доступ к глобальным авторынкам. Существенным фактором успеха явилось создание совместных предприятий с зарубежными автоконцернами, перенос в Китай передовых технологий, позволившие в короткие сроки сформировать в автопроме собственные инженерную базу и компетенции.

Важную роль в развитии китайского автомобильной индустрии сыграли и внутренние факторы. Промышленная политика китайского государства, ориентированная на долгосрочное развитие отрасли, а также устойчивый внутренний спрос стали ключевыми драйверами ее роста. Одна из государственных мер стимулирования потребительского спроса – снижение налогов на покупку автомобилей и активное продвижение электромобилей, что способствовало расширению рынка [6, с. 2].

Эволюция автомобилестроения была также тесно связанной с последовательно реализуемой государственной стратегией. В частности, начиная с 1994 г. автомобильная промышленность была определена как «опорная» отрасль, следствием чего явилась консолидация производства, развитие компонентной базы, создание собственных автомобильных марок и привлечение иностранных инвестиций. Новая промышленная политика 2004 г. усилила акцент на структурной модернизации, поддержке национальных брендов, развитии инноваций и производстве ключевых компонентов, включая электродвигатели и аккумуляторные системы. При этом особое внимание уделялось стимулированию экспорта, что содействовало выходу китайских компаний на международные авторынки.

Сформированная технологическая и производственная база, усиленная государственной поддержкой и растущей конкурентоспособностью китайских автопроизводителей, создала условия для создания индустрии электромобилей и активного продвижения данной продукции не только на внутреннем, но и на внешних рынках. Именно в этот период Китай начал стремительно наращивать экспорт электротранспорта, прежде всего в страны Европейского союза.

Экспорт китайских электромобилей в страны ЕС начал формироваться в устойчивый товарный поток в 2017 г., когда его объем в стоимостном выражении достиг 12,3 млн долларов США. В последующие годы наблюдался дальнейший стремительный рост: к 2023 г. экспорт равнялся 18,9 млрд долларов США, демонстрируя экспоненциальное увеличение поставок. Одновременно существенно выросла и доля Китая в совокупном импорте электромобилей ЕС: за период 2020–2023 гг. она увеличилась почти в 4 раза и достигла 21,9 процента. Среди китайских

производителей наиболее заметные позиции занимает компания BYD, на долю которой приходится 8,7 процента продаж электромобилей на европейском авторынке [4, с. 4].

Совокупный экспорт электромобилей Китая в Европу (млрд евро) и доля Китая в совокупном импорте электромобилей Европы (в процентах) представлен на *рисунке 1.*

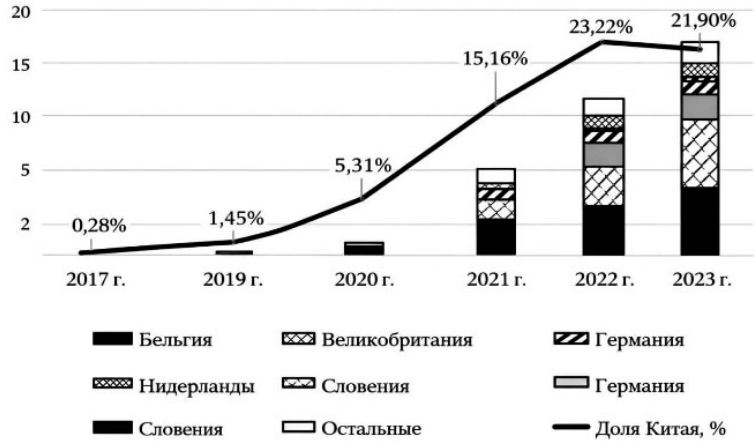

Рисунок 1. **Совокупный экспорт электромобилей Китая в Европу (млрд евро) и доля Китая в совокупном импорте электромобилей Европы (в процентах) [4, с. 4]**

В 2023 г. крупнейшими импортерами стали Бельгия (5,1 млрд долларов США или 26,9 процента), Великобритания (4,4 млрд долларов США или 23,1 процента), Испания (3,0 млрд долларов США или 15,8 процента), Германия (1,3 млрд долларов США или7,0 процентов), Нидерланды (1,2 млрд долларов США или 6,5 процента) и Словения (1,2 млрд долларов США или 6,2 процента). Данные свидетельствуют о закреплении китайских производителей на европейском рынке и расширении их присутствия в различных сегментах [4, с. 4].

Доля отдельных стран в экспорте электромобилей из Китая в страны Европы (в процентах) представлена на *рисунке 2*.

На фоне растущего экспорта усиливается и технологическая конкуренция между китайскими электромобилями, продукцией Tesla и европейских производителей. Так, Tesla удерживает

лидерство в области программного обеспечения, автопилотирования и энергоэффективности батарей, тогда как европейские модели традиционно выделяются качеством сборки и высокими стандартами безопасности. Тем не менее, китайские бренды – BYD, Zeekr, NIO и др. – стремительно сокращают технологический разрыв, предлагая широкий модельный ряд, высокую оснащенность и более доступную стоимость. По уровню дизайна и комфорта многие китайские электромобили вполне сопоставимы с европейскими аналогами, а в ряде случаев превосходят Tesla по оснащению базовых комплектаций.

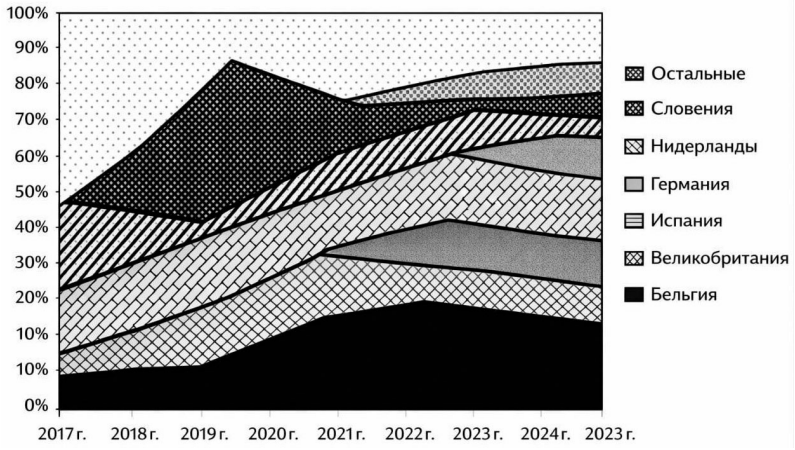

Рисунок 2. **Доля отдельных стран в экспорте электромобилей Китая в Европу, в процентах [4, с. 4]**

Производители китайских электромобилей доминируют не только на европейском рынке, но и на рынке Республики Беларусь. На сегодняшний день китайские электромобили занимают ключевые позиции в структуре рыночного спроса в Беларуси. За январь–октябрь 2025 г. объем поставок автомобилей из Китая в Беларусь в стоимостном выражении достиг 1,40 млрд долларов США, что выводит страну на 20-е место среди крупнейших импортеров китайских автомобилей (по данным av.by). Лидером продаж является BYD, устойчивый рост демонстрируют Shenlan, Lixiang, Dongfeng, Changan, Zeekr и AITO. Отдельно стоит отметить, что изменение потребительских предпочтений в пользу

продукции китайских производителей прослеживается не только в массовом и среднем сегментах (для которых важно оптимальное соотношение цены и технологичности), но и в премиальном сегменте рынка.

Потенциальная емкость данных сегментов определяется ростом доступности инфраструктуры, укреплением белорусского рубля к юаню, снижением привлекательности автомобилей с двигателями внутреннего сгорания, в том числе из-за высокого утилизационного сбора, а также изменением структуры спроса: покупатели все чаще ориентируются на запас хода, технологичность и наличие автомобиля в салоне. По оценкам Белорусской ассоциации автомобилистов, при сохранении текущей динамики доля электромобилей на дорогах Беларуси может превысить 30 процентов к 2027 г., что подтверждает высокий потенциал дальнейшего роста и сохраняющееся доминирование китайских производителей [3].

При этом сотрудничество с Китаем не ограничивается только импортом китайских автомобилей. В декабре 2011 г. было учреждено СЗАО «БелДжи» (Geely), где, начиная с в 2013 г., ведется серийная сборка первых моделей китайских машин. До 2025 г. предприятие выпускало исключительно автомобили с двигателями внутреннего сгорания, однако в мае 2025 г. с конвейера сошел первый электромобиль. Первой выпускаемой моделью стал кроссовер Geely EX5, который, в отличие от ранее импортируемых электромобилей, впервые собирается на белорусском предприятии и получает белорусский VIN-код. В модели Geely EX5 электропривод основан на белорусских разработках: литий-ионная батарея емкостью 65 кВт·ч с жидкостным охлаждением интегрирована в днище автомобиля, электродвигатель, инвертор и система управления батареей созданы отечественными инженерами.

На фоне локализованной сборки Geely EX5 важной вехой в развитии национального автомобилестроения стала разработка первого отечественного электромобиля Belgee eX50. Belgee eX50 представляет собой электрический кроссовер с высокой степенью локализации – около 70 процентов компонентов производится в Беларуси [3]. Электродвигатель разработан и изготовлен «Могилевлифтмашем», силовая электроника создана на заводе

«Измеритель», аккумуляторные батареи собираются «Первой аккумуляторной компанией», а программное обеспечение и системы управления являются отечественными разработками. Заявленный запас хода электромобиля составляет около 400 км, максимальная скорость – 130 км/ч, а конструкция машины адаптирована под условия белорусско-российского рынка [2].

Сравнение Geely EX5 и Belgee eX50 демонстрирует два различных подхода к развитию электромобилей в Беларуси. Geely EX5 представляет собой китайскую модель, адаптированную для локальной сборки, что позволяет быстро вывести на рынок современный электромобиль с уже отработанной технологической платформой. Belgee eX50, напротив, является результатом национальной инженерной школы: при сопоставимых эксплуатационных характеристиках он обладает значительно более высокой долей локальных компонентов, переработанной конструкцией и собственными системами управления. Если EX5 отражает углубление промышленной кооперации с Китаем и трансфер технологий, то eX50 символизирует формирование собственных компетенций и стремление к технологической самостоятельности.

Таким образом, развитие китайской автомобильной промышленности и ее выход на мировые рынки существенно изменили структуру глобального автопрома и создали новые возможности для стран-партнеров. Беларусь стала одним из примеров того, как сотрудничество с Китаем способствует развитию автомобильной промышленности, расширению технологической базы и формированию собственных компетенций в сфере электротранспорта. Проекты, реализуемые сегодня на базе СЗАО «БелДжи», демонстрируют переход от простой сборки к разработке собственных технических решений.

Рост внутреннего спроса на электромобили, развитие инфраструктуры и укрепление кооперационных связей с китайскими производителями формируют основу для дальнейшего развития белорусского автопрома. Перспективы сотрудничества остаются значительными: расширение локализации, освоение новых технологий и участие в глобальных цепочках поставок способны укрепить позиции Беларуси на региональном рынке и повысить ее роль в формирующейся системе электромобильности.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. *Бабаев, К. В.* Развитие автомобильной промышленности КНР и ее перспективы на международном рынке / К. В. Бабаев, С. Л. Сазонов, И. Д. Ильинская // ЭТАП. – 2023. – № 3. – С. 21–37. – DOI: 10.24412/2071-6435-2023-3-21-38.

2. *Ильинская, И. Д.* Китайские автомобили на российском рынке в 2022–2024 годах: предпосылки и перспективы экспансии / И. Д. Ильинская // 45 лет экономических реформ в КНР: итоги и прогнозы. По материалам докладов ежегодной научной конференции Центра социально-экономических исследований Китая ИКСА РАН (9–10 апреля 2024 года, Москва) / К. В. Бабаев, Ю. Г. Литвинова, Р. А. Палухин [и др.]. – 2024. – Гл. 27. – DOI: 10.48647/ICCA.2024.84.26.028.

3. *Луцевич, А.* Локализация решает всё / А. Луцевич // Транспортная безопасность. – URL: https://tbgazeta.by/lokalizacziya-reshaet-vsyo-inicziativy-naladit-serijnyj-vypusk-elektromobilej-stolknulis-s-realiyami-rynka-i-tehnicheskimi-vyzovami/ (дата обращения: 15.02.2026).

4. *Гомулина, А. А.* Особенности деятельности китайских производителей электромобилей в ЕС: механизмы, барьеры, перспективы / А. А. Гомулина, И. А. Горшков // Научно-аналитический вестник ИЕ РАН. – 2024. – № 5. – С. 73–84. – DOI: 10.15211/vestnikieran-520247384.

5. *Иванов, А.* Как белорусы создают свой электромобиль. Директор завода «Белджи» раскрыл подробности проекта / А. Иванов // Китайские автомобили. – URL: https://xn7sbbeeptbfadjdvm-5ab9bqj.xn--p1ai/2024/07/15/pervyy-elektromobil-v-belarusi/ (дата обращения: 15.02.2026).

6. *Голодова, Ж. Г.* Автомобильная промышленность Китая: тенденции развития и стратегии выхода на внешние рынки / Ж. Г. Голодова, Ян Юйтин // Вестник Бурятского государственного университета. Экономика и менеджмент. – 2025. – № 1. – С. 48–58. – DOI 10.18101/2304-4446-2025-1-48-58.

УДК 339.5:629.33(476+510)

Д. А. Буйко, О. С. Мачерко,
студентки факультета межкультурных
бизнес-коммуникаций БГЭУ

Научный руководитель: К. А. Линевич,
преподаватель китайского языка
кафедры английского и восточных языков БГЭУ

СОВМЕСТНЫЕ ПРЕДПРИЯТИЯ БЕЛАРУСИ И КИТАЯ В АВТОМОБИЛЕСТРОЕНИИ: МОДЕЛИ И ПЕРСПЕКТИВЫ

Аннотация: *в статье рассматривается деятельность совместных предприятий Беларуси и Китая в области автомобилестроения.*

Summary: *the article concerns Belarus and China joint ventures' activity in the automotive industry.*

Ключевые слова: *автомобилестроение, совместное предприятие, промышленная кооперация, импортозамещение, локализация производства, трансфер технологий, белорусско-китайское сотрудничество.*

Keywords: *automotive industry, joint venture, industrial cooperation, import substitution, production localization, technology transfer, Belarus-China cooperation.*

Совместные предприятия (СП) Беларуси и Китая в автомобилестроительной отрасли стали закономерным продолжением курса на модернизацию промышленности республики и укрепление стратегического партнерства обеих стран. В «Национальной стратегии устойчивого развития до 2030 г.» в прямой постановке определена задача развития импортозамещающих производств, в том числе через создание сборочных площадок транснациональных корпораций с последующей локализацией [2, с. 66–68]. На практике именно китайское направление оказалось одним из наиболее органичных инструментов реализации этого подхода: к середине 2010-х гг. Китай уже входил в число ключевых торгово-экономических партнеров Беларуси, а визит Председателя КНР Си Цзиньпина в Минск в 2015 г. придал дополнительный политический импульс проектам в сфере

совместного производства автомобилей и сложной техники [2, с. 66–68].

Формирование СП решало одновременно две группы задач. С белорусской стороны оно рассматривалось как способ технологической модернизации и импортозамещения в условиях усиливающихся внешних ограничений и глобальных рисков [1, с. 15–23]. С китайской стороны сотрудничество вписывалось в стратегию расширения торгово-инвестиционного взаимодействия со странами ЕАЭС в логике инициативы «Один пояс и один путь», ориентированной на сопряженное экономическое развитие участников [1, с. 15–23]. При этом общая конфигурация таких проектов отражает асимметрию инвестиционных потоков, характерную для региона: прямые инвестиции Китая в экономику стран ЕАЭС в целом доминируют [1, с. 15–23].

К настоящему времени в белорусско-китайском автомобилестроении сложились две различающиеся по логике и результатам модели сотрудничества.

Первая модель реализована в проекте «БелДжи» совместно с корпорацией Geely и, по сути, представляет собой создание предприятия «с нуля» (так называемый Greenfield – подход, подразумевающий создание производственного объекта на неосвоенной земле, которую не использовали для промышленных целей) для полномасштабной сборки легковых автомобилей под международным брендом. К числу очевидных результатов реализации данной модели сотрудничества относится быстрое насыщение внутреннего рынка, создание рабочих мест, запуск экспорта, прежде всего в Россию, а также развитие сети локальных поставщиков. В таком формате проект действительно начал выполнять задачу продуктового импортозамещения, заданную стратегическими документами [2, с. 66–68]. Вместе с тем, структурное ограничение проекта связано с сохраняющейся высокой долей импортируемых комплектующих и зависимостью от поставок по схеме CKD – методом мелкоузловой сборки автомобилей, при котором транспортное средство поставляется на завод в виде отдельных компонентов и деталей. Инженерно-конструкторская составляющая (НИОКР) на пло-

щадке выражена слабо, что снижает устойчивость модели к логистическим сбоям и в целом фиксирует ее в режиме высокоорганизованной «сборки», но с ограниченным трансфером компетенций.

Вторая модель сотрудничества представлена стратегическим альянсом ОАО «МАЗ» с корпорацией Weichai и относится к кооперации на базе существующего производства (Brownfield), где ключевой акцент смещен с запуска нового продукта на модернизацию существующей стратегически важной техники – грузовых автомобилей и автобусов. Наиболее значимым практическим результатом стало освоение и интеграция двигателей Weichai, соответствующих стандартам Евро-5/Евро-6, что позволило поддержать конкурентоспособность продукции МАЗ на рынках ЕАЭС [3]. В отличие от проекта «БелДжи», здесь центральной задачей выступает не импортозамещение конечного продукта, а замещение критически важных технологий (прежде всего современных силовых агрегатов). Однако развитие данной модели, как и в целом инвестиционное сотрудничество Китая с Беларусью, по сравнению с российским и казахстанским направлениями может ограничиваться более длительным инвестиционным циклом и меньшими объемами вложений [1, с. 15–23].

Сопоставление двух кейсов показывает, что они решают разные по масштабу и глубине задачи. «БелДжи» эффективен как инструмент продуктового импортозамещения и освоения потребительского сегмента, то есть в логике исходной модели «создать производство и занять рынок». Альянс «МАЗ – Weichai» ориентирован на технологическое импортозамещение в стратегическом сегменте тяжелого машиностроения, где требуются более сложные форматы партнерства и выше цена технологической независимости.

Перспективы дальнейшего развития сотрудничества связаны с постепенной эволюцией обеих моделей и с институциональными условиями, формируемыми в рамках сопряжения ЕАЭС и «Экономического пояса Шелкового пути», включая упрощение торговых процедур и развитие совместной транспортно-логистической инфраструктуры [1, с. 15-23].

Для «БелДжи» следующим логичным этапом становится переход от преимущественно сборочного формата к глубокой локализации и созданию инженерного центра, который обеспечивал бы адаптацию продукта под рынки региона и постепенное наращивание компетенций – что соответствует установке на «постепенный рост локализации производства» [2, с. 66–68].

Для альянса «МАЗ – Weichai» ключевым направлением может стать расширение сотрудничества в соответствии с глобальным трендом декарбонизации, в том числе через переход к совместным разработкам в сфере электрического транспорта, прежде всего электробусов [3].

Накопленный опыт СП позволяет сформулировать ряд выводов, важных для проектирования новых кооперационных схем. При подготовке соглашений с китайскими партнерами о создании СП целесообразно смещать акцент с простой организации сборки на закрепление механизмов технологического трансфера и создание на территории Беларуси совместных исследовательских подразделений. Такой подход отвечает задаче перехода к «инновационному режиму инвестирования» [1, с. 15–23] и в целом ориентирован на развитие производств с высокой добавленной стоимостью [2, с. 66–68]. Отдельного внимания требуют проекты, связанные с выпуском ключевых компонентов для «новой мобильности» (электротранспорт, силовая электроника, батарейные системы и др.). При наличии соответствующих институциональных условий в рамках ЕАЭС и «Экономического пояса Шелкового пути» это позволит перевести белорусско-китайское промышленное взаимодействие из формата преимущественно индустриальной сборки в более устойчивое технологическое партнерство, способное обеспечить долгосрочное развитие отрасли.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. *Лю, Лэ.* Торгово-инвестиционное сотрудничество стран ЕАЭС с Китайской Народной Республикой / Лю Лэ // Сборник научных трудов конференции. – 2020. – С. 15–23. – URL: https://edoc.bseu.by:8080/handle/-edoc/88284 (дата обращения: 26.01.2026).

2. Национальная стратегия устойчивого социально-экономического развития Республики Беларусь на период до 2030 года // Министерство экономики Республики Беларусь. – Минск, 2024. – С. 66–68. – URL: https://www.economy.-gov.by/ru/nacionalnaya-strategiya-ustojchivogo-razvitiya/ (дата обращения: 26.01.2026).

3. Официальный сайт ОАО «МАЗ» – Раздел «Сотрудничество» // ОАО «Минский автомобильный завод». – Минск, 1944–2026. – URL: https://maz.by/-about/partners/weichai/ (дата обращения: 26.01.2026).

4. Официальный сайт ООО «БелДжи» // Совместное предприятие закрытого акционерного общества «БЕЛДЖИ». – Минск, 2004–2026. – URL: https://belgee.by/ (дата обращения: 26.01.2026).

УДК 339.9:69

В. В. Тринчин,
студент Института бизнеса БГУ

Научный руководитель: Ю. А. Шаврук,
доцент кафедры бизнес администрирования
Института бизнеса БГУ,
кандидат экономических наук, доцент

TRANSFORMATION OF SUPPLY CHAINS IN THE ROAD CONSTRUCTION EQUIPMENT MARKET: SHIFT FROM EUROPEAN TO CHINESE SUPPLIERS IN BELARUS

Аннотация: *в статье рассматривается трансформация цепочек поставок на рынок дорожно-строительной техники Беларуси в 2020–2026 гг. с акцентом на структурный сдвиг от европейских к китайским поставщикам в условиях геополитических ограничений.*

Summary: *the study examines supply chains' transformation in Belarusian road construction equipment market during 2020–2026, focusing on the structural shift from European to Chinese suppliers under geopolitical constraints.*

Ключевые слова: *международная торговля, цепочки поставок, дорожно-строительная техника, сотрудничество Беларусь – Китай, Индустриальный парк «Великий камень», локализация производства, геополитические ограничения*

Keywords: *international trade, supply chains, road construction equipment, China – Belarus cooperation, the Industrial Park Great Stone, industrial localization, geopolitical constraints.*

Until 2022, Belarus road construction equipment market was deeply integrated into European supply chains benefiting from stable logistics, financial instruments and service infrastructure. Equipment deliveries were supported by maintenance networks, spare parts supply, and technological upgrades aligned with European industrial standards. This ensured relatively low operational risks and high predictability in procurement processes.

After 2022, geopolitical constraints significantly disrupted this model. European suppliers reduced or suspended cooperation

due to payment restrictions, insurance limitations, and increasing logistical risks. As a result, Belarusian importers were forced to rapidly restructure supply chains in order to maintain infrastructure development and avoid delays in large-scale projects. China emerged as the primary alternative supplier due to its industrial capacity, competitive pricing, and flexible logistics. This article aims to analyze the structural changes in supply chains, assess their economic implications using quantitative indicators and evaluate the potential of industrial localization as a mechanism for reducing risks.

This transformation is clearly reflected in the structure of imports (*Table 1*).

Table 1

Structure of Belarus's road construction machinery imports by region (2020–2026, percent)

Year	China	EU	Other Asia	CIS	Other
2020	28	52	8	7	5
2021	31	49	9	6	5
2022	45	30	10	9	6
2023	58	20	9	8	5
2024	64	15	8	8	5
2025	69	12	8	8	3
2026*	72	10	7	8	3

*2026 – estimated values based on trend extrapolation.

Source: author's development.

The data demonstrates a rapid increase in China's share, especially in the period 2022–2024. At the same time, the share of the European Union declined sharply, confirming a structural reorientation rather than a temporary market fluctuation. The growth rate of China's share initially reached 9–10 percentage points per year, later slowing to approximately 3 percentage points due to saturation effects. The observed shift cannot be interpreted solely as a market-driven adjustment. Rather, it reflects a forced structural transformation under external constraints where supplier choice is limited not by efficiency but by geopolitical feasibility.

To assess the implications of this transformation, dependency and concentration indicators were calculated and verified for consistency (*Table 2*).

Table 2

Import dependency and market concentration indicators (2025)

Indicator	Value	Interpretation
Import Volume (M)	410 mln USD	Dominant role of imports
Domestic Output (Q)	55 mln USD	Limited industrial base
Exports (X)	15 mln USD	Weak export position
Import Dependency Index (IDI)	0,88	Critically high dependency
Herfindahl – Hirschman Index (HHI)	0,47	High supplier concentration

Source: author's development.

The Import Dependency Index is calculated as:

$$(M - X) / (M - X + Q) = (410 - 15) / (410 - 15 + 55) \approx$$
$$\approx 395 / 450 \approx 0{,}88.$$

The institutional response to these challenges is reflected by the development of the China – Belarus Industrial Park Great Stone. The park operates as a special economic zone with preferential tax regimes, simplified customs procedures, and advanced infrastructure. By 2025, it had attracted more than 130 resident enterprises from over 13 countries, with a significant share of Chinese investment.

This platform creates opportunities for Belarusian companies to transition from import-based activities to participation in production and value creation processes. Operational integration includes localization of machinery assembly, development of spare parts logistics, and training programs in cooperation with Chinese specialists.

These changes generate measurable operational improvements.

The reduction in delivery time is achieved through the creation of regional warehouses and localized service centers. This significantly improves equipment utilization and reduces operational risks (*Figures 1, 2*).

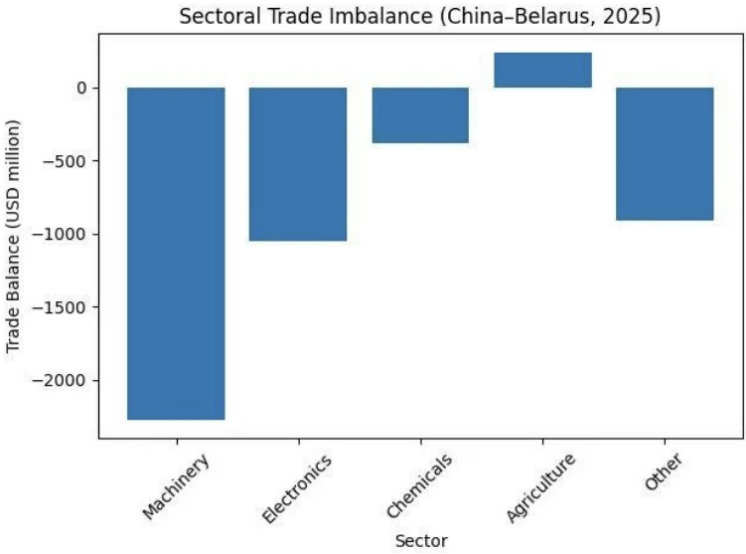

Figure 1. **Sectoral trade imbalance (China-Belarus, 2025)**
Source: author's development.

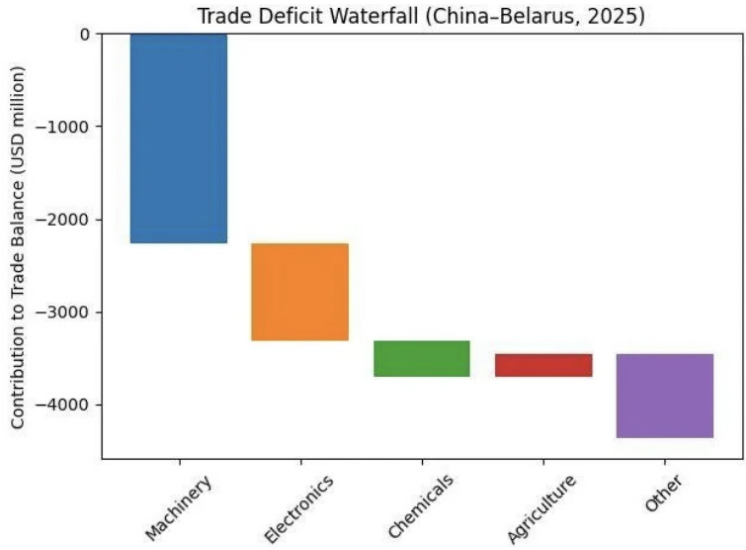

Figure 2. **Trade deficit waterfall (China-Belarus, 2025)**
Source: author's development.

A further stage of transformation involves the development of localized production through joint ventures. A conceptual model based on cooperation between SANY and BELTECHNIKPARTNER demonstrates this approach.

This phased model enables gradual development of domestic competencies while maintaining production efficiency. Over time, the project evolves from basic assembly to more advanced industrial activities, including engineering adaptation and export expansion (*Table 3*, *Figure 3*).

Table 3

Operational effects of industrial integration

Indicator	Before	After	Change
Delivery time (days)	45	12	–73 percent
Equipment downtime (percent)	20	15	–25 percent
Logistics costs (USD)	100	82	–18 percent
Service revenue (USD)	100	132	+32 percent

Source: author's development.

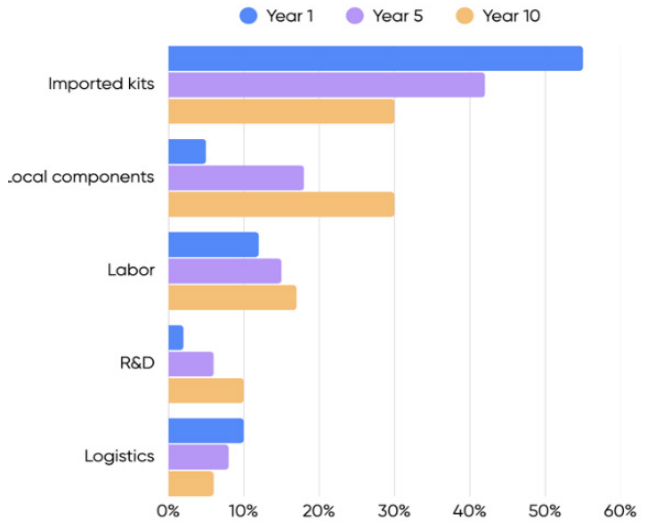

Figure 3. **Localization percentage of joint production model**
Source: author's development.

The economic viability of localization is strongly influenced by cost structure, particularly the utilization fee applied to imported machinery within the Eurasian Economic Union (*Tables 4, 5*).

Table 4

Localization stages of joint production model

Stage	Period	Model	Localization
Stage 1	Years 1–2	CKD assembly	15 percent
Stage 2	Years 3–5	SKD + partial manufacturing	30–35 percent
Stage 3	Year 6+	Engineering adaptation & export	up to 45 percent

Source: author's development.

Table 5

Cost comparison: imported vs localized production (motor grader)

Cost Component	Imported (USD)	Localized (USD)
Base price	180,000	180,000
Logistics & insurance	12,000	6,000
Customs & other costs	8,000	4,000
Utilization fee	44,000	~0 (exempt under localization policy)
Assembly cost	Not applicable	18,000
Final price	244,000	218,000

Source: author's development.

The localized production model provides a price advantage of approximately 26 000 USD, or about 11 percent. This advantage is primarily driven by the elimination of the utilization fee and reduced logistics costs. In addition, localization reduces exposure to exchange rate volatility and external logistical disruptions, contributing to price stability.

Beyond microeconomic benefits, localization generates significant macroeconomic effects.

The multiplier effect indicates that each unit of industrial output generates additional value in related sectors such as logistics, services, and component manufacturing. This highlights the broader economic impact of industrial cooperation beyond direct production activities (*Table 6*).

Table 6

Macroeconomic effects of localization project

Indicator	Value	Unit	Notes
Direct employment	250–300	jobs	Estimated based on comparable industrial projects
Indirect employment	400–600	jobs	Includes supply chain and service sectors
Annual tax contribution (Year 5)	14	USD mln	Projected under full-capacity operations
Industrial multiplier	1,8–2,1	coefficient	Based on industry benchmarks

Source: author's development.

Despite these positive effects, several structural challenges remain. Many projects within the current model are concentrated in assembly operations, while deeper technological integration and research capabilities are still limited. This constrains the level of participation in global value chains and slows the accumulation of domestic competencies.

At the same time, the growing dominance of a single supplier increases strategic vulnerability. Long-term resilience requires a balanced approach that combines localization with diversification of supply sources, including cooperation with other Asian partners and selective engagement with European markets.

The transformation of Belarus's road machinery supply chains reflects a broader shift toward Eurasian industrial integration. Short-term stability has been achieved through supplier reorientation, while long-term sustainability depends on the development of domestic industrial capacity, technological adaptation, and deeper integration into value creation processes. Industrial cooperation within the Great Stone framework provides a foundation for this transition. It enables Belarus to move from a purely import-dependent model toward a more advanced position as an active participant in regional industrial networks, contributing to both economic growth and structural modernization.

REFERENCES

1. National Statistical Committee of the Republic of Belarus. Foreign Trade Statistics 2025 / National Statistical Committee of the Republic of Belarus. – Minsk : NSC, 2025. – URL: https://www.belstat.gov.by (date of access: 15.02.2026).

2. China Customs. Foreign Trade Data 2025 / China Customs. – Beijing : China Customs, 2025. – URL: http://english.-customs.gov.cn (date of access: 15.02. 2026).

3. "Great Stone" growing into industrial hub / Xinhua Silk Road. – 29 Jun 2023. – URL: https://en.imsilkroad.com/p/334814.html (date of access: 15.02.2026).

4. China-Belarus Industrial Park overview 2025 / Official site. – URL: https://en.industrial-park.by/ (date of access: 15.02.2026).

5. Belarus and China to continue developing Great Stone Park / UDF News. – 26 Aug 2024. – URL: https://udf.name/english/economy/271818-belarus-china-to-continue-developing-great-stone-park-as-industrial-logistic-cluster.html (date of access: 15.02.2026).

6. Major industrial clusters formed in Great Stone Park / sb.by. – URL: https://www.sb.by/-en/major-industrial-clusters-formed-in-great-stone-industrial-park.html (date of access:15.02.2026).

7. Residents of Great Stone increased production volume / TASS. – 05 Mar 2024. – URL: https://tass.ru/ekonomika/20157957 (date of access: 15.02.2026).

УДК 7711:339.9

Инь Мэнюэ,
аспирант кафедры экономики,
организации строительства
и управления недвижимостью БНТУ

Научный руководитель: О. С. Голубева,
научный консультант научно-исследовательской
лаборатории информатики и технологий
в строительстве БНТУ,
кандидат экономических наук, доцент

ОПЫТ СТРОИТЕЛЬСТВА УМНЫХ ЗДАНИЙ В РАМКАХ ГРАДОСТРОИТЕЛЬНОЙ СТРАТЕГИИ «СИНЬЧЭНЦЗЯНЬ» И ВОЗМОЖНОСТЬ ЕГО АДАПТАЦИИ В БЕЛАРУСИ

Аннотация: *в статье предлагаются пути адаптации китайского опыта внедрения градостроительной стратегии «Синьчэнцзянь» с учетом начального этапа цифровой трансформации строительной отрасли Беларуси.*

Summary: *the article proposes ways to adapt the Chinese experience of implementing the Xinchengjian urban development strategy, taking into account the initial stage of Belarus construction industry digital transformation.*

Ключевые слова: *умные здания, интеллектуальное строительство, китайский опыт, китайско-белорусское сотрудничество.*

Keywords: *smart buildings; intelligent construction; Chinese experience; Chinese-Belarusian cooperation.*

Градостроительная стратегия «Синьчэнцзянь» («новое городское строительство») – урбанистическая концепция, направленная на модернизацию китайских городов при помощи цифровизации, ядром которой является использование современных информационных технологий для интеллектуализации городской инфраструктуры.

Совместное распоряжение Канцелярии ЦК КПК и Канцелярии Госсовета КНР «О продвижении строительства новой городской инфраструктуры для создания устойчивых городов», указывает

на необходимость ускорить внедрение технологий умного строительства на всех этапах жизненного цикла объектов [3].

Умные здания, как ключевой элемент стратегии «Синьчэнцзянь», объединяют в себе такие технологии, как информационное моделирование строительных объектов (BIM), интернет вещей (IoT) и искусственный интеллект (ИИ), обеспечивающие оптимизацию энергоэффективности зданий, безопасность и повышение качества их технического обслуживания.

В настоящее время Китай демонстрирует устойчивое лидерство в сфере интеллектуального строительства. По данным Государственного статистического управления КНР, в первой половине 2025 г. объем производства строительных роботов вырос на 26,5 процента, а объем услуг в сфере BIM – на 19,9 процента. Специалисты по эксплуатации и техническому обслуживанию зданий, использующие в своей работе искусственный интеллект, достигли годовой экономии электроэнергии в 5 процентов и повышения эффективности обработки заявок на 20 процентов [6].

В марте 2025 г. Министерство жилья, городского и сельского строительства КНР опубликовало экспериментальную версию «Технического руководства по интеллектуальному строительству» (Цзяньбань Ши [2025] № 14), которая стала первым системным руководящим документом по технологиям интеллектуального строительства в Китае [3]. В руководстве дается определение интеллектуального строительства как способа ведения строительства с взаимодействием человека и машины, формируемого в результате глубокой интеграции нового поколения информационных технологий и индустриальных технологий строительства, а также установлены технические требования к пяти этапам цифровизации строительной отрасли: цифровым изысканиям, цифровому проектированию, интеллектуальному производству, интеллектуальному строительству и интеллектуальной эксплуатации.

В документе подчеркивается необходимость интеграции таких цифровых технологий, как BIM, цифровые двойники, Интернет вещей, большие данные и ИИ в строительную отрасль для формирования скоординированной и унифицированной

системы данных; использование строительных роботов, интеллектуальных интегрированных строительных платформ и другого интеллектуального оборудования для содействия взаимодействию человека и машины в опасных и чрезвычайных ситуациях, создание платформ интеллектуальной эксплуатации и интеллектуального контроля за конструктивной безопасностью, действиями работников, рабочим состоянием оборудования и энергопотреблением зданий.

Градостроительная стратегия «Синьчэнцзянь» привлекла к себе внимание компаний из многих сфер деятельности, в том числе таких как связь, интернет, строительная отрасль. Масштабы рынка умного строительства говорят о том, что сегодня его рост уже опережает общий уровень развития всей строительной сферы. Так, в первой половине 2025 г. добавленная стоимость в строительной отрасли выросла примерно на 5 процентов, в то время как темпы роста производства строительных роботов достигли 26,5 процента, а услуг в сфере BIM – 19,9 процента. Продолжается наращивание синергетического эффекта между высокотехнологичной обрабатывающей промышленностью и строительным сектором: производство интеллектуальных автомобильных устройств и интегральных микросхем выросло на 11 процентов и 11,5 процента соответственно, обеспечивая ключевую технологическую поддержку цифровизации строительства и интеллектуализации парков [4].

В интеллектуальных зданиях предусматривается контроль со стороны ИИ, а не просто интеграция отдельных интеллектуальных систем. Например, четвертая строительная компания Шанхая (Shanghai Construction No. 4 (Group) Co., Ltd.) в 2025 г. представила кластер ИИ-агентов по эксплуатации зданий «Сывэйцзичжи» – первую в Китае систему эксплуатации, основанную на технологии мультиагентов (Multi-Agent).

После создания данной системы техническим специалистам компании удалось сформировать единую информационную структуру, объединяющую BIM-модель площадью 3700 кв. м, более 1200 документов строительной документации, архивы на 579 единиц оборудования и почти 100 млн записей данных IoT в режиме реального времени, что, как ожидается, обеспечит

годовую экономию электроэнергии в 5 процентов и повышение эффективности обработки заявок на 20 процентов [6].

Таблица 1

Сравнение темпов роста отраслей, связанных с интеллектуальным строительством в Китае в первой половине 2025 года [4]

Сфера деятельности	Темп роста	Источник данных
Добавленная стоимость в строительстве	Около 5 процентов	Национальное статистическое бюро КНР
Объем рынка строительных роботов	26,5 процента	Национальное статистическое бюро КНР
Объем рынка BIM-услуг	19,9 процента	Национальное статистическое бюро КНР
Объем рынка интеллектуальных автомобильных устройств	11,0 процентов	Национальное статистическое бюро КНР
Объем рынка интегральных микросхем	11,5 процента	Национальное статистическое бюро КНР

Пилотным проектом по цифровизации крупных общественных зданий стал международный выставочно-торговый комплекс, расположенный в экспериментальной зоне аэроэкономики Чжэнчжоу (Zhongyuan High-speed Rail Port Digital Exhibition and Trade City), реализуемый китайским многопрофильным холдингом China First Metallurgical Group. Мониторинг стройматериалов с помощью QR-кодов определил общий расход стали 106 000 т и более 300 000 единиц стальных компонентов, что позволило добиться минимальных потерь при производстве. В данном проекте был применен ряд ключевых технологий, которые позволили значительно сократить сроки строительства и установить 9 национальных рекордов, включая самый широкий пролет между строительными фермами и самую длинную непрерывную пересекающуюся арку [5].

В сфере строительства зданий с низким уровнем выбросов углерода компанией iFlytek была внедрена платформа искусственного интеллекта, благодаря чему в системе центрального

кондиционирования была достигнута годовая экономия энергии в 12 процентов. Центр развития науки, технологий и индустриализации Министерства жилья, городского и сельского строительства КНР в исследовательском отчете «Ключевые технологии и оценка низкоуглеродных интеллектуальных зданий», предложил интегрировать такие интеллектуальные технологии как IoT, BIM, цифровые двойники, с низкоуглеродными технологиями (пассивное энергосбережение, использование возобновляемой энергии), объединяющие низкоуглеродные и интеллектуальные характеристики на протяжении всего жизненного цикла здания, переходя от «пассивного энергосбережения» к «активному снижению выбросов углерода».

Пятиуровневая архитектура цифровых двойников успешно интегрирует технологии BIM, системы автоматизации зданий (BAS), IoT, ИИ и технологию смешанной реальности (MR). На типовом этаже высотного офисного здания в г. Фошань было реализовано 3D-интерактивное управление эксплуатацией здания, что предоставило системное техническое решение для интеллектуальных зданий на базе ИИ [2].

В целом анализируя опыт развития интеллектуальных зданий в Китае, можно выделить 3 направления.

Первое: согласованная работа над стратегией и стандартами. Опубликованная экспериментальная версия «Технического руководства по интеллектуальному строительству» стала отправной точкой для создания в Китае системы технических стандартов, охватывающей весь жизненный цикл здания: инженерные изыскания, проектирование, производство, строительство и эксплуатацию. Руководство требует перехода на цифровизацию всех строительных этапов, унификацию стандартов хранения, обмена и передачи данных, что закладывает институциональную основу для преодоления информационной разобщенности и обеспечения сквозного прохождения данных. В опубликованном в сентябре 2025 г. документе «Система стандартов цифровизации зданий», преодолена проблема несовместимости данных различных цифровых платформ: унифицированы 8 ключевых стандартов, включая интерфейсы данных BIM-моделей и технические параметры платформ цифровой эксплуатации.

Второе: совместное развитие рыночных механизмов и промышленной экосистемы. Государство стимулирует спрос при помощи специальных облигаций, льготных кредитов и субсидий. По состоянию на сентябрь 2025 г. в Китае освоено 85 процентов средств, поступивших в виде специальных облигаций, выпущенных под создание систем хранения энергии в таких парках с нулевым выбросом углерода, как например, парк у реки Цяньтан в г. Ханчжоу. Программа льготных кредитов на «модернизацию экологических технологий управления» была расширена на область модернизации систем цифровой эксплуатации зданий со ставкой, не превышающей 2,5 процента. В г. Шэньчжэнь субсидия на выпуск 5G-управляемых строительных роботов была увеличена до 30 процентов с максимальной стоимостью одного проекта 15 млн юаней.

Третье: совместное развитие пилотных проектов и интеграция технологий. Внедрение «умных строительных площадок» под эгидой Министерства жилья, городского и сельского строительства КНР достигло значительных результатов. По состоянию на сентябрь 2025 г. число умных строительных площадок на местном уровне составило 100 процентов, в 92 процентах строительных проектов реализован мониторинг в режиме реального времени с реализацией 9 ключевых сценариев с помощью ИИ-видеонаблюдения, при этом, например, точность сценария деформации глубоких котлованов достигала 95 процентов. Пилотная программа нулевых углеродных парков была расширена со 100 до 150. В 15 из 20 пилотных проектов доля использования зеленой энергетики превысила 90 процентов, и все они получили бонус в виде 7-процентной квоты на выброс углерода. Модель «пилотный проект – корректировка стандартов – широкое внедрение» реально снизила строительные риски и ускорила промышленное применение инноваций.

Сегодня Беларусь находится на начальном этапе цифровой трансформации. В сентябре 2025 г. на международной строительной выставке BUDEXPO в г. Минске первый заместитель министра архитектуры и строительства Республики Беларусь В. А. Наумович заявил, что белорусские строительные предприятия активно внедряют современные технологии, а также новые

технологии цифровизации и информатизации в сфере проектирования; искусственный интеллект также начинает применяться в проектировании [1].

Такие платформы сотрудничества, как, например, Китайско-Белорусский индустриальный парк, служат настоящей основой для передачи технологий и реализации проектов. Белорусской строительной отрасли было бы целесообразно использовать следующие пути для адаптации китайского опыта строительства умных зданий.

Первый: согласование программ в области строительства. Республика могла бы рассмотреть возможность разработки на государственном уровне «Программы развития умных зданий», определив этапные цели, ключевые задачи и меры поддержки. Было бы возможно включение программы строительства умных зданий в единую структуру государственной стратегии цифровой трансформации, объединив ее с программами энергосбережения в строительстве и комплексного обновления жилой застройки. При этом было бы обоснованно опереться на общую и техническую составляющие «Технического руководства по интеллектуальному строительству», адаптируя их к условиям Беларуси.

Второй: трансформация системы стандартов. Комитет по стандартизации Беларуси мог бы сотрудничать с соответствующими структурами Министерства жилья, городского и сельского строительства КНР для систематического перевода и адаптации таких документов, как «Техническое руководство по интеллектуальному строительству» (экспериментальная версия) и «Система стандартов цифровизации зданий» (2025 г.). Можно было бы провести их локализацию с учетом климатических особенностей Беларуси, например, высокой потребности в отоплении в холодное время года, и структуры энергетики (высокой доли атомной энергии), сформировав национальные технические нормы для умных зданий. Это особенно касается таких ключевых стандартов, как интерфейсы данных BIM и технические параметры платформ цифровой эксплуатации, где можно напрямую использовать уже проверенные и действующие китайские стандарты, что снизило бы затраты на собственные разработки.

Третий: запуск пилотных проектов. Целесообразно в полной мере использовать преимущества Китайско-Белорусского индустриального парка, сделав его пилотной зоной для интеграции и применения технологий умных зданий. Было бы оправданно запустить на территории Индустриального парка 1–2 эталонных проекта умных зданий, интегрирующих BIM-проектирование, интеллектуальное управление энергопотреблением и интеллектуальные системы безопасности. Благодаря существующим примерам, демонстрирующим преимущества эксплуатации умных зданий, экономящих энергию и повышающих эффективность технического обслуживания, а также благодаря накопленным данным по локализованной эксплуатации (Цифровой выставочно-торговый городок высокоскоростной железной дороги (ВСМ) Чжэнчжоу-Ган и iFlytek Town – город, применяющий практику энергосбережения), этот опыт можно было бы распространять на г. Минск и другие крупные города Беларуси.

Четвертый: проведение совместных исследований и совместная подготовка кадров. Целесообразно инициировать установление партнерских отношений между Белорусским национальным техническим университетом (БНТУ), Белорусским государственным университетом (БГУ) и подразделениями таких китайских вузов, как Тунцзи (Шанхай) и Харбинским политехническим университетом (ХПУ), в которых сосредоточены знания и опыт в области интеллектуального строительства, для совместной подготовки магистров и аспирантов. Можно было бы рассмотреть возможность создания китайско-белорусской совместной лаборатории строительства умных зданий, сосредоточившись на таких специфичных для Беларуси направлениях исследований, как технологии энергосбережения для умных зданий в холодном климате и интеллектуальная модернизация уже существующих зданий. Регулярное проведение китайско-белорусских форумов по технологиям умных зданий с участием компаний, университетов и исследовательских институтов обеих стран способствовало бы углубленной интеграции промышленности, образования и науки.

Развитие умных зданий в рамках китайской градостроительной стратегии «Новое городское строительство» («Синьчэнцзянь»)

предлагает эффективное решение интеллектуальной трансформации зданий и городов в условиях стремительной урбанизации. Ключевой опыт Китая заключается не только в руководящей роли таких системных документов, как «Руководство по технологиям интеллектуального строительства», но и в совместном развитии рыночных механизмов и промышленной экосистемы, а также в прагматичной модели внедрения «пилотный проект – корректировка стандартов».

Для Беларуси активное изучение китайского опыта, его избирательное и поэтапное внедрение с учетом местных особенностей, а также реализация практических проектов на таких платформах сотрудничества, как, например, Китайско-Белорусский индустриальный парк, позволили бы эффективно ускорить модернизацию строительной отрасли и создать для граждан более безопасное, комфортное и экологичное жизненное и рабочее пространство. В будущем, по мере углубления сотрудничества в области согласования политик, взаимного признания стандартов, реализации проектов и подготовки кадров, умные здания могут стать новым ярким направлением китайско-белорусского инновационного сотрудничества, дополнительно добавив технологическое измерение углубления китайско-белорусского стратегического партнерства.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. New construction technologies on display at BUDEXPO in Minsk // BelTA (БелТА). – 17 сентября 2025 г. – URL: https://eng.belta.by/economics/view-/new-construction-technologies-on-display-at-budexpo-in-minsk-171571-2025/ (дата обращения: 21.02.2026).

2. Smart building technology integration for sustainable urban development // Automation in Construction. – 2025. – Vol. 172. – P. 105–317. – DOI: 10.1016/j.autcon.2025.105317. – URL: https://www.-sciencedirect.com/science/article/abs/pii/S09265-80525003176 (дата обращения: 21.02.2026).

3. Государственный совет КНР. О развитии «нового городского строительства» («Синьчэнцзянь») в Китае // Официальный портал Государственного совета КНР. – URL: http://big5.www.gov.cn/gate/-big5/www.gov.cn/zhengce/zhengceku/202503/content_7014454.htm (доступ ограничен) (дата обращения: 21.02.2026).

4. Инновационная платформа «Инцзао ван» («Процветающее строительство»). Рыночный обзор китайской интернет-платформы строительной

индустрии: Выпуск № 10 [Отчёт]. – Пекин : Китайская интернет-платформа строительной индустрии, 2025. – 12 с.

5. Строительная отрасль Китая: цифровизация и «умные» здания // Китайская научно-техническая газета («Кэцзи жибао»). – 30 сентября 2025 г. – URL: https://www.stdaily.com/web/gdxw/202509/30/content410800-.html (доступ ограничен) (дата обращения: 21.02.2026).

6. Шанхайская комиссия по управлению государственными активами. План развития «пяти новых городов» Шанхая на 2025 год // Официальный сайт Шанхайской Госкомактивов. – URL: https://www.-gzw.sh.gov.cn/shgzw_zxzx_gqdt/20250612/fd52b4f45194449782c8fb092f42155d.html (доступ ограничен) (дата обращения: 21.02.2026).

УДК 338.1:61

П. Д. Щурок,
студентка Совместного института БГУ и ДПУ

Научный руководитель: А. В. Петрашевская,
старший преподаватель кафедры
международных экономических отношений
факультета международных отношений БГУ

СРАВНИТЕЛЬНЫЙ АНАЛИЗ ЭНЕРГЕТИЧЕСКОЙ ТРАНСФОРМАЦИИ: ВИЭ И BESS В КНР И В РЕСПУБЛИКЕ БЕЛАРУСЬ

Аннотация: *в статье проводится комплексный сравнительный анализ процессов энергетической трансформации в Китае и Беларуси в контексте глобального перехода к низкоуглеродной экономике.*

Summary: *the study provides a comprehensive comparative analysis of energy transformation processes in China and Belarus in context of global transition to a low-carbon economy.*

Ключевые слова: *возобновляемые источники энергии, системы накопления энергии, BESS, энергетический переход, зеленый водород, энергосистема Китая, энергосистема Беларуси.*

Keywords: *renewable energy sources, energy storage systems, BESS, energy transition, green hydrogen, China energy system, Belarus energy system.*

В условиях усиления глобальных климатических вызовов и ужесточения международных экологических требований энергетический переход становится не просто экологической инициативой, а основой устойчивого экономического развития современных государств. Страны мира стремятся снизить углеродоемкость своих экономик, нарастить долю возобновляемых источников энергии (ВИЭ) и создать гибкие, отказоустойчивые энергосистемы.

Особенно интересным для научного и структурно-функционального анализа представляется сопоставление двух различных моделей адаптации к новым энергетическим реалиям: масштабного и высокотехнологичного пути КНР и более умеренного, но имеющего высокий потенциал развития пути Республики Беларусь. Для Китая зеленая трансформация выступает

стратегическим локомотивом модернизации экономики и укрепления абсолютного технологического лидерства на мировой арене [1, с. 31]. Для Беларуси же данный процесс является важнейшим инструментом повышения энергоэффективности, снижения внешней ресурсной зависимости от импорта ископаемого топлива и роста национальной конкурентоспособности. В условиях поступательного расширения двустороннего сотрудничества в рамках инициативы «Один пояс и один путь», глубокий анализ механизмов экологической трансформации приобретает не только теоретическую, но и высокую практическую значимость.

Сегодня энергетическая политика КНР демонстрирует беспрецедентные темпы наращивания мощностей солнечной и ветровой генерации. Инвестиции Китая в чистую энергетику бьют мировые рекорды: только за 2024 г. в этот сектор было вложено 625 млрд долларов США, что составляет 31 процент от всех мировых инвестиций в данной сфере [1, с. 7].

Согласно данным статистики, в 2024 г. мощности сектора возобновляемой энергетики КНР увеличились примерно на 452 млн кВт, а общая установленная мощность ВИЭ достигла колоссальных 2,34 млрд кВт [3]. Сегодня ВИЭ составляют около 60 процентов от общей установленной мощности электроэнергетики страны [3]. Важнейшим структурным достижением 2024–2025 гг. стало превышение совокупной мощности солнечных и ветровых электростанций (достигших 1408 ГВт) над традиционной тепловой генерацией [1, с. 8]. Это исторический сдвиг в энергетической архитектуре.

Однако простого добавления генерирующих мощностей недостаточно. Как показывает международный опыт, интеграция переменной (недиспетчеризируемой) генерации солнца и ветра требует высокой системной гибкости для предотвращения ограничения выдачи мощности [2, с. 6]. Осознав это, Китай перешел к стратегии построения «новой электроэнергетической системы», сместив фокус с простого ввода ВИЭ на системную интеграцию и развитие сетевой инфраструктуры [1, с. 15].

Ключевым элементом такого подхода стало опережающее развитие аккумуляторных систем накопления энергии (BESS). Всего за три года, к концу 2024 г., объем установленных аккумуляторных

батарей в КНР вырос в 3 раза, достигнув 76 ГВт, а к середине 2025 г. этот показатель составил 95 ГВт [1, с. 19]. Эти системы относятся к категории двунаправленных технологий сдвига энергии («Power-to-X-to-Power»), которые позволяют запасать избыточную энергию в часы пиковой генерации и отдавать ее в сеть в моменты дефицита [2, с. 4]. Кроме того, Китай активно развивает однонаправленные технологии обеспечения гибкости («Power-to-X»), в частности – производство зеленого водорода. К 2024 г. КНР сконцентрировала у себя более половины мировых мощностей по производству экологически чистого водорода (свыше 125 тыс. тонн в год) [1, с. 22].

Фундаментом китайского успеха выступает прагматичный подход «построить прежде, чем ломать». Он заключается в том, что старые угольные мощности не ликвидируются немедленно, а переводятся в режим резервных мощностей для стабилизации энергосистемы до тех пор, пока системы накопления энергии и ВИЭ не достигнут необходимого запаса прочности [1, с. 32].

В отличие от КНР, энергосистема Республики Беларусь характеризуется принципиально иными масштабами и структурными вызовами. По состоянию на 2025 г., объем установленной мощности ВИЭ составил 656 МВт (около 7 процентов от общего энергопотребления) [4]. Государственная энергетическая стратегия предусматривает планомерное увеличение доли ВИЭ до 8 процентов к 2030 г. [4].

Главной особенностью современного этапа энергетического развития Беларуси является завершение строительства и полноценный ввод в эксплуатацию Белорусской АЭС. Появление крупного источника генерации базовой мощности радикально меняет профиль нагрузки в сети. Атомная генерация обладает значительно меньшей удельной стоимостью производства электроэнергии, однако ее технологическая специфика подразумевает работу в ровном графике. Возникает классическая проблема: формирование профицита дешевой базовой мощности в ночные часы, что создает серьезные технико-экономические трудности для энергосистемы.

В таких условиях дальнейшая интеграция даже умеренных объемов ВИЭ (солнца и ветра), генерация которых также зависит

от погодных, а не диспетчерских факторов, становится затруднительной без масштабной модернизации сетевой инфраструктуры и внедрения гибких режимов работы. Как отмечают европейские исследователи из Ассоциации по накоплению энергии (EASE), без достаточных мощностей для сдвига энергии (energy shifting) энергосистемы сталкиваются с необходимостью ограничивать чистую генерацию, что является нерациональным использованием ресурсов [2, с. 12].

С учетом описанных факторов, научная и практическая новизна дальнейшего развития энергетики Беларуси должна заключаться в грамотной адаптации китайских технологических и институциональных практик. Для решения проблемы ночного профицита мощности от БелАЭС и балансировки дневных пиков генерации ВИЭ необходимо внедрение следующих решений:

1. Масштабирование технологий Power-to-X-to-Power (BESS). Развертывание промышленных систем накопления энергии на основе литий-ионных и альтернативных батарей позволит Беларуси накапливать излишки ночной энергии АЭС (или дневной энергии солнечных парков) и выдавать ее в сеть в периоды пикового спроса [2, с. 4–5]. Китайский опыт показывает, что инвестиции в BESS должны идти опережающими темпами по отношению к вводу переменной генерации [1, с. 18–19].

2. Внедрение технологий Power-to-X (Зеленый водород и электрификация тепла). Использование избыточной базовой электроэнергии для электролиза воды с получением водорода является крайне перспективным направлением [2, с. 4]. Водород может использоваться как топливо для тяжелого транспорта или сырье для химической промышленности (например, для ОАО «Гродно Азот»), тем самым снижая зависимость от импортного природного газа [1, с. 22].

3. Совершенствование законодательных механизмов. Китайский подход демонстрирует эффективность создания индустриальных кластеров и рыночных механизмов торговли электроэнергией [1, с. 35]. Беларуси необходимо развитие нормативной базы, которая сделает экономически выгодным предоставление услуг системной гибкости и хранения энергии частными и государственными операторами.

Таким образом, китайская модель развития возобновляемой энергетики, сочетающая массированный ввод генерирующих мощностей с развитием систем накопления энергии (BESS) и сетевой инфраструктуры, доказывает свою абсолютную эффективность [1, с. 53]. Республика Беларусь, находясь на этапе адаптации энергосистемы к условиям функционирования атомной генерации, остро нуждается в технологиях системной гибкости. Трансфер передового китайского опыта в сфере BESS, водородных технологий и нормативного стимулирования позволит превратить текущие ограничения (ночной профицит мощности) в конкурентное преимущество, повысив экологичность, энергоэффективность и долгосрочную устойчивость белорусской экономики.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. China Energy Transition Review 2025 / M. Yang, B. Yang, S. Butler-Sloss, E. Graham // Ember. – 2025.

2. Energy Storage Targets 2030 and 2050: Ensuring Europe's Energy Security in a Renewable Energy System / European Association for Storage of Energy (EASE). – Brussels, 2022.

3. Мощности сектора возобновляемой энергетики КНР в 2025 году выросли примерно на 21 % // BigpowerNews. – URL: https://www.bigpowernews.ru/news-/document123508.phtml (дата обращения: 01.03.2026).

4. Состояние солнечной и ветроэнергетики в Беларуси на 2025 год // Electrical School. – URL: https://electricalschool.info/newsportal/greenenergy/-3278-sostoyanie-solnechnoy-i-vetroenergetiki-v-rb.html (дата обращения: 01.03.2026).

Секция 2

БЕЛОРУССКО-КИТАЙСКОЕ ГУМАНИТАРНОЕ СОТРУДНИЧЕСТВО

Руководители секции:
А. И. Смолик,
заведующий кафедрой культурологии БГУКИ,
доктор культурологии, профессор
И. И. Кнатько,
заместитель декана факультета культурологии БГУКИ,
кандидат культурологии

УДК 378(510)

Д. А. Смоляков,
главный научный сотрудник
Белорусско-китайского исследовательского
центра философии и культуры
Линнаньского педагогического университета,
кандидат философских наук

ОПЫТ РАЗВИТИЯ ВЫСШЕГО ОБРАЗОВАНИЯ В КНР: ОТ БАЗОВЫХ ПОДХОДОВ К НЕСТАНДАРТНЫМ РЕШЕНИЯМ

Аннотация: *в статье рассматриваются итоги развития высшего образования КНР в контексте общей логики китайской модернизации.*

Summary: *the article examines the results of higher education development in China in the context of the general logic of Chinese modernization.*

Ключевые слова: *Китай; высшее образование; модернизация Китая; институциональное развитие*

Keywords: *China; higher education; Chinese modernization; institutional development.*

За последние десятилетия КНР добилась значительных социально-экономических успехов, при этом одним из ключевых факторов стала модернизация системы высшего образования, превратившаяся в важнейшее направление государственной политики. В научной литературе этот успех обычно объясняется долгосрочным планированием, активной ролью государства, реализацией крупных программ модернизации, а также интернационализацией университетов и демографическим масштабом страны [1]. Однако подобные объяснения, фиксируя важные институциональные факторы, не в полной мере раскрывают специфику китайского опыта, поскольку аналогичные механизмы использовались и в других странах, не приводя к сопоставимым результатам, а внимание к отдельным инструментам нередко оставляет в стороне более сложные системные решения, изменившие саму логику развития университетского сектора.

В этой связи представляется целесообразным рассмотреть развитие высшего образования в Китае не только через призму уже хорошо описанных базовых подходов, но и через анализ менее очевидных институциональных решений, позволивших китайской системе высшего образования сочетать масштабность, управляемость и высокий темп модернизации. Такое рассмотрение позволяет уточнить существующие интерпретации китайского образовательного феномена и выявить те элементы политики и организационной практики, которые нередко остаются на периферии академической дискуссии.

Китай по своему масштабу выходит за пределы привычной страновой логики. По численности населения он значительно превосходит США и все государства ЕС вместе взятые и скорее представляет собой крупное цивилизационное пространство. Поэтому анализ его образовательных реформ в узко страновых рамках неизбежно упрощает картину, сглаживает внутренние различия и недооценивает сложность институциональной среды. Китайский путь после начала реформ следует понимать не как поиск отдельной ниши, а как перенастройку масштабной социальной системы, где высшее образование выступает

не автономным сектором, а частью более широкой трансформации экономики, управления и научно-технологического развития.

В сравнительном анализе китайский опыт целесообразно рассматривать в сопоставлении с крупными государствами глобального Юга, находившимися в сходных условиях модернизационного старта, где одновременно решались задачи индустриализации, институционального строительства и интеграции в мировую экономику. КНР не имела опыта прямого колониального управления, однако ее модернизационная стратегия в ряде аспектов была близка распространенной в Азии логике показательных проектов, демонстрирующих уровень развития и включенность в глобальные процессы. Обычно такая модель ведет к концентрации ресурсов в изолированных точках роста, но в Китае формирование флагманов использовалось как механизм расширения и укрепления базовой образовательной инфраструктуры.

В китайской модели модернизации развитие рассматривалось прежде всего как общественная задача, соотнесенная с долгосрочными государственными целями, а не как функция отдельного института или административного ведомства. Рыночные механизмы, введенные в ходе реформ, позволили существенно снизить дефицит ресурсов и повысить эффективность распределения, однако при этом не привели к разрушению социальной связанности и координации коллективных усилий.

Государство формулирует стратегические цели модернизации и задает институциональные рамки их достижения, тогда как общество реализует эти цели через процессы локализации, адаптации и масштабирования.

Одним из ключевых инструментов модернизации стала система высшего образования, прежде всего ее массовизация. К концу XX века китайский образовательный сектор характеризовался ограниченным числом университетов, низкой долей студентов, неоднородным качеством подготовки и слабой международной включенностью. Ответом стала одновременная реализация двух направлений: масштабное расширение подготовки кадров для базовых потребностей государства – учителей, врачей, инженеров, технологов и управленцев – и создание группы

элитных университетов, призванных обеспечить международную конкурентоспособность системы.

С другой стороны, вместо концентрации ресурсов в ограниченном числе университетов и их расширения до экстремальных масштабов была увеличена сама сеть учреждений высшего образования. Если в начале 1980-х гг. в Китае насчитывалось около 500 университетов и колледжей, то к середине 2020-х гг. их число превысило 3000. За тот же период численность студентов выросла приблизительно с 2 млн до более чем 47 млн человек [2]. В результате система высшего образования не была сконцентрирована в нескольких гигантских университетах с контингентом в сотни тысяч обучающихся. Напротив, она сформировалась в виде разветвленной сети из тысяч учреждений, где средний размер университетов составляет около 30–40 тыс. студентов.

Принципиально важным обстоятельством является то, что расширение системы высшего образования в КНР не сопровождалось институциональным упрощением обучения. Подготовка в региональных университетах оставалась относительно недорогой, однако сохраняла полноценный академический характер. Характерной особенностью китайской модели стал отказ от распространенных во многих странах практик заочного или дистанционного получения базовых академических степеней.

В этой связи возникает вопрос о финансовых механизмах, обеспечивших столь масштабное расширение системы – ответом стала коммерциализация. Обучение на уровнях бакалавриата и магистратуры стало платным, однако университеты не были превращены в структуры, ориентированные на извлечение прибыли, сохранив статус элементов государственной системы развития, где стоимость обучения имеет преимущественно социальный характер.

Особую роль в трансформации системы высшего образования сыграл внешний контур развития, в рамках которого КНР сформировала масштабную и устойчивую модель академической мобильности. В течение последних трех десятилетий китайские студенты составляли значительную долю мирового потока обучающихся за рубежом [3], а с конца 1980-х гг. по 2023 г. за границу выехало более 8 млн человек, из которых свыше 6 млн впоследствии вернулись в страну; в последние годы доля

возвращающихся превышает 80 процентов, что указывает на существование эффективного механизма обратной интеграции выпускников в национальную академическую и экономическую систему.

Параллельно с этим китайские университеты значительно усилили собственную роль как принимающей стороны международной академической мобильности. Если в начале 1980-х гг. численность иностранных студентов в стране была крайне незначительной, то к 2024 г. их контингент приблизился к 500 тыс. человек. В результате Китай сегодня выступает одним из крупнейших мировых центров притяжения международного академического обмена. В ряде ведущих университетов страны доля иностранных студентов достигает около 15 процентов, особенно на уровнях магистратуры и докторантуры, а также в рамках совместных образовательных программ и международных исследовательских проектов [4].

В результате реформ в КНР сформировались устойчивые образовательные экосистемы, объединяющие национальные академические кадры, приглашенных иностранных специалистов и значительный слой преподавателей с зарубежными учеными степенями. Это отразилось и на позициях китайских университетов в глобальном академическом пространстве: от 5 до 15 университетов материкового Китая регулярно входят в первую сотню мировых рейтингов, еще около 5 из Гонконга занимают сопоставимые позиции [5], что в совокупности превышает показатели большинства развивающихся стран и многих крупных регионов мира.

В научной и аналитической литературе подобные результаты нередко объясняются прежде всего масштабом государственных инвестиций и эффективностью их распределения. Однако такая интерпретация лишь частично отражает специфику китайского подхода. Китайская стратегия не строилась вокруг создания одного национального флагмана, концентрирующего основные ресурсы. Напротив, она изначально опиралась на индустриальную логику развития системы. Так, государственная программа Project 211 охватила 112 ведущих университетов страны, тогда как последовавший за ней Double First-Class University Plan распространился уже на 147 университетов. Университеты оказа-

лись встроены в систему управления и способны выступать механизмом, переводящим стратегические государственные цели в масштабное общественное усилие.

Характер функционирования китайской образовательной системы особенно наглядно проявляется на примере международной сети Институтов Конфуция. За 2 десятилетия было создано более 500 институтов и свыше 1000 классов, действующих более чем в 160 странах мира [6].

При таком масштабе неизбежно встают вопросы кадровой, финансовой и управленческой устойчивости, однако китайская система продемонстрировала способность обеспечивать подобные инициативы необходимыми преподавательскими, административными и экспертными ресурсами без заметной институциональной перегрузки. Это особенно важно, поскольку сеть Институтов Конфуция представляет лишь один из внешних контуров образовательной политики КНР: параллельно создаются совместные исследовательские центры, реализуются международные программы, открываются совместные университеты и академические институты, что указывает на изначально сформированную способность системы работать в режиме масштабной и устойчивой мобилизации ресурсов.

В совокупности речь идет о вовлечении сотен тыс. специалистов и реализации тысяч проектов на уровне страны. Подобная кадровая плотность и институциональная активность не возникают спонтанно; они являются результатом длительного институционального наращивания потенциала и системной подготовки человеческого капитала, ориентированной на стратегию масштабного действия.

Таким образом, ключевым фактором китайской образовательной политики стала не столько реализация отдельных демонстрационных инициатив, сколько их способность к воспроизводству и масштабированию. К началу 2020-х гг. на фоне нарастающего глобального технологического перехода, КНР подошла к новой фазе развития уже с развернутой и институционально насыщенной образовательной инфраструктурой, способной функционировать в режиме масштабной мобилизации ресурсов.

Анализ динамики реформ позволяет выделить несколько последовательно сменяющих друг друга фаз. На первоначальном

этапе ключевым механизмом выступала **локализация**: заимствованные организационные и образовательные модели адаптировались к национальным институциональным условиям и интегрировались в существующую систему управления. Следующий этап был связан с **расширением внутреннего образовательного пространства и одновременным выходом в международную академическую среду**. В этот период получили развитие такие инициативы, как глобальная сеть Институты Конфуция, а также более широкие государственные стратегии международного сотрудничества, включая стратегическую инициативу «Один пояс и один путь» и индустриальную программу «Сделано в Китае 2025».

На современном этапе китайская стратегия все более ориентируется на формирование собственного видения технологического будущего и его практическую реализацию через инфраструктурное освоение новых технологических направлений, прежде всего в области искусственного интеллекта. Государственная политика реализуется посредством ряда направлений:

1. Массового внедрения централизованных государственных образовательных платформ.
2. Институционализации технологий искусственного интеллекта.
3. Развития формата «ИИ+Х».
4. Связки образовательной системы с вычислительной инфраструктурой.
5. Управление рисками цифровизации.
6. Цифровой трансформации прикладного и профессионального образования.

Таким образом, успех китайской модели высшего образования связан не столько с уникальностью отдельных инструментов, сколько с их способностью к масштабированию в рамках институционально целостной системы. Используя механизмы модернизации, типичные для стран глобального Юга, КНР сумела превратить их в устойчивую инфраструктуру воспроизводства образовательных, кадровых и научных результатов. Расширение системы не привело к ее фрагментации: массовизация, качество подготовки и международная связанность развивались одновре-

менно и во взаимосвязи. Государственная поддержка была направлена не только на создание флагманов, но и на укрепление широкого слоя университетов, тогда как интернационализация стала не внешним признаком статуса, а внутренним ресурсом развития. В конечном счете ключевым фактором успеха стал именно масштаб, позволивший превратить высшее образование в инструмент эффективной мобилизации ресурсов и координации институтов, что особенно заметно на современном этапе внедрения технологий искусственного интеллекта.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. *Гурулева, Т. Л.* Университеты КНР: современное состояние и стратегия глобального развития до 2035 года / Т. Л. Гурулева // Вестник Волгоградского государственного университета. Серия 4. История. Регионоведение. Международные отношения. – 2020. – № 2. – С. 184–193.

2. *Донецкая, С. С.* Реформирование системы высшего образования в Китае: современные итоги / С. С. Донецкая, Цзи Цяньнань // Высшее образование в России. – 2018. – № 12. – С. 79–92.

3. Global Student Flows // QS Quacquarelli Symonds. – URL: https://www.qs.com/global-student-flows (date of access: 12.03.2026).

4. How many international students study in China? // The PIE News. – URL: https://thepienews.com/how-many-international-students-study-in-china/ (date of access: 12.03.2026).

5. QS World University Rankings // TopUniversities (QS Quacquarelli Symonds). – URL: https://www.topuniversities.com/university-rankings (date of access: 12.03.2026).

6. Confucius Institute Annual Development Report 2024 // Confucius Institute Headquarters (Center for Language Education and Cooperation). – URL: https://ci.cn/en/gywm/nb/d5b20be8-40ea-46fa-a3f4-a550140a8b3e (date of access: 12.03.2026).

УДК 378

А. И. Олексюк, К. А. Ласкович,
студентки факультета международных
бизнес-коммуникаций БГЭУ

Научный руководитель: К. А. Линевич,
преподаватель китайского языка
кафедры английского и восточных языков БГЭУ

ПЕРСПЕКТИВЫ РАЗВИТИЯ СОТРУДНИЧЕСТВА В СФЕРЕ ВЫСШЕГО ОБРАЗОВАНИЯ МЕЖДУ БЕЛАРУСЬЮ И КИТАЕМ

Аннотация: *в статье рассматривается современное состояние и перспективы развития белорусско-китайского сотрудничества в сфере высшего образования в контексте введения новых требований к поступающим в вузы КНР.*

Summary: *the article examines the current state and prospects of Belarusian-Chinese cooperation in the field of higher education development in context of new requirements for applicants to universities in China introduction.*

Ключевые слова: *образовательный процесс, экзамен, HSK, CSCA, изменения, сотрудничество, Институт Конфуция.*

Keywords: *educational process, exam, HSK, CSCA, changes, cooperation, Confucius Institute.*

Республика Беларусь и Китайская Народная Республика на протяжении последних десятилетий демонстрируют поступательное развитие двусторонних отношений, при этом уделяется особое внимание образовательному сотрудничеству как способу передачи знаний об истории и культуре обоих государств. Подготовка квалифицированных специалистов, владеющих языком и технологиями стран-партнеров, является стратегическим ресурсом для реализации крупных совместных проектов, таких, например, как Индустриальный парк «Великий камень». Базисом для системного взаимодействия сторон является «Соглашение между Правительством Республики Беларусь и Правительством Китайской Народной Республики о сотрудничестве в сфере

образования», заключенное 17 декабря 2015 г., которое заложило правовую основу для взаимного признания документов об образовании и академических обменов [1].

В настоящее время в подходах китайской стороны к абитуриентам и студентам из Беларуси наблюдается переход от количественных показателей к качественному усложнению образовательных критериев: повышаются требования к языковой подготовке (рост проходных баллов на сдачу экзамена HSK), появляются дополнительные вступительные испытания (экзамен CSCA), при этом образовательный процесс все теснее интегрируется с реальным сектором экономики через стажировки и подготовку кадров для совместных проектов. Появляются новые ключевые тенденции и открываются перспективы развития двустороннего сотрудничества в сфере образования в контексте новых требований стипендиальных программ (CSC, HSK) и подготовки кадров для совместных белорусско-китайских проектов.

В первую очередь, ключевую роль в развитии взаимодействия в области образования играет республиканская сеть Институтов Конфуция. Например, основными направлениями работы Республиканского института китаеведения имени Конфуция БГУ являются обучение китайскому языку на коммерческих курсах для взрослых, детей и молодежи; подготовка преподавателей китайского языка для общеобразовательных школ и высших учебных заведений Беларуси с выдачей диплома БГУ; разработка и издание учебно-методических пособий по китайскому языку; проведение ежегодной республиканской студенческой олимпиады по китайскому языку; проведение международных квалификационных экзаменов по китайскому языку (путунхуа) HSK, HSKK и YCT; проведение международного квалификационного экзамена для устных и письменных переводчиков CATTI в языковой паре «русский-китайский»; консультационная поддержка по вопросам сотрудничества с КНР; научные исследования в области китаеведения, издание сборников и монографий; проведение научных и научно-практических конференций; организация конкурсов китайской каллиграфии, художественных переводов, детского творчества «Современный Китай глазами юных белорусов» и т. п. [2].

Уникальным примером в контексте взаимодействия сторон в области образования является Институт Конфуция по науке и технике БНТУ, специализирующийся на преподавании технического китайского языка и создании отраслевых словарей для подготовки инженерных кадров. Институт организует и проводит научно-практические конференции, тематические семинары, выставки, форумы, научно-технические мероприятия для детей, молодежи, студентов, аспирантов и молодых ученых, обмен специалистами научно-технической сферы, стажировки преподавателей и молодых ученых, конкурсы переводчиков в области научно-технического перевода и т. д.; курсы по изучению китайского языка на начальном, среднем, продвинутом и высоком уровнях; специальные курсы китайского языка для специалистов инженерно-технического профиля; квалификационные экзамены (тесты) на уровень знания китайского языка (HSK, HSKK, YCT, BCT) и на владение преподавателями китайского языка технической терминологией.

Таким образом, Институты Конфуция являются своеобразным мостом между Беларусью и Китаем, ставят своей целью развитие взаимодействия и сотрудничества между народами в сфере культуры, образования, науки и техники [3].

Если рассматривать экзамен HSK (Hanyu Shuiping Kaoshi – международный стандартизированный экзамен для иностранцев), то он представляет собой ключевой инструмент оценки уровня владения китайским языком для заинтересованных абитуриентов и студентов, открывающий возможности для поступления в китайские вузы, получения стипендий и трудоустройства в международных (с участием китайского капитала) компаниях. В 2026 г. система HSK претерпела существенные изменения, связанные с внедрением стандарта HSK 3.0, который расширяет уровневую структуру с 6 до 9 баллов, разделяя их на три этапа: начальный (1–3 уровни), средний (4–6 уровни) и продвинутый (7–9 уровни) [4].

Данные изменения позволили точнее соотносить HSK с Общеевропейской системой оценки языковых компетенций (CEFR – Common European Framework of Reference): HSK 4 соответствует уровню B2, HSK 5 – B2-C1, HSK 6 – C1, а уровни 7–9 достигают C2. Одновременно с реформой HSK с 2026/2027 учебного

года вводится обязательный экзамен CSCA (China Scholastic Competency Assessment) для всех иностранных абитуриентов и студентов программ бакалавриата в Китае, который представляет собой национальный стандартизированный тест для объективной оценки базовых академических компетенций (*таблица 1*).

Таблица 1

Новые требования по количеству слов для каждого уровня экзамена HSK

Уровень HSK	HSK 2.0	HSK 3.0
HSK 1	150	300
HSK 2	300	500
HSK 3	600	1000
HSK 4	1200	2000
HSK 5	2500	3600
HSK 6	5000	5400
HSK 7-9	–	11000

Первый глобальный экзамен CSCA состоялся 21 декабря 2025 г., а с 2026 г. установлен график проведения 5 раз в год: в январе, марте, апреле, июне и декабре. Структура экзамена включает 4 предмета: профессиональный китайский язык, математику, физику и химию, при этом математика является обязательным предметом для всех абитуриентов и студентов независимо от выбранной специальности. Профессиональный китайский язык предлагается в 2 вариантах – гуманитарный для поступающих на гуманитарные, социально-экономические и педагогические специальности, и естественнонаучный – для поступающих на инженерные, естественнонаучные и медицинские специальности. Для абитуриентов и студентов, поступающих на специальности, требующие углубленной естественно-научной подготовки, предусмотрена необходимость сдачи как минимум 1 из дополнительных предметов – физики или химии.

Важной особенностью является возможность выбора языка сдачи экзаменов по математике, физике и химии – тесты доступны как на китайском, так и на английском языке, что позволяет абитуриентам и студентам, планирующим обучение

на англоязычных программах, демонстрировать академические знания без дополнительного языкового барьера. При этом абитуриенты, поступающие на специальность «Китайский язык» и имеющие действующий сертификат HSK 4 уровня, освобождаются от сдачи профессионального китайского языка в рамках CSCA [5]. Таким образом, система отбора иностранных абитуриентов и студентов в китайские вузы становится комплексной: HSK оценивает языковую компетенцию, а CSCA проверяет академическую готовность к обучению по выбранной специальности.

В рамках анализа эффективности прохождения белорусскими студентами стажировок в Китае исследованы данные по трудоустройству выпускников факультета международных бизнес-коммуникаций Белорусского государственного экономического университета за период 2023–2025 гг. Среди студентов, прошедших стажировку в Китае, был проведен опрос, по итогам которого можно сделать вывод о том, что данный опыт предоставляет возможность поднять уровень владения китайским языком, углубить понимание китайской культуры и национальных традиций, получить более полное представление о специфике функционирования экономики Китая, особенностях деловой среды и социально-экономического развития страны. Кроме того, прохождение стажировки в Китае влияет на дальнейшее трудоустройство студентов. Им предоставляют рабочие места в различных компаниях, связанных с логистикой, банковским делом, деловой коммуникацией и т. п. 100 процентов из числа опрошенных респондентов усовершенствовали уровень владения китайским языком, 80 процентов – смогли найти места для трудоустройства или прохождения практики в компании, сотрудничающей с Китаем: Банком развития Китая, Белорусской торгово-промышленной палатой, ООО «Индастриал Карго» и др.

На основе анализа данных выявлено, что внедрение CSCA, добавляющее к уровню владения китайским языком проверку знаний по математике и естественным наукам, формирует дополнительный фильтр для белорусских абитуриентов и студентов. На начальном этапе это ведет к временному сокращению потока поступающих, однако в среднесрочной перспективе ожидается повышение качества отбираемых кандидатов. Новые правила

также стимулируют изменение структуры выбираемых специальностей: освобождение от сдачи профессионального китайского языка для гуманитарного направления создает для абитуриентов временные преимущества, однако долгосрочные потребности экономического сотрудничества, включая подготовку кадров для совместных проектов, поддерживают высокий спрос на инженерно-технические специальности. Кроме того, можно прогнозировать дифференциацию потоков, т. е. часть абитуриентов выберет гуманитарный профиль с упрощенными требованиями, часть – более сложную, но востребованную инженерно-техническую сферу.

Новые условия предъявляют повышенные требования и к довузовской подготовке: успешная сдача CSCA требует не только владения китайским языком на уровне HSK 4–5, но и способность решать задачи по математике и естественным наукам на китайском или на английском языке, что обусловливает необходимость интеграции языковой и предметной подготовки. Это, в свою очередь, ставит задачу подготовки преподавательского состава, способного вести предметы на иностранных языках и интегрировать языковые и профессиональные компетенции в учебный процесс. Такая подготовка может осуществляться в рамках создания курсов переподготовки или повышения квалификации для заинтересованных преподавателей.

В общем и целом, перспективы развития новых подходов связаны с адаптацией системы довузовской подготовки к новым требованиям. Ключевыми площадками для комплексной подготовки могут стать Институты Конфуция в Беларуси, особенно Республиканский институт китаеведения имени Конфуция БГУ, в котором с 2025 г. китайский язык углубленно преподается студентам экономического факультета, или специализированный Институт Конфуция по науке и технике БНТУ, обладающий опытом преподавания технического китайского языка и профильных дисциплин.

Таким образом, введение экзамена CSCA и усложнение системы HSK знаменуют переход белорусско-китайского образовательного сотрудничества от количественных показателей к качественным. Новые условия создают серьезные вызовы для белорусских абитуриентов и студентов, требуя более высокого

уровня языковой и вузовской подготовки, но одновременно открывают возможности для повышения качества образовательной мобильности и подготовки более конкурентоспособных специалистов для совместных проектов.

К числу ключевых перспектив развития в данной сфере относятся: адаптация системы довузовской подготовки к новым требованиям через интеграцию языковых и предметных компетенций; задействование потенциала Институтов Конфуция в качестве площадок для комплексной подготовки абитуриентов; углубление интеграции образования с реальным сектором экономики, включая целевые стажировки; развитие системы повышения квалификации преподавателей для реализации предметно-языкового интегрированного обучения. Проведение в жизнь обозначенных перспектив потребует скоординированных усилий абитуриентов, студентов, образовательных институтов и государственных структур обеих стран, включая разработку совместных образовательных программ, информационную поддержку участников образовательного процесса и создание необходимых условий для подготовки педагогических кадров нового профиля.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. Соглашение между Правительством Республики Беларусь и Правительством Китайской Народной Республики о сотрудничестве в сфере образования. – URL: https://etalonline.by/document (дата обращения: 16.02.2026).

2. Республиканский институт китаеведения имени Конфуция Белорусского государственного университета. – URL: https://rci.bsu.by/ (дата обращения: 16.02.2026).

3. Институт Конфуция по науке и технике БНТУ. – URL: https://cist.bntu.by/ (дата обращения: 16.02.2026).

4. HSK экзамен 2026: все форматы, даты и правила сдачи. – URL: https://redplanet-china.com/ (дата обращения: 16.02.2026).

5. Instructions for CSCA // Beijing Language and Culture University. – URL: https://admission.blcu.edu.cn/en/2025 (дата обращения: 16.02.2026).

УДК 37.378

П. А. Лукашевич, А. Минакова,
студенты факультета технологий управления
и гуманитаризации БНТУ

Научный руководитель: Д. В. Коваленок,
преподаватель-стажер
кафедры иностранных языков БНТУ

РОЛЬ ИНСТИТУТОВ КОНФУЦИЯ В ФОРМИРОВАНИИ ПОЛОЖИТЕЛЬНОГО ИМИДЖА КИТАЯ В БЕЛОРУССКОМ ОБЩЕСТВЕ

Аннотация: *в статье анализируется роль белорусских Институтов Конфуция как инструмента «мягкой силы» Китая в формировании положительного имиджа страны в белорусском обществе.*

Summary: *the article analyses Confucius Institutes` role as a tool of the «soft power» of the People's Republic of China in shaping the country's positive image in Belarusian society.*

Ключевые слова: *«мягкая сила»; Китай; Республика Беларусь; культурная дипломатия; китайский язык; двустороннее сотрудничество; образование.*

Keywords: *«soft power»; China; Republic of Belarus; cultural diplomacy; Chinese language; bilateral cooperation; education.*

Современная система международных отношений характеризуется не только конкуренцией экономических и военных потенциалов, но и активным использованием инструментов так называемой «мягкой силы». В концепции, предложенной Джозефом Наем в 1990 г., «мягкая сила» определяется как способность государства добиваться желаемых результатов на основе добровольного участия, симпатии и привлекательности страны, ее культуры и политических ценностей.

Для Китайской Народной Республики, стремящейся к гармоничному развитию и укреплению своих позиций в XXI в., формирование положительного имиджа является одной из приоритетных задач внешней политики. Одним из ключевых инструментов реализации данной стратегии выступают Институты

Конфуция – глобальная сеть культурно-образовательных центров, создаваемых Китаем. Институты Конфуция играют большую роль в содействии распространению китайской культуры за рубежом и расширении культурных обменов между Китаем и странами по всему миру [1, с. 154].

Интенсивно и успешно развивающиеся двусторонние отношения, участие Беларуси в стратегической инициативе «Один пояс и один путь» объективно требуют активного участия Институтов Конфуция, которые обеспечивают необходимую языковую поддержку и способствуют созданию благоприятных условий для успешной реализации данной инициативы [3, с. 7].

Некоммерческий проект КНР «Институт Конфуция», основанный и реализуемый с 2004 г., преследует цель поддержки изучения китайского языка и распространения китайской культуры. Проект реализуется китайской стороной на базе какого-либо из высших учебных заведений за рубежом в формате совместного учреждения. Рост Китая до уровня второй крупнейшей экономики мира значительно увеличил интерес к изучению китайского языка, который сегодня жизненно необходимым для успешного ведения бизнеса и трудовой деятельности с данной страной. Первый Институт Конфуция был открыт в г. Сеул (Южная Корея) в 2004 г., после чего сеть институтов распространилась практически на все континенты [7].

В Республике Беларусь, как и в других государствах, деятельность Институтов Конфуция осуществляется на принципах взаимного уважения и учета интересов принимающей стороны. Их задача заключается не только в преподавании китайского языка, но и в развитии межкультурного диалога. Именно здесь традиционно формируется благожелательное отношение к китайской культуре, что подкреплено тесными политическими и экономическими связями между странами. Такое отношение создает особые условия, при которых роль Институтов Конфуция в выстраивании положительного имиджа Китая становится наиболее эффективной.

Собственно деятельность сети Институтов Конфуция в Республике Беларусь началась в 2006 г. с открытия первого из них – Республиканского институт китаеведения имени Конфуция БГУ (РИКК БГУ). Сегодня РИКК БГУ, находящийся в г. Минске,

признан образцовым и ведущим центром по изучению китайского языка и культуры [5].

В университетах, расположенных в столице, осуществляют образовательную деятельность 4 Института Конфуция: в Белорусском государственном университете (БГУ), Белорусском национальном техническом университете (БНТУ), Белорусском государственном университете иностранных языков (БГУИЯ), Белорусском государственном университете физической культуры (БГУФК), 3 Института Конфуция работают в областных центрах: в Брестском государственном университете имени А. С. Пушкина, Гомельском государственном университете имени Франциска Скорины и Могилевском государственном университет имени А. А. Кулешова.

Фундаментальную роль в академическом сегменте гуманитарного сотрудничества с Китаем играет Республиканский институт китаеведения имени Конфуция Белорусского государственного университета (БГУ). Основанный в 1921 г., БГУ является флагманом отечественной системы образования, и наличие в его структуре Института Конфуция придает китайскому направлению особый статус и престиж.

Взаимодействие с партнерским вузом – Даляньским политехническим университетом – позволило создать на базе РИКК БГУ мощный центр классического китаеведения. Формирование имиджа Китая здесь происходит через глубокое интеллектуальное погружение в историю, философию и политическую систему КНР. Деятельность РИКК БГУ позволяет белорусской научной элите воспринимать Китай не только как торгового союзника, но и как отдельную цивилизацию с мощным академическим потенциалом. На базе БГУ также действует и Совместный институт БГУ и Даляньского политехнического университета, созданный для подготовки специалистов, главным образом, инженерно-технического профиля и укрепления академических связей в научно-технической сфере.

Особое место в системе лингвистической подготовки занимает Институт Конфуция Белорусского государственного университета иностранных языков (БГУИЯ), основанного в 1948 г. Данное учебное заведение на протяжении десятилетий удерживает статус лидера в области преподавания иностранных языков.

Сотрудничество БГУИЯ с Юго-Восточным университетом (г. Нанкин) в рамках работы Института Конфуция направлено на подготовку нового поколения переводчиков и преподавателей китайского языка.

Обучение китайскому языку в качестве инструмента профессиональной реализации создает у белорусских студентов образ Китая как страны неограниченных возможностей для карьерного роста. РИКК БГУ и Институт Конфуция БГУИЯ превращают изучение китайского языка в престижное и востребованное направление образования, что способствует росту симпатии к Китаю среди молодежи, видящей в Китае надежного партнера и перспективного работодателя. Языковая компетенция, подкрепленная стажировками в КНР, позволяет белорусским гражданам воочию знакомиться с реальным современным и динамичным Китаем.

Технологический аспект имиджа Китайской Народной Республики транслируется через Институт Конфуция по науке и технике Белорусского национального технического университета (БНТУ). Основанный в 1920 г., БНТУ является старейшим техническим вузом республики. Институт Конфуция по науке и технике БНТУ основан 6 декабря 2013 г. Партнером БНТУ по созданию Института Конфуция является Северо-Восточный университет – один из ведущих вузов Китая, основанный в 1923 г., который находится в г. Шэньяне, столице провинции Ляонин. Торжественное открытие Института Конфуция по науке и технике состоялось 21 октября 2014 г. [5].

Деятельность института ориентирована на подготовку инженерно-технических кадров, что крайне актуально в контексте развития Китайско-Белорусского индустриального парка «Великий камень». Для белорусского инженерного сообщества Китай через работу данного центра представляется как источник передовых инноваций, высоких технологий и эффективных моделей индустриального управления. Это обстоятельство смещает акцент в восприятии Китая с культурно-исторического на прагматично-прогрессивный, укрепляя имидж страны как научного локомотива XXI в. [6].

Уникальным компонентом гуманитарного взаимодействия с Китаем является Институт Конфуция Белорусского государ-

ственного университета физической культуры (БГУФК). Это специализированное учреждение формирует положительный имидж Китая через призму физической культуры, спорта и традиционных оздоровительных практик. Взаимодействие со спортивными вузами-партнерами в КНР позволяет успешно доносить до белорусской аудитории китайские представления о здоровом образе жизни, самодисциплине и гармонии духа и тела. Инициативы по популяризации таких направлений, как у-шу, тайцзицюань и основ китайской медицины находят благодатную почву среди белорусов, стремящихся к укреплению здоровья. Китай в данном контексте воспринимается как страна, обладающая уникальными секретами долголетия и высокой физической культуры, что вызывает искренний интерес и симпатию у белорусских граждан. Спортивная дипломатия, реализуемая через БГУФК, делает образ Китая максимально доступным и эмоционально близким для людей, далеких от академической науки или большой политики.

Вполне успешно транслируют позитивный имидж Китая и распространяющие знания о его традиционной культуре Институты Конфуция в областных университетах: Гомельском государственном университете имени Франциска Скорины, Брестском государственном университете имени А. С. Пушкина, Могилевском государственном университете имени А. А. Кулешова. К универсальным направлениям их деятельности относятся поддержка преподавания китайского языка, включая помощь преподавателям, сотрудничество в научных проектах, гуманитарных и академических обменах, разработка международной системы учебных материалов по китайскому языку и внедрение стандартов его преподавания, проведение экзаменов для учителей китайского языка, а также экзаменов для иностранцев на определение уровня владения языком, организация участия молодежи в конкурсе «Мост китайского языка», реализация грантовой программы «Новое китаеведение» и стипендиальных программ [5, с. 56].

В белорусских Институтах Конфуция также проходят разнообразные мероприятия, охватывающие множество аспектов двустороннего культурного сотрудничества. В каждом из них организуются курсы китайского языка, а также реализуются

культурные, образовательные и информационные проекты, направленные на глубокое изучение имиджа Китая и ее современного развития. Основные формы работы включают языковые занятия, фестивали, выставки, гастроли, конференции, мастер-классы, кинопоказы и празднования, связанные с китайскими традициями и важными датами, такими как Национальный день Китая, Всемирный день Институтов Конфуция, фестиваль Весны с завершающим праздником Фонарей, а также праздник Середины осени.

Опыт Институтов Конфуция в Беларуси показывает, что, их деятельность не ограничивается только преподаванием языка и популяризацией культуры, но и является одним из звеньев в развитии двусторонних экономических, научно-технических, образовательных и культурных связей, способствуя подготовке квалифицированных кадров для совместных белорусско-китайских проектов. За двадцатилетний период сформировалась уникальная практика двустороннего сотрудничества, учитывающая, в том числе, культурные интересы и потребности обеих сторон. Особенно ярко это проявляется в работе РИКК БГУ и Института Конфуция по науке и технике БНТУ.

В целом можно констатировать, что Институты Конфуция в Республике Беларусь добились значительных успехов в популяризации китайского языка и культуры, внося важный вклад в их распространение.

Культурный обмен между Китаем и Беларусью становится все более интенсивным, что способствует и более высокому уровню развития Институтов Конфуция в республике. Между двумя народами существует длительная дружба, а открытие Культурного центра Китая в Беларуси дополнительно помогает белорусам лучше понять китайскую культуру. Достаточно большое число белорусов выезжает в Китай для учебы, ведения бизнеса, занятия туризмом. Сотрудничество в сфере СМИ, обмен творческими коллективами и взаимные поездки молодежных организаций поддерживает укрепление культурных связей. Расширение культурного обмена повышает дополнительный спрос на языковую поддержку, где Институты Конфуция выполняют важную роль в «строительстве мостов» для межкультурного диалога [4, с. 14–15].

Таким образом, Институты Конфуция в Беларуси способствуют не только распространению лингвистических знаний, но и формируют устойчивый, многогранный и эмоционально близкий образ Китая, адаптированный к запросам различных социальных групп республики.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. 王永艳，王肖玥《基于扎根理论的孔子学院媒介形象建构研究》，《澳门科技大学国际学院》，2025年，第3期，153－163页. = *Ван Юнянь.* Исследование по созданию медийного образа Института Конфуция на основе обоснованной теории / Ван Юнянь, Ван Сяоюэ // Университет науки и техники Макао. – 2025. – № 3. – С. 153–163.

2. *Чжан Рипей.* Концепции языкового планирования для служения «Один пояс – один путь» / Чжан Рипей // Журнал Юньнаньского педагогического университета (социальные науки). – 2015. – № 4. – С. 51.

3. *Ван Цзяньцинь.* «Один пояс – один путь» и распространение китайского языка: историческая рефлексия, текущие возможности и стратегическое планирование / Ван Цзяньцинь // Языковые стратегические исследования. – 2016. – № 2. – С. 37.

4. *Ли Дэпэн.* Текущие дилеммы и меры противодействия языковым службам Китая / Ли Дэпэн, Доу Цзяньминь // Журнал Юньнаньского педагогического университета (Преподавание и исследования в области преподавания китайского языка как иностранного). – 2015. – № 2. – С. 64.

5. Институт Конфуция по науке и технике – гордость БНТУ // Белорусский национальный технический университет. – URL: https://bntu.by/institutes/cist/ (дата обращения: 20.02.2026).

6. *Селезнева, Н. В.* Реорганизация Канцелярии по распространению китайского языка (Ханьбань): судьба Институтов Конфуция / Н. В. Селезнева // Проблемы Дальнего Востока. – 2021. – № 2. – С. 166–176.

УДК 378.014.25(510+476)

В. О. Романюк,
учитель истории гимназии № 5 г. Минска
имени героев встречи на Эльбе

ЦЕНТРЫ ИЗУЧЕНИЯ БЕЛАРУСИ В ВУЗАХ КНР В 2012–2025 ГГ.: ИНСТИТУЦИОНАЛЬНАЯ ЭВОЛЮЦИЯ И ФУНКЦИОНАЛЬНАЯ ТРАНСФОРМАЦИЯ

Аннотация: *в статье сделан комплексный анализ институционального становления и функциональной трансформации Центров изучения Беларуси (ЦИБ) в вузах Китая в 2012–2025 гг.*

Summary: *the article provides a comprehensive analysis of the institutional development and functional transformation of the Centers for the Study of Belarus (CSB) in Chinese universities in 2012–2025.*

Ключевые слова: *Центры изучения Беларуси, образовательная дипломатия, белорусско-китайские отношения, «Один пояс и один путь», кадровое обеспечение, Институты Конфуция.*

Keywords: *Belarus Study Centers, educational diplomacy, Belarus-China relations, Belt and Road Initiative, personnel training, Confucius Institutes.*

Гуманитарное сотрудничество выступает стратегическим направлением белорусско-китайских отношений всепогодного всестороннего стратегического партнерства, приобретая особую значимость в условиях реализации инициативы «Один пояс и один путь» [1, с. 46]. Формирование устойчивых механизмов «мягкой силы» требует симметричного развития институциональной инфраструктуры: если в Беларуси функционирует широкая сеть, состоящая из 7 Институтов Конфуция, то в Китае аналогичную функцию выполняют Центры изучения Беларуси (ЦИБ) – уникальный феномен регионоведческой инфраструктуры [1, с. 49].

Особую актуальность опыт функционирования ЦИБ приобрел на фоне расширения белорусско-китайского университетского сотрудничества и создания в 2023 г. Белорусско-Китайской ассоциации университетов. Несмотря на нарастающую практику университетского сотрудничества, теоретическое осмысление происходящей институциональной эволюции ЦИБ остается фрагментарным.

Процесс формирования ЦИБ демонстрирует эволюцию от инициативных проектов к системной институционализации, обусловленную как внешнеполитическими факторами, так и внутривузовской логикой интернационализации.

Инициативная фаза (2012–2018 гг.) ознаменована открытием первого Центра в Восточно-Китайском педагогическом университете (ВКПУ, г. Шанхай) в апреле 2012 г. по инициативе профессора Бэй Вэньли. Ключевым событием стало подписание соглашения с Министерством образования Республики Беларусь в 2014 г. и последующая регистрация Центра при Министерстве образования КНР в 2017 г., что обеспечило его институциональную легитимность. На указанном этапе доминировала гуманитарно-лингвистическая парадигма: были созданы центры в ВКПУ, Сианьском университете иностранных языков (СУИЯ) и Пекинском университете иностранных языков, которые фокусировались преимущественно на изучении белорусских языка, литературы и культуры.

Институциональная фаза (начиная с 2019 г.) характеризуется диверсификацией профилей и интеграцией в национальные стратегические программы. С 2019 г. происходит формирование научно-технических центров, что коррелирует с провозглашением в Беларуси и Китае 2024–2025 гг. Годами научно-технологических инноваций [2]. Открытие ЦИБ при Нанкинском университете науки и технологий (НЮСТ, май 2019 г.) совпало с созданием Международной научной лаборатории «Электроника и интегральные системы» [3].

По данным за 2025 г., в Китае функционирует 14 Центров изучения Беларуси [1, с. 49]. Их географический масштаб охватывает ключевые регионы страны: г. Пекин (Пекинский университет иностранных языков), г. Шанхай (ВКПУ), г. Сиань (СУИЯ), г. Нанкин (НЮСТ), г. Тяньцзинь (Тяньцзиньский университет иностранных языков), г. Далянь (Даляньский политехнический университет), что обеспечивает представительство ЦИБ в ведущих академических и индустриальных центрах КНР.

На основе анализа целевых установок, структуры партнерских связей и кадровых результатов представляется возможным выделить 3 модели функционирования Центров изучения Беларуси.

Исследовательская модель (ВКПУ, г. Шанхай) характеризуется фокусом на фундаментальных регионоведческих исследованиях, систематической публикационной деятельностью и экспертно-аналитическими функциями. Центр ВКПУ осуществляет проведение лекций и семинаров, подготовку научных публикаций, издание мемуарной литературы, в частности, книги воспоминаний послов Беларуси в КНР [4]. Данная модель обеспечивает академическую репрезентацию Беларуси в китайском экспертном сообществе.

Лингво-образовательная модель (СУИЯ, Тяньцзиньский университет иностранных языков) ориентирована на подготовку профильных кадров с компетенциями в области белорусского языка и культуры. В СУИЯ с 2018 г. прошли обучение 77 студентов (динамика: 2018 г. – 19 чел., 2020 г. – 22 чел., 2025 г. – 16 чел.) [5]. По словам выпускников, «выпускники-белорусисты востребованы в дипломатических структурах, корпорациях и компаниях «Одного пояса и одного пути», включая Индустриальный парк «Великий камень»» [6, с. 154]. Данная модель обеспечивает кадровую базу для практического сотрудничества.

Научно-техническая модель (НЮСТ, Даляньский политехнический университет) интегрируется с промышленностью и инновационной инфраструктурой. ЦИБ НЮСТ участвует в направлении «Цифровые технологии» Китайско-Белорусской ассоциации университетов, обеспечивая связь между академическими исследованиями и потребностями высокотехнологичных отраслей [7].

Эволюция ЦИБ отражает смещение приоритетов белорусско-китайского сотрудничества от символической политики к прагматическому взаимодействию.

Кадровое обеспечение представляет собой ключевой измеримый результат деятельности ЦИБ. Выпускники СУИЯ трудоустроены в МИД КНР, корпорациях China Merchants Group (основной инвестор индустриального парка «Великий камень»), Huawei, ZTE и других международных компаниях [8]. Это создает устойчивый канал коммуникации: специалисты, изучившие белорусский или русский язык и знакомые с культурным кодом белорусов, обеспечивают качественное деловое взаимодействие на всех уровнях.

Народная дипломатия реализуется через культурно-мемориальные проекты. Открытие памятника Янке Купале в г. Пекине в январе 2020 г. [9], организация круглых столов по актуальным тематикам формируют позитивный образ Беларуси в китайском общественном мнении. Данная функция приобретает особое значение в условиях информационной конкуренции и необходимости продвижения «истории Беларуси, рассказанной белорусами».

Институциональная интеграция качественно усилилась в ноябре 2023 г. с созданием Белорусско-Китайской ассоциации университетов, объединившей 41 белорусский и 40 китайских вузов. Количество именитых ученых с обеих сторон и затрагиваемые на обсуждениях вопросы позволяют вынести суждение, что работа секций в рамках проведения заседаний Ассоциации имеет высокий потенциал площадки для обмена результатами исследований и формировании связей между учеными для разработки совместных проектов [10].

О заинтересованности в формировании связей Беларуси и Китая в академической сфере свидетельствуют и регулярно стартующие новые инициативы. Так, по данным за 2025 г., БГУ подписал с китайскими университетами и научными организациями свыше 100 соглашений о сотрудничестве. Под его руководством в г. Санья открыт Институт инновационного образования, который занимается не только обучением русскому языку, но и созданием высокотехнологичных продуктов. Кроме того, с сентября 2025 г. в БГУ начался набор на новую программу обучения «Международная экономика и торговля (с углубленным изучением китайского языка)» с квалификацией «Экономист. Китаевед-переводчик» [11, с. 5].

Как подчеркивает Чрезвычайный и Полномочный Посол Республики Беларусь в Китае А. В. Червяков, «нам нужны грамотные специалисты, которые не только в совершенстве владеют китайским языком, но и глубоко понимают менталитет, обычаи и культуру китайского народа» [12, с. 25]. Анализ текущего состояния и трендов развития позволяет сформулировать следующие приоритетные направления:

1. Цифровая интеграция ресурсов. Необходимо создание единой цифровой платформы, объединяющей библиотечные ресурсы, переводческие базы, аналитические материалы ЦИБ. Это обеспечит синергию и доступность информации для исследователей обеих стран.

2. Инженерно-техническое образование. Учитывая запросы Индустриального парка «Великий камень» и приоритеты белорусско-китайских Годов научно-технологических инноваций (2024–2025 гг.), требуется развитие совместных инженерных программ с участием ЦИБ научно-технического профиля.

3. Кадровое партнерство с экономическими резидентами. Закрепление ЦИБ в качестве кадровых партнеров резидентов индустриального парка «Великий камень» через создание целевых направлений и распределение выпускников бюджетной формы обучения обеспечит прямую связь образования с реальным сектором экономики.

4. Экспертные функции для государственных структур. Трансформация ЦИБ в центры экспертизы для правительственных структур обеих стран позволит повысить качество консультирования и прогнозирования.

Центры изучения Беларуси за 14 лет эволюционировали от инициативных проектов энтузиастов к системному элементу образовательной дипломатии, интегрированному в национальные стратегии обеих стран. Выделенные 3 модели функционирования (исследовательская, лингвистически-образовательная, научно-техническая) отражают адаптацию институциональной формы к меняющимся приоритетам сотрудничества. Роль ЦИБ в кадровом обеспечении инициативы «Одного пояса и одного пути» и формировании позитивного имиджа Беларуси в Китае требует дальнейшей институциональной поддержки, цифровой интеграции и включения в экономические механизмы двустороннего сотрудничества. Перспективным направлением представляется трансформация ЦИБ в узловые элементы Китайско-Белорусской ассоциации университетов с акцентом на научно-техническое сотрудничество.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. *Го Шухун.* Китайско-белорусское сотрудничество: достижения и перспективы / Го Шухун // VIII Республиканская школа молодого китаеведа: приоритетные направления исследования современного Китая и белорусско-китайского сотрудничества : сб. ст. участников / под ред. проф. А. А. Тозика. – Мн. : Изд. центр БГУ, 2025. – С. 46–53.

2. Совместное заявление Беларуси и Китая о дальнейшем развитии отношений всепогодного и всестороннего стратегического партнерства в новую эпоху / Министерство иностранных дел Республики Беларусь. – 2024. – URL: https://china.mfa.gov.by/ru/embassy/news/-fb2937bef6398e2d.html?ysclid=mlxek79sks486371291 (дата обращения: 10.02.2026).

3. “中国－白俄罗斯’电子信息与集成系统’国际科学实验室”签约仪式举行 / 南京理工大学国际合作与交流处. – 2025. – URL: https://gjc.njust.edu.cn/-66/80/c7091a353920/page.htm (дата обращения: 12.02.2026).

4. 查找:白俄罗斯 // 华东师范大学俄罗斯研究中心. – URL: https://rus.ecnu.edu.cn/topics/-search?kw=%E7%99%BD%E4%BF%84%E7%BD%97%E6%96%AF (дата обращения: 18.02.2026).

5. Вэнь Юйся: как в Сиане учат белорусский язык? Профессор о работе Центра изучения Беларуси и карьере китайских выпускников / Белорусское телеграфное агентство (БелТА). – URL: https://belta.by/com-ments/view/kak-v-siane-uchat-belorusskij-jazyk-professor-o-rabote-tsentra-izuchenija-belarusi-i-karjere-kitajskih-9872/ (дата обращения: 21.02.2026).

6. *Сашурина, А. В.* The role of the Belarusian National Pavilion in promoting Belarusian products in the Chinese market / А. В. Сашурина // VIII Республиканская школа молодого китаеведа: приоритетные направления исследования современного Китая и белорусско-китайского сотрудничества : сб. ст. участников / под ред. проф. А. А. Тозика. – Минск: Изд. центр БГУ, 2025. – С. 153–155.

7. 中国与白俄罗斯高校成立数字技术等六个合作集群 / 新华社. –2024.– URL: http://www.news.cn/20240522/19245ca2bdd14bca8990200e021d1cc4/c.html (дата обращения: 15.02.2026).

8. 西安外国语学院 / 中华人民共和国教育部.–URL:https://gz.moe.gov.cn/api/-gjs/file/download/3ce4f09da8f040219f9aac491129ef43 (дата обращения: 12.02.2026).

9. Об открытии памятника Янке Купале // Посольство Республике Беларусь в Китайской Народной Республике. – URL: https://china.mfa.gov.by/ru/embassy/news/c69988c990d3915d.html?ysclid=mlwnopjisl169663930 (дата обращения: 12.02.2026).

10. Секция III заседания Китайско-Белорусской ассоциации университетов прошла в БНТУ. – URL: https://times.bntu.by/news/17976-sekciya-iii-zasedaniya-kitajsko-belorusskoj-associacii-universitetov-proshla-v-bntu?ysclid=mlx7knpcn2687474797 (дата обращения: 10.02.2026).

11. Прохоренко А.Г. Приветственное слово // VIII Республиканская школа молодого китаеведа: приоритетные направления исследования современного Китая и белорусско-китайского сотрудничества : сб. ст. участников / под ред. проф. А. А. Тозика. – Мн. : Изд. центр БГУ, 2025. – С. 3–6.

12. *Червяков, А. В.* Большой приход Китая в Беларусь // VIII Республиканская школа молодого китаеведа: приоритетные направления исследования современного Китая и белорусско-китайского сотрудничества : сб. ст. участников / под ред. проф. А. А. Тозика. – Мн. : Изд. центр БГУ, 2025. – С. 17–25.

УДК 378

А. В. Гавриленко,
старший преподаватель кафедры хозяйственного права
юридического факультета БГУ,
магистр юридических наук

ОБРАЗОВАТЕЛЬНАЯ ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ МАГИСТРАТУРЫ ЮРИДИЧЕСКОГО ФАКУЛЬТЕТА БГУ В КОНТЕКСТЕ РАЗВИТИЯ СОТРУДНИЧЕСТВА С КИТАЙСКОЙ НАРОДНОЙ РЕСПУБЛИКОЙ

Аннотация: *в статье на основе опыта юридического факультета Белорусского государственного университета проводится анализ отдельных направлений образовательной деятельности учреждения высшего образования в целях дальнейшего развития сотрудничества с КНР.*

Summary: *based on the experience of the Faculty of Law of the Belarusian State University, the article analyzes specific areas of educational activities of the higher education institution aimed at further developing cooperation with the People's Republic of China.*

Ключевые слова: *учреждение высшего образования, университет, юридическое образование, международное сотрудничество, законодательство об образовании, магистратура.*

Keywords: *institution of higher education, university, legal education, international cooperation, education legislation, master's studies.*

Основополагающим документом, регламентирующим двусторонние отношения между Республикой Беларусь и Китайской Народной Республикой, в том числе в области образования, является «Договор о дружбе и сотрудничестве между Республикой Беларусь и Китайской Народной Республикой» от 10 мая 2015 г. [1]. В соответствии со ст. 11 Договора договаривающиеся стороны принимают необходимые меры по развитию обменов и сотрудничества в области образования, культуры, здравоохранения, социального обеспечения, охраны окружающей среды, спорта, туризма, межрегиональных связей и в других сферах, представляющих взаимный интерес, укрепляют дружественные контакты между средствами массовой информации, научными и образовательными учреждениями, художественными коллективами.

Сотрудничество между Республикой Беларусь и Китайской Народной Республикой в сфере образования также осуществляется на основе межправительственных соглашений, в том числе «Соглашения между Правительством Республики Беларусь и Правительством Китайской Народной Республики о сотрудничестве в сфере образования» от 10 мая 2015 г. и «Соглашения между Правительством Республики Беларусь и Правительством Китайской Народной Республики о взаимном признании документов об образовании и документов об ученых степенях» от 23 мая 2019 г.

В целях дальнейшего развития нормативно-правовой основы двусторонних отношений между странами была принята Директива Президента Республики Беларусь от 3 декабря 2021 г. № 9 «О развитии двусторонних отношений Республики Беларусь с Китайской Народной Республикой» [2]. В соответствии с п. 6.3 Директивы Министерство образования Республики Беларусь и Министерство иностранных дел Республики Беларусь являются ответственными за развитие взаимодействия по созданию совместных образовательных программ и структур, в том числе с использованием технологий дистанционного обучения в период 2021–2025 гг.

В свою очередь, белорусскими учреждениями образования только за последние годы подписано более 100 прямых договоров о сотрудничестве с учреждениями образования и организациями Китайской Народной Республики, а их общее количество составило более 500 [3].

Белорусский государственный университет, ведущее учреждение высшего образования в стране, в настоящее время сотрудничает с 30 вузами Китая, среди которых – Восточно-китайский педагогический университет (г. Шанхай), Пекинский университет, Пекинский университет иностранных языков, Харбинский университет науки и технологий. Белорусский государственный университет получил почетное право на размещение в своих стенах Института Конфуция, китайским партнером в этом проекте является Даляньский политехнический университет [4].

Юридический факультет Белорусского государственного университета принимает активное участие в реализации образовательных программ, нацеленных на привлечение студентов

из числа граждан Китайской Народной Республики. Так, для них, как и для любых других абитуриентов, доступны образовательные программы бакалавриата по специальностям «Экономическое право», «Правоведение», «Политология» сроком 4 года на русском языке обучения. Аналогично, отдельные абитуриенты из числа граждан Китайской Народной Республики могут присоединиться к магистерским программам по специальностям «Юриспруденция» или «Политология» сроком обучения 1 год, где в качестве языка обучения также используется русский язык.

Особой популярностью среди абитуриентов из числа граждан Китайской Народной Республикой пользуется магистерская программа по специальности «Юриспруденция», образовательный процесс в которой реализуется на английском языке. В качестве первой была апробирована образовательная программа по профилизации «Международное коммерческое право» (International Commercial Law). Впоследствии китайским абитуриентам были предложены 2 дополнительные профилизации: «Правовое регулирование безопасности и устойчивого развития общества» (Legal Regulation of Security and Sustainable Development of Society) и «Правовое регулирование цифровизации современного общества» (Legal Regulation of Modern Society Digitalization). В зависимости от профилизации упор в содержании образовательной программы делается на:

• вопросы правового регулирования международной торговли, защиты интеллектуальной собственности, правового регулирования лоббизма (профилизация International Commercial Law);

• вопросы странового маркетинга и предпринимательства, правового регулирования обеспечения безопасности на национальном и международном уровнях, правовых основ обеспечения устойчивого развития (профилизация Legal Regulation of Security and Sustainable Development of Society);

• вопросы влияния цифровизации на интеллектуальную собственность и гражданское право, борьбу с преступностью, трансформацию общественных отношений (профилизация Legal Regulation of Modern Society Digitalization).

Анализ содержания указанных образовательных программ, а также практики их реализации на юридическом факультете

БГУ, позволяет сделать вывод о целесообразности сохранения и дальнейшего развития компонента учреждения образования в учебных планах по специальности «Юриспруденция» с учетом заявленных профилизаций, поскольку именно данный фактор в значимой степени влияет на выбор китайскими студентами БГУ как университета для получения углубленного высшего образования на английском языке.

При этом упор следует делать на преподавании учебных дисциплин, содержащих международный или сравнительно-правовой элемент, а также широко применять междисциплинарный подход при формировании учебных планов и содержания учебных дисциплин. Аналогичной методики следует придерживаться и при формировании примерного перечня тем для написания магистерских диссертаций.

В настоящее время кафедра хозяйственного права юридического факультета Белорусского государственного университета обеспечивает образовательный процесс в англоязычной магистратуре по следующим учебным дисциплинам компонента учреждения образования:

• электронная коммерция / E-Commerce;

• договорное право и составление юридических документов / Contract Law and Legal Drafting;

• правовые основы цифровой экономики / Legal Basis of the Digital Economy;

• страновой маркетинг / Country Marketing;

• право экономической безопасности (пруденциальное право) / Economic Security Law (Prudential Law);

• фискалистика / Fiscalistic;

• правовой режим инвестиций в человеческий капитал / Legal Regime for Human Capital Investment;

• правовой режим высоких технологий в хозяйственной деятельности / Legal Regime of High Technology in Economic Activity;

• государственное и частное предпринимательство / Public and Private Sector Entrepreneurship;

• правовое регулирование финтех индустрии / Legal Regulation of the Fintech Industry.

Ряд приведенных дисциплин являются авторскими и в отдельных случаях не имеют аналогов не только в Беларуси, но и в целом

на постсоветском пространстве. Многие учебные дисциплины также отличаются междисциплинарным характером, что является актуальным, так как не все обучающиеся обладают высшим юридическим образованием. При изучении подобных дисциплин обучающиеся получают знания не только в области юриспруденции, но и экономики, политологии, социологии, статистики и пр.

На факультете считают целесообразным при обучении в рамках реализации указанных программ использовать возможности таких субъектов хозяйствования, как Индустриальный парк «Великий камень», ООО «БЕЛ ХУАВЭЙ ТЕХНОЛОДЖИС», ООО «ЗАВОД ТЕЛЕКОММУНИКАЦИОННОГО ОБОРУДОВАНИЯ (ZTE)» и пр., например, при организации практики обучающихся. Перспективным видится также использование потенциала Белорусской торгово-промышленной палаты в указанной сфере.

Анализ организации образовательного процесса в рамках углубленного высшего образования (магистратуры) на английском языке для обучающихся из числа граждан Китайской Народной Республики позволяет выявить ряд проблемных аспектов:

• нехватку педагогических кадров, подготовленных для обеспечения образовательного процесса (речь в данном случае следует вести не только про квалификацию и знание китайского языка, но и развитые коммуникативные навыки, широкий кругозор и высокий уровень общей эрудиции, в том числе по специфике азиатского региона и пр.);

• широчайшее применения китайскими студентами и магистрантами технического инструментария искусственного интеллекта при написании магистерских диссертаций и подготовке к учебным занятиям (речь не про ограничения или запреты, а необходимость учета и адаптации к данной ситуации);

• недостаточное материально-техническое обеспечение (доступ к высокоскоростному Wi-Fi, необходимость обеспечивать проведение лекций для учебных потоков численностью до 150 обучающихся в малых аудиториях);

• недостаточные знания английского языка и слабая мотивация у определенного числа обучающихся из числа граждан КНР.

Можно предположить, что со схожими проблемами сталкиваются коллеги и из иных учреждений высшего образования, обеспечивающих образовательный процесс для китайских студентов и магистрантов. В целом же для учреждений высшего образования развитие образовательных программ, ориентированных на абитуриентов из числа граждан Китайской Народной Республикой, активизация образовательной деятельности по перечисленным направлениям способствовала бы:

• повышению авторитета юридического факультета среди абитуриентов из Китая и позиций вуза в международных рейтингах;

• обеспечению выполнения показателей по экспорту образовательных услуг в КНР;

• повышению квалификации и совершенствованию компетенций профессорско-преподавательского состава, в том числе с возможностью в перспективе использовать их как экспертов.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. Договор о дружбе и сотрудничестве между Республикой Беларусь и Китайской Народной Республикой: подписан в г. Минске 10 мая 2015 г. // ЭТАЛОН. Законодательство Республики Беларусь / Нац. центр законодательства и правовой информ. Респ. Беларусь. – Мн., 2026.

2. О развитии двусторонних отношений Республики Беларусь с Китайской Народной Республикой: Директива Президента Респ. Беларусь от 3 дек. 2021 г. № 9 // ЭТАЛОН. Законодательство Республики Беларусь / Нац. центр законодательства и правовой информ. Респ. Беларусь. – Мн., 2026.

3. Сотрудничество в сфере образования // Посольство Республики Беларусь в Китайской Народной Республике. – URL: https://china.mfa.gov.-by/ru/bilateral/humanitarian/-education/ (дата обращения: 03.02.2026).

4. Международное сотрудничество // Белорусский государственный университет. – URL: https://bsu.by/mezhdunarodnoe-sotrudnichestvo/ (дата обращения: 03.02.2026).

УДК 378

И. В. Толстоногова,
старший преподаватель
кафедры международной журналистики БГУ

СОЦИОКУЛЬТУРНАЯ АДАПТАЦИЯ КИТАЙСКИХ СТУДЕНТОВ НА ФАКУЛЬТЕТЕ ЖУРНАЛИСТИКИ БГУ

Аннотация: *в статье представлен опыт факультета журналистики Белорусского государственного университета по созданию эффективной среды для социокультурной адаптации иностранных студентов, в первую очередь из Китайской Народной Республики.*

Summary: *the article presents Belarusian State University`s Faculty of Journalism creating an effective environment for the sociocultural adaptation of international students, primarily from the People's Republic of China.*

Ключевые слова: *социокультурная адаптация, китайские студенты, интеграция, культурный обмен, воспитательная работа, международная коммуникация.*

Keywords: *sociocultural adaptation, Chinese students, integration, cultural exchange, educational work, international communication.*

Факультет журналистики БГУ является одним из лидеров в сфере экспорта образовательных услуг, привлекая значительное количество иностранных студентов. По состоянию на февраль 2026 г., 476 иностранных учащихся из Китая, России и Туркменистана составляют почти половину общего студенческого контингента. В то время как студенты из России и Туркменистана, владеющие русским языком, успешно интегрируются, китайские студенты, составляющие 90 процентов иностранных учащихся, сталкиваются со значительными трудностями в социокультурной адаптации. Это обусловлено языковым барьером, различиями в культурных нормах и традициях, а также необходимостью навигации в новой образовательной и жизненной среде. Создание эффективной среды для социокультурной адаптации китайских студентов является насущной задачей для факультета, требующей комплексного подхода и применения разнообразных форм и методов работы.

Основная нагрузка ложится на плечи кураторов учебных групп, которые осуществляют не только академическое сопровождение студентов, но и занимаются воспитательной деятельностью. В рамках кураторских часов учащиеся посещают театры, музеи, кино, выставки, спортивные мероприятия, путешествуют по Беларуси. Кураторы зачастую помогают решать и личные вопросы студентов: оформление виз, прохождение медицинской комиссии, заселение в общежитие, оплата обучения и др. По распоряжению руководства факультета журналистики кураторы назначаются и для магистрантов, при этом преподаватели работают на общественных началах.

На факультете журналистики реализуется целый ряд различных проектов, созданных специально для китайских студентов:

• отряд волонтеров, который помогает принимать делегации из Китая не только на уровне факультета, но и на уровне БГУ. Так, уже 2 раза волонтеры помогали на Белорусско-китайском молодежном форуме в 2024 г. и в 2025 г.;

• театр теней «Шэньлун», благодаря которому у китайских обучающихся есть возможность проявлять себя творчески и знакомить преподавателей и белорусских студентов с древним китайским визуальным искусством;

• музыкальный коллектив «News Band», в состав которого входят талантливые исполнители из числа китайских студентов и в репертуар которого входят популярные композиции на русском, английском и китайском языках;

• серия мероприятий «Неделя Китая», которая включает культурные и просветительские мероприятия, посвященные китайскому Новому году и знакомству белорусских студентов с китайскими традициями и культурой, а также интеграции белорусских и иностранных студентов факультета.

Наиболее ярким и масштабным проектом является «Неделя Китая». В связи с большим количеством иностранных студентов на факультете журналистики празднование китайского Нового года всегда являлось доброй традиции. Несколько лет назад возникла идея превратить Праздник Весны не просто в разовое мероприятие, а в целую серию культурно-просветительских локаций под названием «Неделя Китая». Так, в текущем году факультет журналистики проводил уже третью «Неделю Китая».

Каждый год организаторы предлагают новые форматы, пытаясь найти наиболее оптимальные варианты.

В 2026 г. было проведено более 20 мероприятий (для сравнения: в 2024 г. – 8 мероприятий, в 2025 г. – 11 мероприятий). Рассмотрим их подробнее:

• научно-исследовательский семинар «Планирование и организация исследовательской деятельности при подготовке диссертации», который выступает как профильное мероприятие для иностранных магистрантов, аспирантов и молодых ученых факультета. Его цель – не просто обсудить культуру, а проанализировать, как правильно выстраивать научную работу, связанную в первую очередь с китайской тематикой (синологией, экономикой КНР, межкультурными коммуникациями). На мероприятие были приглашены и белорусские студенты;

• методический семинар «Опыт работы в китайском университете», который подготовлен преподавателями, имеющими опыт работы в вузах-партнерах КНР (Хэнаньский университет). Это прикладное мероприятие, направленное на обмен педагогическими технологиями;

• мастер-классы традиционного белорусского и китайского искусства, которые были разделены на несколько дней. С белорусской стороны были представлены правила приготовления драников и заваривания травяного чая. С китайской стороны были представлены правила приготовления цзяоцзы, классического чая и современного bubble tea, правила пользования китайскими палочками, а также роспись театральных масок, каллиграфия, плетение, вырезание из бумаги и многое другое;

• English-speaking club «Traditional Wedding Ceremony in China and Belarus» добавляет в «Неделю Китая» третий элемент – лингвистический. Использование английского языка как языка-посредника позволяет белорусским и китайским студентам общаться на равных, развивая навыки международной коммуникации;

• 5 интерактивных лекций: «Женщины в истории Беларуси и Китая», «Культура Китая», «Популярные туристические маршруты и достопримечательности Китая», «Чайная культура», «Культура китайской каллиграфии: история и виды», которые формируют теоретический фундамент «Недели Китая»,

превращая ее из фестиваля в полноценный образовательный интенсив;

• урок китайского языка, который переводит участников от простого наблюдения к активному освоению лингвистического пространства, помогая погрузиться в иноязычную среду;

• кинопоказ шедевра Энга Ли «Крадущийся тигр, затаившийся дракон», который следует рассматривать как инструмент визуальной антропологии и анализа массовой культуры;

• 3 совместных интерактивных кураторских часа для белорусских и китайских студентов, которые превращают «Неделю Китая» из набора мероприятий в целостную систему воспитательной работы;

• премьера спектакля «Легенда о 12 лунных годах» в исполнении театра теней «Шэньлун», которая стала кульминационной точкой «Недели Китая» и инструментом визуализации культурного кода;

• музыкальная гостиная «Чуньцзе», которую полностью подготовили иностранные студенты. Программа мероприятия включала различные китайские произведения: песни, стихотворения, танцы, боевые искусства, фортепианные вариации и др. При этом финальная песня «Птица счастья» в исполнении декана факультета журналистики А.В. Беляева и иностранного аспиранта Гао Куая стала не просто концертным номером, а кульминационным символом всей «Недели Китая»: для белорусской стороны это символ светлых надежд, а для китайской – акт глубокой инкультурации, что превращает «Неделю Китая» из локального праздника в геополитический жест дружбы между Беларусью и Китаем.

Таким образом, успешная социокультурная адаптация китайских студентов достигается благодаря комплексному подходу, сочетающему академическое сопровождение, воспитательную работу и создание условий для творческой самореализации. Кураторы играют ключевую роль в адаптации, выступая не только как наставники, но и как проводники в новую культурную и социальную среду, решая как академические, так и личные вопросы студентов. Творческие проекты, такие как театр теней и музыкальный коллектив, позволяют китайским студентам проявить себя, сохранить свою культурную идентичность и представить ее

белорусскому сообществу. Мероприятия в рамках «Недели Китая» способствуют формированию позитивного имиджа факультета и университета, а также служат дипломатическим жестом, укрепляя отношения между Беларусью и Китаем. За три года «Неделя Китая» эволюционировала из праздника в многогранный образовательный интенсив, успешно способствующий интеграции белорусских и китайских студентов, а также углублению знаний о культуре обеих стран.

В целом, факультет журналистики БГУ демонстрирует успешный опыт создания инклюзивной среды для иностранных студентов, особенно для студентов из КНР. Дальнейшее развитие и усовершенствование существующих практик, а также поиск новых форм интеграции, будут способствовать повышению качества образования и укреплению международных связей университета. Так, в будущем китайские студенты планируют организовать бесплатные занятия по китайскому языку для преподавателей факультета журналистики.

УДК 72:242.5(091)(510)

Го Хэцзюнь,
соискатель кафедры культурологии БГУКИ

Научный руководитель: А. И. Смолик,
заведующий кафедрой культурологии БГУКИ,
доктор культурологии, профессор

ФОРМИРОВАНИЕ ХРАМОВОЙ И РИТУАЛЬНОЙ АРХИТЕКТУРНОЙ СТИЛИСТИКИ КИТАЯ ПОД ВЛИЯНИЕМ БУДДИЗМА

Аннотация: в статье показывается воздействие религиозно-философского учения буддизма, проникшего в Китай I–V вв. н. э., оформившийся в чан-буддизм и оказавший существенное влияние на формирование мировоззрения, духовного мира и художественной культуры средневекового китайского общества.

Summary: the article highlights the impact of Buddhism as religious & philosophical teachings, that penetrated into China in the 1st-5th centuries AD and took the shape of Chan-Buddhism, greatly influencing the formation of the worldview, spiritual world and artistic culture of medieval Chinese society.

Ключевые слова: чан-буддизм, архитектура, Китай, пагоды, храмы, стили, синтез.

Keywords: Chan Buddhism, architecture, China, pagodas, temples, styles, synthesis.

Стилевые и архитектурные особенности дворцовых, ритуальных и религиозных сооружений Китая в течение многих столетий являются объектом изучения как китайских, так и зарубежных ученых. Исследователей особенно сильно привлекает их уникальная самобытная архитектура. Традиционным видом мемориальных архитектурных построений являются *пагоды*, в которых прослеживаются черты и китайского, и индийского стилей. Первоначально пагоды (ступы) в древней Индии предназначались для захоронений и по своей форме напоминали полусферические опрокинутые чаши; сооружались, как правило, на возвышенностях и венчались вертикальным стержнем с круглыми дисками. Позже ступа превратилась в место поклонения мощам Будды

шарира (от санскр.: «останки, захороненные в ступе, мощи»). Шарира представляет собой скопление светлых кристаллических образований, образовавшихся после сожжения тела Будды. Со временем в ступы стали помещать мощи других святых и наставников буддизма высшего ранга, их кашья (ряса), книги и другие предметы усопших.

С проникновением и постепенно расширяющимся распространением буддизма в Китае в I веке н. э., в частности, в период правления второго императора династии Восточная Хань – Минди (57–75 гг. н. э.), пагоды начали возводиться и в Китае. Наибольшая активность сооружения пагод пришлась на периоды правления Южных (420–589 гг. н. э.) и Северных (386–581 гг. н. э.) династий, а также династии Суй (581–618 гг. н. э.). Так, только в эпоху Северных династий в китайской столице г. Лояне существовало 1300 пагод, при которых находились и монастыри [1, с. 23]. Большинство пагод того периода были построены из дерева в форме многоярусных или одноярусных теремов с квадратным основанием. Популярными были также невысокие пагоды, сооруженные в виде беседок.

В период правления династий Тан (616–907 гг. н. э.) и Сун (420–479 гг. н. э.) внешний вид пагод претерпел значительные изменения. На этом историческом отрезке наиболее интенсивные контакты и культурный обмен осуществлялся представителями китайского и индийского этносов в пространстве Великого Шелкового пути, что повлияло на заимствование китайскими зодчими отдельных стилевых особенностей буддийской архитектуры. Во-первых, возросло многообразие форм сооружений, усовершенствовались технологии их строительства. Во-вторых, основным строительным материалом стало не дерево, а камень, что обусловило усовершенствование планировки, фасада, высоты и конструкции традиционных китайских пагод. В частности, в этот период в пекинском парке Сяньшань была сооружена ламаистская теремная пагода из глазурованного кирпича. В государстве чжуржэней Цзинь (1115–1234 гг. н. э.), оттеснившем китайскую династию Сун на юг Китая, популярными стали цветочные пагоды, которые отличались сложной формой украшений на вершине сооружения, напоминающей букет цветов. Подражание индийской архитектуре

периода правления царя Индостана Ашоки (268–232 гг. до н. э.) обусловило строительство пагод для чтения буддийских сутр и в Китае.

Первоначально возводимые китайские многоярусные и многокарнизные пагоды буквально подражали архитектуре буддийских храмов Индии, но со временем они вобрали в себя черты многоярусных теремов, присущих только Китаю. Архитектурные особенности пагод в Китае часто видоизменялась под влиянием локальных традиций зодчества. Их архитектурные черты все чаще сливались с традиционными китайскими теремами, превращаясь в многоярусные теремные пагоды, а некоторые в столпообразные резные «пагоды чайти». Творческое соединение традиционных китайских беседок и буддийских ступ обусловило появление одноярусных пагод.

В Западном Китае, где доминирующей религией многие столетия являлся ламаизм (тибетский буддизм), возводились ламаистские ступы. Так, на месте разрушенной пагоды монастыря Прекрасного предвестия недалеко от г. Лхасы была возведена ламаистская Белая ступа, которая на протяжении последующих столетий являлась архитектурной моделью для подражания при строительстве ламаистских ступ. Доминирующей чертой белой ступы стал высокий постамент, на котором размещалось тело ступы в форме округлой опрокинутой чаши. В центре тела размещалась ниша в форме языков пламени – «врата взгляда». Верхняя сужающаяся часть ступы разделялась на 4 части – основание (шея), «тринадцать небес» (кольцо, диски), «роскошный балдахин» (зонтик) и навершие, которое выглядит так же, как у обычных теремных пагод, только крупнее по размерам. Самой высокой ламаистской пагодой в Китае (59 м) является пагода ламы Нона в ламаистском монастыре.

В северных и в северо- и юго-западных районах Китая зодчими возводились так называемые пагоды фэн шуй, в основу сооружения которых были взяты отдельные принципы концепции фэн шуй [2]. Китайские архитекторы, руководствуясь положениями концепции, стремились подобрать природно-географическую среду, в которой была бы возможна упорядоченная жизнь обитателей монастыря и пагоды в гармонии с самим собой, с другими монахами и с миром природы. Многие из них

не относились к культовым сооружениям, но сохраняли традиционную форму [3]. Расцвет пагод фэн шуй пришелся на эпоху Юань (1271–1368 гг. н. э.) и пошел на спад, утратив популярность, уже в эпоху Мин (1368–1644 гг. н. э.).

В эпоху Северной Сун (960–1127 гг. н. э.) и Южной Сун (1127–1279 гг. н. э.) в Китае начали возводить так называемые пагоды Алмазного трона, наиболее известная из них – Алмазный трон храма Чжэньцзюэ, расположенного в районе Хайдянь г. Пекина. По внешнему виду и форме они существенно отличались от ступы и строились с использованием серого кирпича и белого мрамора по образцу пагоды Махаводхи в Индии. Нижняя их часть представляет четырехугольное основание, напоминающее «алмазный трон Будды», на котором установлено 5 многокарнизных квадратных пагод. Основание и маленькие пагоды украшаются фигурками 5 животных – льва, слона, лошади, павлина и человека-птицы Гаруда. 5 пагод являются символами почтения к Пяти Буддам: Акшобхье, Амитбахе, Амогхасиддхи, Вайрочане и Ратнасамбхаве. На пагодах этого типа также представлены небесные владыки (махараджи), архаты, бодхисаттвы, около 500 будд, контуры ступней Будды, 8 драгоценностей Будды, ваджру, дерево бодхи, вазы, лотосы, надписи на санскрите и др. [4].

При монастырях, как правило, возводились погребальные пагоды, отличающиеся от пагод для поклонения меньшими размерами и более грубыми и простыми формами. На погребальных пагодах выгравировывались имена и записи о деяниях погребенных монахов. Большинство таких пагод строилось из кирпича или камня, имели от 1 до 7 ярусов и не превышали 15 м в высоту. По форме – это, в основном, многокарнизные пагоды и пагоды в форме беседок, четырех-, шести- и восьмигранные в сечении, цилиндрической формы, а также в виде ваз, а также других видов.

Уникальными мемориальными архитектурными сооружениями являются буддистские каменные колонны, возводимые при монастырях для прославления Будды. Первые колонны такого рода появились в эпоху Тан (618–907 гг. н. э.) и Сун (960–1279 гг. н. э.), были массивными, украшенными простыми декоративными элементами, и складывались из одного яруса. В последующие эпохи сооружались трехъярусные колонны.

Колонны эпохи Сун отличались изяществом и высотой, с многочисленными декоративными элементами.

Таким образом, традиционная ритуально-храмовая стилистика Китая под влиянием буддистского зодчества, пришедшего из Индии, обогатилась новыми типами и формами архитектурных сооружений, разнообразными планировками, технологиями и т. д. В то же время заимствование отдельных стилистических черт буддийской архитектуры не привело к утрате традиций китайского зодчества.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. *Ван, Юнань.* Пагоды / Ван Юнань ; пер. с кит. Е. Б. Бодотько; науч. ред. М. Ю. Шевченко. – М. : ООО «Международная издательская компания «Шанс», 2023. – 126 с. – (Шедевры китайской архитектуры).

2. *Гилл, Хейл.* Практическая энциклопедия фэн-шуй / Хейл Гилл ; пер. с англ. А. Блейз. – М. : ОЛМА-ПРЕСС, 2002. – 255 с.: ил.

3. *Жэнь, Цзиюй.* История китайского буддизма / Жэнь Цзиюй – Пекин : Китайская пресса социальных наук, 1981. – 185 с.

4. Классический фэншуй. Введение в китайскую геомантию / сост., вступ. ст., пер., примеч. и указ. М. Е. Ермакова – СПб. : Азбука-классика: Петерб. востоковедение, 2003. – 272 с.

5. *Ли, Лейронг.* Культура Китая / Ли Лейронг. – Шанхай : Shanghai Foreign Language Education Press, 2020. – 341 p.

6. 刘一菡. 佛教与中国传统文化的融合/大观周刊 = *Лю, Иньхань.* Интеграция буддизма и традиционной китайской культуры / Лю Иньхань // Гранд Еженедельная Газета. – 2012. – № 41. – С. 46–57.

УДК 94(476+510)”18/19”:323.15(=411.16)

Мэн Тяньсян,
аспирант исторического факультета БГУ

Научный руководитель: Н. В. Кошелева,
заведующая кафедрой истории древнего мира и средних веков
исторического факультета БГУ,
кандидат исторических наук, доцент

BELARUSIAN JEWISH DIASPORA AND THE EARLY FOUNDATIONS OF BELARUSIAN-CHINESE RELATIONS (LATE XIX – EARLY XX CENTURY)

Аннотация: *в статье прослеживаются персональные истории отдельных выходцев из еврейских семейств Беларуси, эмигрировавших в конце XIX – начале XX века под влиянием различных обстоятельств в Китай, и ставших в этой стране достаточно влиятельными фигурами в политике, экономике и культуре.*

Summary: *the article traces some personal stories of individuals from the Jewish community of Belarus who, under various circumstances, emigrated to China in late XIX-th - early XX-th centuries, where they became quite influential figures in politics, economics and cultural life.*

Ключевые слова: *белорусская еврейская диаспора, белорусско-китайские отношения, еврейские иммигранты.*

Keywords: *Belarusian Jewish diaspora, Belarusian-Chinese relations, Jewish immigrants.*

Introduction.

The late XIX – early XX centuries witnessed significant migration flows of Belarusian Jews to East Asia, driven by political upheaval, economic hardship, and anti-Semitic persecution in the Russian Empire. China, particularly Manchuria and the cities like Harbin, became a point of destination for thousands of Jewish emigrants seeking new opportunities. Among these migrants were individuals who would play transformative roles in China’s political, religious, cultural, and economic landscape. Yet the contribution of the Belarusian Jewish diaspora to the early foundations of Belarusian-Chinese relations remains understudied in both Belarusian and

Chinese historiography. This article examines four representative cases – Mikhail Markovich Borodin, Aharon Moshe Kiselev, Yosef Kaspe, and the Skidelsky family – to illuminate how their activities formed an early civilian bond between Belarus and China, predating formal diplomatic relations.

1. The Revolutionary Practice of Mikhail Markovich Borodin.

Mikhail Markovich Borodin, formerly known as Gruzenberg, was an important revolutionary and the representative of the Comintern and the Soviet Union in China. He was born in 1884 into a Jewish family in Vitebsk Province, Belarus, and joined the General Jewish Labour Bund in 1900. In 1903 M. M. Borodin joined the Russian Social Democratic Labour Party (Bolsheviks). He then went on to carry out revolutionary activities in various countries. [1, p. 290–291].

From 1923 to 1927, M. M. Borodin served successively as the Comintern representative in China and as the Soviet representative to the Chinese Nationalist Party (Kuomintang), executing the role of chief advisor to Sun Yat-sen. During this period, he had made important contributions to Kuomintang reorganization and realization of first cooperation between the Kuomintang and the Communist Party of China (CPC), Whampoa Military Academy establishment and National Revolutionary Army formation. M. M. Borodin had helped the Kuomintang to formulate «Three Principles of People» – alliance with the USSR, alliance with the CPC, and support for peasants and workers, providing important theoretical and practical support for the development of the National Revolution [1, p. 292–311].

It is supposed that M. M. Borodin's revolutionary practice in China was closely related to his Belarusian Jewish background. His impoverished childhood instilled in him a profound understanding of the cruelty of the class system and national oppression, laying the foundation for his later revolutionary beliefs. Belarusian Jewish cultural background, coupled with experiences in various countries, endowed him with a broad international perspective and strong cross-cultural communication skills. This enabled M. M. Borodin to effectively coordinate relations between the Comintern, the Soviet Union, the Kuomintang, and the CPC within the complex context of the Chinese revolution. Although his revolutionary activities in China were ultimately affected by changes in Soviet foreign policy and the failure of the first cooperation between the Kuomintang and

the CPC, this practice in China played a significant role in promoting the development of the modern Chinese revolution and early Belarus-China relations.

2. Religious and Social Construction of Aharon Moshe Kiselev.

Aharon Moshe Kiselev was the chief rabbi of the Jewish community in the city of Harbin. He was born in 1866 in Surazh, a small town in the Bryansk oblast near the Belarusian border. At the age of 16 he studied in Volozhin Yeshiva, Minsk Province. From 1900 to 1913, he was the rabbi in the city of Borisov. His academic and religious experiences in Belarus marked a significant transition from student to influential religious leader. In 1913, he began to serve as the chief rabbi in Harbin, starting his long-term work in religious and social development in China. In 1937, he became the chief rabbi of the Far East [2].

For the Jewish community in Harbin Aharon Moshe Kiselev helped to build the New Synagogue of Harbin, maintain Jewish rituals, and establish religious education, including study of Talmud Torah, ensuring the Jewish religion and culture preservation. He actively promoted various welfare programs, organizing relief efforts for Soviet Jewish orphans in 1921; establishing free canteens between 1918 and 1938, distributing over one million meals; establishing Jewish nursing homes, Jewish relief societies for the poor and sick, and Jewish hospitals. During the Songhua River floods of 1932, he actively organized disaster relief efforts [3, p. 29].

Aharon Moshe Kiselev's efforts of disaster relief and social charity enhanced mutual understanding and friendship between Belarusian Jewish diaspora and Chinese people. In addition, his work promoted multicultural exchange in Harbin, enriched the city's cultural landscape, and contributed to China's economic and social improvement.

3. Business Development of Yosef Kaspe and the Skidelsky family.

In the history of the Belarusian Jewish diaspora, Yosef Kaspe and the Skidelsky family are two iconic figures. They not only built their own business empires but also became key promoters of the early modern industrial development in Northeast China.

Yosef Kaspe was born in 1878 in Cherykov, Mogilev Province [4]. He was one of the successful Jewish businessmen who lived

in Harbin from 1903 onwards. Upon arriving in China, he initially dealt in secondhand clothes before shifting into the jewelry trade. His companies were collectively known as the Modern Company, which owned several key urban assets. These included the Orient Cinema, the Palas Cinema, and the Hotel Moderne [5, p. 11–12]. These were important components of Harbin's early modern entertainment industry. When his son Simon Kaspe was murdered, Chinese judges at the Harbin District Court, disregarding the Japanese authorities' protection of White Russian fascist prisoners, sentenced four suspects to death and the other two to life imprisonment and hard labor [6, p. 166]. This fact demonstrates China's efforts to safeguard the rights and interests of the Belarusian Jewish diaspora and profoundly reflects the friendly sentiments of mutual benefit and assistance and upholding justice between the Belarusian and Chinese people.

Unlike Yosef Kaspe, the Skidelsky family focused on resource development and engineering construction. The Skidelsky family was founded by Leonid Solomonovich Skidelsky, born in 1845 in Slonim, Grodno Province. He was one of the earliest railway contractors in Vladivostok and Manchuria, China. In 1903, L.S. Skidelsky signed logging contracts with the Qing government for five forest farms [7, p. 9–18]. These laid the foundation for the Skidelsky family's continued business expansion in Manchuria.

Leonid Solomonovich Skidelsky' son, Solomon Leontievich Skidelsky, was born in 1878 in Volkovysk, Grodno Province. In 1907, S. L. Skidelsky left Russia for Harbin to assist his father. After his father's death in 1916, he started his own business, owning as many as 3000 square kilometers of forests. Besides the forests, he also owned three factories, two of which were cement plants and one was an oil press, as well as several large residences, which also constituted his real estate. In 1924, through Zhang Zuolin, the highest leader of Manchuria, he acquired the Mulinsky Coal Mine which employed up to 16 000 workers and 400 employees, valued 8 million silver dollars, of which 5 million belonged to him [7, p. 201–202].

The Skidelsky family's business development, with its combination of «railway + resources + industry + employment», objectively accelerated the modernization process in Manchuria, laying an early foundation for the subsequent industrial, transportation, and resource utilization in Northeast China.

Conclusion.

Belarusian Jewish diaspora played a distinctive and multidimensional role in the early development of Belarusian-Chinese relations from the late XIX-th to the early XX-th century. The cases of M.M. Borodin, Aharon Moshe Kiselev, Yosef Kaspe, and the Skidelsky family demonstrate the way Belarusian Jewish emigrants became deeply involved in China's political transformation, religious and social construction, as well as economic modernization. Shaped by their Belarusian background and transnational experiences, these individuals functioned as important intermediaries between different cultural, political, and economic systems.

M.M. Borodin's revolutionary practice exemplifies the political dimension of this engagement. His role as Comintern representative and political advisor to Sun Yat-sen directly influenced the reorganization of Kuomintang, the first united front between the Kuomintang and the Communist Party of China, as well as establishment of key revolutionary institutions. His Belarusian Jewish background, marked by experiences of class oppression and national discrimination, shaped his ideological commitment and cross-cultural communication abilities, enabling him to navigate the complex political landscape of Republican China.

Rabbi Aharon Moshe Kiselev's work in Harbin represents the religious and social dimension. He had not only preserved Jewish religious traditions and cultural identity but also built extensive social welfare infrastructure that served both the Jewish community and the broader Chinese population. His disaster relief efforts during the 1932 Songhua River floods and his establishment of hospitals, orphanages, and free canteens demonstrated how Belarusian Jewish diaspora contributed to China's social development while fostering intercultural understanding and friendship.

The economic contributions of Yosef Kaspe and the Skidelsky family illustrate how Belarusian Jewish entrepreneurs facilitated China's early modernization. Yosef Kaspe's entertainment and hospitality enterprises introduced modern urban culture to Harbin, while the Skidelsky family's integrated business model – combining railway construction, resource extraction, industrial production, and large-scale employment – accelerated the modernization of Manchuria's economy and infrastructure. The Chinese judges' defense

of Simon Kaspe's case further underscores the mutual respect and sense of justice that characterized early Belarusian-Chinese civilian relations.

These historical interactions, though occurring before the establishment of formal diplomatic ties between Belarus and China, laid important foundations for bilateral relations. They reveal how diaspora communities can serve as bridges between nations, facilitating cultural exchange, economic cooperation and mutual understanding across vast geographical and cultural distances. In the contemporary context of deepening Belarus-China strategic partnership, revisiting this historical legacy offers valuable insights into the civilian and cultural dimensions of bilateral relations.

REFERENCES

1. Chinese Academy of Social Sciences (中国社会科学院). Materials Concerning Borodin in China (鲍罗廷在中国的有关资料). – Beijing : China Social Sciences Press (北京：中国社会科学出版社), 1983. – 331 p.

2. Amri Shaffer – Kisilev, Aaron Moshe ben Shmuel Yosef, 1866–1949 (ירמא בוליסיק – רפש, חסוי לאומש וב השמ ורהא, 1866-1949) // Hebrew Books. – URL: https://www.hebrew-books.org/-pdfpager.aspx?req=31415&st=&pgnum=3 (date of access: 01.01.2025). (in Hebrew)

3. *Wang, Zhijun* (王志军). A Commentary on Kiselev, the Supreme Spiritual Leader of the Harbin Jews (哈尔滨犹太人的最高精神领袖基赛列夫述评) / Zhijun Wang // Heilongjiang History and Records (黑龙江史志). – 2006. – №1. – P. 28-30.

4. Yosef Kaspe // Geni. – URL: https://www.geni.com/people/Yosef-Kaspe/6000000054356554916 (date of access: 07.01.2025).

5. *Ben-Canaan, D.* The Kaspe File: A Case Study of Harbin as an Intersection of Cultural and Ethnical Communities in Conflict 1932–1945 / D. Ben-Canaan. – Harbin : Heilongjiang University, 2008. – 53 p.

6. *Stephan, J.* The Russian Fascists: Tragedy and Farce in Exile, 1925–1945 / J. Stephan. – London : Hamish Hamilton, 1978. – 450 p.

7. *Черепица, В. Н.* От Волковыска до Харбина: торгово-промышленная династия Скидельских (конец XIX – середина XX.) в документах и материалах / В. Н. Черепица. – Гродно : Гродненский государственный университет имени Янки Купалы, 2011. – 287 с.

УДК 388.467.6:37.013.43(091)(510+476)

Ду Бикунь,
соискатель кафедры культурологии БГУКИ

Научный руководитель: Т. Ф. Сухоцкая,
доцент кафедры культурологии БГУКИ,
кандидат культурологии, доцент

ЭВОЛЮЦИЯ ЗАСТОЛЬНОГО ЭТИКЕТА КИТАЙСКОГО И БЕЛОРУССКОГО НАРОДОВ В КОНТЕКСТЕ СОЦИОКУЛЬТУРНЫХ ИЗМЕНЕНИЙ

Аннотация: *в статье содержится анализ эволюции застольного этикета китайского и белорусского народов в контексте социокультурных изменений, – процессов модернизации, урбанизации и глобализации.*

Summary: *the article gives the analysis of table etiquette evolution in Chinese and Belarusian cultures in the context of social & cultural changes, – modernization, urbanization, and globalization processes.*

Ключевые слова: *застольный этикет, алиментарная культура, социокультурные изменения, ритуальные практики, китайская культура, белорусская культура*

Keywords: *table etiquette, food culture, sociocultural changes, ritual practices, Chinese culture, Belarusian culture.*

Застольный этикет представляет собой устойчивый компонент повседневной культуры, через который фиксируются социальные нормы, ценностные ориентиры и модели межличностного взаимодействия. Правила поведения за столом формируются во взаимосвязи с историческими условиями, религиозными представлениями, хозяйственным укладом и социальной структурой общества. Застолье выступает не только формой совместного приема пищи, но и социальным пространством, в рамках которого воспроизводятся иерархические отношения, коллективная идентичность и элементы культурной памяти.

В условиях модернизации и глобализации традиционные нормы застольного этикета утрачивают универсальный регламентирующий характер. При этом характер и глубина трансформаций зависят от культурного контекста. Китайская и белорусская

традиции демонстрируют различные модели эволюции застольного поведения, обусловленные различиями исторического опыта и системы ценностей.

Формирование **застольного этикета в китайской культуре** происходило в тесной связи с конфуцианской этической системой, определявшей нормы социального поведения. Совместная трапеза рассматривалась как ритуальное действие, а поведение за столом – как практическое воплощение принципов иерархии, уважения и социальной гармонии. Застолье воспроизводило символическую модель общества, что было обусловлено историческим развитием этикета в условиях монархического строя.

Ключевым принципом китайского застольного этикета являлась иерархия. Рассадка, начало трапезы и распределение блюд строго соотносились с возрастом и статусом участников. Старшие и лица более высокого положения занимали почетные места и первыми начинали прием пищи. «Почетные гости сидят лицом на юг, общие гости сидят лицом на север» (в древние времена юг считался верховным, а север – символом поражения и подчинения; <…>) и «Место напротив входной двери в столовую или зал является главным и почетным местом», – приводит цитату китайский исследователь Ху Синьюэ [5, с. 112].

Существенную роль в китайской традиции играл принцип коллективности. Общие блюда подчеркивали взаимозависимость участников трапезы, а индивидуальное потребление имело второстепенное значение. Использование общих тарелок способствовало максимальному сближению людей и представляло собой модель микро-сообщества. «…Китайцы часто выражают различные чувства через систему совместного приема пищи, отражая отношения между старшими и детьми, высшими и низшими, своими и чужими, а система порционного приема пищи полностью отражает уважение западного общества к личности и подчеркивает личную независимость и самостоятельность», – отмечает китайский ученый Сунь Сяолинь [4, с. 180].

Особое внимание уделялось обращению с палочками для еды и их символике. Запрещалось направлять их на собеседников, возвращать обратно взятую палочками пищу или использовать палочки в общих блюдах некорректным образом. Собственно

палочки символизируют взаимодействие начал Инь и Ян и выражают стремление к гармонии между ними.

Ритуальность застолья проявлялась также в символике действий: предложении еды, наполнении чаши, принятии или отказе от угощения. Тем самым китайский застольный этикет выступал одним из механизмов поддержания социальной гармонии, где бытовое действие было неотделимо от философских оснований культуры.

В XX в. **китайский застольный этикет трансформировался** под влиянием модернизации, урбанизации и ослабления конфуцианской системы. Часть ритуальных норм утратила обязательный характер, усилилось влияние западных моделей поведения. Молодое поколение в меньшей степени придерживается традиционного столового этикета, свободно относится к рассадке за столом и использует цифровые устройства во время совместного приема пищи, что ранее воспринималось как проявление невежливости.

Коллективная модель приема пищи как трапезы при этом сохранилась, однако ее символическое наполнение изменилось. Современные формы застолья все чаще ориентированы на практичность и скорость, особенно в городской среде. Многие нормы поведения стали восприниматься как элемент культурного наследия, а не как жесткое нормативное требование. Вместе с тем, традиционные элементы продолжают функционировать в семейных и официальных ситуациях, таких как праздничные обеды и деловые встречи. Так, например, при чокании младший по возрасту или социальному статусу держит бокал ниже бокала старшего, демонстрируя уважение. Это свидетельствует об адаптивном характере трансформации китайского застольного этикета.

Одновременно наблюдается процесс культурной гибридизации, проявляющийся в адаптации западных блюд к вкусовым предпочтениям китайской культуры. Это проявляется в локальных версиях глобальных брендов – от бургеров с уткой по-пекински до использования традиционных китайских специй в меню международных сетей. Как подчеркивает китайский исследователь Е. Ли, «уважение к культуре других стран способствует развитию взаимопонимания» [2, с. 231].

Застольный этикет белорусского народа формировался в условиях аграрного общества и был тесно связан с крестьянским бытом, общинными формами жизни и христианской обрядностью. Совместная трапеза воспринималась как пространство коллективного взаимодействия и закрепления норм гостеприимства.

В отличие от китайской традиции, белорусский застольный этикет основывался на сочетании родственно-возрастных принципов, что отражалось в рассадке участников за столом. Хозяин дома отвечал за порядок застолья, а почетное место – красный угол – предназначалось старейшинам. Стол наделялся сакральным значением, выступая символическим центром дома, что подчеркивалось в обрядах и повседневных практиках. Этнограф А. К. Байбурин пишет: «стол как сакральный центр жилища является и начальной, и конечной точкой любого пути…» [1, с. 136].

Поведение за столом регулировалось строгими нормами. Предписывались сдержанность, уважительное отношение к пище, соблюдение иерархии при подаче блюд. Старшие получали лучшие угощения, дети часто ели отдельно. Эти нормы подчеркивали воспитательную и ценностную функцию этикета и сакральное отношение к пище.

Нормы поведения за столом варьировались в зависимости от контекста: повседневного, гостевого или праздничного. Благопожелания и тосты способствовали укреплению социальных связей. Китайский исследователь Ху Синьюэ утверждает, что белорусы «любят свою страну, природу, своих друзей и семью и выражают свою любовь прямолинейно в тосте» [5, с. 117]. Нарушение установленных правил воспринималось как неуважение к традиции.

Значительную роль играли календарные и семейные обряды. Праздничные застолья, приуроченные к Колядам, Пасхе и другим циклам, имели закрепленную структуру и символику. Они сопровождались пением, играми и танцами. Определенные блюда, последовательность их подачи и формы общения были связаны с представлениями о достатке, благополучии и сакральной защите дома. Главной задачей подобных застолий являлось не демонстрирование социального статуса, а укрепление общинной сплоченности.

В XX в. **эволюция белорусского застольного этикета** была связана с урбанизацией и социально-политическими изменениями. В городской среде ослабла ориентация на продолжительные застолья, многочисленные тосты и обилие блюд. Застолье утратило значительную часть обрядовой символики и стало восприниматься преимущественно как форма бытового общения. Утеряна практика организации «кірмашоў» – престольных застолий, приуроченных к церковным праздникам. Вместе с тем, в семейных и сельских практиках сохраняются ключевые элементы традиции: выделение почетного места для старших, подношение каравая, произнесение тостов. Распространение фигуры тамады отражает адаптацию ритуала к современным формам досуга.

Усилились процессы индивидуализации питания, рост ресторанной культуры и фастфуда, сокращение времени на прием пищи, ослабление значения домашней кухни и постепенное вытеснение традиционных блюд индустриально произведенными продуктами. Сокращение семейных застолий и изменение ритма жизни привели к снижению нормативной роли этикета. Поведение за столом стало более ситуативным.

Одновременно возрастает интерес к алиментарной культуре как носителю памяти и идентичности, особенно в контексте культурного туризма. Исследователь Т. А. Новогродский отмечает: «знакомство с блюдами народной кухни, способами и приемами их приготовления, с традиционными трапезами, с народным застольным этикетом, предметами домашней утвари становится важной частью программы пребывания туристов в нашей стране» [3, с. 102].

В целом застольный этикет китайского и белорусского народов выступает показателем социокультурных изменений, отражая трансформацию ценностей, форм социального взаимодействия и механизмов культурной преемственности. В традиционном обществе он выполнял регулятивную и символическую функции, обеспечивая воспроизводство социальной иерархии и коллективной идентичности.

Китайская традиция характеризуется сохранением внутренней структуры при изменении внешних форм. Ослабление повседневной ритуальной строгости не привело к утрате базовых принципов конфуцианской этики, которые продолжают проявляться

в коллективной модели трапезы, символике рассадки и ритуализированных жестах, актуализируемых в семейных и официальных контекстах. Белорусский застольный этикет демонстрирует более выраженное ослабление нормативной функции. Урбанизация, индивидуализация питания и изменение ритма жизни привели к сокращению обрядовых элементов и ситуативности правил поведения за столом, при сохранении значимости застолья как пространства социального сближения и символического выражения идентичности.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. *Байбурин, А. К.* У истоков этикета: этнографические очерки / А. К. Байбурин, А. Л. Топорков. – М. : Наука, 1990. – 168 с.

2. *Ли, Е. С.* Особенности столового этикета России и Китая / Е. С. Ли, О. С. Лихарева, М. Пяо // Global and Regional Research. – 2022. – Т. 4, № 3. – С. 225–232.

3. *Новогродский, Т. А.* Роль традиций питания в развитии агротуризма в Беларуси / Т. А Новогродский // Агроэкотуризм в период современных вызовов: национальный опыт. – Мн. : Белорусский государственный университет, 2021. – С. 99–103.

4. *Сунь, Сяолинь.* Исследование культурных различий в пищевых привычках между Китаем и Россией / С. Сунь, Ш. Цюй // В мире русского языка и русской культуры. – М. : Государственный институт русского языка имени А. С. Пушкина, 2023. – С. 178–182.

5. *Ху, Синьюэ.* Различия в китайских и русских манерах поведения за столом с точки зрения межкультурной коммуникативной перспективы / Синьюэ Ху // Культура и цивилизация. – 2022. – Т. 12, № 3-1. – С. 110–119.

Секция 3

КИТАЙСКИЙ ЯЗЫК И КУЛЬТУРА В ОБРАЗОВАТЕЛЬНОМ ПРОСТРАНСТВЕ РЕСПУБЛИКИ БЕЛАРУСЬ

Руководители секции:
Ю. В. Молоткова,
заведующая кафедрой китайского языка и страноведения Китая РИКК БГУ, кандидат педагогических наук, доцент
А. М. Букатая,
доцент кафедры китайской филологии филологического факультета БГУ, кандидат филологических наук

УДК 372.881.1

П. В. Вычикова,
магистрант кафедры китайского языка и страноведения Китая РИКК БГУ

Научный руководитель: Ю. В. Молоткова,
заведующая кафедрой китайского языка и страноведения Китая РИКК БГУ, кандидат педагогических наук, доцент

ПОДХОДЫ К СОВЕРШЕНСТВОВАНИЮ ПРОСОДИЧЕСКИХ НАВЫКОВ СТУДЕНТОВ, ИЗУЧАЮЩИХ КИТАЙСКИЙ ЯЗЫК

Аннотация: *статья посвящена анализу методических подходов к совершенствованию просодических навыков у студентов, изучающих китайский язык.*

Summary: *the article is devoted to methodological approaches to improving the prosodic skills of students learning Chinese.*

Ключевые слова: *китайский язык, просодия, совершенствование просодических навыков, методические подходы.*

Keywords: *Chinese language, prosody, improving prosodic skills, methodological approaches.*

Подход к обучению является одной из базисных категорий методики. Выступая связующим звеном между стратегической целью обучения и методикой обучения иностранному языку, теоретически обоснованный подход обеспечивает взаимосвязанное функционирование компонентов обучения. Конечной целью обучения просодии иностранного языка является автоматизация просодических навыков, то есть овладение такими компонентами просодии, как интонация, логическое ударение, ритм, темп, паузы и тоны (в тональных языках), а также сведение явления интерференции родного языка до минимума.

Выделяются *лингвистические, психологические, дидактические и методические подходы* к обучению иностранным языкам и отдельным аспектам языка. В основе каждого из подходов лежит определенная лингвистическая, психологическая, дидактическая либо методическая идея. В данной статье мы описываем *методические подходы* к обучению фонетике китайского языка и рассматриваем, какое внимание в каждом подходе уделяется этапу совершенствования просодических навыков на китайском языке.

Поскольку просодия является частью фонетики, то, как правило, при обучении фонетике китайского языка уделяется внимание и обучению просодии. Это позволяет нам говорить о том, что подходы к обучению фонетике могут быть применимы к обучению просодии, включая этапы формирования и совершенствования просодических навыков. Анализ научных работ и учебно-методических пособий позволил выделить ряд методических подходов к обучению фонетике китайского языка: *аналитико-имитационный, акустический, функционально-операциональный и когнитивный* [3].

Аналитико-имитационный подход (Ван Жоцзян, Н. Н. Воропаев, Ма Тяньюй, Т. П. Задоенко, Хуан Шуин, Н. А. Спешнев) предполагает использование описания артикуляции и имитации

в процессе обучения новым звукам (фонемам) или интонационным моделям. При данном подходе звуки, подлежащие специальной отработке, вычленяются из связного целого и объясняются на основе артикуляционного правила. Артикуляционные правила учат аппроксимированному произношению и помогают обучающимися понять, какие органы речи принимают участие в произнесении звука. Эта часть работы является аналитической. Затем звуки снова включаются в целое, которое организуется постепенно (слоги, слова, словосочетания, фразы), и проговариваются обучающимися вслед за образцом – это этап имитации.

Акустический подход (Жун Цзихуа, Сюй Гуймэй, Ли Сяоци) стал основой разработки многих методов, в том числе и популярных интенсивных методик. При реализации данного подхода упор делается не на сознательное усвоение особенностей артикуляции, а на слуховое восприятие речи и ее имитацию. Усвоение звуков идет не изолированно, а в речевом потоке, в речевых структурах и моделях [5]. В основе упражнений лежит повторение или имитация. Чистоте произношения в данном случае не придается большого значения. Фонетические навыки, которые сформированы без участия сознания, а только имитационным путем, достаточно неустойчивы, что может привести к деавтоматизации навыков.

Важно отметить, что для реализации акустического и аналитико-имитационного подходов студенты должны обладать идеальным фонематическим слухом (т. е. способностью воспринимать на слух звуки речи, дифференцировать и обобщать их в словах как смыслоразличительные единицы), а также хорошими имитационными способностями и опытом общения с носителями китайского языка. Большинство студентов, не обладая вышеперечисленными способностями, нуждаются в целенаправленной подготовке речевого аппарата, предотвращении интерференции фонетических навыков родной речи и систематической практике использования просодических средств китайской речи в их речевых функциях.

Функционально-операциональный подход, предложенный В. В. Ткачуком, предполагает постепенное овладение действиями

и операциями, которые позволяют усваивать не только тонированный слог, но и фразы, обладающие коммуникативной направленностью. В данном подходе функционально значимой единицей является слог, а операциональность состоит в усвоении материала поэтапно, от меньшей единицы к большей [7]. Определение автором используемого им подхода как функционально-операционального теоретически доказано поэтапностью овладения обучаемыми действиями и операциями на основе принципа от простого к сложному при ведущей роли принципа речевой направленности и принципа функциональности.

Функционально-операциональный подход предполагает постепенное усложнение высказывания на один тонированный слог, однако оперирование слогом в качестве основной единицы обучения не отражает взаимодействия иерархии просодических средств китайского языка – тона и тоновых сандхи, интонации, ударения, темпа, ритма и паузации.

Основной идеей ***когнитивного подхода*** (Маргарет Мянь Янь, Дженнифер Ли-цзя Лю, С. И. Байрамова, Джанет Шэффер, Янь Цзян) является сознательное формирование фонологических обобщений в виде моделей и их сопоставление с подобными моделями в родном языке обучающихся. Дж. Шэффер (Janet Schafer) пишет о важности «метапросодического сознания» и делает акцент на том, что обучающиеся должны не просто повторять, а понимать систему тонов китайского языка как смыслоразличительный инструмент. Ян Цзян (Yan Jiang) выступает за использование технологий для получения обратной визуальной связи с целью осознания тоновых ошибок. В своей методике обучения она предлагает студентам использовать программу **Praat**, чтобы они могли экспериментировать с произношением и видеть на графике, приближается ли их произношение к образцу [9]. Навыки, сформированные сознательно, отличаются устойчивостью и гибкостью, могут контролироваться сознанием, более лабильны и легко поддаются коррекции.

Мы провели анализ восьми учебных пособий, направленных на формирование и совершенствование фонетических, в том числе просодических, навыков китайского языка. Результаты анализа представлены в таблице ниже (*таблица 1*).

Таблица 1

Подходы к обучению фонетике и просодии

Подход	**Аналитико-имитационный**		**Акустический**		**Функционально-операциональный**	**Когнитивный**
пособие	Ван Жоцзян «Курс коррекции произношения китайского языка» [11]; Н. Н. Воропаев, Ма Тяньюй «Учебник практической фонетики китайского языка» [2]	Т. П. Задоенко, Хуан Шуин «Начальный курс китайского языка. Часть 1» [4]; Н. А. Спешнев «Введение в китайский язык: фонетика и разговорный язык» [6]	Жун Цзихуа, Сюй Гуймэй «Развиваем китайский язык, общий курс для начинающих (I)» [12]	Ли Сяоци «Китайский Воуа. Начальный уровень (I)» [13]	В. В. Ткачук, Л. Г. Абрахимов, Л. А. Радус «От подготовленной речи к спонтанной» [8]	Маргарет Мянь Янь, Дженнифер Лицзя Лю «Взаимодействие I: когнитивный подход к начальному курсу китайского языка» [10]
цель фонетического блока	Формирова-ние и совершенствование фонетических навыков, в том числе просодических	формирование и совершенствование фонетических навыков, в том числе просодических	формирование фонетических навыков (просодическим навыкам внимание не уделяется)		формирование и совершенствование просодических навыков	формирование фонетических навыков (просодическим навыкам внимание не уделяется)
тип курса	практико-ориентированный с теоретическим блоком		практико-ориентированный			

Продолжение таблицы 1

Подход	**Аналитико-имитационный**		**Акустический**		**Функционально-операциональный**	**Когнитивный**
соответствие методическим принципам						
ситуативность	отсутствует[1]	отсутствует	присутствует в соответствии с тематической организацией общего курса		отсутствует	присутствует в соответствии с тематической организацией общего курса
опора на родной язык	присутствует в виде сравнения китайских звуков со звуками белорусского и/или английского языков		Отсутствует; прилагается только запись диктора	отсутствует; прилагается запись диктора и теоретическое объяснение артикуляции	отсутствует; прилагается только запись диктора	присутствует в виде сравнения китайских звуков со звуками английского языка; система тонов объясняется через эмоции
наглядность	схемы артикуляторного аппарата, таблицы, иллюстрации		таблица сочетаемости инициалей и финалей		отсутствует	таблица сочетаемости инициалей и финалей
структура						
взаимодействие в комплексе	не является частью УМК	является частью УМК	является частью УМК		не является частью УМК	является частью УМК

[1] В «Учебнике практической фонетики китайского языка» ситуативность присутствует в соответствии с тематической организацией общего курса.

Продолжение таблицы 1

Подход	**Аналитико-имитационный**	**Акустический**		**Функционально-операциональный**	**Когнитивный**
единый сюжет/ сценарий	отсутствует	присутствует		отсутствует	присутствует
рубрики	теория (артикуляция) → артикуляционные упражнения → слоги → слова → диалоги/ тексты (тематические) → грамматический/лексический комментарий (при необходимости) → упражнения, стихотворения для заучивания	прослушивание аудио → повторение за диктором → упражнения	теория → прослушивание аудио → повторение за диктором → упражнения	пословицы и поговорки → упражнения → контрольные задания → практикум → игра	теория → слоги с тонами → распознавание слогов и тонов → фразы → повторение → упражнения (решение коммуникативных задач)
языковой материал					
язык и стиль	язык теоретических комментариев научный, лексика в упражнениях общеупотребительная	общеупотребительная лексика		Общеупотребительная лексика	Общеупотребительная лексика
виды текстов	учебные, адаптированные			аутентичные	учебные, адаптированные
группировка	от простого к сложному: инициали и финали → слоги с тонами → тоновые сочетания, редукция, нейтральный тон → интонация, ритм, мелодика фразы и текст[2]	от простого к сложному: инициали и финали → слоги с тонами → тоновые сочетания, редукция, нейтральный тон		в зависимости от встречающихся просодических явлений в предлагаемых материалах	от простого к сложному: инициали и финали → слоги с тонами → тоновые сочетания, редукция, нейтральный тон

[2] В «Учебнике практической фонетики китайского языка» просодический навык не формируется.

Окончание таблицы 1

Подход	**Аналитико-имитационный**	**Акустический**		**Функционально-операциональный**	**Когнитивный**
количество упражнений	от 10 до 15	от 5 до 10	от 2 до 10	от 10 до 20	от 2 до 10
виды упражнений	имитационные, дифференцировочные	имитационные, дифференцировочные, трансформационные	имитационные, дифференцировочные	имитационные, дифференцировочные, трансформационные, репродуктивные, продуктивные	имитационные, дифференцировочные
Культурологический аспект	отсутствует	стихотворения китайских авторов	тексты, связанные с культурой Китая, погружение в китайскую культуру (этикет, счет на пальцах одной руки и т. д.)	китайские пословицы и поговорки	тексты, связанные с культурой Китая
мотивация	отсутствуют мотивационные фразы				
ориентация на планируемые результаты	присутствует		отсутствует		

Большинство пособий основано на аналитико-имитационном подходе, из чего можно сделать вывод, что он наиболее распространен при обучении фонетике, в том числе просодии китайского языка. Целью пособий, основанных на *аналитико-имитационном подходе*, выступает формирование как фонетических [2; 11], так и речевых навыков [4; 6]. Чаще встречаются пособия, которые направлены на обучение фонетике, в том числе просодии, отдельно от общего курса китайского языка. Данные пособия основываются на таких методических принципах, как наглядность (активно используются схемы артикуляторного аппарата, таблицы, картинки) и опора на родной язык (присутствует сравнение китайских звуков со звуками русского или английского языков).

Принцип ситуативности, как правило, исключается, из чего можно сделать вывод, что диалоги и фразы носят искусственный, технический характер, так как целью является не коммуникация, а отработка фонетических и просодических явлений. В пособиях представлены имитационные и дифференцировочные упражнения, встречаются трансформационные упражнения, а также использование стихотворений и скороговорок для заучивания. Язык теоретических комментариев научный, а лексика в упражнениях является общеупотребительной. Просодические навыки формируются и совершенствуются во всех проанализированных пособиях, разработанных на основе данного подхода, кроме «Учебника практической фонетики китайского языка» Н. Н. Воропаева и Ма Тяньюй. Недостатками аналитико-имитационного подхода являются сложность внедрения культурологического аспекта в упражнения, отсутствие принципа ситуативности, а также однотипность упражнений.

Пособия, в которых обучение фонетике основано на *акустическом подходе* [12; 13], нацелены на формирование речевых навыков. Данные пособия разработаны на основе таких методических принципов, как наглядность и ситуативность, и являются частью учебно-методических комплексов. Опора на родной язык и сравнение звуков китайского языка с другими языками исключается, прилагаются только записи диктора и теоретическое объяснение артикуляции. В пособиях предлагаются имитационные и дифференцировочные упражнения. Лексика в упражнениях является

общеупотребительной. На наш взгляд, главным недостатком акустического подхода является отсутствие внимания к артикуляции, а также сложность в достижении эталонного произношения, так как такой подход подразумевает наличие у обучающихся идеального фонематического слуха. Важно отметить, что в данных пособиях формируются лишь фонетические навыки, внимание просодическим навыкам не уделяется.

Проанализированное нами пособие, основанное на *функционально-операциональном подходе* [8], нацелено на формирование речевых навыков, а именно навыков неподготовленной речи с учетом ее грамотного оформления на просодическом уровне. В данном пособии представлено большое количество имитационных, дифференцировочных, трансформационных, репродуктивных и продуктивных упражнений. Опора на родной язык и сравнение звуков китайского языка с другими языками исключаются, так как пособие не направлено на формирование фонетических навыков (а именно навыков произнесения фонетических единиц), а предназначено для обучающихся, которые обладают «необходимым запасом базовых знаний и речевых навыков» [8]. На наш взгляд, главным недостатком функционально-операционального подхода является отсутствие теоретического объяснения аспектов просодии.

Главной целью пособия, основанного на когнитивном подходе [10], является формирование речевых навыков. В пособии представлены имитационные, дифференцировочные упражнения, характеризующиеся функциональностью и ситуативностью. В пособии учитываются принципы наглядности, опоры на родной язык и сознательного усвоения фонетики китайского языка, что соответствует ведущим принципам когнитивного подхода. В данном пособии тоновая система китайского языка объясняется через сравнение с интонацией, что позволяет обучающимся понять фонетические явления на более глубоком уровне. В главе, посвященной фонетике, делается акцент на коммуникативность, обучающиеся учатся произносить звуки во фразах, которые могут использоваться в повседневной жизни. На наш взгляд, главным недостатком данного пособия является отсутствие блока, посвященного формированию и совершенствованию просодических навыков на китайском языке.

На данный момент написано несколько статей и исследований (С. И. Байрамова, Янь Цзян) об использовании когнитивного подхода в совершенствовании просодических навыков китайского языка, однако нами не было найдено отдельных пособий, посвященных совершенствованию данного навыка.

Во всех проанализированных пособиях детально разработана часть, содержащая обучение фонетике, виды и количество упражнений во многом совпадают, схожа группировка материала и принципы отбора текстов (предпочтение отдается учебным, адаптированным текстам). Несмотря на все плюсы выделенных нами пособий, в них есть недостатки: отсутствие мотивации обучающихся, однотипность упражнений, сложность внедрения культурологического аспекта, недостаточная реализация принципа коммуникативности, в частности отсутствие заданий, направленных на решение коммуникативных задач.

Просодические навыки формируются и совершенствуются в четырех пособиях [4; 6; 8; 11], которые основаны на аналитико-имитационном и функционально-операциональном подходах (см. *таблица 1*). Данные пособия не направлены исключительно на формирование и совершенствование просодических навыков – просодия является частью фонетического курса либо курса, направленного на формирование навыков неподготовленной речи. Пособий, посвященных формированию и совершенствованию просодических навыков на основе акустического и когнитивного подходов, нами не было найдено.

Просодические навыки являются речевыми навыками, имеющим большое значение для успешного протекания речевой деятельности. Однако на сегодняшний день все еще не разработан единый подход к совершенствованию просодических навыков на китайском языке, а также нет отдельного пособия, посвященного целенаправленному совершенствованию просодических навыков.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. *Байрамова, С. И.* Формирование слухопроизносительных навыков на основе когнитивного образа морфемы (китайский язык, неязыковой вуз) : дис. … канд. пед. наук : 13.00.02 / С. И. Байрамова. – Улан-Удэ, 2016. –

URL: https://www.bsu.ru/content/disser/468/tekst-rabotibairamova.pdf. (дата обращения: 29.01.2026).

2. *Воропаев, Н. Н.* Учебник практической фонетики китайского языка / Н. Н. Воропаев, Ма Тяньюй. – 2-е изд., испр. и доп. – М. : ВКН, 2021. – 286 с.

3. *Галыня, И. В.* Лингводидактические подходы к обучению просодии иноязычной речи / И. В. Галыня // Вестник МГЛУ. Серия 2, Психология. Педагогика. Методика преподавания иностранных языков. – 2011. – № 1 (19). – С. 136–144.

4. *Задоенко, Т. П.* Начальный курс китайского языка: в 3 ч. / Т. П. Задоенко, Хуан Шуин. – 7-е изд. – М. : Изд. дом ВКН, 2022. – Ч. 1. – 304 с.

5. *Соловова, Е. Н.* Методика обучения иностранным языкам: базовый курс: пособие для студентов пед. вузов и учителей / Е. Н. Соловова. – М. : АСТ : Астрель, 2008. – 238 с.

6. *Спешнев, Н. А.* Введение в китайский язык: Фонетика и разговорный язык / Н. А. Спешнев. – СПб. : КАРО, 2006. – 256 с.

7. *Ткачук, В. В.* Обучение интонации китайского языка : автореф. дис. … канд. пед. наук : 13.00.02 / В. В. Ткачук ; Моск. гос. пед. ин-т им. В. И. Ленина. – М., 1980. – 23 с.

8. *Ткачук, В. В.* От подготовленной речи к спонтанной : учеб.-метод. пособие по обучению говорению / В. В. Ткачук, Л. Г. Абрахимов, Л. А. Радус. – М. : Изд. дом ВКН, 2020. – 174 с.

9. *Y. Jiang.* Visualization of tone for learning Mandarin Chinese / D. M. Chun, Y. Jiang, N. Ávila. – URL: https://www.researchgate.net/publication/305506851_-Visualization_of_tone_for_learning_Mandarin_Chinese (date of access: 29.01.2026).

10. *Yan, Margaret Mian.* Interactions I: a cognitive approach to beginning Chinese / Margaret Mian Yan, Jennifer Li-chia Liu. – Bloomington : Indiana University Press, 1997. – 240 p.

11. 王, 若江. 汉语正音教程/王若江. – 北京 : 北京大学出版社, 2005. – 164页. = *Ван Жоцзян.* Курс коррекции произношения китайского языка / Ван Жоцзян. – Пекин : Изд-во Пекин. ун-та, 2005. – 164 с.

12. 荣, 继华. 发展汉语初级综合(I)/荣继华, 徐桂梅. – 北京 : 北京语言大学出版社, 2011. – 250页. = *Жун Цзихуа.* Развиваем китайский язык, общий курс для начинающих (I) / Жун Цзихуа, Сюй Гуймэй. – Пекин : Изд-во Пекин. ун-та языка и культуры, 2011. – 250 с.

13. 李, 晓琪. 博雅汉语初级(I)/李晓琪. – 北京 : 北京大学出版社, 2013. – 237页. = *Ли Сяоци.* Китайский Воуа. Начальный уровень (I) / Ли Сяоци. – Пекин : Изд-во Пекин. ун-та, 2013. – 237 с.

УДК 338.1:61

П. В. Дубовик,
магистрант РИКК БГУ

Научный руководитель: Лю Бо,
доцент кафедры китайского языка
и страноведения Китая РИКК БГУ,
кандидат филологических наук

РЕАЛИЗАЦИЯ МЕТОДИЧЕСКИХ ПОДХОДОВ К ОБУЧЕНИЮ ПИСЬМЕННОЙ РЕЧИ НА КИТАЙСКОМ ЯЗЫКЕ В СОВРЕМЕННЫХ УЧЕБНО-МЕТОДИЧЕСКИХ ПОСОБИЯХ

Аннотация: *статья посвящена анализу методических подходов к обучению письменной речи в китайском языке с рассмотрением формально-языкового, продуктивного (жанрового) и процессуального подходов и выявления особенности их реализации в учебных пособиях по китайскому языку.*

Summary: *the article is devoted to methodological approaches to teaching writing in Chinese using the formal-linguistic, productive (genre) and procedural techniques and identifying their implementation features in Chinese language teaching books.*

Ключевые слова: *китайский язык, обучение письменной речи, методические подходы, формально-языковой подход, подход, ориентированный на продукт, процессуальный подход.*

Keywords: *Chinese language, teaching writing, methodological approaches, formal-linguistic approach, product-oriented approach, process approach.*

В контексте растущей популярности китайского языка как иностранного задача развития умений письменной речи сохраняет свою значимость. Как отмечается в методической литературе (И. А. Зимняя [5, с. 35], Н. Д. Гальскова, Н. И. Гез [3, с. 28] и др.), письменная речь часто остается на периферии учебного процесса, уступая приоритет устной речи. Однако Е. И. Пассов указывает: «Роль письменной коммуникации в современном мире чрезвычайно велика, едва ли не больше, чем роль устного общения» [12, с. 203].

В статье, вслед за Е. И. Пассовым [12, с. 211], выделяются 3 методических подхода к обучению письменной речи на иностранном языке, каждый из которых имеет свои характеристики и особенности использования:

1) формально-языковой подход;

2) подход, ориентированный на продукт (также известный как текстоориентированный, жанровый подход);

3) процессуальный подход.

Формально-языковой подход (Ч. Фрис [15, с. 89], В. Риверс [13, с. 109], И. А. Грузинская [4, с. 97] и др.) представляет собой методический подход, при котором язык выступает прежде всего как объект изучения, а письменная речь служит инструментом для его освоения. Согласно классификации Е. И. Пассова, данный подход делает акцент на грамматической правильности, лингвистической точности и формальном соответствии письменной речи языковым нормам [12, с. 204]. Критерием успешности является не коммуникативная эффективность текста, а его соответствие заданным параметрам (орфография, грамматика, лексика).

На основе этого подхода предлагается система упражнений, которая включает в себя два типа:

1) подготовительные языковые упражнения (воспроизведение образца по аналогии, подстановка (заполнение пропусков) и трансформационные упражнения (изменение времени, залога; утвердительная/отрицательная трансформация), вопросно-ответные упражнения, диктант;

2) речевые упражнения (изложения, краткие сочинения на конкретную тему).

Данная система упражнений реализуется в учебно-методическом пособии «Практический курс китайского языка» (А. Ф. Кондрашевский, Н. А. Демина и др.), структура которого подчинена задаче последовательного формирования языковой базы.

Основу обучения составляют подготовительные языковые упражнения: прежде всего это упражнения на отработку графики (прописывание черт и графем в строго определенной последовательности), фонетические упражнения, многочисленные подстановочные и трансформационные упражнения для закрепления грамматических конструкций и лексики [8]. Речевые упражнения

присутствуют в ограниченном объеме и представлены в основном переводом с русского на китайский, а также заданиями на составление предложений по изученным моделям, что готовит обучающихся к элементарной письменной речи.

Однако процесс обучения в данном учебно-методическом пособии не строится исключительно на принципах формально-языкового подхода. Элементы подхода, ориентированного на продукт, реализуются на завершающих этапах каждого урока через задания на составление связных текстов по образцу (например, «напишите рассказ о себе по плану»), что целенаправленно готовит к созданию целостного высказывания. В свою очередь, элементы процессного подхода представлены отдельными упражнениями, предполагающими многократную работу над ошибками (переписывание текста после проверки), что включает в себя элементы редактирования и рефлексии.

По мнению Е. Н. Андрущака, формально-языковой подход наиболее эффективен на начальном этапе обучения, так как на данном этапе когнитивная нагрузка учащихся чрезвычайно высока: необходимо одновременно контролировать правильность написания черт, графем, правила последовательности написания черт, расположение графем в структуре иероглифа, сочетание иероглифов в словах и предложениях, выбор правильного иероглифа для передачи нужного значения, а также правильное расположение слов в структуре предложения, грамматическую правильность [1, с. 124]. Формально-языковой подход, предполагающий строгие шаблоны и повторяющиеся упражнения, позволяет снизить нагрузку. Без применения данного подхода сложно перейти к свободному выражению мыслей, однако если ограничиваться лишь формально-языковым подходом, это может подавить мотивацию обучающихся и задержать формирование коммуникативных навыков. И. А. Зимняя отмечает, что продолжительное доминирование формально-языкового подхода может привести к снижению мотивации [2, с. 130], поэтому он должен своевременно дополняться элементами из других методических подходов.

Подход, ориентированный на продукт, также известный как текстоориентированный (М. А. Кочейшвили, А. В. Блохин [2, с. 24] и др.) или жанровый подход (Н. И. Колесникова [7, с. 302],

Т. А. Налимова [11, с. 27] и др.), представляет собой подход в обучении письменной речи, при котором центральным предметом обучения выступает готовый текст. В отличие от формально-языкового подхода, фокус смещается на текст в целом и его коммуникативную функцию: письменная речь тесно связана с чтением. Упражнения в данном подходе делятся на два типа:

1) аналитические упражнения (чтение и структурный анализ текста, поиск языковых маркеров, определение средств реализации жанровых особенностей);

2) имитационные и продуктивные упражнения (построение высказывания по аналогии, трансформация по модели, создание фрагмента текста с жесткими параметрами, с опорой на ключевые слова).

Пособие «Развитие навыков письменной речи на китайском языке» предназначено для студентов среднего и продвинутого этапов и целиком построено на анализе и продуцировании текстов различных жанров. Каждый раздел в данном учебно-методическом пособии в рамках подхода, ориентированного на продукт, открывается аналитическими упражнениями, которые включают презентацию и детальный разбор текстов-образцов, принадлежащих к определенному жанру: личные и деловые письма, объявления, эссе-повествования, описания и т. д. [18]. В ходе анализа изучаются формат, стилистические особенности, грамматические структуры и лексика, характерные для конкретного жанра. Вслед за этим следуют имитационные и продуктивные упражнения: после анализа образца студенты выполняют задания с жесткими параметрами, такие как написание фрагмента текста с опорой на ключевые слова или трансформация по модели. Кульминацией становится самостоятельное создание целостного текста в изученном жанре, что готовит обучающихся к реальной письменной коммуникации.

Перед началом работы с текстом в пособии реализуются элементы формально-языкового подхода: предлагаются упражнения на отработку ключевых грамматических конструкций и лексических единиц, необходимых для понимания и создания текста данного жанра. Элементы процессного подхода проявляются в том, что пособие предусматривает этапы взаимного

рецензирования и обсуждения черновиков, особенно в заданиях для парной и групповой работы, а также включает вопросы для самоанализа после завершения письменной работы.

Если задача формально-языкового подхода заключается в усвоении языковых элементов и норм, то подход, ориентированный на продукт, фокусируется на формировании способности к их комплексному применению для создания целостных текстов, отвечающих конкретным коммуникативным задачам. Данный подход обеспечивает ознакомление обучающихся с текстами различных жанров, формирует знание их структурно-содержательных и стилистических особенностей, развивает умение ориентироваться в жанровом многообразии письменной речи и создавать тексты, востребованные в академической, профессиональной и социальной сферах общения.

Подход, ориентированный на продукт, особенно актуален на среднем этапе обучения, а также в условиях высшего образования, при подготовке к письменной части сертификационных экзаменов (IELTS, TOEFL для английского языка, HSK для китайского языка), так как в этой части экзаменуемый должен написать официальное, личное письмо, составить текст с опорой на ключевые слова, написать изложение; в результате оценивается законченное речевое произведение, созданное экзаменуемым за определенное время.

Главным ограничением подхода, ориентированного на продукт, является акцент на конечном результате – готовом тексте – без достаточного внимания к процессу его создания. Как отмечает А. Ю. Широких, излишняя фиксация на образце может привести к механическому копированию и подавлению творческой свободы обучающегося [17, с. 115]. Кроме того, данный подход предполагает наличие прочной языковой базы: без нее обучающиеся не могут сосредоточиться на жанровых особенностях, поскольку все ресурсы уходят на преодоление элементарных трудностей (поиск слов, построение предложений, написание иероглифов). Это обусловливает необходимость сочетания продуктивного подхода с формально-языковым, закладывающим фундамент для освоения жанровых моделей.

Процессный подход (В. Цамель [16, с. 165], Т. Сильва [14, с. 660], Т. И. Капитонова, Л. В. Московкин, А. Н. Щукин

[6, с. 234]) в обучении письменной речи представляет собой подход, при котором приоритет отдается не конечному продукту, а формированию познавательных и креативных навыков обучающихся в процессе работы над текстом. Ключевой целью данного подхода является формирование независимого автора, способного справиться с любой новой письменной задачей.

Структура учебного процесса, построенного на процессуальном подходе, включает три ключевых этапа:

1) предтекстовый этап (подготовительный), в рамках которого осуществляется формулирование содержания и планирование текста, применяются ознакомительные языковые упражнения (генерация идей, составление ментальных карт, планов, тезисов);

2) этап текстообразования, направленный на создание первичного чернового варианта текста;

3) послетекстовый этап (заключительный), предполагающий редактирование текста, а также последующую рефлексию, т. е. анализ и оценку собственной письменной деятельности и ее результатов.

Учебное пособие «Процессуальное письмо на китайском для иностранцев» целиком реализует принципы процессного подхода в обучении письменной речи на китайском языке и предназначено для учащихся среднего и продвинутого уровней [9].

Систему упражнений в данном учебно-методическом пособии можно описать следующим образом. Предтекстовый этап включает упражнения, направленные на генерацию идей и планирование будущего текста: используются такие техники, как «мозговой штурм», составление ментальных карт и планов, обсуждение темы в группе. На этапе текстообразования основное внимание уделяется написанию чернового варианта, при этом упражнения ориентированы на свободное выражение мыслей и развитие содержания, а требование к идеальной грамматической правильности намеренно снижается. Послетекстовый этап завершает работу, где центральное место занимают упражнения на редактирование и рефлексию: саморедактирование по предложенным критериям, взаимное рецензирование работ одногруппниками, а также последующий анализ и исправление текста на основе полученной обратной связи.

Элементы формально-языкового подхода реализуются как на этапе редактирования, где внимание целенаправленно возвращается к грамматической правильности и лексической точности, так и перед началом работы над текстом, где предлагаются мини-упражнения на ключевые грамматические конструкции. Элементы подхода, ориентированного на продукт, проявляются при анализе чужих текстов (на этапе подготовки или рецензирования): используются критерии жанровой принадлежности и структуры, что позволяет обучающимся осваивать жанровые модели и впоследствии применять их при создании собственных текстов.

Наибольшую эффективность процессуальный подход демонстрирует на продвинутом этапе обучения при наличии прочного языкового фундамента, заложенного формально-языковым подходом, и знания жанровых моделей, усвоенных с помощью подхода, ориентированного на продукт. Это позволяет обучающимся переключить внимание с отработки формы на смысловое наполнение текста и осознанное управление процессом его создания. Данный подход способствует становлению индивидуального авторского стиля и креативности, формирует автономию обучающегося, обеспечивая переход от репродуктивной деятельности к продуктивной.

Несмотря на достоинства, процессуальный подход имеет ряд существенных ограничений: он предъявляет высокие требования к языковой подготовке обучающихся и требует значительных временных затрат, что затрудняет его реализацию в условиях ограниченного аудиторного времени. Кроме того, он уделяет недостаточно внимания жанровым нормам, поэтому учащийся может не овладеть формами письменной коммуникации (официальное письмо, академическое эссе). В силу этих причин процессуальный подход не может быть единственным и должен дополняться элементами формально-языкового и подхода, ориентированного на продукт.

В китайской методический литературе считается, что эффективное обучение письму должно строиться по принципу «от простого к сложному» и проходить через взаимосвязанные стадии: формирование языковой основы, освоение моделей и жанров, развитие самостоятельного творчества. Ло Цинсун обосновывает

необходимость поэтапного построения процесса обучения письменной речи. По ее мнению, преждевременный выход на творческое высказывание без сформированных навыков грамматически правильного оформления предложений является методически несостоятельным, а длительное удержание обучающегося на стадии механического копирования препятствует развитию коммуникативной компетенции. Она указывает на необходимость смены и сочетания подходов на разных этапах обучения [10, с. 254].

Проведенный анализ позволяет утверждать, что формально-языковой, ориентированный на продукт и процессуальный подходы не являются взаимоисключающими, а образуют единую систему, в которой каждый последующий этап закономерно вырастает из предыдущего и компенсирует его недостатки, что соответствует одному из основных принципов обучения иноязычному общению – принципу поэтапного формирования речевых навыков и умений.

Таким образом, в методической литературе доминируют три самостоятельных, но взаимосвязанных подхода к обучению письменной речи – формально-языковой, ориентированный на продукт и процессуальный, каждый из которых решает задачи на определенном этапе обучения. Ценность формально-языкового подхода неоспорима на начальном этапе: система упражнений, шаблоны и многократное повторение позволяют снизить когнитивную нагрузку и довести до автоматизма базовые операции. Однако продолжительное доминирование этого подхода без развития коммуникативных умений ведет к демотивации обучающихся. Подход, ориентированный на продукт, преодолевает этот недостаток, смещая фокус с изолированных языковых единиц на целостный текст и его жанровую принадлежность, и готовит обучающихся к реальным речевым ситуациям. Однако его эффективность напрямую зависит от прочности языковой базы, заложенной на предыдущем этапе. Процессуальный подход выводит обучение письменной речи на уровень творческих способностей обучаюоихся и формирует способность учащегося самостоятельно управлять процессом создания письменного высказывания от зарождения замысла до итоговой рефлексии. Наибольшую результативность он демонстрирует

на продвинутом этапе, опираясь на сформированные языковые навыки и усвоенные жанровые модели. При этом ни один из подходов не является универсальным: формирование иноязычной письменной речи должно осуществляться на основе их поэтапной интеграции.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. *Андрущак, Е. Н.* Психологические особенности успешности изучения китайского языка студентами / Е. Н. Андрущак // Системная психология и социология. – 2023. – № 4 (48). – С. 115–123.

2. *Блохин, А. В.* Текстоориентированный подход при изучении вводных слов и конструкций на уроках русского языка / А. В. Блохин, М. А. Кочейшвили // Вестник Государственного гуманитарно-технологического университета. – 2022. – № 4. – С. 24–30.

3. *Гальскова, Н. Д.* Теория обучения иностранным языкам: лингводидактика и методика: учеб. пособие для студ. лингв. ун-тов и фак. ин. яз. высш. пед. учеб. заведений / Н. Д. Гальскова, Н. И. Гез. – 3-е изд., стер. – М. : Академия, 2006. – 336 с.

4. *Грузинская, И. А.* Методика преподавания английского языка в средней школе / И. А. Грузинская. – М. : Учпедгиз, 1947. – 224 с.

5. *Зимняя, И. А.* Педагогическая психология: учеб. для вузов / И. А. Зимняя. – 3-е изд., пересмотр. – М. : Изд-во Московского психологосоциального ин-та ; Воронеж : МОДЭК, 2010. – 447 с.

6. *Капитонова, Т. И.* Методы и технологии обучения русскому языку как иностранному / Т. И. Капитонова, Л. В. Московкин, А. Н. Щукин ; под ред. А. Н. Щукина. – 2-е изд., стер. – М. : Русский язык. Курсы, 2009. – 312 с.

7. *Колесникова, Н. И.* Лингводидактическая концепция формирования жанровой компетенции учащихся в системе непрерывного языкового образования: монография / Н. И. Колесникова. – 3-е изд., испр. и доп. – М. : ФЛИНТА, 2019. – 410 с.

8. *Кондрашевский, А. Ф.* Практический курс китайского языка: в 2 т. / А. Ф. Кондрашевский, Н. А. Демина ; под ред. А. Ф. Кондрашевского. – 11-е изд., испр. – М. : ВКН, 2017. – Т. 1. – 416 с.

9. *Ли, Я.* Обучение иностранцев процессуальному письму на китайском языке / Ян Ли. – Пекин : Изд-во Пекин. ун-та, 2006. – 285 с.

10. *Ло, Цинсун.* Обучение письменной речи в китайском языке как иностранном: вопросы теории и практики / Цинсун Ло. – Пекин : Изд-во Пекин. ун-та языка и культуры, 2002. – 273 с.

11. *Налимова, Т. А.* Жанровый подход в обучении младших школьников устной и письменной речи / Т. А. Налимова // Начальная школа. – 2023. – № 1. – С. 27–32.

12. *Пассов, Е. И.* Основы методики обучения иностранным языкам / Е. И. Пассов. – М. : Русский язык, 1977.

13. *Риверс, В. М.* Обучение иностранным языкам / В. М. Риверс. – Чикаго : Изд-во Чикаг. ун-та, 1968. – 403 с.

14. *Сильва, Т.* К пониманию специфической природы письменной речи на втором языке: исследования английского как второго языка и их значение / Т. Сильва // TESOL Квортерли. – 1993. – Т. 27, № 4. – С. 657–677.

15. *Фрис, Ч. К.* Обучение и изучение английского языка как иностранного / Ч. К. Фрис. – Анн-Арбор : Изд-во Мичиган. ун-та, 1945. – 153 с.

16. *Цамель, В.* Процессы создания письменного текста у продвинутых студентов, изучающих английский как второй язык: шесть кейсов / В. Цамель // TESOL Квортерли. – 1983. – Т. 17, № 2. – С. 165–188.

17. *Широких, А. Ю.* Обучение навыкам письма: сравнительный анализ лингводидактических подходов / А. Ю. Широких // Общество: социология, психология, педагогика. – 2022. – № 12. – С. 329–337.

18. *Юань, Бопин.* Развитие навыков письменной речи на китайском языке / Бопин Юань, Цянь Кань. – 2-е изд. – Нью-Йорк : Рутледж, 2014. – 206 с.

УДК 378.147:811.581

孙佳,
大连理工大学国际教育学院副教授

语言景观视角下经贸汉语阅读教学研究

Аннотация: *статья посвящена изучению оптимизации преподавания чтения делового китайского языка с позиции языковой среды и предлагает комплексные меры по совершенствованию учебного процесса.*

Summary: *the study explores the methods to optimize the teaching of Business Chinese reading from the perspective of the linguistic landscape and proposes several measures to improve the educational process.*

Ключевые слова: *языковая среда, лингвистический ландшафт, деловой китайский язык, методика преподавания чтения, учебная среда.*

Keywords: *linguistic landscape, business Chinese, reading teaching methods, learning environment.*

1. 引言

语言景观的研究最早始于20世纪70年代[1]，1997年，加拿大的两位学者 Landry 和 Bourhis 给出了语言景观的定义，语言景观指的是«出现在公共路牌、街名、广告牌、商铺招牌、单位标牌上的语言,共同构成了某个地区或城市的语言景观或语言风貌»，其论文 Linguistic landscape and ethnolinguistic vitality: An empirical study 被认为语言景观研究的奠基之作[2]。之后语言景观的研究不断升温，其内涵也得到了不断的丰富，从现实社会延伸到了网络虚拟空间。如今，语言景观研究已受社会语言学、应用语言学、符号学、心理学等多个学科的广泛关注。

早期的研究热点主要聚焦于多语现象（multilingualis）、多元文化与身份认同、语言政策与规划、城市语言生态等方面，呈现稳中有增的趋势。后来逐渐转为从社会语言学视角研究语言景观背后的意义，比如韩艳梅和陈建平（2018）提出的语言景观的跨文化互文现象[3]，尚国文和赵守辉（2014）指出的语言景观与语言权利地位的关系等[4]，有关语言景观的社会性研究呈现较快增长的趋势。

整体来看，目前研究聚焦于语言景观的信息功能和象征功能，但鲜有学者研究语言景观的教育功能，Cenoz 和 Gorter（2008）最早将语言景观与教育教学联系起来，指出语言景观可以为外语教学提供丰富、真实的语料，是绝佳的外语学

习资源[5]。 Shohamy 和 Waksman （2009）也认为语言景观是重要的教育工具，应该纳入语言教育场景中[6]。尚国文

（2017）指出语言景观作为教学资源纳入课堂教学有助于学习者的二语习得，并在从偶发性学习、语言意识、语言能力、多模态技能、多语能力等方面肯定了语言景观对二语学习的价值和作用[7]。秦永丽和王平（2021）尝试从超语视角考察语言景观中的多模态资源意义建构[8]。

基于以上论述，我们认为有必要研究以下问题：语言景观作为汉语教学资源具有哪些意义和价值？在经贸汉语教学中应如何加以利用？会产生怎样的教学效果？本文着力探讨语言景观的特点及其在经贸汉语阅读课程教学中的应用，以期为语言景观研究及经贸汉语教学研究提供新的参考与借鉴。

2.语言景观在经贸汉语阅读教学中的多重价值

语言景观作为公共空间中出现的语言使用现象，如路牌、广告牌、街道名称等，它们在教学领域中具有重要的教育价值。语言景观作为一种直观、生动的教学辅助工具，在教学中具有教学资源价值、文化熏陶价值、教学互动价值、语言实践价值以及教学模式创新价值等多重价值。

（1）教学资源价值

语言景观的教学资源价值主要体现在语言景观在经贸汉语阅读教学中所具有的丰富性、易获取性、真实性、灵活性等方面。语言景观包含了多种文本类型和语言风格，这为经贸汉语阅读教学提供了丰富的教学资源，可以满足不同学习者的个性化需求。语言景观中的语言使用是真实的社会语言实践，反映了实际的商务语境和语言习惯，这有助于学习者接触到真实的语言环境，提高他们的语言适应能力。语言景观可以根据功能与位置的需要，而呈现出不同的语言使用，变换不同的文体风格以及文字长度，能够更加灵活地贴合经贸汉语阅读教学的需要。

（2）文化熏陶价值

国际性的经贸活动往往涉及不同文化背景的交流和合作，而语言景观中的文化元素可以帮助学习者了解商务活动中的文化差异，提高他们的跨文化交际能力。

（3）教学互动价值

教师可以利用语言景观设计各种互动活动，开展语言景观的讨论，学习者可以在课堂上进行互动交流，分享各自的观察和

理解，这种互动活动能激发学习者学习兴趣并提高学习者的参与度和学习效果。

（4）语言实践价值

语言景观为语言学习者提供了一个真实的语言环境。通过观察和分析身边的语言景观，学习者可以在实际语境中学习语言，理解语言的使用情境，提高语言实际应用能力。经贸汉语阅读教学的目的在于提高学习者的商务沟通能力和理解能力，语言景观中的商务广告、商标、产品说明等都是实际商务场景中的语言使用，将这些材料引入教学，可以提高学习者的实用阅读能力。

（5）模式创新价值

传统教学模式，依托既定的教材来进行教学活动，而基于语言景观的教学模式，可以打破传统课堂的局限，将教学活动延伸到户外，通过实地考察、调研和互动讨论，学生可以在更为广阔的领域内学习语言知识。语言景观以视频、图片等形式进入经贸汉语阅读教学课堂，汉字可以不再是黑白文本，使教学更加生动有趣，激发学习者的学习兴趣和创造力。

（6）知识建构价值

语言景观可以为经贸汉语阅读教学构建更为饱满的语言学习环境，帮助语言学习者构建好自身关于外部世界经贸汉语的一些知识，帮助其自身认知结构的发展。其次，语言景观本身多模态的特点可以让汉语课堂更加鲜活，让学生在丰富课堂内容的支撑下进行知识构建，调动汉语学习者的学习积极性。

3.经贸汉语与通用汉语阅读教学的对比

经贸汉语与通用汉语阅读课程同属于对外汉语阅读课程的教学，教学的对象均为母语非汉语的第二语言学习者。经贸汉语与通用汉语阅读课程联系紧密，但又有着不同的教学重点。

教学目的上看，通用汉语阅读课程是学生掌握基础汉语知识、进行汉语阅读的基本保证。教学任务是提高学生的阅读理解能力，为日常汉语阅读打下坚实的语言基础；而经贸汉语阅读课程是培养学生阅读经贸专业类文章的能力，掌握经贸类专业术语、了解热点经贸话题，扩大学生在经贸专业领域的知识广度。

教学内容上看，通用汉语阅读课程的教学材料一般是生活类的文章，大多是比较零散的片段，有些会在原作基础上进行

改写，缩短文章的篇幅、降低阅读的难度；而经贸汉语阅读课程的教学材料多为经过改写的经贸类科普文章，以普及性经贸专业知识为内容，有与通用汉语交叉重叠的部分，也有一些区别通用汉语的经贸专业常用词语和表达结构。

4.语言景观视角下经贸汉语阅读教学指导原则

语言景观作为一种独特的教育资源，不仅丰富了教学手段，还增强了教学的实效性，有助于全面提升学生的语言应用能力和文化素养。然而，要将语言景观有效地应用于经贸汉语阅读教学，教学活动不是随意的，教师还需要遵循一定的教学原则，需要精心设计教学活动，确保学习材料的适宜性和教学目标的匹配性，同时，还需要考虑学习者的语言水平和背景知识，以确保教学的有效性。

（1）应选择适量、合适的语言景观

在经贸汉语阅读教学中，教师应将适度的语言景观作为教学辅助资源，控制好语言景观的输入量，与学习者现有语言水平相吻合。此外，应当弃用一些包含不规范的汉字使用的语言景观。值得注意的是部分语言景观中不规范汉字使用现象会误导汉语学习者，具有干扰性和误导性。不规范汉字是指别字、错字、滥用的谐音字以及笔画不规范书写的艺术字等。现实社会和网络虚拟空间中的语言景观，都存在大量的不规范语言使用现象，不利于汉语学习者的汉语学习，或多或少地会对其学习产生干扰。

（2）注意语言景观的适切性

既然是为经贸汉语阅读课准备，就应选择与经贸主题相关的语言景观，如商业广告、商标、公司名称、财经新闻报道等，确保这些语言景观与教学内容相关联，能够帮助学生理解经贸领域的专业词汇和表达方式。

（3）注重经贸文化差异的疏解

语言景观往往蕴含着丰富的文化信息。在教学中，教师应该指出并解释这些文化差异，帮助学生建立跨文化的沟通能力。鼓励学生对语言景观中的信息进行批判性思考，分析其背后的意图和可能的文化偏见，提高学生的思辨能力。经贸活动具有普遍性，也具有跨文化交际性，不同的言语社团之间的经贸文化存在差异性，为了不给学习者带来理解障碍和心理障碍，教师有必要在教学中适当向学生渗透一些典型的含有文化要素的语言景观。

5. 语言景观视角下经贸汉语阅读教学优化措施

（1）创设多样化的阅读材料

根据学生的兴趣和需求，提供丰富多样的经贸汉语阅读材料，如新闻报道、商业案例、企业宣传册等。同时，注意材料的难易程度，以确保学生能够顺利进行阅读。

（2）设计互动式的阅读活动

互动式阅读是由美国纽约大学教授 Whitehurst 等人通过研究和实验（1988）所提出的一种指导孩子阅读的新方法，它指的是成年人和儿童围绕他们共同阅读的故事展开对话。互动式阅读可以提升词汇理解和表达力、提高口语流畅度、理解故事情节以及增进叙事能力，增进汉语学习者主动阅读的意愿，组织汉语学习者进行小组讨论、角色扮演等互动式阅读活动，让学生在阅读过程中积极参与，提高学习的主动性和积极性。

（3）融入真实的经贸场景

教学情境对课堂教学效果起着极大的帮助和促进作用，同时也是连接教师与学生情感的粘合剂。真实情境与实际生活密切关联，两者之间是源与流的关系，真实情境源于生活但又不应是生活场景原封不动的重现。因为生活现象常常杂乱无序，充满偶然，如将其原样照搬到教学中，则会令教学活动目标不清、重点不明，从而造成教学效率低下。教学视域中的真实情境应该对生活情境进行优选、优化，使其更为聚焦，更加典型。将学生置于真实的经贸场景中，如企业实习、经贸活动等，让学生在实际操作中运用所学知识，提高阅读理解和实际应用能力。

（4）利用多媒体和网络资源

随着信息技术的快速发展，多媒体资源在教育教学活动中也得到了愈加广泛的使用。特别是在汉语课堂中，多媒体资源的利用极大提升了汉语教学的实效性。多媒体资源作为一种直观的教学手段，使相对抽象的经贸汉语内容更便于学生领会和理解，增强了学生的学习兴趣，提升了德育课程内容的吸引力。运用多媒体和网络资源，如视频、音频、在线课程等，为学生提供丰富的学习资源，提高学习效果。

（5）进行充足的教学准备

在教学准备时，为了让学生在课堂上能够有最大的收获，教师应综合运用多种教学方法通过富有趣味性的教学活动，让学生融入到课堂之中，充分发挥学生的主观能动性，让学生在

讨论、合作中收获新的语言知识、经贸知识。经贸汉语阅读课程也要注重培养学生的阅读技能，让学生提高自身的阅读速度及阅读理解的能力，能够运用所学知识综合分析经贸材料，使用汉语正确流利地表达。

6. 结语

本文从语言景观的视角，探讨了如何优化经贸汉语阅读教学，以提高学生的学习兴趣和阅读效果。通过分析经贸汉语阅读教学的现状，提出了一系列改进措施。这些措施有助于营造一个良好的语言学习环境，激发学生的学习兴趣，提高经贸汉语阅读教学的效果。希望本研究对经贸汉语阅读教学实践具有一定的参考价值。

参考文献

1. 李丽生国外语言景观研究评述及其启示. – 北京第二外国语学院学报, 2015, 37(04). – 1–7页.

2. *Landry, R.* Linguistic landscape and ethnolinguistic vitality: an empirical study / R. Landry, R. Bourhis // Journal of Language and Social Psychology. – 1997. – № 1.

3. 韩艳梅, 陈建平语言景观之跨文化互文现象研究. – 中国外语, 2018(02). – 31–41页.

4. 尚国文, 赵守辉语言景观的分析维度与理论构建. – 外国语, 2014(06). – 81–89页.

5. *Cenoz, J,* The Linguistic Landscape as an Additional Source of Input in Second Language Acquisition / J. Cenoz, D. Gorter // International Review of Applied Linguistics Language Teaching. – 2008. – № 3. – 267–287页.

6. *Shohamy, E.* Linguistic Landscape as an Ecological Arena: Modalities, Meanings, Negotiations, Education / E. Shohamy, S. Waksman // Linguistic Landscape: Expanding the Scenery. – New York : Routledge, 2009. – 313–331页.

7. 尚国文语言景观与语言教学：从资源到工具. – 语言战略研究, 2017(2). – 11–19页.

8. 秦永丽, 王平国际超语研究动态与发展趋势预判. – 外语界, 2021(2). – 81–89页.

УДК 338.1:61

А. Ю. Макарова,
студентка филологического факультета БГУ

Научный руководитель: Е. Е. Зеленкова,
старший преподаватель кафедры китайской филологии
филологического факультета БГУ

ИСПОЛЬЗОВАНИЕ ИНТЕРНЕТ-МЕМОВ В ОБУЧЕНИИ КИТАЙСКОМУ ЯЗЫКУ

Аннотация: *в статье рассматривается дидактический потенциал интернет-мемов как инструмент обучения китайскому языку, предлагается система отбора материала, основанная на принципах дидактической целесообразности, языковой доступности, культурной прозрачности и актуальности.*

Summary: *the article examines internet memes' didactic potential as a tool for teaching the Chinese language, proposes a material filtering system based on the principles of didactic expediency, linguistic accessibility, cultural transparency, and relevance.*

Ключевые слова: *интернет-мем, методика преподавания, китайский язык, дидактика, креолизованный текст, визуализация, типология.*

Keywords: *internet meme, teaching methodology, Chinese language, didactics, creolized text, visualization, typology.*

Целью статьи является обоснование возможности использования одного из наиболее репрезентативных феноменов цифровой культуры – интернет-мема – в педагогической деятельности, особенно в контексте обучения такому сложному языку, как китайский.

Теоретической отправной точкой служит понимание мема не просто как «смешной картинки», а как сложного лингвосемиотического конструкта. Согласно Р. Докинзу, «мем» определяется как единица культурной передачи, в цифровой среде это понятие эволюционировало [1]. По определению Л. Шифман, интернет-мемы – это группы цифровых элементов, постоянно воспроизводимые и трансформируемые пользователями [3]. Для методики имеют значение три свойства мемов:

1) креолизованность: органичный синтез вербального и визуального кодов, создающий единый легко запоминающийся образ;

2) культурная укорененность: мемы выступают как маркеры актуального культурного кода, отражающие настроения и ценности конкретного сообщества в конкретный момент времени;

3) функциональная поливалентность: мемы одновременно развлекают, выражают эмоции, консолидируют группу и транслируют смыслы.

Интернет-мемы способны визуализировать абстрактные языковые явления, снизить когнитивную нагрузку, служить источником актуальной лексики, а также обеспечивать доступ к современной социокультурной реальности Китая. Ключевой вопрос заключается в том, как использовать мемы методически грамотно, чтобы они не остались лишь развлекательной паузой, а стали инструментом обучения. Решение задачи практической интеграции мемов в учебный процесс требует разработки четкого алгоритма действий. В данном исследовании предлагается система отбора дидактического материала, базирующаяся на 4 принципах:

• первый и фундаментальный принцип – дидактической целесообразности: необходимо определить, что развивает предлагаемый для изучения материал;

• второй принцип – языковая доступность и дозированность: мемы должны соответствовать уровню знаний студентов – оптимальная доля новизны материала составляет не более 10–15 процентов;

• третий принцип – культурная прозрачность и объяснимость: преподаватель должен быть готов раскрыть культурный контекст мема; необходимо избегать сложных для объяснения мемов (связанных со специфическим контекстом, требующим дополнительного комментария);

• четвертый принцип – актуальность: высокий потенциал мемов в обучении заключается в их связи с современностью, использование устаревшего мема, вышедшего из цифрового обихода, резко снижает его мотивационную ценность.

С целью систематизации использования интернет-мемов в обучении китайскому языку нами была разработана практико-

ориентированная типология, которая соотносит мемы не с формальными признаками, а с конкретной методической целью. Выделим четыре основные группы и рассмотрим соответствующие примеры.

Первая группа – мемы для формирования лексических навыков. Здесь на первый план выходит функция визуализации, создание прочной ассоциативной связи между иероглифом и его значением через яркий, гиперболизированный образ.

На примере изображена фраза 累了 – «устал» [4]. Образ спящего кота создает опору для семантизации состояния физической усталости, визуальный код интуитивно понятен и не требует дополнительных пояснений. В дальнейшем визуальный образ служит устойчивой опорой для узнавания и воспроизведения слова.

Вторая группа – мемы для иллюстрации грамматических конструкций: такие мемы моделируют ситуацию, в которой используется определенная грамматическая структура, что позволяет трансформировать процесс изучения грамматики из запоминания абстрактных схем в анализ конкретных высказываний.

Пример: 一边玩游戏一边给她打电话 – «играть в игру и одновременно звонить ей» [4]. Изображение человека, разделенного между двумя действиями, является иллюстрацией для конструкции параллельного действия 一边…一边…. Мем не только наглядно демонстрирует значение, но и делает акцент на синхронности действий, что помогает избежать частой ошибки – использования конструкции для последовательных действий.

Особую подгруппу грамматических мемов составляют материалы для работы со счетными словами [4]. Они построены по контрастной схеме: верхний ряд демонстрирует правильное, но сложное употребление, а нижний – типичную ошибку (универсальное 个).

Третья группа – мемы для развития навыков аудирования и осознания фонетических особенностей китайского языка. Формирование правильного произношения критически важно при обучении китайскому языку, так как ошибка в тоне может исказить смысл высказывания.

Изображение задумчивого кота, окруженного иероглифами с множественными вариантами чтения, представляет собой визуализации внутреннего диалога обучающегося. Мем подчеркивает то обстоятельство, что правильное произношение определяется его грамматической функцией и местом в предложении. Работа с таким мемом предлагает более наглядную альтернативу механическому заучиванию вариантов чтения иероглифа.

Четвертая группа – мемы для активизации навыков говорения: такие мемы становятся проводниками в современную разговорную речь, сленг и интернет-этикет и обладают высокой ценностью для обучения. Они позволяют осваивать прагматику общения в цифровой среде, понимать, как носители языка выражают эмоции.

Выражение 冲鸭 (chōng yā) [4] – это трансформация побудительного возгласа 冲呀 («вперед!») через такой характерный для неформального онлайн-общения прием, как омофонная замена частицы 呀 на слово 鸭 («утка»).

Таким образом, интернет-мем в предлагаемой методической интерпретации предстает как целенаправленно отобранный культурно-языковой микроконтекст. Разработанная типология превращает множество разрозненных картинок в структурированный методический инструментарий, позволяющий преподавателю отбирать интернет-мемы, соответствующие конкретной учебной задаче: на этапе ввода новой темы – лексический мем-визуализатор, на этапе отработки изученного материала – грамматический мем-контекст, для развития навыков речи – мем-стимул

для диалога. Такой подход позволяет органично встроить актуальный цифровой контент в занятие по китайскому языку, сокращая дистанцию между формальным изучением языка и его живым применением в реальной коммуникативной среде.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. *Докинз, Р.* Эгоистичный ген / Р. Докинз ; пер. с англ. Н. Фоминой. – М. : АСТ, 2013. – 509 с.

2. *Лутовинова, О. В.* Интернет-мем как единица виртуального дискурса / О. В. Лутовинова // Филологические науки. Вопросы теории и практики. – 2020. – Т. 13, № 12. – С. 220–224.

3. *Shifman, L.* Memes in digital culture / L. Shifman. – Cambridge : MA, The MIT Press, 2014. – 200 p.

4. 求表情。 - 深圳，2017-2015. – URL: https://www.-qiubiaoqing.com (date of access: 01.10.2025).

УДК 372.881.1

О. Г. Алимова,
аспирант филологического факультета БГУ

Научный руководитель: Ю. В. Молоткова,
заведующая кафедрой китайского языка
и страноведения Китая РИКК БГУ,
кандидат педагогических наук, доцент

КОМПЕТЕНЦИИ ЭМОЦИОНАЛЬНОЙ РЕГУЛЯЦИИ КАК УСЛОВИЕ ПОВЫШЕНИЯ ЭФФЕКТИВНОСТИ УСВОЕНИЯ КИТАЙСКОГО ЯЗЫКА В НАЧАЛЬНОЙ ШКОЛЕ

Аннотация: *в статье рассматривается проблема формирования компетенций эмоциональной регуляции у учащихся начальной школы в процессе обучения китайскому языку и способы развития у учащихся способности распознавать, понимать и управлять собственными эмоциями для повышения эффективности усвоения лингвистического материала.*

Summary: *the article deals with the problem of developing emotional regulation competencies in primary school students in the process of learning Chinese and contains the methods to reduce psycho-emotional tension and increase the efficiency of mastering complex linguistic material.*

Ключевые слова: *компетенции эмоциональной регуляции, начальная школа, обучение китайскому языку, эмоциональный интеллект, модель формирования компетенций эмоциональной регуляции.*

Keywords: *emotional regulation competencies, primary school, Chinese language teaching, emotional intelligence, formation model, primary school students.*

Современный этап развития общества характеризуется переходом к цифровой культуре и трансформациям в социокультурной среде, что приводит к фундаментальным изменениям в структуре когнитивных и эмоциональных процессов обучающихся. Данные изменения, выражающиеся в формировании клипового мышления, снижении концентрации внимания и уровня эмпатии, проявлении поведенческих реакций, затруднениях в рефлексии эмоциональных состояний, актуализируют потребность

пересмотра методологических подходов к обучению иностранному языку. Это усугубляется высокой интенсивностью учебных нагрузок и информационной перегруженностью.

Изучение китайского языка, начиная с 3 класса, предъявляет повышенные требования к когнитивной и эмоциональной сферам учащихся. Освоение китайского иероглифического письма, фонетической системы языка и грамматики в сочетании с психоэмоциональными особенностями младшего школьного возраста создает риск возникновения фрустрации и потери учебной мотивации. Таким образом, актуальность исследования продиктована необходимостью развития эмоционально гармоничной личности и недостточной разработанностью педагогических инструментов, позволяющих формировать компетенции эмоциональной регуляции средствами учебного предмета, в частности, в процессе обучения китайскому языку в начальной школе.

Анализ теоретических источников показывает, что проблема эмоциональной регуляции разрабатывалась в различных научных направлениях. В рамках компетентностного подхода рассматривается деятельностная основа обучения, однако эмоциональная сфера в нем раскрыта недостаточно [3]. Психологические теории (Д. Гоулман, П. Соловей, Д. Майер, Р. Бар-Он) доказывают, что управление эмоциями влияет на успешность и мотивацию [2; 4; 7; 10]. Современные концепции, такие как SEL, OECD, «4К», признают эмоциональную регуляцию навыком XXI в. [1; 5; 8; 9]. В лингводидактике (В. И. Шаховский) показано, что язык может быть инструментом управления эмоциями, а эмоциональные стратегии – основой обучения китайскому языку [4; 6; 10]. Для обозначения эмоциональной регуляции существует ряд терминов: эмотивная компетенция, социальный интеллект, мягкие навыки, эмоциональная компетенция. В науке сформировалось устойчивое понимание необходимости формирования у учащихся способности управлять эмоциональными состояниями и применять приобретенные навыки в процессе усвоения китайского языка [11].

Проведенный анализ позволил уточнить определение «*компетенции эмоциональной регуляции»* учащихся начальной школы в контексте обучения языку. «Компетенция эмоциональной регуляции» – это совокупность способностей распознавать, понимать, принимать и регулировать собственные эмоциональные

состояния и эмоции других людей, возникающие в процессе овладения языком, с целью снижения психоэмоционального напряжения, поддержания учебной мотивации и повышения эффективности усвоения языкового материала.

В результате исследования была теоретически обоснована и спроектирована структурная модель формирования компетенций эмоциональной регуляции, включающая целевой, содержательный, процессуальный и диагностико-результативный блоки. Целевой блок ориентирован на формирование компетенций эмоциональной регуляции. Содержательный блок представлен тремя группами компетенций: понимание эмоций, управление эмоциями и использование эмоций для учебной деятельности. Процессуальный блок включает принципы (коммуникативности, психологического комфорта), методы (имитационные, игровые, интерактивные) и средства (упражнения по обучению иероглифике, песни, игры, игровые ситуации). Диагностико-результативный блок позволяет фиксировать динамику перехода учащихся от низкого к среднему и высокому уровням эмоциональной регуляции. Низкий уровень проявляется в слабой дифференциации эмоций, отсутствии навыков регуляции, импульсивности и высокой эмоциональной неустойчивости. Средний уровень отражает понимание эмоций на этапе затруднения их регуляции, применение отдельных приемов самоуспокоения и необходимость в педагогической поддержке. Высокий уровень характеризуется осознанием и вербализацией эмоций, владением приемами саморегуляции, контролем импульсивных реакций, проявлением эмпатии и стрессоустойчивостью.

В отличие от существующих подходов, рассматривающих эмоциональный фактор как сопутствующий, предлагаемая модель встраивает компетенции эмоциональной регуляции в три группы, отвечающие за содержание обучения [6]:

• *понимание эмоций* (когнитивно-аналитическая группа): способность распознавать и называть базовые эмоции, понимать причины их возникновения в учебных ситуациях;

• *управление эмоциями* (регулятивно-поведенческая группа): способность адекватно выражать эмоции, владеть элементарными приемами саморегуляции, контролировать импульсивные реакции;

• *использование эмоций для достижения целей* (мотивационно-деятельностная группа): способность мобилизовать себя, преодолевать фрустрацию и концентрироваться на учебной задаче.

Выделенные в исследовании три группы компетенций эмоциональной регуляции образуют взаимосвязанную систему, которая воздействует на когнитивные, поведенческие и мотивационные аспекты учебной деятельности. Ниже показано, как каждая группа компетенций может реализовываться на материале китайского языка, учитывая его специфические трудности.

Понимание эмоций помогает снизить умственную перегрузку за счет того, что учащийся учится называть свои эмоции словами. При освоении китайской иероглифики страх «я никогда не выучу иероглифы» после осознания превращается в конкретное «я не знаю, как написать этот иероглиф», что позволяет учителю помочь учащимся разложить иероглиф на графические элементы, и эмоция страха сменяется интересом к анализу. При изучении грамматики с помощью комплекса пошаговых упражнений от простого к сложному учащиеся учатся переносить свои неудачи (ошибки в порядке слов, неправильное использование счетных слов) в конкретную задачу – отработать правило.

Управление эмоциями в методике преподавания китайского языка реализуется через систему приемов, которые учитель включает в структуру урока для предотвращения эмоциональных перегрузок и отказа от выполнения заданий. Например, разработка индивидуальной траектории учащихся: индивидуализация обучения способствует регуляции эмоционального состояния, определению собственной стратегии достижения цели и планированию своего обучения. Учитель может сделать изучение языка более эффективным, используя на уроках приёмы, которые опираются на положительные эмоции и яркие впечатления. Эффективным средством регуляции эмоционального состояния учащихся на уроках китайского языка являются интерактивные, игровые и проектные формы работы. Учащиеся, вовлекаясь в активный учебный процесс, воспринимают обучение как ситуацию успеха. Выполняя различные социальные роли, они быстрее усваивают особенности произношения,

модели общения с носителями китайского языка с проявлением радостных и позитивных эмоций.

Упражнения для формирования **умения использовать эмоции в учебных целях** включают задания на эмоциональную активизацию и переосмысление трудностей. Например, перед выполнением сложного задания с грамматической конструкцией учащиеся выстраивают для себя опору в виде таблиц для активного использования грамматической формы в речи. Регуляция импульсивности учит учащегося проговаривать про себя порядок слов (субъект – обстоятельство – глагол – объект) перед ответом, что уменьшает количество хаотичных ошибок и дает ощущение контроля над новой грамматической конструкцией, а значит, усиливает мотивацию осваивать сложные темы.

Таким образом, проведенный теоретический анализ позволяет рассматривать компетенции эмоциональной регуляции как необходимое психологическое условие успешного овладения китайским языком учащимися начальной школы [11]. Анализ психологических и лингводидактических подходов подтверждает, что способность распознавать, понимать и управлять эмоциями напрямую влияет на снижение психоэмоционального напряжения, поддержание учебной мотивации и эффективность усвоения сложного лингвистического материала [7; 8]. Полученные результаты служат основой для дальнейшей разработки методики формирования компетенций эмоциональной регуляции у учащихся начальной школы в процессе изучения китайского языка, которая будет включать систему упражнений с эмоционально-регулятивным компонентом (при обучении фонетике, лексике, иероглифике, грамматике) и диагностический инструментарий для оценки уровней сформированности данных компетенций.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. *Василиженко, М. В.* Формирование soft skills у студентов при обучении иностранному языку посредством внедрения технологии проектной деятельности / М. В. Василиженко // Современная высшая школа: инновационный аспект. – 2020. – № 4. – С. 137–148.

2. *Гоулман, Д.* Эмоциональный интеллект. Почему он может значить больше, чем IQ / Д. Гоулман. – М. : Изд-во «Миф», 2022. – 541 с.

3. *Гурулева, Т. Л.* Компетенции владения китайским языком. Результаты сопоставительного лингводидактического исследования : монография / Т. Л. Гурулева. – 2-е изд., испр. и доп. – М. : Изд. дом ВКН, 2021. – 252 с.

4. *Гурулева, Т. Л.* Теория обучения китайскому языку и переводу (в языковой паре китайский русский) / Т. Л. Гурулева. – М. : Изд. дом ВКН, 2021. – 240 с.

5. *Локтаева, Н. Н.* Понятие «мягкие навыки» как педагогическая категория: сущность и содержание / Н. Н. Локтаева // Инновационные проекты и программы в образовании. – 2019. – № 4. – С. 28–35.

6. *Майсюк, Ю. Л.* Развитие эмоционального интеллекта в процессе обучения иностранному языку / Ю. Л. Майсюк. – Мн. : Изд. центр БГУ, 2012. – С. 228–230.

7. *Мармулевская, М. Ю.* Эволюция представлений о социальном интеллекте: аналитический и историографический обзор литературы / М. Ю. Мармулевская. – Мн. : Изд. центр БГУ, 2024. – С. 117–126.

8. *Пассов, Е. И.* Урок иностранного языка / Е. И. Пассов, Н. Е. Кузовлева // Настольная книга преподавателя иностранного языка. – Ростов н/Д: Глосса-Пресс, 2010. – 640 с.

9. Тест Дж. Мэйера, П. Сэловея, Д. Карузо «Эмоциональный интеллект» (MSCEIT v. 2.0): Руководство. – М. : Изд-во «Институт психологии РАН», 2010. – 176 с.

10. *Шаховский, В. И.* Язык и эмоции в аспекте лингвокультурологии : учеб. пособие по дисциплинам по выбору «Язык и эмоции» и «Лингвокультурология эмоций» для студ., магистрантов и асп. Ин-та иностр. яз. Волгогр. гос. пед. ун-та / В. И. Шаховский. – Волгоград : Изд-во ВГПУ «Перемена», 2009. – 170 с.

11. OECD Future of Education and Skills 2030: OECD Learning compass 2030. – 2019. – 146 с.

УДК 811.581’373.72:721.053+81:[008:003.324.1.09]

N. S. Protasenya,
白俄罗斯国立大学俄语系博士研生

导师: I. E. Ratnikova,
白俄罗斯国立大学俄语系教授，语言学博士

汉语熟语中«堂»字构件的文化语义研究

Аннотация: *в статье изложены результаты лингвокультурологического анализа реализации архитектурного кода культуры в китайском языке на примере фразеологических единиц китайского языка с с компонентом 堂‘зал’.*

Summary: *the article presents the results of a linguoculturological analysis of the architectural cultural code in the Chinese language with Chinese phraseological units containing the component 堂‘hall’ as the object of study.*

Ключевые слова: *код культуры, архитектурный код, лингвокультурология, фразеологические единицы, зал.*

Keywords: *cultural code, architectural code, linguoculturology, phraseological units, hall.*

在现代语言文化学中，通过文化代码视角研究语言与文化之间的相互联系是最具前景的方向之一。在语言文化学领域,«文化代码»这一术语被解释为«物质世界和精神世界的符号系统（符号实体），这些符号已成为文化意义的载体；在人类认知世界的过程中，它们体现了可以被‘解读’出来的文化意义»[1,第9页]。

语言中的建筑代码涵盖建筑物，建筑构件及其附属场域的名称，这些名称除了具有初级指称意义外，还兼具引申的比喻意义，并作为次级符号系统的符号发挥作用。不同民族住房的外观和结构具有民族文化特殊性，这反映在相应语言单位的语义和功能中。«堂»作为居住空间的核心属性之一，属于文化符号，构成了中国语言文化建筑代码中最显著的特征。正因如此，本研究选取含有«堂»字构件的熟语作为研究对象。语料来源包括以下辞书：《中华成语辞海》（陈霞村主编）[2],《谚语大词典》（高歌东主编)[3],《汉语惯用语词典》（黄斌宏主编)[4]，《新华歇后语词典》（温端政主编)[5]，《俗语大词典》（温端政主编）[6].

在汉语熟语中，«堂»的意象常作为结统一与共同体意识的象征，如：*南北一家，兄弟一堂*‘指不论天南海北，都亲如兄弟’。类似的语义内涵亦见于含«堂»成分，表达‘共同存在’与‘普遍性’理念的成语之中，例如：*欢聚一堂*‘人们欢乐地聚集在起’；*哄堂大笑*‘形容满屋子的人同时都大笑起来’。

«堂»作为家庭的祭祀与礼仪中心，促使词位«堂»融入诸多体现儒家宗法传承与传宗接代价值观的成语中，如：*负薪构堂*‘指继承先人德业’；*肯堂肯构*‘比喻儿孙能够继承祖辈的事业’。此类成语以隐喻为认知基础，将精神层面的代际传承比拟为继承先人肇始的筑堂之业，其中«堂»象征着祖先遗泽与宗族本源。

含«堂»字构件的熟语语义往往与社会层级地位的表达相关。因此，在熟语中，«堂»象征着统治者的威严与显赫地位，如：*堂上一呼，阶下百诺*‘形容权势大，跟随的人多’；*堂高廉远*‘比喻地位的高低有定规’。作为家庭层级和礼仪秩序的中心，«堂»也是表达对父母孝顺与服从重要性的谚语中的核心组件，例如：*堂上二老是活佛，何用灵山朝世尊*‘指家里父母就是活佛，不用去庙里膜拜，在家孝敬好父母就行了’。在堂上（即高处）的位置体现了父母在家庭层级中的崇高地位，并将奉养父母等同于最高层面的宗教义务。

作为具有仪式意义的空间，«堂»承载着家族生活的主要场域功能，因此含«堂»成分的熟语常用于描述家庭关系的各个层面，例如：*家鸡打得堂前转，野雉不打一翅飞*‘比喻自家人再打闹也不会分离，外人稍有不合意就会离开’；*满堂儿女，当不得半席夫妻*‘指儿女对父母的感情不如夫妻间的感情’；*糟糠之妻不下堂*‘指人已显达，不能忘记贫贱时所交的朋友，以及曾患难与共的妻子’。同属此类的还有‘*光棍堂*’这一惯用语，其中建筑代码（堂）与器物代码（棍）相互融合，以戏谑反讽的修辞手法，对个体的家庭境况及单身男性的社会地位作出含蓄而深刻的评价。

一系列汉语成语源于«堂»的空间宽敞，宏伟与格局开放等建筑特征。因此，某些成语中，«堂»字可以表达高雅庄严与隆重肃穆的语义，如：*大雅之堂*‘指高贵、典雅的场所’；*叁弈一堂*‘形容难逢的盛会’；*堂而皇之*‘形容端正庄严或雄伟有气派；也形容文章富丽而有气派’；*富丽堂皇*‘形容建筑物壮美或场面盛大；也形容文辞华丽’；*堂堂之阵，正正之旗*‘形

容阵容盛大整齐；也转用来形容光明正大’。此外，上述对中国建筑特征的语言文化学阐释，亦见于用以形容人物仪表端庄、品格高尚的成语之中，例如：*正正堂堂*‘指光明正大’；*堂堂一表*‘形容仪表庄严大方’；*相貌堂堂*‘形容人的长相端正，身材魁梧’；*冠冕堂皇*‘形容庄严正大或很体面的样子’；*堂皇正大*‘形容言行光明公正，不偏不私’。

成语中«堂»的意象亦常用于映射人物的智力潜能与高水平的渊博学识。以成语*升堂入室*‘比喻学问、技能达到高深的程度’为例，该成语源于孔子的论述，他将以学问道的两个层次比作«升堂»与«入室»。要准确阐释该成语的意象内涵，需理解中国传统民居内部空间的布局特点。在中国传统建筑中，堂位于宅邸前部，而内室则居于其后。建筑多筑于高出地面的台基之上，故门前常设两级台阶：先登阶入堂，再进而入室。由此，«升堂»象征着循序渐进地掌握技艺、夯实知识基础；«入室»则喻指领悟真理的最高境界。

«满堂»的意象可以作为丰盈，全面成功及普遍认可的典范，如：*满堂红*‘比喻在各方面都取得好成绩或者到处都很兴旺’；*满堂彩*‘比喻受到大家的一致称赞’。与之类似，描述人的智力水平与生活福祉程度的成语还有*金玉满堂*‘比喻才学超众；也比喻事事吉祥’。在该成语的意象基础中，«金»与«玉»这两个组件同时关联着文化的自然代码与器物代码，象征着福祉、丰盈、精神境界的完美、道德的纯洁与高尚。与此同时，«堂»这一单位最初指代宽大阔绰的建筑空间，在此传达了巨大容量与极高价值的语义。

«堂»的意象亦可用于刻画人物的思维活动与行为方式。例如，经典汉语成语坐不窥堂‘形容专心一意’蕴含着«内»（私密空间）与«外»（厅堂作为公共生活场所）的空间对立。该成语以隐喻手法，将心无旁骛、专注事务、无视外界纷扰的精神状态，比拟为安处内室、不窥堂外的行为姿态。在成语*打退堂鼓*‘比喻与人共事中途退缩，或遇到困难中途退缩，撒手不干’中，退出厅堂的动作承载着退缩放弃的隐喻语义，其历史渊源与古代礼仪制度密切相关：封建时代，官员退堂时击鼓示意，宣告政务暂停或庭审终结。此外，在歇后语*堂屋里挂卓荐－不是画(话)*‘指言语行动不合常理，不像正常人的样子’中，建筑代码（堂）与器物代码（画）相互作用，塑造了一个荒诞行为的意象：将粗糙的实用物品用于装饰厅堂。

在汉语语言文化认知中，家宅之«堂»亦可被解读为虚幻安泰的象征，其表象之下往往潜藏危机。词位«堂»参与构建盲目乐观与表象安宁具有欺骗性的语义内涵。如成语：*燕雀处堂*‘比喻安居而失去警惕，或处境危险而不自知’；*怡堂燕雀*‘比喻身处险境而不自知的人’；*池鱼堂燕*‘比喻困在其中，没法解脱，无故受到牵连’。由此可见，在刻画那些疏忽大意、远虑不足，不顾后患的人时，«堂»这一组件与属于动物代码的单位（«燕»，«雀»，«鱼»）相互作用。这些微小生灵在非其自然栖息地的封闭空间中暂得栖身之所的意象，往往引发人们对特定情境下脆弱无助状态的联想——而这种处境常常超出个体自身的掌控能力。

研究结果表明，词位«堂»属于汉语语言文化中建筑符号体系的核心单位之一。含该构件的熟语生动展现了次级意义的生成过程，这些意义包含着由«堂»的功能和象征特征所决定的文化特定内涵。通过对熟语单位的分析，揭示了«堂»构件具有以下重要的文化意义：‘统一性’，‘共同体’，‘宗族源头’，‘宏伟’，‘崇高’，‘高地位’，‘虚幻安泰’，‘潜在危机’。

参考文献

1. *Гудков, Д. Б.* Телесный код русской культуры: материалы к словарю / Д. Б. Гудков, М. Л. Ковшова. – М.: Гнозис, 2007. – 285 с.

2. 中华成语辞海/主任陈霞村. – 长沙:湖南教育出版社, 2014. – 1796р. = Китайский фразеологический словарь Цыхай / гл. ред. Чэнь Сяцунь. – Чанша : Изд-во «Просвещение Хунань», 2014. – 1796 с.

3. 谚语大词典/高歌东主编. – 2版. – 成都:四川辞书出版社, 2022. – 1049р. = Большой словарь пословиц / гл. ред. Гао Гэдун. – 2-е изд. – Чэнду : Сычуан. словарь, 2022. – 1049 с.

4. 汉语惯用语词典/黄斌宏主编. – 北京:商务印书馆, 2009. – 1504р. = Словарь привычных выражений китайского языка / гл. ред. Хуан Биньхун. – Пекин : Коммерч. изд-во, 2009. – 1504 с.

5. 新华歇后语词典/温端政主编. – 北京:商务印书馆, 2008. – 646р. = Словарь недоговорок-иносказаний / гл. ред. Вэнь Дуаньчжэн. – Пекин : Коммерч. изд-во, 2008. – 646 с.

6. 俗语大词典/温端政主编. – 北京:商务印书馆, 2015. – 2522р. = Большой словарь поговорок / гл. ред. Вэнь Дуаньчжэн. – Пекин : Коммерч. изд-во, 2015. – 2522 с.

УДК 811.581'373.72:523.34+81:008(=581)

Е. А. Шидловская,
студентка филологического факультета БГУ

Научный руководитель: Н. С. Протасеня,
старший преподаватель кафедры китайской филологии
филологического факультета БГУ

КОНЦЕПТ 月亮 «ЛУНА» В КИТАЙСКОЙ ЛИНГВОКУЛЬТУРЕ

Аннотация: *в статье изложены результаты лингвокультурологического анализа концепта 月亮 «луна» в китайской языковой картине мира с использованием фразеологических единиц китайского языка, репрезентирующих данный концепт.*

Summary: *the article contains the results of a linguoculturological analysis of the concept 月亮 (the Moon) in the Chinese linguistic worldview with the use of Chinese phraseological units representing this concept.*

Ключевые слова: *лингвокультурология, концепт, фразеология, концептуальный признак, луна.*

Keywords: *linguocultorology, concept, phraseology, conceptual feature, moon.*

В современной лингвистике концепт является одним из ключевых понятий, объединяющих изучение языка, мышления и культуры. В линвокультурологии термин «концепт» трактуется как «базовая единица культуры, ментальное образование, отражающее коллективный опыт народа и имеющее языковое выражение» [1, с. 51–52; 3, с. 47].

Луна представляет собой один из древнейших и наиболее устойчивых образов в китайской лингвокультуре. На протяжении тысячелетий это небесное светило не только питало творческое воображение деятелей искусств, но и служило ключевым культурным символом, воплощающим представления о скоротечности времени, нерушимости семейных уз и эстетических идеалах. Именно этим объясняется выбор в качестве объекта исследования фразеологизмов, репрезентирующих концепт 月亮 (yuèliang) «луна». Материалом исследования послужили 93 китайские фразеологические единицы, отобранные методом сплошной выборки

из словарей «成语大词典» («Большой словарь китайских фразеологизмов») [4] и «俗语大词典» («Большой словарь народных речений») [5]. В основу классификации материала положен метод выделения концептуальных признаков исследуемого концепта.

Рассмотрим подробнее ключевые концептуальные признаки концепта 月亮 (*таблица 1*).

Таблица 1

Концептуальные признаки (КП) концепта 月亮 «луна» в китайской фразеологии

Концептуальный признак	**Количество единиц (процентов)**
недостижимое, тщетность усилий	18 (19,4 процента)
время	11 (11,8 процентов)
пейзаж	10 (10,8 процентов)
природные явления, приметы	7 (7,5 процентов)
ясность	7 (7,5 процентов)
женская красота	6 (6,5 процентов)
труд, усердие	6 (6,5 процентов)
чувства	4 (4,3 процента)
выгода	4 (4,3 процента)
зло, дурные намерения	4 (4,3 процента)
житейская мудрость, судьба	3 (3,2 процента)
честность	3 (3,2 процента)
триединство	2 (2,2 процента)
родина	2 (2,2 процента)
бедность	2 (2,2 процента)
власть	2 (2,2 процента)
личностные границы	2 (2,2 процента)
Всего: 93	100 процентов

Концептуальный признак «недостижимое, тщетность усилий». Через образ луны в китайской лингвокультуре транслируется идея невозможности обладания объектом или достижения цели. Семантика недоступности ярко выражена в ***сехоуюях***

(кит. 歇后语): 月亮上的肉—吃不上 ‘неосуществимое, нереальное желание’ (букв. ‘мясо на луне – не съесть’); 竹篙戳月亮—差得远 ‘огромная разница, большое расхождение’ (букв. ‘бамбуковым шестом ткнуть в луну – очень далеко до цели‘).

Сюжет о заведомо напрасных попытках воплощен в ряде вариаций образа луны в воде: 猴子捞月—一场空 ‘тщетные усилия, полный провал’ (букв. ‘обезьяны ловят луну – все впустую’); 猴子下井取月亮—想得美 ‘слишком хорошо думать, несбыточные мечты’ (букв. ‘обезьяна спускается в колодец за луной – красиво мечтает’); 井底捞明月 ‘ловить луну на дне колодца’ (букв. ‘со дна колодца выловить яркую луну’); 井底虾蟆吞却月 ‘о несбыточных мечтах, тщетных попытках достичь невозможного’ (букв. ‘жаба на дне колодца глотает луну’). Мотив тщетности попыток обрести луну в отражении воды многократно варьируется: 水底捞月，天上摘星—想得到，办不到 ‘о чем-то, что можно вообразить, но невозможно осуществить’ (букв. ‘ловить луну на дне воды, срывать звезду с неба – представить можно, а сделать нельзя’); 水底捞明月 ‘несбыточные мечты, совершенно невозможное дело’ (букв. ‘ловить ясную луну на дне воды’); 水中捞月—一场空 ‘тщетные усилия, напрасные хлопоты’ (букв. ‘ловить луну в воде – одна пустота’); 水中月，镜中人—看得见，摸不着 ‘о чем-то прекрасном, но недостижимом, иллюзорном’ (букв. ‘луна в воде, человек в зеркале – видно, а потрогать нельзя’).

Схожий мотив тщетного стремления к высоте прослеживается в *сехоую* 爬高梯摘月亮—空想 ‘бесплодные иллюзии, фантазии’ (букв. ‘взбираться по высокой лестнице срывать луну – пустая мечта’) и его вариации 爬树子摘月亮—空淘神 ‘напрасно потраченные силы и время, бесполезные усилия’ (букв. ‘влезть на дерево, чтобы сорвать луну – зря потратить силы’). Состояние томления по прекрасному, но недоступному объекту, передается в *сехоую* 天上的月亮—看着晃眼，想够又够不着 ‘нечто очень желанное, но недостижимое’ (букв. ‘небесная луна – смотреть ослепляет, хотеть достать опять не достать’).

Идея переоценки собственных сил и отсутствия проницательности представлена в следующих выражениях: 狗咬月亮—不知高低 ‘делать поспешные выводы о том, в чем не разбираешься; не знать меры’ (букв. ‘собака кусает луну – не знает, высоко

или низко’); 拿着磨盘当月亮—看不出高低轻重来 ‘не имеющий проницательности не способен разглядеть способности других или истинную сущность вещей’ (букв. ‘держа жернов, принимать его за луну – не разглядеть, что высоко, что низко, что тяжело, что легко’).

Фантастичность и оторванность устремлений от реальности подчеркиваются мифологическими и гиперболическими образами: 月亮赶太阳—世都赶不上 ‘человек, который всю жизнь не может достигнуть цели’ (букв. ‘луна гонится за солнцем – целую жизнь не угнаться’); 天狗吃月亮—想得美 ‘прекрасное, но неосуществимое желание’ (букв. ‘небесная собака ест луну – красиво думать’). Однако образ луны в китайской лингвокультуре не ограничивается только пассивной констатацией недостижимости цели. Так, например, в *сехоуюе* 兔儿踹坏了娑婆树—月(越)不好了 ‘ситуация усугубляется’ (букв. ‘заяц поломал дерево суо в лунном дворце – луна стала еще хуже’) выражает негативные последствия действий. Данные единицы объективируют в сознании носителей языка мысль о заведомой обреченности попыток изменить естественный порядок вещей или достичь сверхъестественного.

Концептуальный признак «пейзаж». В китайской языковой картине мира образ луны наделен выраженной пейзажеобразующей функцией. Наиболее репрезентативную подгруппу составляют фразеологизмы, описывающие гармоничный, идиллический пейзаж. В выражениях 月白风清 ‘тихая и прекрасная ночная сцена’ (букв. ‘светлая луна и приятный ветерок’); 月朗风清 ‘прекрасный ночной пейзаж’ (букв. ‘свежий ветер и яркая луна’) запечатлено каноническое сочетание лунного света и легкого ветра, создающее атмосферу покоя. Пространственный масштаб ночной сцены передает *чэнъюй* 月明千里 ‘ночь со светлой луной’ (букв. ‘яркий лунный свет освещает тысячу ли’), подчеркивающий безграничность сияния, разлитого в пространстве.

Резким контрастом к этим светлым, гармоничным образам выступает *чэнъюй* 月黑风高 ‘мрачная и тревожная ночь’ (букв. ‘тёмная луна и сильный ветер’), рисующий тревожную, мрачную картину ночи. В идиомах 月明星稀 ‘ясная лунная ночь’ (букв. ‘лунный свет ярок, звезд мало’) и интенсивность,

например, как в выражении 月明如昼 ‘исключительно яркий лунный свет’ (букв. ‘луна светит так ярко, словно день’) акцентируется внимание на интенсивности и яркости свечения луны. В то время как в *чэнъюе* 月光如水 ‘ясный и мягкий лунный свет’ (букв. ‘лунный свет как вода’) через метафорическое уподобление водной стихии подчеркивается текучесть, мягкость лунного света и его способность заполнять собой видимое пространство.

Для китайской традиции характерна неразрывная связь образа луны с элементами природы. Наиболее ярко этот принцип проявляется во фразеологизме 月夕花朝 ‘прекрасные дни и ночи’ (букв. ‘вечер луны и утро цветов’), где луна и цветы образуют единый эстетический цикл, в котором лунный диск маркирует ночное время суток, а цветы – дневное. Кроме того, образ луны выполняет календарно-обрядовую функцию, репрезентируя кульминационную точку годового лунного цикла –праздник Середины осени (中秋节): 一年明月今宵多 ‘луна в праздник Середины осени самая яркая в году’ (букв. ‘в году ясная луна нынешней ночью наиболее полная’); 月到中秋分外明 ‘луна в праздник Середины осени светит исключительно ярко’ (букв. ‘когда луна доходит до середины осени, она светит особенно ярко’). Таким образом, концептуальный признак «пейзаж» интегрирует в себе не только эстетические, но и темпоральные, обрядовые смыслы, представляя луну как многогранный элемент китайской языковой картины мира.

Концептуальный признак «время». В китайской лингвокультуре образ луны неразрывно связан с циклической природой времени и этапами жизни человека. Фазы лунного цикла служат метафорой старения человека: 月过十五光明少，人过中年万事休 ‘перешагнув средний возраст, человек утрачивает силы’ (букв. ‘луна после пятнадцатого светит мало, человек после средних лет – делам конец’). В данной пословице убывающая луна символизирует упадок жизненных сил.

Идея быстротечности времени находит яркое воплощение во фразеологизмах с метафорическими образами: 光阴似箭，日月如梭 ‘время летит очень быстро’ (букв. ‘светлое время подобно стреле, дни и месяцы подобны челноку’); 咽喉深

似海，日月快如梭 ‘жизнь быстротечна, а потребности человека бездонны; необходимость думать о будущем’ (букв. ‘горло глубоко как море, солнце и луна быстры как челнок’).

Принцип неизбежной смены расцвета увяданием запечатлен в *чэньюе* 月盈则食 ‘луна, достигнув полноты, подвергается затмению’ (букв. ‘луна полна – тогда происходит затмение’), отражающем философию циклического чередования пика и спада. Конкретные временные маркеры (глубокая ночь, рассвет) объективируются через закат небесных светил: 月落星沉 ‘предрассветный час’ (букв. ‘луна зашла, звезды погрузились’); 月落乌啼 ‘момент перед восходом солнца’ (букв. ‘луна зашла, вороны каркают’); 月落参横 ‘картина перед самым рассветом, а также глубокая ночь’ (букв. ‘луна зашла, Шэнь [созвездие] пересекло [небо]’); 星星出来月亮落 ‘дни проходят один за другим, время течет’ (букв. ‘звезды выходят – луна заходит’). Данные единицы подчеркивают роль луны как естественного хронометра в традиционной картине мира.

Эмоциональное восприятие времени, в частности состояния томительного ожидания, передается через фразеологизмы 盼星星，盼月亮 ‘очень сильно, с нетерпением чего-то ждать’ (букв. ‘ждать как звезды, ждать как луну’); 等到驴年马月 ‘ждать неизвестно сколько; неизвестно когда что-либо произойдет’ (букв. ‘дождаться года Осла и месяца Лошади’). В последнем случае ожидание соотносится с несуществующим временным циклом, подчеркивая бесконечность процесса.

Идея зависимости успеха от своевременности и удачи выражена в пословице 时不至来运不通，水中捞月一场空 ‘время и удача крайне важны; если время не пришло – и фортуна не благоволит, все усилия окажутся тщетными’ (букв. ‘время не настало, удача не идет – вылавливать луну в воде напрасно’).

Таким образом концепт 月亮 «луна» в китайской лингвокультуре представляет собой многомерную семантическую структуру, объединяющую философские и эстетические аспекты мировосприятия. Образ луны выступает средством объективизации философских представлений о недосягаемости желаемого, циклической природе времени и этапах человеческой жизни, а также выполняет пейзажеобразующую функцию.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. *Воркачев, С. Г.* Счастье как лингвокультурный концепт / С. Г. Воркачев. – М. : Гнозис, 2004. – 236 с.

2. *Лихачев, Д. С.* Концептосфера русского языка / Д. С. Лихачев // Русская словесность: от теории словесности к структуре текста : антология / под ред. В. П. Нерознака. – М. : Academia, 1997. – С. 280–287.

3. *Маслова, В. А.* Введение в когнитивную лингвистику / В. А. Маслова. – 5-е изд. – М. : Флинта : Наука, 2011. – 296 с.

4. 成语大词典 = Большой словарь китайских фразеологизмов / 刘洁修主编. – 北京 : 商务印书馆, 2004. – 1793 с.

5. 俗语大词典 = Большой словарь народных речений / 温端政主编. – 上海 : 上海辞书出版社, 2011. – 1224 с.

УДК 811.581:81'27

А. А. Дурейко,
студентка филологического факультета БГУ

Научный руководитель: П. С. Бабкина,
доцент кафедры китайской филологии
филологического факультета БГУ,
кандидат филологических наук

ЭВФЕМИЗАЦИЯ В КИТАЙСКОМ ЯЗЫКЕ: ЛИНГВОПРАГМАТИЧЕСКИЙ АСПЕКТ

Аннотация: *в статье исследуется эвфемистическая лексика современного китайского языка с ее прагматическими функциями и условиями употребления в коммуникации, а также предлагается авторская функциональная типология.*

Summary: *the study explores contemporary Chinese euphemistic vocabulary with it`s pragmatic functions and contextual usage, and proposes an original author`s functional typology.*

Ключевые слова: *эвфемизм, китайский язык, лингвопрагматика, коммуникативные стратегии, межкультурная коммуникация, прагматическая компетенция, политический дискурс.*

Keywords: *euphemism, Chinese language, linguopragmatics, communication strategies, intercultural communication, pragmatic competence, political discourse.*

С точки зрения лингвопрагматики, эвфемизм – это не просто замена «плохого» слова «хорошим», а ***интенциональная речевая стратегия***. Как отмечают К. Аллан и К. Берридж, эвфемизм заключается не в самом слове, а в его использовании [1, с. 11]. Это намеренное отклонение от принципов кооперации Г. Грайса, создающее импликатуру [2, с. 45], которая, однако, легко распознается носителем языка в силу общности культурных норм и табу [9, с. 234].

Ключевая особенность китайских эвфемизмов заключается в глубокой укорененности в национальной культуре и философии. Исследователь Лу Сяофэнь подчеркивает, что эвфемизмы в Китае базируются на 3 основных учениях – конфуцианстве, даосизме и буддизме [10, с. 56]. Центральной категорией китайской

прагматики является «лицо» (面子) [9, с. 178] – социально-психологический «капитал», репутация, которую необходимо постоянно поддерживать. Как отмечает Сян Сяофэн, «дать лицо» (给面子) другому – особенно вышестоящему или старшему – важнее, чем выразить свое мнение напрямую [11, с. 80]. Китай – классический пример высококонтекстуальной культуры [3, с. 58; 4, с. 89], где значительная часть смысла передается не словами, а контекстом, невербальными сигналами и социальным статусом участников, что требует умения «читать между строк».

На основе анализа эмпирического материала предлагается собственная ***классификация эвфемизмов по их прагматической функции***, имеющая прикладное значение для обучения китайскому языку.

1. **Эвфемизмы-щиты** заключают в себе 2 главных компонента: основное значение называемого факта действительности, очевидное для всех участников коммуникации, и инструмент смягчения основного значения слова. Их цель – смягчить эмоциональное воздействие, защитить собеседника от психологического шока.

Например, вместо 死 (умереть) используются 走了 (ушел) или 去世 (уйти из мира); 不舒服 (некомфортно) – вместо прямого 病 (болезнь), 情绪不太稳定 (настроение нестабильно) – вместо 抑郁症 (депрессия); 方便一下 (облегчиться) – вместо стилистически окрашенного 上厕所 [9, с. 102]. Основные способы образования – минимизация (有点问题 вместо 错误 – ошибка) и смягчающее отрицание (不太好 вместо 坏 – плохой) [9, с. 156].

2. **Эвфемизмы-вуали**, цель которых – дистанцировать говорящего от неприглядной реальности, скрыть ее суть, сделать менее очевидной. Эвфемизмы-вуали заключают в себе основное значение слова и элемент, полностью маскирующий основное значение, поэтому иностранец, не знакомый с контекстом, может понять их буквально и неверно интерпретировать.

Например, метафоры смерти: 见马克思 (отправиться к Марксу), 圆寂 (погрузиться в нирвану) для монахов [9, с. 89]. Во время пандемии COVID-19 появились и стали общеупотребимыми эвфемизмы 阳了 (стать «ян», т. е. получить положительный результат теста на коронавирус) и 中招 (попасть под удар, т. е. заразиться). Сюда же относятся фонетические табу, основанные

на омофонии: в подарок никогда не дарят настенные часы 送钟 (sòng zhōng), так как это созвучно похоронному обряду 送终 (провожать усопшего) [9, с. 134].

Основные способы образования – метафоризация (吃醋 – есть уксус, т. е. ревновать); метонимия (八宝山见 – увидимся на Восьми Сокровенных Горах Бабаошань, упоминание Пекинского крематория отсылает к смерти) [9, с. 176].

3. **Эвфемизмы-инструменты манипуляции**, цель которых заключается в формировании нужной реакции, управление общественным сознанием. Например, 优化 (оптимизация) вместо 裁员 (увольнение) [5], 负增长 (отрицательный рост) вместо «спад», 待业 (ожидание трудоустройства) вместо 失业 (безработица). В политическом дискурсе 不稳定因素 (дестабилизирующий фактор) для обозначения оппозиции, 和谐 (гармонизировать) как глагол, означающий цензуру [8].

Способы образования: использование суффикса «-изация» (化:边缘化 – маргинализация), который придает негативному процессу оттенок научности; использование пассивного залога (被失联 – был «потерян в связи»), снимающего ответственность с субъекта действия [1, с. 183]. Анализ таких единиц важен для развития критического мышления у будущих переводчиков и политологов.

4. **Эвфемизмы-маркеры вежливости**, демонстрирующие уважение к статусу собеседника и являющиеся прямым отражением конфуцианской иерархии [11, с. 81]. Например, строго иерархические эвфемизмы смерти: для императора – 驾崩 (обрушение трона), для высокопоставленного сановника – 薨, для простого человека – 逝世, а в бытовом общении – нейтральное 走了 [9, с. 92]. К данной категории относятся уничижительные самоназвания 谦辞:小人 (маленький человек) при обращении к вышестоящему, 愚见 (мое глупое мнение) [11, с. 80].

Способы образования: редупликация (瘦瘦儿的 – худощавенький) и вводные слова (也许您错了 – возможно, Вы ошибаетесь) для смягчения категоричности [9, с. 213]. Знание указанных особенностей употребления выступает необходимым условием для формирования навыков этикетной коммуникации.

Важно подчеркнуть, что один и тот же эвфемизм может выполнять разные функции в зависимости от контекста. Например,

интернет-мем 喜羊羊 (радостная овечка, т. е. пациент с положительным результатом теста на коронавирус), возникший во время пандемии – это одновременно и вуаль, и щит, и потенциальный инструмент манипуляции, если используется СМИ для минимизации паники.

Стратегии в зависимости от контекста и социального статуса.

Выбор эвфемизма в общении детерминирован контекстом и социальной дистанцией. Для образовательного процесса это означает необходимость обучения не изолированным словам, а вариативным моделям поведения. В официально-деловом дискурсе (новости, доклады) доминируют инструменты манипуляции и маркеры вежливости (人员结构优化 – оптимизация кадровой структуры вместо «увольнения») [5]. В неформальном общении (чаты, соцсети) – креативные щиты и вуали с иронией (翻车 – «опрокинуться» в значении «провалить проект»). В письменной речи (например, некрологи) используются возвышенные маркеры вежливости (逝世), в то время как в устной – краткие щиты (走了) [6].

Связь эвфемизмов и социальной иерархии.

Стратегия «снизу-вверх» (студент → преподаватель, сотрудник → руководитель): используются маркеры вежливости, преувеличение заслуг адресата (百忙之中 – в разгаре неустанных дел) и самоуничижительные формулы (海涵 – прошу снисхождения).

Стратегия «сверху-вниз» (руководитель → подчиненный): используются щиты и вуали, смягчающие неприятные решения: руководитель скажет не «Вы уволены», а «компания оптимизирует структуру» (公司优化人员结构). Школьный учитель скажет не «у ребенка депрессия», а «у ребенка настроение нестабильно» (情绪不太稳定).

Горизонтальная коммуникация (коллега – коллега, друг – друг): в таких контекстах часто употребляются креативные вуали, создающие чувство солидарности и снижающие тревогу через общий игровой код (项目翻车了 – проект опрокинулся).

Социально-политический дискурс является наиболее насыщенной и динамичной сферой функционирования эвфемизмов, и для будущих переводчиков и дипломатов понимание этих механизмов критически важно [8].

В сфере политики эвфемизм является инструментом управления и «мягкой силы». Демографическую политику в условиях падения рождаемости продвигают через архаичный эвфемизм 有喜 (иметь радость) [8]. Экологические ограничения для заводов называют «зеленой трансформацией» (绿色转型), а непопулярное повышение пенсионного возраста – «постепенной отсрочкой» (渐进式延迟) [8]. В дипломатии геополитическую концепцию КНР называют «сообществом единой судьбы человечества» (人类命运共同体), что подает ее как универсальную ценность [7]. Для общества эвфемизм – это способ обхода интернет-цензуры, например, «пить чай» (喝茶) может означать допрос [9, с. 298]. Эффективность эвфемизации в социально-политическом дискурсе основана на двойной адресованности: одни и те же формулы воспринимаются элитой как признак лояльности, населением – как знак заботы, международным сообществом – как проявление умеренности.

Проведенный анализ подтверждает исходную гипотезу: выбор эвфемизма в китайской коммуникации – это не интуитивное, а строго детерминированное стратегическое действие. Эвфемизм – это многофункциональный инструмент, с помощью которого говорящий смягчает удар, сохраняет лицо, уходит от ответственности или легитимирует политическое решение.

Таким образом, результаты работы имеют ***практическую значимость*** для преподавания китайского языка, теории и практики перевода в Беларуси. Систематизированы культурные детерминанты эвфемизации. Понимание принципов «лица» и иерархии позволяет белорусским студентам осознанно подходить к выбору регистра общения и избегать проекции моделей родной, менее иерархичной культуры на китайскую. Разработана функциональная классификация, которая становится основой методики преподавания: от формирования эмпатии (щиты) и понимания медиа (вуали) до развития критического мышления (инструменты манипуляции) и этикета (маркеры вежливости). Выявленная зависимость от контекста и статуса позволяет моделировать на занятиях реальные ситуации общения (студент-преподаватель, сотрудник-руководитель, коллега-коллега), обучая не словам, а вариативному поведению. Анализ политического дискурса формирует у будущих специалистов

компетенции, необходимые для адекватного перевода и интерпретации официальной риторики КНР.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. *Allan, K.* Euphemism & Dysphemism: Language Used as Shield and Weapon / K. Allan, K. Burridge. – New York : Oxford University Press, 1991. – 285 p.

2. *Grice, H. P.* Logic and conversation / H. P. Grice ; ed. by P. Cole & J. L. Morgan // Syntax and Semantics. – New York : Academic Press, 1975. – Vol. 3: Speech Acts. – pp. 41–58.

3. *Hall, E. T.* Beyond Culture / E. T. Hall. – New York : Anchor Books, 1976. – 240 p.

4. *Hofstede, G.* Cultures and Organizations: Software of the Mind / G. Hofstede. – London : McGraw-Hill, 1991.

5. Caixin Global. (2024, November 14). Alibaba Exec: “Graduation” Is Part of Growth. – URL: https://www.caixinglobal.com/2024-11-14 (date of access: 20.08.2025).

6. People’s Daily. «沉痛悼念张青院士». – 2024. – URL: http://paper.people.com.cn/rmrb/html/2024-05/07/nw.D110000renmrb_20240507_3-04.htm (date of access: 20.08.2025).

7. Xinhua News Agency. «中方反对非建设性施压». – 2025. – URL: http://www.xinhuanet.com/world/2025-02/15 (date of access: 20.08.2025).

8. Guangming Daily. «构建生育友好型社会». – 2025. – URL: https://epaper.gmw.cn/-gmrb/html/2025-04/12 (date of access: 20.08.2025).

9. 汉语委婉语词典 [Dictionary of Chinese Euphemisms]. (2001). 北京语言文化大学出版社.

10. 卢小芬. 汉语委婉语的文化内涵研究//文化创新比较研究. – 2018. – № 24. – С. 56–57.

11. 向晓芬. 从“面子”理论看汉语委婉语的使用//现代交际. – 2017. – № 15. – С. 80–81.

УДК 811.581:81`373.49

А. Е. Найден,
студентка филологического факультета БГУ

Научный руководитель: В. В. Жуковец,
доцент кафедры китайской филологии
филологического факультета БГУ,
кандидат филологических наук

ГЕНДЕРНО-МАРКИРОВАННЫЕ ЭВФЕМИЗМЫ И ИХ ФУНКЦИОНИРОВАНИЕ В РАМКАХ СТЕРЕОТИПИЗАЦИИ ВНЕШНОСТИ ЖЕНЩИН: ЗНАЧИМОСТЬ ФОРМИРОВАНИЯ СОЦИОКУЛЬТУРНОЙ ГРАМОТНОСТИ ПРИ ИЗУЧЕНИИ КИТАЙСКОГО ЯЗЫКА

Аннотация: *статья посвящена исследованию гендерно-маркированных эвфемизмов в китайском языке, используемых для обозначение внешней красоты женщин и модификаций тела, их связи с категорией вежливости и концептом «лица» (面子) в китайской культуре.*

Summary: *the article is devoted to study of Chinese gender-marked euphemisms used to denote female external beauty and body modifications, their connection with the category of politeness and the concept of «face» (面子) in Chinese culture.*

Ключевые слова: *эвфемизм, китайский язык, женская красота, вежливость.*

Keywords: *euphemism, Chinese language, female beauty, politeness.*

Эвфемизация (委婉化) отражает мировоззрение представителей конкретной культуры и их взгляды на различные общественные явления, понимание и отношение к ним, традиции и обычаи, поэтому рассмотрение данной темы способствует более глубокому пониманию китайской языковой картины мира. Работа является актуальной для обучения межкультурной коммуникации: эвфемизмы являются важной частью этикета, и осведомленность в данной теме поможет избежать межкультурных конфликтов и коммуникативных неудач. Новизна работы заключается в том, что впервые в белорусском китаеведении предпринята попытка

анализа, систематизации и классификации эвфемистических единиц, употребляемых в отношении женщин в китайской лингвокультуре с последующим анализом семантики и причин образования данных языковых единиц.

Согласно определению Н. С. Араповой, эвфемизмы (греч. euphemismós, от éu – хорошо и phēmi – говорю) – эмоционально нейтральные слова или выражения, употребляемые вместо синонимичных им слов или выражений, представляющихся говорящему неприличными, грубыми или нетактичными [5]. В. П. Москвин объясняет явление эвфемии следующим образом: «Эвфемия представляет собой использование словесных зашифровок с целью смягчить, завуалировать, изящно «упаковать» предмет сообщения, оставив все-таки возможность любому носителю языка догадаться, о чем идет речь» [8].

Явление эвфемизации неразрывно связывают с явлением табу. А. А. Леонтьев под табу понимает запрет на употребление тех или иных слов, выражений или собственных имен. Данное явление связано с магической функцией языка (речи), т. е. с верой в возможность непосредственного воздействия на окружающий мир при помощи языка [6]. А. А. Реформатский утверждает, что эвфемизмы необходимы для замены табуированных слов, это разрешенные слова, которые употребляют вместо запрещенных (табуированных) [9]. Эвфемизмы выступают частью как языковой, так и национальной картины мира. По мнению М. И. Зверевой, эвфемизм несет в себе отражения мира конкретной лингвокультуры и национальный менталитет конкретного народа [3], т. е. система эвфемизмов показывает отношение носителей языка к определенным концептам и явлениям, отражает национальную картину мира и социальные устоев носителей конкретной культуры.

Исследователь Ли Цзюньхуа (李军华) в работе «Исследование эвфемизмов китайского языка» (汉语委婉语研究, 2010) описывает эвфемизмы как незаменимое в человеческой коммуникации языковое явление, стилистически смягченное и уклончивое [11]. Особый интерес в данной работе представляют вопросы эвфемизации и стереотипизации в отношении женщин в рамках женского дискурса и в китайской языковой культуре в целом. Женский дискурс в данном контексте понимается нами как гендерно

маркированный дискурс – способ речевого общения представительниц женского пола.

Активное использование эвфемии в китайском языке обусловлено социальным ожиданием строгого подчинения правилам этикета, в частности речевого. Здесь стоит обратиться к общему понятию категории вежливости, а также специфике его проявления в китайской культуре. Т. В. Ларина подчеркивает культурную специфику вежливости, утверждая, что категория вежливости от культуры к культуре может разниться [4]. Категория вежливости в китайской культуре тесно сопряжена с понятием «лицо» (面子), которое в Большом китайско-русском словаре также определяется как «достоинство», «престиж» [1]. В. В. Малявин говорит о «лице» следующее: «…для китайцев личность – это прежде всего «лицо», воплощение общественной значимости человека <…> человек обладает «лицом» до тех пор, пока оно признается другими, и должен делать то, чего ждет от него общество» [7].

В китайском языке активно подвергается эвфемизации тема женской телесности – физиология, интимные части тела, внешняя красота, телесные модификации. Табуированность и необходимость маскировать в речи прямые наименования данных явлений обусловлены положением женщины в обществе того времени, которое требовало от нее покорности в семье и сводило всю ценность женщины к роли домохозяйки и красивого «придатка» мужчины. В Китае «…были весьма жесткие рамки касательно канонов красоты, которые женщины должны были соблюдать, выдерживая иной раз настоящие пытки. <…> Все это было следствием того, что с давних времен в Китае наиболее ценились молодые девушки миниатюрного телосложения…» [2].

В современных китайских медиа до сих пор сохраняется подобный эталон, связанный с тонкой, изящной фигурой девушки, и появилось большое количество лексем, называющих эти стандарты. Например, красивая девушка должна иметь А4腰, т. е. тонкую талию, которую можно спрятать за листом бумаги формата А4. Девушка должна уметь 反手摸肚脐 – обернув руку вокруг спины сзади, достать рукой до пупка. Существует термин 筷子腿, который называет женские ноги, настолько худые, что они похожи на палочки для еды [10]. Приведем примеры эвфемизмов,

называющих стройную фигуру девушки: 苗条 (букв. ‘росток + ветвь’); 玲珑浮凸 ‘тонкие, плавные изгибы’; 体态轻盈 ‘плавное и изящное телосложение’; 亭亭玉立 (букв. ‘изящный + яшма + стоять’); 轻灵 ‘легкая духом’. Ввиду того, что стандартом красивой женской фигуры считалась и считается худая фигура, также существуют эвфемизмы, чтобы тактично назвать женщину, которая не вписывается в рамки эталонной худобы. Например: 圆润 ‘круглая и мягкая’; 曲眉丰颊 ‘изогнутые брови, пухлые щечки’; 艳姿 ‘полный красоты облик’; 丰满匀称 ‘умеренно упитанная’.

У стереотипной китайской красавицы «брови дугой», поэтому для непрямого названия красивой женщины часто используются эвфемизмы, связанные с женскими бровями: 美眉 ‘красивые брови’; 娥眉 (букв. ‘прекрасный/серп луны + брови’); 秀眉 ‘цветущие брови’; 蠐首蛾眉 ‘лоб как у цикады, брови как усики шелкопряда’; 柳眉 ‘брови, как листья ивы’.

Известным является такой китайский стандарт красоты прошлого, как крохотные бинтованные «лотосовые» ноги. Бинтованные ноги воспринимались как символ высокого статуса и делали женщину более привлекательной в глазах мужчин, а те девушки, которые не проходили через эту «процедуру», имели более низкие шансы выйти замуж. Данный стандарт красоты (金莲 ‘золотой лотос’) имеет эвфемистические обозначения: 双钩 (букв. ‘двойной, пара + крюк’); 莲钩 ‘лотосовые крючки’; 三寸银钩 ‘серебряные крючки в три цуня’; 玉笋 ‘яшмовые ростки’.

Еще одним значимым идеалом женской красоты в Китае считается бледная кожа. Ю. М. Иляхин об этом пишет следующее: «На Западе загорелая кожа – признак здоровья, красоты. В Китае наоборот: белая значит красивая. Признак изящества и благородства» [16]. К эвфемизмам, называющим бледную кожу красавиц, относятся: 皎如明月 ‘ясная, подобно яркой луне’; 面如凝脂 ‘лицо подобно застывшему жиру’; 冰肌雪肤 ‘ледяная плоть, снежная кожа’; 雪肤花貌 ‘снежная кожа, цветочный лик’; 白富美 ‘белокожая, богатая, красивая’; 细皮白肉 ‘тонкая кожа, белая плоть’; 滴粉搓酥 ‘разводить белила [каплями воды] и растирать творог’ (букв. ‘разбавлять + белила, белить + растирать, тереть + масло, сметана’).

Помимо узкотематических эвфемистических единиц, можно выделить более общие, называющие красивую женщину в целом: 佳人 ‘превосходный, лучший человек’; 如花似玉 ‘подобна цветам и яшме’; 玉颜 ‘яшмовое личико’; 解语花 ‘цветок, понимающий человеческую речь’; 沉鱼落雁 ‘рыбы (завидев ее) погружаются, дикие гуси падают’; 闭月羞花 ‘затмевающая луну и пристыжающая цветы’; 红颜 (букв. ‘красный + лицо’); 尤物 ‘необычайное создание’ (букв. ‘особенный, исключительный + предмет’); 绛唇 (букв. ‘темно-красный, алый + губы’); 水淋淋 ‘свежие, чистые черты лица, будто [девушка] только что вышла из воды’ (букв. ‘весь в воде, насквозь мокрый’) [12].

Нельзя не упомянуть лексическую единицу 没女, которая непрямо называет женщину, не имеющую привлекательного лица, красивой фигуры, юного облика, богатств, знатного происхождения, престижного образования. Сама лексическая единица, с одной стороны, является сочетанием слов 没有 и 女人, т. е. «женщина, не имеющая чего-либо», а с другой стороны, является омофоном слова 美女 ‘красавица’, выступая его антонимом, который можно перевести как ‘некрасавица’.

Из-за жестких и иногда нереалистичных стандартов, насаждаемых медиа, многие женщины и девушки в Китае нередко прибегают к процедурам красоты и используют множество косметических средств. Для небольших коррекций внешности, которые не требуют полноценных хирургических операций (например, инъекций), в китайском языке используется такой эвфемизм, как 微调 ‘микронастройка, подрегулирование’. Эвфемизм 微调 используется не только в повседневности или в медиа – врачи используют его в практике, например, в таком сочетании, как 全脸微调 ‘микронастройка всего лица’, который описывает косметическую процедуру, затрагивающую разные части лица.

Интересно, что в китайском языке, как и в русском и английском, для эвфемистического обозначения вмешательств с целью модификации какой-либо части тела часто используется структура «сделать + часть тела». Например, в русском языке часто используются такие выражения, как сделать губы для процедур по увеличению губ, сделать нос для ринопластики, сделать грудь для маммопластики. В английском языке используются подобные выражения: to have one’s nose done, to have one’s lips

done и т. д. В китайском языке используются эвфемизмы 做鼻子 ‘делать нос’, 做唇 ‘делать губы’, 做双眼皮 ‘делать двойное веко’. Для операции по удлинению ног используется эвфемизм 做大腿 ‘делать бедро’. Для наименования посещения салонов красоты в целом используется сочетание 做身体 ‘делать тело’.

На основе проведенного анализа эвфемистических лексем можно сделать вывод о том, что эвфемизация понятий, связанных с женской красотой и модификациями тела, берет начало из более низкого по сравнению с мужчинами положения женщины в обществе и предъявляемых высоких стандартов, а также необходимости строгого подчинения правилам этикета во избежание «потери лица» и избегания прямого наименования женской красоты и процедур, изменяющих тело женщины. Результаты исследования могут быть использованы при преподавании таких дисциплин как «Речевой этикет китайского языка», «Введение в межкультурную коммуникацию», «Стилистика китайского языка», «Теория и практика перевода».

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. Большой китайско-русский словарь. – [Б. м.], 2007. – URL: https://bkrs.info/ (дата обращения: 10.05.2025).

2. *Васьков, Д. А.* Традиционный идеал женской красоты в Китае и Японии: сходства и различия / Д. А. Васьков, И. Ю. Кокорина, Я. А. Пильникова // Россия и Китай: история и перспективы сотрудничества : материалы VIII Междунар. науч.-практ. конф. , Благовещенск-Хэйхэ, Чанчунь, Шэньян, 21–28 мая 2018 года / ред. Д. В. Буяров, Д. В. Кузнецов. – Благовещенск-Хэйхэ, Чанчунь, Шэньян : Благовещенский государственный педагогический университет, 2018. – Вып. 8. – С. 648–654. – URL: https://www.elibrary.ru/item.asp?id-=35531125 (дата обращения: 12.11.2025).

3. *Зверева, М. И.* Культурный код эвфемизмов / М. И. Зверева // Вестник Московского государственного лингвистического университета. Серия: Языкознание. – 2019. – № 2 (824). – С. 119–130. – URL: https://elibrary.ru/item.asp?id=46451119 (дата обращения: 07.10.2025).

4. *Ларина, Т. В.* Категория вежливости и стиль коммуникации: Сопоставление английских и русских лингвокультурных традиций : монография / Т. В. Ларина. – М. : Рукописные памятники Древней Руси, 2009. – URL: https://psv4.userapi.com/s/v1/d/MG3cEX32_7t9fAHEIUx7e-4rFmwhsgNfuPtuJkfju48tr1LsvMpoTWG8BtvPBVVv2SQx21pJTKRrLYPwwaiNyRWrHzqDrk_baY-LALSxZK5AcSV8tq3TA/Larina_T_V_-Kategoria_vezhlivosti_i_stil_kommunikatsii_2009.pdf (дата обращения: 10.05.2025).

5. Лингвистический энциклопедический словарь] / гл. ред. В. Н. Ярцева ; ред. Н. С. Арапова [и др.]. – М. : Советская энциклопедия, 1990. – 685 с. – URL: https://tapemark.-narod.ru/les/590c.html (дата обращения: 05.10.2025).

6. Лингвистический энциклопедический словарь / гл. ред. В. Н. Ярцева. – М. : Советская энциклопедия, 1990. – URL: https://tapemark.narod.ru/les/501b.html (дата обращения: 05.10.2025).

7. *Малявин, В. В.* Китайская цивилизация / В. В. Малявин. – М. : АСТ, 2000. – URL: https://psv4.userapi.com/s/v1/d/DfZpoLdGmqjn0kgUknuDsYuV1dE9DDwOu0cNueqXK4fRvyHMeGLlIjFceULA_z6jsAhYDnxvr2T8kG4SJlguD7WhOhg-UT_da7WiLNIX1ZYxmv0ss463Yg/Malyavin_V_V_-_Kitayskaya-_tsivilizatsia.pdf (дата обращения: 10.11.2025).

8. *Москвин, В. П.* Эвфемизмы: системные связи, функции и способы образования / В. П. Москвин // Вопросы языкознания: науч. журн. – 2001. – № 3. – С. 58–70. – URL: https://vja.ruslang.ru/ru/archive/2001-3/58-70 (дата обращения: 05.10.2025).

9. *Реформатский, А. А.* Введение в языковедение: учебник / А. А. Реформатский ; под ред. В. А. Виноградова. – М. : Аспект Пресс, 1996. – 536 с. – URL: https://djvu.online/file/Apl7xnSQRl2V0 (дата обращения: 06.10.2025).

10. Chinese with Daria: [Telegram-канал]. – URL: https://t.me/chineseaudio/5378 (дата обращения: 01.12.2025).

11. 李军华. 汉语委婉语研究 = Исследование китайских эвфемизмов / Ли Цзюньхуа. – 北京 (Пекин): 中国社会科学出版社 (Изд-во общественных наук Китая), 2010. – 2, 4, 256 с. – URL: https://www.twirpx.com/file/2326904/grant/ (дата обращения: 07.10.2025).

12. 通用委婉语词典 = Общеупотребительный словарь эвфемизмов / гл. ред. Чжу Цзинсун (朱景松); 中国社会科学院语言研究所 (Ин-т языкознания АОН Китая). – 北京 (Пекин) : 语文出版社 (Изд-во «Юйвэнь»), 2018. – 290 с.

УДК 811.581.11

В. А. Ананич,
студент инженерного факультета
Полесского государственного университета

Научный руководитель: Е. В. Пискун,
старший преподаватель кафедры лингвистики
и профессиональной коммуникации
Полесского государственного университета

ЭВОЛЮЦИЯ ЯЗЫКА ЦИФРОВОЙ ЭПОХИ: ИНТЕРНЕТ-СЛЕНГ И НЕВЕРБАЛЬНЫЕ ЛИНГВИСТИЧЕСКИЕ СРЕДСТВА КОММУНИКАЦИИ В КИТАЙСКИХ СОЦИАЛЬНЫХ СЕТЯХ

Аннотация: *в статье рассматривается интернет-сленг китайского языка, отобранный путем сплошной выборки с платформ Douyin и Xiaohongshu и исследуется феномен трансформации китайского языка в цифровой среде.*

Summary: *the article examines Chinese internet slang, selected through continuous sampling from Douyin and Xiaohongshu platforms, and explores the phenomenon of transformation of the Chinese language in the digital environment.*

Ключевые слова: *китайский язык, интернет-сленг, лексическая единица, мемы, эмодзи.*

Keywords: *Chinese language, Internet-slang, lexical unit, meme, emoji.*

Интернет-коммуникация в Китае характеризуется активным использованием числовых и буквенных акронимов, а также невербальных средств (эмодзи, эмотиконов, стикеров, мемов и других визуальных элементов), играющих важную роль в выражении эмоций, передаче дополнительной информации и создании чувства общности в онлайн-сообществах.

В ходе анализа 563 комментариев в китайских социальных сетях Douyin и Xiaohongshu было выявлено следующее распределение невербальных средств выражения: эмодзи были обнаружены в 67 процентов случаев, эмотиконы – в 22 процентах. Наименьшая доля (11 процентов) пришлась на мемы.

Использование числовых акронимов (цифр) в переписке является частым явлением в китайском интернет-общении. Наибольшей популярностью пользуются цифры, близкие по звучанию к слову, которое они заменяют, например: *4 (sì)* созвучно со словом *Sǐ* ‘смерть’, *5 (wǔ)* созвучно со словом *Wǒ (我) ‘я’* и др. Главной причиной использования числовых кодов является высокая скорость общения в интернете, а также избежание цензуры. В *таблице 1* рассмотрим самые популярные цифровые комбинации и их значения.

Таблица 1

Значение цифрового кода

Цифровой код	**Пиньинь**	**Значение**	**Перевод на русский язык**	**Использование**
520	wǔ èr líng	我爱你 (wǒ ài nǐ)	Я люблю тебя	Признание в любви
530	wǔ sān líng	我想你 (wǒ xiǎng nǐ)	Я скучаю по тебе	Выражение тоски по человеку
666	liù liù liù	溜溜溜 (liù liù liù)	Круто, классно	Выражение одобрения и восторга
888	bā bā bā	拜拜拜 (bài bài bài)	Пока-пока	Прощание
4242	sì èr sì èr	是啊是啊 (shì a shì a)	Да-да, ага-ага	Быстрое согласие, поддакивание

В китайском интернет-сленге распространены буквенные акронимы, зашифрованные в латинских буквах пиньиня. Рассмотрим наиболее часто используемые примеры.

Числовые и буквенные аббревиатуры являются наглядным примером, того, как язык постоянно адаптируется к новым реалиям, создавая продуктивные и креативные языковые формы, которые обогащают общение и формируют определенную цифровую идентичность.

Рассмотрим наиболее часто используемые невербальные элементы китайской интернет-коммуникации: эмодзи (картинки, не имеющие привязки к цифрам и знакам языка), эмотиконы (пиктограммы, изображающие эмоции) и мемы (группы цифровых

элементов, постоянно воспроизводимые и трансформируемые пользователями) (*таблица 2*).

Таблица 2

Значение аббревиатур

Аббревиатура / пиньинь	**Расшифровка**	**Дословный перевод**	**Значение**
yyds /yǒngyuǎn de shén	永远的神	«величайший всех времен»	Аналог англ. GOAT; высшая степень похвалы для человека или вещи
xswl /xiào sǐ wǒ le	笑死我了	«смеяться до смерти»	Аналог англ. LOL; выражает смех
nsdd /nǐ shuō dé duì	你说得对	«ты правильно сказал»	«Ты прав»; может означать как искреннее согласие, так и формальное, для окончания спора
srds /suīrán dànshì	虽然但是	«хотя, но…»	«Тем не менее»; выражает противоречие или смену точки зрения
bdjw /bù dǒng jiù wèn	不懂就问	«не понял – спроси»	«Позволь спросить»; вежливый способ задать вопрос

Необходимо отметить, что функции эмодзи в китайской интернет-коммуникации во многом совпадают с их использованием носителями других языков:

1) дублирование: *Ура, перемена!* 🎉🎉; 万岁，考试通过了 *Wànsuì, kǎoshì tōngguòle* 🎉🎉 *Ура, экзамен сдан*;

2) замещение: *Подай мне* 🤲*;* 来去吃 *Lái qù chī* 🎂 *Пойдем поедим торт*;

3) смыслообразующая функция: *сегодня на соревнованиях я* 🥇🏆; 我今天参加比赛 *Wǒ jīntiān cānjiā bǐsài* 🥇🏆;

4) придания дополнительного значения: *Ты слышала эту новость? – Да, я просто шокирована* 😱; 你听说过这个消息吗？ – 是的，我只是感到震惊 Nǐ tīng shuōguò zhège xiāoxī ma? – Shì de, wǒ zhǐshì gǎndào zhènjīng 😱 [1].

Таким образом, использование эмодзи усиливает экспрессивность, компенсирует отсутствие невербального контакта, а также сокращает количество текста в сообщении.

Еще одним до недавнего времени часто встречавшимся невербальным элементом интернет-общения являлись эмотиконы, которые можно было бы классифицировать на 2 категории в зависимости от их эмоциональной окраски: положительные и отрицательные. Во многом их значения в русском и китайском языках совпадали (*таблица 3*):

Таблица 3

Значение эмотиконов

Положительные эмотиконы	**Значение**	**Отрицательные эмотиконы**	**Значение**
:-)	Улыбка	:-(	Грусть
:-D	Смех	:-/	Недовольство
:'-D	Сильный смех	D-:	Сильная злость
;-)	Подмигивание	;(	Плакать
:-P	Показывать язык	:-@	Кричать в гневе

Однако существовали и отличия в использовании эмотиконов в зависимости от языка: так, в русском языке эмотикон *: означал поцелуй, в то время как в китайском – смотреть влево; :3 в русском языке – умиление, в китайском – целовать;))0))0 в русском языке – ироническая улыбка, в китайском – удивление.

Популярным средством общения в интернете выступают мемы. Термин «мем», введенный в научный оборот Р. Докинзом, подразумевает концепцию репликации по отношению к социокультурным процессам [2, с. 179]. В широком понимании мем – это некая идея, образ, объект культуры (чаще нематериальной), который перенимается многими членами сообщества [3, с. 162]. Например:

Выражение 我自闭了(wǒ zìbì le – «я закрылся») используется, когда человек испытывает уныние, разочарование, тревогу.

Антоним 我想开了 (wǒ xiǎngkāi le – «я раскрылся») передает состояние человека, преодолевшего трудности. Изображение закрывшегося и раскрывшегося бутонов усиливает экспрессивность высказывания и создает запоминающийся визуальный образ.

Фраза 我酸了 (wǒ suān le – «я прокис») транслирует чувства ревности и зависти к чужой любви, основываясь на многозначности знака 酸, обозначающего как кислый вкус, так и печаль, тоску.

В данном интернет-меме ирония заключается в несоответствии картинки и подписи к ней: 不用担心啊 我每天睡眠很充足 (bùyòng dānxīn a, wǒ měitiān shuìmián hěn chōngzú – «не волнуйся, я сплю достаточно»).

Проведенное исследование позволяет сделать вывод, что современная китайская интернет-коммуникация представляет собой среду, в которой активно используются вербальные и невербальные способы передачи информации. Вербальные средства, представленные цифровыми кодами и аббревиатурами пиньинь, демонстрируют стремление пользователей к лаконичности и экономии речевых усилий. Особого внимания заслуживает тот факт, что рассмотренные языковые средства выполняют не только коммуникативную, но и идентификационную функцию: использование сленга создает у пользователей чувство принадлежности к определенной социальной группе, формируя

цифровую идентичность современной китайской молодежи. Таким образом, интернет-сленг и невербальные средства коммуникации становятся неотъемлемой частью современного китайского языка, активно влияя на его развитие и требуя дальнейшего научного осмысления в контексте глобальных цифровых трансформаций.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. *Ускова, А. И.* Эмодзи как феномен цифровой коммуникации XXI века / А. И. Ускова // Актуальные вопросы правоведения и практики перевода. – 2019. – №9. – URL: https://www.alba-translating.ru/ru/ru/articles/2019/uskova-2019.html (дата обращения: 07.03.2026).

2. *Докинз, Р.* Эгоистичный ген / Р. Докинз. – М., 1993. – 615 с.

3. *Щурина, Ю. В.* Интернет-мемы как феномен интернет-коммуникации / Ю. В. Щурина // Научный диалог. – № 3. Филология. – Екатеринбург, 2012. – 172 с.

УДК 821.581

А. В. Хотулева,
аспирантка филологического факультета БГУ

Научный руководитель: А. М. Букатая,
доцент кафедры китайской филологии
филологического факультета БГУ,
кандидат филологических наук

ВЛИЯНИЕ ЯПОНСКОЙ ЛИТЕРАТУРНОЙ ТРАДИЦИИ НА ТАЙВАНЬСКУЮ СЛОВЕСНОСТЬ

Аннотация: *в статье рассматривается влияние японской культуры на развитие тайваньской литературы в период 1930–1980-х гг. Особое внимание уделяется периоду японской колонизации и постколониальному периоду, включая современный японско-тайваньский литературный диалог.*

Summary: *the article examines the influence of Japanese culture on the development of Taiwanese literature within the 1930–1980 period. Special attention is paid to the period of Japanese colonization, and the postcolonial era, including the contemporary Japanese–Taiwanese literary dialogue.*

Ключевые слова: *японоязычная тайваньская литература, колониальная тайваньская литература, политика японизации, колониальное и постколониальное наследие.*

Keywords: *Japanese-language Taiwanese literature, colonial Taiwanese literature, Kominka policy, colonial and postcolonial legacy.*

Несмотря на богатую историографию японского колониального правления на Тайване, вопрос о сложном и взаимном влиянии японской и тайваньской литературных традиций, а также о том, как именно литературное взаимодействие формировало тайваньскую культурную идентичность, остается исследованным фрагментарно. Существует корпус работ, посвященных политике японизации, образовательным реформам и колониальным культурным практикам, однако литературное измерение этой политики и последующая трансформация отношений между двумя национальными литературами после 1945 г. до настоящего времени не получило целостного анализа на постсоветском пространстве.

Особенно малоизученным остается вопрос о том, как взаимодействие двух литературных традиций после 1980-х гг. способствует переосмыслению колониального опыта и формированию современной тайваньской идентичности.

17 апреля 1895 г. после подписания Симоносексого договора между Японской империей и Империей Цин последняя была вынуждена уступить Корейский полуостров и Тайвань японским захватчикам. Японцы рассматривали новую колонию как особый проект, который стремились превратить в продолжение самой Японии. Однако колонизаторы столкнулись с рядом нерешенных проблем: во-первых, Тайвань не был модернизирован – отсутствовало водоснабжение и инфраструктура, во-вторых, из-за неразвитости региона постоянно происходили эпидемии, и, в-третьих, с точки зрения этнического состава ситуация на тайваньском острове была непростой, напряженность между «коренными» народами и переселенцами из материкового Китая сохранялась. Японским колонизаторам предстояло выработать стратегию, которая позволила бы контролировать захваченную территорию и проводить эффективную политику «японизации» населения. В 1936 г. пост генерал-губернатора занял Сэйдзо Кобаяси и провозгласил 3 основных направления нового курса: движение за японизацию населения (皇民化運動, kōminka undō), индустриализация и превращение Тайваня в стратегическую базу Японии для дальнейшего продвижения на юг [2]. В рамках этого курса реализовались 4 основные задачи:

1) движение за японский язык (國語運動, kokugo undō), согласно которому тайваньский хокло и китайский вытеснялись японским языком, из-за чего в дальнейшем сформировалось целое поколение тайваньцев, говоривших только на японском языке; в 1937 г. были ликвидированы разделы газет, написанные на китайском языке;

2) кампания по смене имен (改姓名, kaiseimei), подразумевающая замену тайваньских имен японскими [2];

3) вербовка военных добровольцев (志願兵制度, shiganhei seidō), призывающая тайваньцев вступать в Императорскую японскую армию [2];

4) культурно-религиозная ассимиляция, в рамках которой китайские и тайваньские традиции, обозначенные как «нежелательные»,

заменялись японскими элементами культуры; в частности, артефакты и идолы местной культуры искоренялись и заменялись синтоистскими.

Школьное образование стало ключевым инструментом японизации Тайваня: открывались начальные школы с обучением на японском языке, где преподавались культура, конфуцианская этика и практические науки. Хотя китайский язык временно сохранялся, приоритет отдавался японскому. Реформа 1922 г. формально ввела совместное обучение японцев и тайваньцев, но фактический доступ к нему имели лишь тайваньцы из обеспеченных семей [2].

Японская колонизация стимулировала отдаление Тайваня от материкового Китая, хотя культурная связь с китайским наследием по-прежнему сохранялась. Политическая, социальная и культурная ситуация вынуждали тайваньских интеллектуалов ориентироваться на японские идеалы и работать в достаточно узких рамках, одобряемых японским правительством. Развитие тайваньской культуры и литературы в колониальный период было фактически «оторвано» от материкового Китая и перенесено в японский контекст.

Тайваньская литература в этот период представляет собой сложное и многослойное явление, отражающее столкновение колониальной политики, местной идентичности и модернизации общества. Языковая ситуация способствовала разделению литературы на 3 больших блока:

1) литература на классическом китайском языке в ранний период колонизации;

2) литература на тайваньском хокло (местный язык, который использовался в народных песнях, театральных постановках и т. д.);

3) литература на японском языке, который стал преобладать с усилением политики японизации, ее представителей впоследствии стали рассматривать как тайваньских японоязычных писателей (台灣日文文学).

До 1930 г. тайваньская литература носила преимущественно социальный характер, отражая местную специфику, городскую жизнь, а также проблемы модернизации и неравенства. Среди ключевых авторов выделяется Лай Хэ (賴和, 1894–1943 гг.),

которого часто называют основоположником современной тайваньской литературы. В его произведениях показана колониальная эксплуатация и положение местного населения. В 1920-е гг. возникло движение «местной литературы» (сянту вэньсюэ, 鄉土文學), сосредоточенное на борьбе тайваньцев за выживание и на поиске собственных корней.

В 1931 г. многие «левые» тайваньские интеллектуалы были арестованы, и писатели начали следовать новым художественным тенденциям, которые позволили расширить диапазон местной литературы, не концентрируясь только на антиколониальной позиции [5]. Они не могли обратиться к китайской материковой традиции, однако имели возможность познакомиться с современными западными идеями (демократией и социализмом), политическими и культурными движениями в Японии и Китае. Тайваньские писатели переживали влияние японского модернизма, китайской классической традиции, локальной культуры. Развивалась эссеистика, разрабатывались новые жанры (рассказы и романы), а писатели, использовавшие японский язык, например, Ян Куй (楊逵, 1905–1985 гг.), получали японские литературные премии.

Во время Второй мировой войны развитие литературы на Тайване шло под сильным давлением колониальных властей: тотальная цензура, усиление японизации и милитаристская идеология задавали основные векторы для развития литературы. Допускались тексты о лояльности императору, самопожертвовании, героизме и мобилизации. Появляется целый пласт произведений военной тематики, написанных тайваньскими авторами на японском языке. В этих текстах описываются переживания солдат на фронте, повседневность службы в императорской армии, а также жизнь тех, кто трудился в тылу. Тайваньская литература превратилась в инструмент милитаризма и должна была обслуживать интересы Японской империи, из-за чего многие авторы были вынуждены либо замолчать, либо прибегнуть к завуалированным формам творчества, чтобы сохранить фрагменты местной идентичности.

Одним из показательных авторов этого периода был Чжоу Цзиньпо (周金波, 1920–1996 гг.), активно публиковавшийся в японских колониальных изданиях. Его творчество во многом

соответствовало требованиям военной пропаганды. В частности, в рассказе «Доброволец», написанном на японском языке, изображается история тайваньского юноши, который с воодушевлением вступает в ряды Императорской армии. В тексте подчеркиваются идеи лояльности императору, готовности к самопожертвованию и морального долга перед государством. Через внутренние переживания героя и его стремление доказать свою преданность Японии Чжоу Цзиньпо транслирует идеалы милитаристской эпохи, одновременно демонстрируя как колониальная идеология формировала идентичность тайваньцев [3].

С приходом Гоминьдана к власти на Тайване в 1949 г. был взят курс на «возвращение» к китайскому национализму, в результате которого развернулась кампания, получившая название «Белый террор» (白色恐怖). В этот период преследовались любые виды политической оппозиции, из-за чего литература приобрела, во-первых, антикоммунистическую, а во-вторых, антияпонскую направленность. Резкий поворот в сторону китайского национализма привел к подавлению местной идентичности, которая претерпевала значительные изменения под влиянием японских колонизаторов. Разрыв с японской традицией, а также наличие запретных тем (японское владычество, критика власти, поиск идентичности, отличной от китайской (ханьской)) привел к тому, что местные писатели обратились к реализму как своеобразной форме протеста: в их творчестве описывались социальные проблемы Тайваня – бедность, неравенство, жизнь рабочих и сельских жителей. Ярким примером является творчество Хуан Чуньмина (黃春明, род. 1935 г.), одного из ключевых представителей течения *сянту вэньсюэ*. Так, в рассказе «Вкус яблок» (蘋果的滋, 1972 г.) изображается семья бедняка, которая сталкивается с абсурдной ситуацией: после дорожно-транспортного происшествия с участием американца они впервые получают возможность попробовать дорогие импортные яблоки. Этот эпизод приобретает символическое значение, демонстрируя социальное неравенство, зависимость Тайваня от внешних сил и искажение ценностей в условиях экономической модернизации [4].

Постколониальное переосмысление японского влияния произошло достаточно поздно – в 1980-х гг. после того, как Тайвань взял курс и местные интеллектуалы смогли открыто вести

дискуссию о том, что такое тайваньская литература и тайваньское самоопределение. Политика Гоминьдана, стремившегося избавиться от последствий японского влияния, сменилась активным сотрудничеством с Японией как в политико-экономическом, так и в культурном пространстве. На Тайване возник интерес к японской культуре.

Взаимодействие японской и тайваньской литературы после 1980-х гг. имеет несколько особенностей:

1. *Переводческий аспект.* Тайвань добровольно возвращается к японскому культурному контексту благодаря переводам литературы и других продуктов массовой культуры Японии. Это позволило обогатить современную тайваньскую литературу, знакомя авторов с новыми формами повествования, языковыми приемами и тематикой: психологический реализм, магический реализм, постмодернистская проза, экспериментальные нарративные техники и т. д. Благодаря японскому влиянию в литературе Тайваня укрепились такие жанры и направления, как ранобэ (light novel), коммерческая городская проза, молодежная литература и детектив. Появляются авторы легкой прозы, работающие в формате, близком к японским ранобэ, такие как Цзю Юань (久遠, род. 1986 г.) и Чжи Янь (值言, род. 1988 г.), а также писатели, чье творчество связано с японской языковой и литературной средой, например, Ли Циньфэн (李琴峰, род. 1989 г.). В 2011 г. Ли Циньфэн стала первой тайваньской писательницей, вошедшей в шорт-лист премии Юкио Мисимы и получившей 165-ю премию Акутагавы.

2. *Тайваньская литература с «японскими» мотивами*. Данный блок литературы позволил тайваньским авторам переосмыслить колониальное прошлое и сосредоточиться на поиске идентичности, но без ярко проявленного антиколониального сопротивления или, наоборот, прояпонской агитации. Применялась реконструкция памяти целых поколений, которая позволяла воссоздать повседневную жизнь тайваньцев во времена японской оккупации. В 2015 г. был издан роман У Минъи (吳明益, род. 1971 г.) «Хроники украденных велосипедов» (單車失竊記, 2015 г.), представляющий собой семейную историю, которую автор демонстрирует через судьбы нескольких велосипедов, переходящих из поколения в поколение, отражая жизнь людей как в колониальный период, так и после. Центральным фокусом произведения

становится размышление о том, как люди сохраняют, утрачивают и пересобирают память о собственной истории.

3. *Японские писатели, заново открывающие тему Тайваня.* Во времена колониального правления часть литературы, представленной на Тайване, принадлежала японским колонистам, которые фиксировали опыт модернизации и жизни в колонии с точки зрения колонизатора, а также вдохновлялись тайваньским фольклором. К примеру, Нисикава Мицуру (西川満,1908–1999 гг.), который в своем творчестве использовал хокло и фольклорный материал и впоследствии получил Тайваньскую литературную премию [1]. В 2009 г. вышел роман писателя Есиды Сюити (吉田修一, род. 1968 г.) «Дорога» (路, 2012 г.), который описывает Тайвань – климат, ландшафт, еду, ночные рынки и повседневную жизнь тайваньцев. Сюжеты основаны на личном опыте писателя, который посещал Тайвань более 30 раз [6].

4. *Общие культурные проекты, премии, литературные фестивали, сотрудничество издательств.* После 1980-х гг. литературное взаимодействие между Японией и Тайванем стало регулярным и оформилось в устойчивые культурные мероприятия: общие фестивали, премии, университетские программы и сотрудничество издательств. Эти инициативы создали общее культурное поле, где писатели и читатели постоянно обмениваются идеями, что позволило углубить взаимное влияние и расширить совместные литературные практики.

Таким образом, влияние японской культуры и литературы на тайваньскую является достаточно сильным и, более того, можно говорить о том, что взаимодействие и столкновение двух традиций послужило важным этапом в формировании тайваньской идентичности. Тайваньская литература была исключена из культурного пространства на материке, что вынудило тайваньских авторов искать новые пути для развития литературы, привнося, во-первых, многоязычие, во-вторых, поликультурность и, в-третьих, развивая диалог не только с японской литературой, но и с мировой литературой в целом. Японская литературная традиция не смогла подавить тайваньскую, а обогатила ее благодаря привнесению новых художественных приемов, а также способствовала исследованию идентичности и памяти, расширила ее жанровые и стилистические возможности.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. 張文薰「歷史小說與在地化認同－「國姓爺」故事系譜中的西川滿〈赤崁記〉. – 2012. – URL: https://lawdata.com.tw/tw/detail.aspx?no=316277 (date of access: 01.12.2025).

2. *Chou, Wan-yao.* The Kominka Movement in Taiwan, 1937–1945 / Chou Wan-yao. – Taipei : National Taiwan University, 1999. – URL: https://www.degruyterbrill.com/document/doi/10.1515/9781400844371-004/html (date of access: 01.12.2025).

3. 誰是皇民，誰是作家？——筆記《周金波集》//《周金波集》.– URL: https://web.archive.org/web/-20190723203859/http://mypaper.pchome.com.tw/chuck002/post/1269658499 (date of access: 01.12.2025).

4. 蘋果的滋味 // Taiwan Panorama. – URL: https://www.taiwan-panorama.com/Articles/-Details?Guid=ba442-dc5-84e4-4f50-b802-e5e345ae5ebd&CatId=8&post-name=%E8%98%-8B%E6%9E%9C%E7%9A%84%E6%BB%8B%E5%91%B3 (date of access: 02.04.2026).

5. *Lin, Pei-yin.* Negotiating Colonialism: Taiwanese Literature during the Japanese Occupation / Lin Pei-yin // National University of Singapore. – URL: https://scholarbank.-nus.edu.sg/-handle/10635/166343 (date of access: 01.12.2025).

6. *Matsuzaki, Hiroko.* The Complex Feelings of Different Japanese Generations toward Taiwan in Yoshida Shūichi's Road / Matsuzaki Hiroko // Electronic Journal of Contemporary Japanese Studies. – 2018. – Vol. 18, Issue 3. – URL: https://japanese-studies.org.uk/ejcjs/vol18/iss3/matsuzaki.html (date of access: 01.12.2025).

УДК 821.581

А. В. Хотулева,
аспирантка филологического факультета БГУ

Научный руководитель: А. М. Букатая,
доцент кафедры китайской филологии
филологического факультета БГУ,
кандидат филологических наук

ОТЛИЧИТЕЛЬНЫЕ ЧЕРТЫ ТАЙВАНЬСКОГО ЛИТЕРАТУРНОГО МОДЕРНИЗМА

Аннотация: *в статье рассматриваются особенности формирования и развития тайваньского литературного модернизма во второй половине XX в., отмечается, что он представляет собой гибридную форму, сочетающую элементы западной модернистской поэтики, традиции классической китайской и местной литературы.*

Summary: *the article explores the specific features of the formation and development of Taiwanese literary modernism in the second half of the XX-th century, and notes that Taiwanese modernism combines elements of Western modernist poetics with the traditions of classical Chinese and local literature.*

Ключевые слова: *тайваньская литература, модернизм, постколониализм, идентичность, гибридность, экзистенциализм*

Keywords: *Taiwanese literature, modernism, postcolonialism, identity, hybridity, existentialism.*

Вторая половина XX в. может рассматриваться как «золотой век» тайваньской литературы, что связано с формированием и развитием различных литературных течений, заметно обогативших литературу Тайваня. Одним из ярко представленных направлений является модернизм. Несмотря на общность эстетических принципов европейского и американского модернизма, которыми активно пользовались тайваньские авторы, модернизм на Тайване в силу исторических, политических и культурных особенностей приобрел уникальный облик. Тайваньский модернизм не стал заимствованием западноевропейских идей, а адаптировался под свои реалии, включающие постколониальный дискурс и проблему культурной идентичности.

Для современной филологической науки тайваньская литература представляет интерес, поскольку ярко демонстрирует процессы трансформации и гибридизации литературной модели, в основе которой лежит корпус текстов классической китайской литературы, но в силу политических, культурных и социальных изменений происходит заметная трансформация, которую уместно называть *транскультурной*, что объясняется влиянием американской, западноевропейской и японской литератур. Можно проследить, как модернизм выходит за пределы Запада и приобретает не столько национальные, сколько глобальные черты. Вместе с тем, тайваньские авторы, опираясь на определенные эстетические каноны, создают свой собственный продукт, отражающий специфическую идентичность. И, наконец, обращение к тайваньскому модернизму представляется актуальным, поскольку вопросы о памяти, идентичности, языковом многообразии и литературе вне национальных границ остаются одними из ведущих в современных филологических и культурологических исследованиях.

Произведения тайваньских модернистов демонстрируют особую форму кризиса субъективности, связанную не только с философским и культурным упадком, но и с историческим разрывом и культурной неопределенностью. Модернизм имеет определенную национально окрашенную специфику и является закономерным следствием кризиса классической культуры, на смену которой приходит разрушение прежних представлений о национальном каноне [1, с. 62–64]. Однако при исследовании тайваньской литературы возникает ряд сложностей, из-за которых представляется непростой задачей определить, чем представлен прежний канон для тайваньской литературы – классической китайской литературой, японской литературой, местной (*сянту вэньсюэ,* 鄉土文學) литературой? Дополнительная сложность создается постколониальным дискурсом, а также множеством точек зрений на то, чем является тайваньская литература.

Как уже отмечалось ранее, европейский модернизм – реакция на кризис, закономерный переход от классики к неклассике, но для Тайваня модернизм являлся единственной возможностью выразить назревающий протест насаждаемым ценностям и репрессиям, единственным вариантом выражения собственного

«я», культурной идентичности, которая долгое время не могла быть названа открыто и была вынуждена лавировать между западом и востоком, между японской колонизацией, гоминьдановской политикой и местными особенностями.

Колониальный период под властью японцев способствовал разрыву между Тайванем и материковым Китаем, возникновению дистанции, в особенности на уровне литературы и культуры. Тайваньская интеллигенция была вынуждена балансировать в условиях повсеместной политики японизации, которая первое время допускала классические китайские тексты, но затем со сменой политического курса лишила тайваньцев права писать на китайском языке или тайваньском хокло. Выросло поколение, знающее только японский язык, воспринимающее мир через призму взглядов японской культуры. Нельзя отрицать, что японское влияние положительно сказывалось на развитии инфраструктуры острова – аграрный Тайвань быстро модернизировался, однако оставались нерешенными социальные проблемы, в частности неравенство колонизаторов и колонизируемых. Японская политика предлагала тайваньцам стать «настоящими японскими подданными», но на деле никогда не рассматривала жителей Тайваня равными себе. Существует выражение, которое ярко отражает положение Тайваня – «Сирота Азии», демонстрирующее самоощущение многих тайваньцев как народа, у которого нет дома и который был брошен – лишен политической и культурной определенности.

Существуют 2 основных точки зрения относительно модернизма на Тайване. Представителем одной из них является тайваньский писатель Чэнь Инчжэнь (陳映真, 1937–2016 гг.), один из первых критиков модернизма. Он отмечал: «Наша модернистская литература и искусство либо тщетно играют с обманчивыми формами, либо погрязли в детской сентиментальности, сосредоточенной на маленьком квадрате «самости»; они либо используют самые вульгарные элементы модернизма – вырожденный нигилизм, сексуальные извращения, бессодержательный бунт, неясную метафизику и т. д. – в качестве своего содержания, либо сжимаются в пожелтевшую башню из слоновой кости, размахивая брошенными белыми перчатками» [2, с. 9]. Данная точка зрения, как правило, разделялась писателями-реалистами –

представителями течения *сянту вэньсюэ*, выступавшего литературной альтернативой в осмыслении Тайваня. Вместо погружения в сознание и анализа внутреннего мира человека, авторы *сянту вэньсюэ* сосредотачивались на реалистическом изображении Тайваня и его социальных проблем. Модернистская литература представлялась слепым подражанием Западу, что отрывало ее от реальности.

Другая точка зрения, представленная в том числе взглядами исследователя Чжан Суншэна (張誦聖), подмечает, что тайваньские писатели-модернисты демонстрируют не только эстетическое наполнение, но и глубину смыслов [2, с. 11]. В условиях, когда литература вынуждена балансировать в узких рамках, в особенности в послевоенное время, когда Гоминьдан развертывает репрессии, модернизм становится единственной легитимной и безопасной возможностью выразить самоощущение. У тайваньцев не было времени на постколониальное раскрепощение и поиск себя после ухода японцев, а при Гоминьдане политика «возвращала» их обратно в китайский национализм, который уже не мог работать в полной мере со столь измененным сознанием. Ощущение отчужденности, разрыв исторических связей и геополитическое сиротство стали благодатной почвой для модернистского течения.

Экспериментальные формы литературы позволяли избегать, во-первых, политического дискурса, который грозил писателям репрессиями; во-вторых, это все еще оставалось своеобразной формой протеста против военного положения и идеологического господства. Экспериментальные формы тайваньской литературы включают поток сознания и усложненный синтаксис, фрагментарную и дневниковую структуру, нелинейное повествование, интертекстуальность, метафикцию и лингвистические эксперименты, благодаря которым язык и структура текста становятся важным средством выражения внутреннего разлома личности и нестабильности идентичности.

Писатели Тайваня использовали модернизм для поиска истинных смыслов, и их литература несомненно обладала не только эстетической ценностью, но и смысловой глубиной: речь шла не столько о кризисе в западном понимании, сколько о поиске пути и духовного освобождения, приобретающих характер

протеста против политической диктатуры. Изгнание, отчуждение и смерть часто становились символом освобождения, а не негативного опыта и неминуемого конца [3, с. 347–348]. Крах локальной истории, искажение традиционных человеческих отношений и стремительная модернизация усиливали потребность в текстах, которые фиксируют не столько смысл, сколько само ощущение происходящего.

На раннем этапе тайваньский модернизм испытывал влияние французского модернизма; в этот период модернисты во главе с Цзи Сянем (紀弦, 1913–2013 гг.) формально объединились с Линь Хэнтаем (林亨泰, 1924–2023 гг.), представлявшим модернистскую традицию колониального периода на Тайване. На более позднем этапе, в 1956–1960 гг., ведущим становится влияние американского модернизма, что особенно заметно в деятельности «Литературного журнала» Ся Цзианя (夏濟安, 1916–1965 гг.) [2, с. 12]. Однако Юй Шэнгуань (游勝冠, род. 1961 г.) критикует такой подход, полагая, что он путает модернизм как реальные художественные тексты и модернизм как литературное движение [2, с. 12]. По его мнению, ранний модернизм неправильно понимал авангард: не как форму сопротивления, а как «болезненное» явление, которое нужно сдерживать, из-за чего модернизм оказался согласован с официальной идеологией и утратил оппозиционный характер [2, с. 12–13]. Развитие послевоенного модернизма отягощалось не только внутренними факторами, но и внешним противостояниям биполярного мира, где Тайвань был вынужден участвовать, будучи проамериканским [2, с. 14]. Писатели не могли открыто выражать свое мнение о политическом курсе страны, это усиливало дистанцию и отстраненность по отношению к политике и заметно отрывало модернистов от уже устоявшейся традиции антикоммунистической литературы, развитие которой поощрялось на государственном уровне. Тайваньские писатели были вынуждены обратиться к западному модернизму и его приемам, появилась мода на вестернизацию как на форму современности, однако необходимость выражения собственных смыслов привела к попытке приспособить модернистскую эстетику конкретно к тайваньским реалиям, и именно отсюда вытекает специфика тайваньского модернизма как гибридной формы, включающей опыт западной и восточной литератур [2, с. 14].

Значительную роль в развитии экзистенциалистского направления сыграл Бай Сяньюн (白先勇, род. 1937 г.). В одном из своих ранних рассказов «Смерть в Чикаго» (芝加哥之死, 1964 г.) он обращается к теме идентичности тайваньца, который оказывается вне восточного и западного мира. Смещая фокус на индивидуальное сознание, Бай Сяньюн исследует самоощущение и психологическое состояние студента У Ханьхуна (吴汉魂), в чьем имени заложен особый смысл – «лишенный китайской души». Оказавшись чужаком в другой стране, он обнаруживает, что оставался им и в китайском контексте: «недостаточно китаец» для местной диаспоры, чтобы быть принятым ими, но «слишком китаец» для местных американцев. Бай Сяньюн выстраивает текст через субъективную фокализацию и нарративную фрагментацию, где воспоминания и реальность смешиваются между собой, представляя разрозненный поток мыслей и внутреннее состояние главного героя [4].

В 1972 г. в свет выходит роман «Перемены в семье» (家變) Ван Вэньсина (王文興, 1939–2023 гг.), в котором модернистская составляющая проявляется как на формальном, так и на смысловом уровне. Ван Вэньсин использует тему конфликта отца и сына в традиционной конфуцианской семье, где отец страдает от жесткого отношения сына и уходит из дома. Сюжет романа развивается в двух параллельных линиях, в одной из которых описывается прошлое, где сын взрослеет, подмечая недостатки отца, и настоящее, где идут поиски пропавшего отца. Постепенно сын приходит к тому, что отказывается от идеи вернуть отца, что подчеркивает разрыв как семейных, так и исторических связей, отказ от конфуцианства, где почитание родителей является одной из ведущих добродетелей [5]. Ван Вэньсин радикально переосмысливает слова и иероглифы, создает новые формы и использует графические приемы, чтобы передать психологический конфликт и эмоциональное напряжение персонажей [5]. Диалоги в романе подчеркивают отчужденность и невозможность построения коммуникации: реплики теряют коммуникативную функцию и превращаются в параллельные высказывания, не предполагающие взаимопонимания. Так, при взаимодействии членов семьи встречается реплика: «Ты говоришь свое, я – свое, мы вообще говорим не об одном и том же» («你說你的，我說我的，我們根本沒有

在講同一件事情»), отражающая отсутствие общего смыслового поля и неспособность вести диалог. Подобное состояние дополняется признанием невозможности понимания: «Я не понимаю, о чем ты говоришь» («我不懂你在說什麼»), а также ощущением игнорирования со стороны другого: «Ты вообще меня не слушаешь» («你根本沒有聽我說話») и осознанием бесплодности коммуникации [6].

Ван Вэньсин прибегает к разрушению традиционной формы повествования и в других своих произведениях. В романе «Человек, отвернувшийся от моря» (背海的人, 1981 г.) он строит текст нелинейно, сознательно отходит от стандартных синтаксических норм и использует ритмическую прозу, вовлекая читателя в активный процесс осмысления происходящего [5]. Кризис идентичности, распад традиционной семьи, коллективная и индивидуальная память, историческая травма – все это становится предметом исследования для творчества тайваньских модернистов.

Еще одним важным аспектом тайваньского модернизма следует считать гибридность культурных и литературных кодов. Тайваньские писатели и поэты активно прибегают к переосмыслению традиционных культурных образов классической литературы и поэзии Китая, наполняя их новым смыслом. К примеру, один из самых известных модернистов Линь Хэнтай демонстрирует в своей поэзии интертекстуальность через сочетание западных модернистских техник, классической китайской поэзии и локальных тайваньских культурных кодов, создавая многослойный диалог между традицией и экспериментом. У Линь Хэнтая интертекстуальность проявлена на уровне поэтики, связанной с западным искусством. В комментарии к стихотворению «Пейзаж» («风景», 1959 г.) он сопоставляет свою технику с живописью Поля Сезанна (1839–1906 гг.): такие образы, как «Поля… лесополоса… море…» («农作物…防风林…海») не описываются подробно, а просто перечисляются как отдельные «объекты» (物体), из которых заново складывается картина. Такой подход, где важны не сюжет и описание, а сами «вещи» и их расположение, восходит к западному модернизму и создает интертекстуальную связь с его эстетикой [7]. В стихотворении «Рождение» («诞生», 1950-е гг.) классическая китайская поэтика проявляется в лаконизме, мотиве молчания, а также происходит обращение

к состояниям тишины и внутреннего созерцания, что сближает текст с буддийским восприятием мира и идеей единства человека и природы [8]. Одновременно в «诞生» поэт деконструирует сам язык: «Никакие метафоры уже не успевают стать метафорами» («一切比喻都来不及比喻»), что сближает текст с философией европейского модернизма, выражая идею кризиса языка и недоверия к его способности точно передавать реальность [8]. В стихотворении «Книги» («书籍», 1950-е гг.) локальный и исторический пласт проявляется через образ книг как «даров из царства мертвых» (黄泉直接寄来的赠礼). Эта метафора отсылает к памяти о погибших авторах и трагическому опыту XX в., придавая тексту ощущение связи с прошлым. В результате стихотворение приобретает тайваньскую культурную глубину, в которой личная и историческая память тесно переплетаются [8].

Таким образом, можно выделить следующие черты, характерные для тайваньского модернизма:

1) смещение фокуса с коллективного сознания на индивидуальное, где самопознание является формой отражения окружающего мира (через психологизм, поток сознания, внутренний монолог и фрагментарность);

2) актуальность экзистенциальной проблематики, которая удачно совпала с самоощущением тайваньцев и специфической политической ситуацией;

3) формальные языковые эксперименты с учетом гибридной языковой ситуации и особенностей иероглифической письменности;

4) гибридность культурных кодов (китайская традиция + западная модернистская поэтика);

5) проблема идентичности и исторической памяти.

Тайваньский модернизм сочетает формальные эксперименты, психологизм, экзистенциальные мотивы с отражением исторического опыта и культурной памяти. В отличие от европейского модернизма, возникшего из внутреннего кризиса западной культуры, тайваньский модернизм сформировался в условиях постколониальной фрагментации. Он не разрывает традицию, а переосмысливает ее, смещая фокус с личностного кризиса на вопросы культурной и языковой идентичности, актуальные конкретно для Тайваня.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. *Бахтин, М. В.* Кризис европейской культуры начала XX века и историческое познание / М. В. Бахтин // Вестник МГОУ. Серия: Философские науки. – 2011. – № 3.

2. 探索的年代：戰後台灣現代主義小說及其發展 / 廖淑芳 = *Ляо Шуфан.* Исследование эпохи: развитие послевоенного модернистского романа на Тайване : на кит. яз. / Ляо Шуфан. – Тайбэй: 國立臺灣文學館, 2013. – 194 с.

3. 台灣新文學史/陈芳明 = *Чэнь Фанмин*. История новой литературы Тайваня: на кит. яз. / Чэнь Фанмин. – 台北 : 聯經出版事業公司, 2011. – 832 с.

4. 白先勇. 芝加哥之死 // read.99csw.com. – URL: https://read.99csw.com/book/2731-/82872.html (date of access: 02.04.2026).

5. 楊舒茵. 王文興小說中現代主義特色之演進//華藝線上圖書館. – URL: https://doi.org/10.63-42/NTU.2009.00627 (date of access: 02.04.2026).

6. 王文興小說中現代主義特色之演進//華藝線上圖書館. – URL: https://doi.org/-10.6342/NTU.2009.00627 (date of access: 02.04.2026).

7. 林亨泰：《風景（之一）》//作家伴讀資料. –URL:https://www.ltedu.com.tw/ (date of access: 02.04.2026).

8. 林亨泰詩選//詩歌坊. – URL: https://www.shigeku.com/xlib/xd/zgsg/linhengtai.htm (date of access: 02.04.2026).

УДК 821.581’04.09-84: [811.581’373.7+811.581’38]

П. В. Влащенко,
студент филологического факультета БГУ

Научный руководитель: В. В. Жуковец,
доцент кафедры китайской филологии
филологического факультета БГУ,
кандидат филологических наук

ЛЕКСИКО-СТИЛИСТИЧЕСКИЕ ОСОБЕННОСТИ ТРАКТАТА ДИНАСТИИ МИН «РАСШИРЕННЫЕ НАСТАВЛЕНИЯ МУДРОСТИ» (增广贤文)

Аннотация: *статья посвящена комплексному исследованию афористического сборника «Расширенные наставления мудрости» (增广贤文) – памятника дидактической литературы эпохи Мин (1368–1644 гг.).*

Summary: *the article is devoted to a comprehensive study of the aphoristic collection «Expanded Instructions of Wisdom» (增广贤文) – a monument of didactic literature from the Ming Dynasty (1368–1644).*

Ключевые слова: *дидактическая литература, эпоха Мин, вэньянь, байхуа, лексико-стилистические особенности, фразеология, «Расширенные наставления мудрости».*

Keywords: *didactic literature, Ming Dynasty, wenyan, baihua, lexical and stylistic features, phraseology, «Expanded Instructions of Wisdom».*

Значительным произведением эпохи династии Мин (明朝, 1368–1644 гг.) следует считать сохранившийся до сегодняшних дней сборник «Расширенные наставления мудрости» (增广贤文). Несмотря на то, что ни автор-составитель данной книги, ни точное время создания до сих пор остаются неизвестными, количество вариаций названия не заставляет усомниться в богатой истории данного произведения. Доподлинно известно, что первоначально сборник назывался «Изречения мудрых былых времен» (昔时贤文), затем фигурировал под названием «Изречения древних и современных мудрецов» (古今贤文), и только в период Ваньли (万历, 1572–1620 гг.) эпохи Мин был упомянут

в известной пьесе Тан Сяньцзу (汤显祖, 1550–1616 гг.) «Пионовая беседка» (牡丹亭, 1598 г.) под названием «Изречения мудрецов древности» (昔氏贤文) [4, с. 3]. В 7 сцене данной пьесы можно встретить следующие строки: «Изречения мудрецов древности людей до смерти занудством доводят, в такую пору лучше велеть попугаю чай подавать» (《昔氏贤文》，把人禁杀，恁时节则好教鹦哥唤茶) [5, с. 52]. По данной причине, несмотря на наличие более ранних версий данного трактата, «Расширенные наставления мудрости» принято относить именно к литературному наследию Минской эпохи.

В течение более позднего периода Мин и эпохи Цин (清朝, 1644–1911 гг.) текст произведения не раз дополнялся и пересматривался литераторами и лишь тогда книга приобрела свой нынешний вид, получив название «Расширенные изречения мудрых былых времен» (增广昔时贤文) или сокращенное и более употребительное на сегодняшний день – «Расширенные наставления мудрости» (增广贤文). К концу правления династии Цин книга приобрела настолько большую популярность, что легла в основу известного выражения своего времени: «Прочтешь «Расширенные наставления мудрости» – сможешь говорить, прочтешь «Лес самоцветов для начального обучения» – сможешь ходить по Поднебесной» («读了《增广贤文》会说话，读了《幼学琼林》走天下») [4, с. 3].

Следует отметить, что при всей кажущейся простоте и доступности, изречения сборника обладают глубоким смыслом. Трактат о мудрости затрагивает такие ключевые аспекты бытия человека, как моральные устои общества, взаимоотношения человека с миром, законы природы, исторические и литературные аллюзии, пейзажную лирику и пути к поддержанию внутренней гармонии. Источники содержания трактата обширны: большая часть изречений напрямую заимствуется из письменных канонов доциньской эпохи, встречаются высказывания философов различных школ, цитаты из *бицзи-сяошо* (笔记小说), поэзии и музыкально-поэтических форм *цы* (词), *цюй* (曲) и фу (赋) [4, с. 4]. Таким образом, философия конфуцианства, буддизма и даосизма оказалась органично переплетенной в тексте произведения,

что в полной мере отражает традицию синтеза «3 учений» (三教). По мнению А. С. Мартынова (1933–2013 гг.), несмотря на ранее существовавшую идейную полемику, тенденция к сближению данных религиозно-философских систем заметно усилилась именно в Минский период [15, с. 309].

Принадлежа к числу классических дидактических трудов позднего периода среднекитайского языка (中古期，IV–XII вв. н. э.) [1, с. 33], сборник вобрал в себя черты как высокого стиля книжной лексики вэньяня (文言文), так и элементы разговорного стиля *байхуа* (白话文). Синтез прослеживается в лексическом составе (сочетание высокой книжной лексики и просторечных выражений), а также в грамматике, где лаконизм и структурный параллелизм, унаследованные от вэньяня, сочетаются с относительной простотой синтаксиса, характерной для *байхуа*. Влияние вэньяня проявилось в активном использовании традиционных этических концептов и изобразительно-выразительных средств, тогда как элементы *байхуа* – в преобладании пословиц и поговорок среди фразеологических конструкций и в общей доступности изречений для понимания.

Нельзя не отметить афористичность сборника: большинство изречений оформлены парными строками, что значительно облегчает их запоминание. Достижению высокой выразительности во многом способствует обилие стилистических фигур речи (布置类), изобразительно-выразительных средств (修辞手法), а также лексики, обладающей добавочным эмоционально-экспрессивным значением (感情色彩). Одним из основных стилистических приемов выступает парное построение (对偶), представляющее собой сочетание 2 и более синтаксических единиц, соотносительных по смыслу и своей структуре [2, с. 177]. Например: 近水知鱼性，近山识鸟音 [4, с. 29] ‘Вблизи воды узнаешь повадки рыб, вблизи гор распознаешь голоса птиц’. По форме парные построения можно разделить на четырехпарные, пятипарные, семипарные и восьмипарные изречения.

На втором месте по распространенности находится антитеза (对照), базирующаяся на взаимном противопоставлении 2 и более

смежных синтаксических единиц [2, с. 172]: 官有正条，民有私约 [4, с. 404] ‘Чиновники руководствуются законами, народ договаривается между собой’. Среди афоризмов сборника встречается также последовательное присоединение (顶针), или подхват – стилистический прием, при котором конец одной фразы служит началом другой, создавая смысловую цепочку [2, с. 189]: 莫怨自己穷，穷要穷得干净 [4, с. 101] ‘Не жалуйся на то, что сам беден; беден – будь беден с благородством’. Еще одна стилистическая фигура – последовательное повторение (重复) [2, с. 186]. Повтор отдельных лексем встречается в сборнике достаточно часто, тогда как повторы полноценных словосочетаний наблюдаются значительно реже: 两人一般心, 有钱堪买金. 一人一般心, 无钱堪买针 [4, с. 42] ‘Когда двое – одинаковое сердце, хватит денег купить золото. Когда один – одно сердце, не хватит денег купить иголку’.

Прием последовательного наслоения (层递), представляющего собой наложение 3 и более синтаксических конструкций согласно восходящей или нисходящей последовательности [2, с. 190], встречается реже: в сборнике был выявлен лишь 1 пример использования данной стилистической фигуры: 三十不豪，四十不富，五十将相寻死路 [4, с. 183] ‘В 30 не смел, в 40 не богат, а в 50 даже генералы и министры ищут путь к гибели’. Иных видов последовательного повторения или стилистических фигур в сборнике обнаружено не было, что объясняется структурными особенностями изречений: лаконичность и преобладание двухсоставной формы, стремление к лексическому разнообразию и смысловой насыщенности в рамках кратких формулировок.

Лаконичный и афористичный характер сборника «Расширенные наставления мудрости» обусловил обилие эмоционально окрашенной лексики, представленной, как правило, односложными лексемами. Встречаются отдельные примеры двусложных конструкций, в которых синонимичные или близкие по значению лексемы объединяются, формируя слова с усиленной положительной (褒义) или отрицательной (贬义) оценочной семантикой: 忠厚 – чистосердечный («верный» + «сердечный»),

清高 – высоконравственный («чистый» + «возвышенный»); 弊病 – злоупотребление («порок» + «недостаток»), 疯狂 – обезумевший («сумасшедший» + «безумный») Экспрессивность высказывания повышается за счет использования эмоционально окрашенной лексики, создающей антонимичные пары в рамках одного афоризма: 善 – 恶 (人恶人怕天不怕，人善人欺天不欺 [4, с. 189] ‘Злого человека люди боятся – небо не боится; доброго человека люди обижают – небо не обижает’); 惺惺 – 蒙蒙 (惺惺多不足，蒙蒙作公卿 [4, с. 311] ‘Проницательные редко преуспевают, невежественные становятся сановниками’).

Эмоционально окрашенная лексика активно использовалась для усиления дидактического посыла изречений, в основе формируемой им системы ценностей – морально-этические идеалы традиционной китайской философии, опирающиеся на конфуцианство и дополненные народной мудростью. В тексте выделены следующие ключевые философские концепты, обладающие яркой эмоциональной окраской: 善 («добро, добродетель») – центральный этический ориентир (一毫之善，与人方便 [4, с. 388] ‘Малое добро – благо для других’); 贤 («мудрый, добродетельный») – воплощение нравственного совершенства (贤妇令夫贵，恶妇令夫败 [4, с. 323] ‘Мудрая жена возвышает мужа, злая жена губит мужа’); 德 («добродетель») – нравственное качество, проявляемое в следовании моральным принципам (不以我为德，反以我为仇 [4, с. 148] ‘Не считают меня добродетелью, а наоборот, считают меня врагом’).

Философскую основу сборника дополняют 5 добродетелей (五常): человеколюбие (仁), долг (义), мудрость (智), вера (信), ритуал (礼). Определяя границы дозволенного и должного, упоминание каждого из данных концептов в наставлениях сборника, наделяет изречения этическим смыслом и оценочным значением. Например, в афоризме 莫信直中直，须防仁不仁 [4, с. 67] ‘Не доверяй прямоте внутри прямоты, остерегайся человеколюбия без человеколюбия’ содержится предостережение от искажения истинной гуманности (仁).

Важную роль в усилении эмоционально-экспрессивного значения изречений и их дидактического посыла играют глаголы

запрета (莫, 勿, 别, 不可), предостережения (防, 怕, 慎) и долженствования (应当, 要, 宜, 须). Например: 再三须慎意，第一莫欺心 [4, с. 78] ‘Будь осмотрителен в мыслях, но прежде всего – не обманывай собственное сердце’. В отличие от знаменательных частей речи, формирующих богатую палитру оценочных значений, экспрессивные частицы встречаются в изречениях сборника ограниченно. Так, частица 了 используется для придания предложению определенности и подчеркивания результата действия: 信了肚，卖了屋 [4, с. 293] ‘Послушался живота – и продал дом’; частица 矣 указывает на завершенность действия и категоричность суждения: 三思而行，再思可矣 [4, с. 136] ‘Подумай трижды – и этого достаточно’.

Добавочным эмоционально-оценочным значением обладает фразеология. Как уже отмечалось ранее, текст сборника «Расширенные наставления мудрости» не имеет единого автора, а представляет собой свод наиболее популярных и поучительных высказываний эпохи, отобранных составителем. Именно поэтому изречения являются готовыми пословицами и поговорками (俗语), что объясняет их широкую распространенность и устойчивость в народной речи. Например, 凡人不可面相，海水不可斗量 [4, с. 362] ‘О простом человеке нельзя судить по внешности, равно как нельзя черпаком измерить море’. Помимо этого, в сборнике широко представлены *чэньюи* (成语) – устойчивые фразы, используемые, как правило, лишь в одной части афоризма. Например, четырехзначная идиома 居安思危 ‘живя в спокойствии, думать об опасности’ из изречения 得宠思辱，居安思危 [4, с. 190] ‘Приобретая благосклонность, думай о позоре; живя в спокойствии, думай об опасности’.

В афоризмах встречаются такие устойчивые выражения, как *сехоуюи* (歇后语), однако их значительно меньше: 千里送鹅毛，礼轻情义重 [4, с. 371] ‘Гусиное перышко, присланное за тысячу верст – дар невелик, но чувства обильны’. Данный сехоуюй повествует историю посланника эпохи Тан (唐朝, 618–907 гг. н. э.) Мянь Богао (缅伯高), вынужденного преподнести императору лишь перо улетевшего лебедя, что стало символом искренности, преобладающей над материальной ценностью подарка

[6, с. 132–133]. Нередко используется только первая часть *сехоуюя* 千里送鹅毛 ‘гусиное перышко, присланное за тысячу верст’ для обозначения скромного подарка, сделанного от души.

В качестве одного из ключевых приемов усиления выразительности изречений в сборнике можно выделить иносказательное сравнение (比喻) и его подвиды:

1) явное сравнение (明喻), подразумевающее одновременное появление субъекта и объекта сравнения [2, с. 76]: 人心似铁，官法如炉 [4, с. 112] ‘Сердце человека подобно стали, законы чиновников словно печи’;

2) скрытое сравнение (隐喻), выраженное косвенно [2, с. 76]: 贼是小人，智过君子 [4, с. 145] ‘Вор есть мелкий человек, но мудростью может превзойти благородного мужа’;

3) опосредованное сравнение (借喻), известное также как метафора, основанное на употреблении слова в переносном значении на основе сходства [2, с. 78]: 灭却心头火，剔起佛前灯 [4, с. 309] ‘Погаси огонь в сердце, зажги светильник перед Буддой’. В данном случае 心头火 ‘огонь в сердце’ используется как образ гнева, а 佛前灯 ‘светильник перед Буддой’ – как символ просветления;

4) противопоставительное сравнение (反喻), или сравнение-антитеза, подчеркивающее отсутствующую у субъекта характеристику [2, с. 84]: 众星朗朗，不如孤月独明 [4, с. 313] ‘Мерцание множества звезд не сравнится с одинокой луной в ее сиянии’;

5) непосредственное сравнение (较喻), использующее определенный признак для прямого сравнения двух субъектов [2, с. 85]: 山高不算高，人心比天高) [4, с. 108] ‘Высота гор – не предел высоты, человеческое сердце выше небес’.

В сборнике присутствуют такая стилистическая фигура, как гипербола (扩大夸张): 一日春工十日粮，十日春工半年粮 [4, с. 103] ‘Один день весенней работы – зерно на 10 дней, 10 дней весенней работы – зерно на полгода’. Встречается также литота, или преднамеренное преуменьшение (缩小夸张): 万事劝人休瞒昧，举头三尺有神明 [4, с. 306] ‘10 000 дел убеждают людей не обманывать, подними голову – в 3-х чи находятся божества’.

В изречениях сборника можно обнаружить ряд примеров употребления такого тропа, как олицетворение (比拟) – перенос

свойств одушевленных предметов на неодушевлённые [2, с. 92]: 酒逢知己饮，诗向会人吟 [4, с. 25] ‘Вино, встретив понимающего друга, пьется; стихи, обращенные к знающему, сказываются’. В данном примере предметы наделяются элементами поведения человека: вино «встречает» друга, а стихи «обращаются» к знающему человеку, подобный прием помогает оживить картину восприятия. Не столь многочисленным тропом выступает метонимия (借代), замещающая одно понятие другим, связанным с ним [2, с. 87]: 公道世间唯白发，贵人头上不曾饶 [4, с. 398] ‘Справедлива в этом мире лишь седина – голову знати никогда не щадит’. В данном случае отличительная особенность объекта 白发 ‘седина’ заменяет весь объект «старость».

Таким образом, проведенное исследование лексико-стилистических особенностей афористического трактата «Расширенные наставления мудрости» позволяет выделить ряд ключевых характеристик, определяющих его языковую и идейную специфику. Содержательная основа памятника представляет синкретизм 3 учений (三教) – конфуцианства, даосизма и буддизма. Языковой строй отражает синтез классического вэньяня (文言文) и разговорного байхуа (白话文). Структурные особенности заключаются в использовании синтаксического параллелизма и таких фигур повтора, как парное построение (对偶), антитеза (对照), последовательное присоединение (顶针), последовательное повторение (重复) и последовательное наслоение (层递). Экспрессивность достигается при помощи оценочной лексики, философских концептов (善, 贤, 德), глаголов наставления и запрета (莫, 勿, 应当), антонимичных противопоставлений и фразеологии. Стилистическое разнообразие достигается за счет широкого спектра тропов (修辞手法): разновидности иносказательного сравнения (比喻), гипербола (夸张), олицетворение (比拟) и метонимия (借代). Выделенные характеристики, обеспечивая глубину, лаконичность и выразительность изречений, усиливают воздействующую силу афоризмов и раскрывают идейное содержание памятника, представляющего собой классический образец китайской афористической традиции.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. *Воронина, О. Ю.* О подходах к изучению истории языка с идеографической письменностью (на примере работы Ван Ли) / О. Ю. Воронина // Вестник ИГЛУ. – 2012. – №. 5. – С. 32–37.

2. *Калинин, О. И.* Курс лекций по стилистике китайского языка: учеб. пособие / О. И. Калинин, Л. А. Радус. – М. : Изд. дом ВКН, 2017. – 344 с.

3. *Мартынов, А. С.* Конфуцианство, буддизм и двор в эпоху Мин / А. С. Мартынов // История и культура Китая (сборник памяти академика В. П. Васильева) / сост. Л. С. Васильев. – М., 1974. – С. 307–324.

4. 李冲锋. 增广贤文//李冲锋. - 北京:中华书局, 2021. - 417页.

5. 汤显祖. 牡丹亭//汤显祖. - 上海:上海古籍出版社，2016. - 532页.

6. 歇后语大全.《注音彩绘版名著》编委会编著. - 长春:吉林出版集团有限责任公司，2013. - 196页.

УДК 821.581:81'25

В. А. Петрашко,
студент филологического факультета БГУ

Научный руководитель: Н. Н. Хмельницкий,
заведующий кафедрой китайской филологии
филологического факультета БГУ,
доктор филологических наук

СТИХОТВОРЕНИЕ «ЗЕЛЕНЫЙ РУЧЕЙ» («青溪») ВАН ВЭЯ: ОСОБЕННОСТИ ПЕРЕВОДА НА РУССКИЙ ЯЗЫК

Аннотация: *статья посвящена анализу перевода А. А. Штейнберга стихотворения китайского поэта эпохи Тан (618–907 гг. н. э.) Ван Вэя «Зеленый ручей» (青溪). с рассмотрением особенностей многозначности китайских слов, передачи культурных реалий, уникальности жанровой формы и т. д.*

Summary: *the article analyzes the A. A. Shteinberg's translation of Tang Dynasty (618–907 гг. н. э.) poet Wang Wei`s poem Green Stream (青溪). The study examines the polysemy of Chinese words, the rendering of cultural realities, the work's unique hybrid genre and other peculiarities.*

Ключевые слова: *Ван Вэй, китайская классическая поэзия, эпоха Тан, поэтический перевод, вэньянь, параллелизм.*

Keywords: *Wang Wei, Chinese classical poetry, Tang Dynasty, poetic translation, Wenyan, parallelism.*

Неизменный интерес переводчиков классической китайской литературы вызывает «золотой период» культуры Поднебесной – эпоха Тан (618–907 гг. н. э.), в истории которой одно из центральных мест занимает творчество Ван Вэя (王维, 698/701–759/761 гг.). Наследие этого автора представляет собой целый этап в развитии китайской традиционной поэзии, что обусловливает неугасающий интерес к его произведениям, в том числе со стороны русскоязычных переводчиков. Примером служит перевод одного из наиболее известных стихотворений Ван Вэя – «Зеленый ручей» («青溪»). Объектом данного исследования выбран

перевод А. А. Штейнберга как пример работы с текстом китайской классической поэзии [2, с. 251].

Одной из основных особенностей произведений китайской классической поэзии является язык *вэньянь* – архаичная форма письменного китайского языка, которая использовалась до начала XX в. и существенно отличается от современного китайского языка «путунхуа» (普通话), являющегося официальным языком КНР. *Вэньянь* – пример языка изолирующего типа, для которого характерно: 1) преобладание односложных слов; 2) морфологическая неизменяемость слов, при которой грамматические значения передаются с помощью служебных слов и синтаксических конструкций; 3) отсутствие четких границ между частями речи: одно слово в разных контекстах может функционировать как существительное, глагол или совмещать эти функции, что порождает множество интерпретаций. Так, М. Е. Кравцова отметила, что сложность художественного перевода китайской поэзии обусловлена, во-первых, многозначностью каждого иероглифа и, во-вторых, интертекстуальностью, поскольку любой поэтизм являлся достоянием общелитературного контекста [1, с. 17].

Стихотворение «Зеленый ручей» является образцом произведения созданного на *вэньяне*, поэтому упомянутые особенности обязательно должны быть учтены при переводе. Вместе с тем, возникает проблема передачи культурных реалий. Название стихотворения – «青溪» – актуализирует различные контексты. Например, так называется реальная река, берущая начало в горах «青山». Иероглиф «青» не имеет прямого эквивалента в русском языке и переводится описательно как «сине-зеленый», «ярко-синий», «ярко-зеленый» или «темно-синий» [4, с. 44]. В китайской культуре данный цвет обладает позитивной коннотацией, ассоциируется с востоком, весной и очищением. Более того, иероглифы «青» и «清» являются омофонами с общим чтением [qīng] («清» – «чистый, светлый, прозрачный»). Эта фонетическая связь создает дополнительные ассоциации у носителей китайского языка. А. А. Штейнберг, используя метод калькирования, предлагает следующий перевод названия – «Зеленый ручей». Однако при таком подходе теряются культурные подтексты оригинала, поскольку «溪» может означать «горный ручей», а слово

«зеленый» не способно передать всей семантической полноты иероглифа «青».

Рассмотрим оригинал и перевод первой строки: «言入黄花川» [yán rù huáng huā chuān] («[Когда] вхожу в желтых цветов поток»). Лексема «言» в начале стихотворения является ритмообразующей частицей, в данном контексте не несущей семантической нагрузки (в переводе А. А. Штейнберга этот аспект учтен). В первой строке стоит выделить сочетание «黄花川» – «желтых цветов поток», являющееся культурной реалией, которую необходимо сохранить при переводе. Указанное сочетание можно интерпретировать как имя собственное – название реки – или воспринимать буквально как «поток желтых цветов». В китайской культуре «желтые цветы» или же «лепестки желтых цветов» символизируют быстротечность жизни, поскольку их красота недолговечна. Переводчик использует метод калькирования: «Когда отправляюсь / На реку Желтых Цветов» [2, с. 251]. Поясняющая ссылка отсутствует, поэтому для неподготовленного читателя теряется символизм образа.

Для более глубокого понимания культурного подтекста произведения и постановки четких переводческих задач необходимо точно определить жанровую принадлежность стихотворения. Творчество Ван Вэя приходится на период, когда правила строгого построения поэтических произведений (格律 *гэлюй*) уже сформировались, но поэты по-прежнему продолжали активно писать в традиционном жанре древней поэзии (古诗 *гуши*), что проявляется в своеобразной гибридной форме стихотворения «Зеленый ручей». Оно формально представляет собой более свободную пятисловную древнюю поэзию (五言古诗 *уянь гуши*), однако с ярко выраженными чертами жанра уставного стиха (格律诗, *гэлюйши*), для которого характерна строгая метрико-композиционная структура произведения. В «Истории китайской классической литературы с древности и до XIII в.: поэзия, проза: в 2 ч.» [5, с 921] подчеркивается, что Ван Вэй создавал образцовые уставные стихотворения, следовательно, он прекрасно знал правила построения уставного стиха. Композиция уставных стихотворений подразумевает четырехчастное построение: «起» (*ци*) – «начало/зачин», «承» (*чэн*) – «подхват», «转» (*чжуань*) – «поворот» и «结» (*цзе*) – «заключение/завершение» [5, с. 917],

что прослеживается в композиционном построении стихотворения «Зеленый ручей». От жанра древней поэзии остается свободное расположение тонов в строке и нерегулярная рифма.

Важно подчеркнуть, что гибридная форма отражает эстетические поиски эпохи Тан: стремление объединить строгость правил и свободу выражения, внедрить новые формы, сохраняя традиции. Задача переводчика в этой связи усложняется: необходимо максимально передать сложную жанровую специфику, «игру» с правилами, отражающую контекст эпохи.

Цезурное членение является общим для стихотворений жанра древней поэзии и уставных стихов. Важно отметить её наличие в «Зеленом ручье»: «声喧//乱石中». В пятисловных стихотворениях цезура находится после 2 первых иероглифов (для уставных стихов ее позиция строго зафиксирована), что придает гармоничное звучание при декламации и делит строку на две части, которые можно рассматривать как отдельные семантические элементы. А. А. Штейнберг для передачи регулярных пауз в переводе следует методу В. М. Алексеевaa, предполагающему разделение пятистопного стиха на 2 части «по цезуре» [3, с. 17]: первые 2 стопы располагаются на одной строке, а оставшиеся 3 переносятся на следующую, благодаря чему пауза между ними выполняет роль цезуры. Данный прием прослеживается в переводе всех строк произведения и является компромиссным решением для имитации китайской ритмики: «Звуки рокочут / В разбросанных грудах камней».

Стоит отметить наличие строгих параллелизмов, которые являются яркой чертой жанра уставного стиха. Строгий параллелизм играет особую роль в композиционном построении и является не только эстетическим приемом, но и подчеркивает смысл, содержащийся в параллельных строках, превращая их в «сердце» произведения [5, с. 918]. Обратим внимание на параллелизм чисел «百» (100) и «万» (10 000) в 3 и 4 строках стихотворения: «随山将万转/趣途无百里» [suí shān jiāng wàn zhuǎn, qù tú wú bǎi lǐ]. В приведенных строках числа отражают друг друга, что создает гармонию формы произведения. А. А. Штейнберг перевел их следующим образом: «Тысячи раз / Меж гор он извиться готов, / Хотя по прямой / Сотню ли не счесть нипочем» [2, с. 251]. Хотя смысл сохранен и присутствуют числительные, однако

параллелизм утрачен. Его можно было бы передать повторением числительных в начале или конце соответствующих строк: «Вслед за горами вьется [ручей] десять тысяч раз, / Пройденный путь меньше ста ли». А. А. Штейнберг придерживается стратегии форенизации, стремиться передать китайский колорит произведения, что прослеживается во всем переводе. Например, в данном отрывке встречается китайская мера длины, переданная транслитерацией «ли» («里»), что русскоязычным читателем воспринимается как нечто экзотичное.

Отметим, что параллелизм 5 и 6 строк А. А. Штейнбергу удается сохранить: «声喧乱石中，/色静深松里» [shēng xuān luàn shí zhōng, sè jìng shēn sōng lǐ] – (подстрочный перевод: «Звуки беспорядочно звучат среди камней / Краски тускнеют в глубине сосен») Вариант переводчика: «Звуки рокочут / В разбросанных грудах камней. / Краски тускнеют / В сосновой чаще лесной» [2, с. 251]. В данном случае параллелизм является не просто формальным элементом, а структурный принцип, отражающий дуалистическое восприятия мира в китайской культуре (инь – ян, горы – воды, покой – движение), поэтому сохранение параллелизма в переводе актуализирует философский подтекст оригинала. В 6 строке представлено сочетание «色静» – «краски тускнеют», которое также возможно интерпретировать как «пейзаж затихает». А. А. Штейнберг выбирает первый вариант значения, в результате чего теряется многозначность и хоть параллелизм фактически сохранен, но утрачен звуковой компонент контрастных образов (звуки рокочут – пейзаж затихает).

В контексте 7 и 8 строк параллелизм наблюдается не только на синтаксическом, но и на графическом уровне: «漾漾泛菱荇，/澄澄映葭苇» [yàng yàng fàn líng xìng, chéng chéng yìng jiā wěi] – (подстрочный перевод: «Плещутся, плавают водяной орех и болотноцветник / Отражаются, сияют камыши, тростники»). Графические рифмы не новшество Ван Вэя, поскольку и ранее существовали в китайской литературе, являясь исключительно особенностью формы (например, в «Шицзине», «Чуских стровах», «Поэме о море» поэта Му Хуа), но в творчестве Ван Вэя прием переходит на более высокий абстрактный уровень, и, как отмечает российский исследователь А. Г. Сторожук, «становится еще одним способом установления «опорных точек» созидаемого

художественного мира…» [6, с. 225]. Например, графема «вода» (氵) повторяется в первых трех иероглифах 7 строки и в 2 первых иероглифах 8 строки. Кроме того, в 2 последних иероглифах каждой строки повторяется графема «трава» (艹). Строки образно и ярко передают идеи буддийской философии, присущей творчеству Ван Вэя. Согласно буддизму, отражение вещей друг в друге, как и отражение 2 параллельных строк, напоминает об иллюзорности нашего мира, сотканного из пустоты. 7 и 8 строки становятся переломным моментом стихотворения, когда читатель меняет способ восприятия и рассматривает стихотворение как произведение изобразительного искусства, что отражает идею чань-буддизма о необходимости выйти за рамки обыденного мышления с целью достижения духовного просветления. Графема «вода» позволяет увидеть капли, словно попадающие в строки из описываемого речного потока. А. А. Штейнберг не сохраняет синтаксический параллелизм и опускает названия растений: из «菱» (водяной орех) и «荇» (болотноцветник) остается только «водяной орех»: «Плещет струя, / Колышет орех водяной, / И тростники, / Дрожа, отражаются в ней» [2, с. 251].

Графические особенности китайских иероглифов невозможно передать кириллицей, однако с помощью русскоязычной поэтической традиции возможно создание образных параллелей: использование аллитерации и ассонанса, подбор лексики, семантически связанной с водой и растительностью [1, с. 16]. Повторение звуков напоминает журчание воды, за счет чего у читателя меняется регистр восприятия и достигается похожее эстетическое воздействия.

Таким образом, анализ перевода стихотворения «Зеленый ручей» Ван Вэя показал, что А. А. Штейнберг в основном использовал стратегию форенизации, что позволило сохранить экзотичность произведения китайского автора для русскоязычного читателя. Данная стратегия проявляется в стремлении передать систему цезур оригинала, а также в приеме калькирования и транслитерации при передаче культурных реалий. Специфика перевода на русский язык обусловлена сложностью интерпретации многозначных лексем *вэньяня*, метрико-композиционной системы стихотворения, а также невозможностью передачи некоторых прагматических значений иероглифов, из-за чего

смысловые потери неизбежны. Качественный перевод классической поэзии невозможен без учета ее жанровой специфики: в нашем случае уникальной гибридной жанровой формы, объединяющей черты древней поэзии и уставного стиха. Гибридная форма произведения отражает культурно-исторический контекст эпохи Тан. В переводе А. А. Штейнберг решает задачу адаптации китайского поэтического произведения в русскоязычное лингвокультурное пространство, где основным и оправданным оказался принцип сохранения «чужого», однако при переводе всё же происходит потеря значимых элементов, связанных со спецификой жанра и философским компонентом произведения.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. *Кравцова, М. Е.* Поэзия Древнего Китая: Опыт культурологического анализа. Антология художественных переводов / М. Е. Кравцова. – СПб. : Петербургское востоковедение, 1994. – 542 с.

2. *Штейнберг, А. А.* Золотой мяч. Избранные переводы / А. А. Штейнберг. – СПб. : ИП Забозлаев А. Ю., 2014. – 320 с.

3. *Меньшиков, Л. Н.* Предисловие переводчика / Л. Н. Меньшиков // Китайская поэзия в переводах Льва Меньшикова. – СПб. : Петербургское Востоковедение, 2007. – С. 10–26.

4. *Щичко, В. Ф.* Китайский язык. Теория и практика перевода: учеб. пособие / В. Ф. Щичко. – М. : АСТ ; Восток-Запад, 2007. – 223 с.

5. *Алимов, И. А.* История китайской классической литературы с древности и до XIII в.: поэзия, проза: в 2 ч. / И. А. Алимов, М. Е. Кравцова – СПб. : Петербургское Востоковедение, 2014. – 1408 с.

6. *Сторожук, А. Г.* Три учения и культура Китая: конфуцианство, буддизм и даосизм в художественном творчестве эпохи Тан / А. Г. Сторожук. – СПб. : Типография «Береста», 2010. – 551 с.

УДК 27-428+221.7-42+1(510)

М. О. Козловская,
студентка филологического факультета БГУ

Научный руководитель: В. В. Жуковец,
доцент кафедры китайской филологии
филологического факультета БГУ,
кандидат филологических наук

МОРАЛЬНЫЕ ИМПЕРАТИВЫ КОНФУЦИАНСКОЙ ТРАДИЦИИ И ХРИСТИАНСТВА: СОПОСТАВЛЕНИЕ ОСНОВНЫХ ЭТИЧЕСКИХ КОНЦЕПЦИЙ

Аннотация: *в статье рассматриваются общие гуманистические истины христианства как религиозной системы и конфуцианства как философского учения, отражающие картину мира в основных морально-этических концепциях и добродетелях.*

Summary: *the article concerns Christianity general humanistic truths as a religious system and Confucianism as a philosophical teaching, reflecting the picture of the world in the main moral and ethical concepts and virtues.*

Ключевые слова: *христианство, конфуцианство, «благородный муж», «Беседы и суждения», добродетель, «исправление имен», «сыновняя почтительность», «самосовершенствование», «человеколюбие».*

Keywords: *Christianity, Confucianism, noble man, The Analects, virtue, rectification of names, filial piety, self-improvement, humanity.*

На протяжении многих тысячелетий цивилизации Востока и Запада в культурном и мировоззренческом аспектах развивались в диаметрально противоположных направлениях. Однако человеческое общество в целом вне зависимости от этнической и религиозной принадлежности в первую очередь стремится к постижению истины как безусловного двигателя познания своей моральной природы и внешнего мира. Как правило, религиозные и философские учения являются системами перехода от «примитивной религии», концептуализирующей мировоззренческие процессы общества как природную константу, к апеллированию к разумной природе человека, его способности влиять на собственную душевную и телесную природу [3, с. 221–223].

Целью исследования является выявление параллелей в этических концепциях Древнего Китая (конфуцианства) и Западного мира (христианство) при помощи сопоставительно-описательного метода.

Христианство – мировая религия, основанная на вере в Единого Бога в 3 ипостасях: Отец, Сын и Святой Дух. В христианстве Земная и Небесная церкви неразрывно связаны, что означает возможность каждого человека через спасение достигнуть Царства Небесного. В отличие от язычества и ранних монотеистических религий, христианство базируется не только на «трансцендентном истоке» в образе Бога Отца, но и на исторически признаваемом образе личности Иисуса Христа, который был послан Отцом на Землю, однако предстал перед людьми в образе такого же немощного и окруженного страстями человека. Своим примером Он продемонстрировал соблюдение заповедей, который представляют собой универсальные этические концепции: любовь к ближнему («*возлюби ближнего твоего, как самого себя»* [1, с. 104]), служение другим людям («*как вы сделали это одному из сих братьев Моих меньших, то сделали Мне*» [1, с. 1047]), уважение к старшим и родителям («и*бо Бог заповедал: почитай отца и мать*»[1, с. 73]) и др. [5].

Конфуцианство –философское учение, зародившееся в Древнем Китае в VI–V вв. до н. э. Дословно название данного учения переводится как «школа ученых мужей» (кит. 儒教), что предопределяет концепцию «баланса природного начала» и «привитого воспитания». Человек от рождения обладает природными качествами, которые может развивать при помощи «воспитания», что и заключает в себе иероглиф «教». Определение «воспитания» в конфуцианстве заключается в развитии моральных качеств, данных от природы, постижении «добродетели», которая является воплощением морально-этических концепций, заповедей [2, с. 275].

Можно отметить, что понятие «воспитания», совершенствования моральных качеств в конфуцианстве весьма схожи со «спасением» в христианстве [6]. Оба понятия обозначают путь от человека непросветленного, невоспитанного до «морального идеала». В христианстве «идеал» воплощается в приближении к «совершенству» Отца Небесного: «*Итак будьте совершенны,*

как совершен Отец ваш Небесный» [1, с. 1017]. В конфуцианстве «идеалом» выступает образ «благородного мужа» (кит. 君子), который представляет собой моральный облик человека без принадлежности к конкретной или трансцендентной личности. Понятие «благородности» может отсылать нас к историческим фигурам, имевшим высокий социальный статус. Однако, в понятии «君» в первую очередь заложено понятие «муж», «господин», что является общим наименованием лиц мужского пола, любого статуса и положения [8]. Соответственно, «благородный муж» в китайской культуре означает не исключительную личность, качества которой превосходят других людей, а скорее заурядного «мужа», который вне зависимости от социального положения «стремится вверх», постоянно учится и трудится на благо других людей и государства [4, с. 114].

Главным письменным памятником христианства является Библия [1], или Священное Писание. Охватывая периоды до Рождения Иисуса Христа (Ветхий Завет) и после явления Богочеловека (Новый Завет), данная книга реализует не только повествовательную функцию, но в первую очередь назидательную. Конфуцианское философское учение закреплено в текстах канонических памятников, которые позже объединились в сборники «Пятикнижие» и «Четверокнижие». Памятник, на который мы будем опираться в исследовании – «Беседы и суждения» (论语) [4], представляет собой свод высказываний Конфуция, который был составлен его учениками и последователями. Данная книга излагает основные морально-этические принципы конфуцианства: концепции «5 добродетелей», «сыновней почтительности», «самосовершенствования» и «совершенствования имен», символические образы «благородного мужа» и «маленького человека».

В отрывке из «Бесед и суждений» упоминается доктрина «исправления имен» (正名), где «名» – это имя, а «正» – верный, надлежащий. Лексема «正» определяется как «соответствующий стандарту» либо как глагол «исправлять». Из этого проистекает значение «соответствия имени». Лексема «名» в данном случае выступает не только как «имя» для любого объекта: в конфуцианстве «имя» является отражением сущности «тела» (身) [8], а «тело», как человек, раскрывает свой внутренний мир через

«поступки» (行): «君子名之必可言也，言之必可行也» («Благородный муж, называя что-либо, обязательно может это выразить словами, а сказав что-либо, обязательно может это исполнить») [4, с. 98].

Таблица 1

Сравнительное сопоставление отрывков из «Первого соборного послания святого апостола Иоанна Богослова» и «Бесед и суждений»

Первое соборное послание святого апостола Иоанна Богослова (2:4)	**«Беседы и суждения» (4:22)**	
Кто говорит: «я познал Его», но заповедей Его не соблюдает, тот лжец, и нет в нем истины.	君子于其所不知，盖阙如也。名不正则言不顺，言不顺则事不成。	Благородный муж проявляет осторожность по отношению к тому, чего не знает. Если имена неправильны, то слова не имеют под собой оснований. Если слова не имеют под собой оснований, то дела не могут осуществляться.

Стоит обратить внимание на выражение «盖阙», которое Л. С. Переломов перевел как «проявлять осторожность». В оригинальном варианте употреблены лексемы «盖» – скрывать и «阙» – имеет связь с названием места, где родился и преподавал Конфуций (阙里); позже «阙» стало ассоциироваться с истоком мудрости. Таким образом, выражение «盖阙» можно перевести как «скрывать мудрость» или «держать при себе свои знания» [8].

В отрывке приводится параллель со «словом» и «делом». Если «имя» не «верно» (名不正), то «слова не имеют под собой оснований» (言不顺), «дела не могут осуществляться» (事不成). Данное суждение гласит о неразрывной связи «слова» и «дела», их несоответствие приводит к «неправильности имени» (名不正), то есть человек не оправдывает свое имя соответствием «слов» и «дел», тем самым, не оправдывая свою сущность как конкретного субъекта, единицы конфуцианского общества (名 – 身 – тело, субъект) [7, с. 20–23].

В отрывке из Первого соборного послания наблюдается сопоставление слов («говорит») и поступков *(«но заповедей Его не соблюдает»)*. Данное изречение стоит анализировать дедуктивным методом. Понятие «лжи» ассоциируется с пренебрежением следования «сказанным словам», в то время как «истина» провозглашает равнозначность «слов» и «действий». По отношению к христианской вере не допускаются пустые изречения о «познании» Бога, если при этом «не соблюдаются» ключевые заповеди Божии (*«заповедей Его не соблюдает»).*

Так, идея соответствия того, что человек говорит и делает, схожа в 2 отрывках, однако угол преломления понятий несколько отличается: в конфуцианстве «несоответствие имени» ведет к неудаче в «делах»; в христианстве пустословие ведет к погружению во тьму «лжи» и отдалению от спасения.

Таблица 2

Сравнительное сопоставление отрывков из Книги Исхода и «Бесед и суждений»

Книга Исход (20:12)	**«Беседы и суждения» (2:7)**	
Почитай отца твоего и мать твою, [чтобы тебе было хорошо и] чтобы продлились дни твои на земле, которую Господь, Бог твой, дает тебе.	子曰：«今之孝者，是谓能养。至于犬马，皆能有养，不敬，何以别乎？»	Сегодня почтительностью к родителям называют их содержание. Но люди содержат также собак и лошадей. Если родителей не почитать, то чем будет отличаться отношение к ним от отношения к собакам и лошадям?

В отрывке из Книги Исхода звучит заповедь «Почитай отца твоего и мать твою», которая отличается оттенком повеления и прямотой смысла. Так, почтение к родителям должно привести ко спасению, к «продлению дней на земле», которые дарованы Господом Богом. Отрывок из «Бесед и суждений» отличается метафоричностью, но в то же время прямолинейностью выражений: забота о родителях сравнивается с *«содержанием собак и лошадей»* (犬马, 皆能有养), что демонстрирует разницу выполнения долга «содержания» (养) родителей и проявления

«уважения» (敬) к ним. Обе цитаты транслируют этическую концепцию уважения к родителям, однако в христианстве «почтение» выступает как беспрекословная истина, а в конфуцианстве суть постигается через негативный и неординарный пример («содержание собак и лошадей»), вызывающий желание поступать противоположным образом.

Таблица 3

Сравнительное сопоставление отрывков из «Евангелия от Матфея» и «Бесед и суждений»

Евангелие от Матфея (7:3)	**«Беседы и суждения» (15:21)**	
И что ты смотришь на сучок в глазе брата твоего, а бревна в твоем глазе не чувствуешь?	子曰:« 君子求诸己,小人求诸人 »	Благородный муж предъявляет требования к себе, низкий человек предъявляет требования к людям.

В отрывке из «Бесед и суждений» звучит призыв «предъявлять требования» только по отношению к «себе». Данное утверждение исходит от добродетели «самосовершенствования» (修身), смысл которого заключается в улучшении нравственного статуса общества, начиная с самого себя. Более того, в данном отрывке присутствуют полярные моральные образы: «благородный муж» (君子) – ученый муж, который постоянно «совершенствует» себя, развивает свои «моральные качества» (品德), и «маленький человек» (小人), желающий поменять весь мир вокруг себя, но не заниматься своим воспитанием и образованием. Лексема «小» имеет первоначальное значение «маленький» либо «низкий». В конфуцианстве «маленький человек» – это муж, неспособный на проявление моральных качеств, у которого «выгода» стоит на первом месте [4, с.25].

Отрывок Евангелия построен на основе приема антитезы, где соотносятся глагольные образы, связанные с физическими ощущениями («смотришь» – «чувствуешь»), и два антиподных образа «сучка» и «бревна». Метафорические сочетания «смотришь на сучок» и «бревна не чувствуешь» служат для представления человека, который совершенствует себя, и человека, который следит за другими, поэтому его моральный облик постепенно разрушается.

В Евангелии присутствует прямое обращение к читающему, призыв заметить «сучок» в своем глазу и убрать его, то есть встать на путь исправления. В «Беседах и суждениях» обращение опосредованное: существуют 2 образа – «благородный муж» и «низкий человек», с одним из которых читатель соотносит себя.

Таблица 4

Сравнительное сопоставление отрывков из «Первого соборного послания святого апостола Иоанна Богослова» и «Бесед и суждений»

Первое соборное послание святого апостола Иоанна Богослова (4:16)	**«Беседы и суждения» (7:30)**	
Бог есть любовь, и пребывающий в любви пребывает в Боге, и Бог в нем.	子曰：« 仁远乎哉？我欲仁，斯仁至矣»	Учитель сказал: – Разве человеколюбие далеко от нас? Если я хочу быть человеколюбивым, человеколюбие приходит.

В христианстве понятие «любви» связано с жертвенностью, с постановкой интересов и потребностей других людей выше своих; «пребывать в любви» – значит заботиться о других людях, так как «Бог есть любовь» – Бог также заботится о нас [5]. В конфуцианстве понятие «человеколюбия» провозглашает равенство отношения к себе и к другим людям: благородный муж, «стремясь укрепить себя, помогает в этом и другим», то есть добродетель «человеколюбия» тесно связаны со «взаимностью» (恕). Обе доктрины «гуманности» и «любви» выходят за пределы эгоизма, ведь любовь обязательно направлена на другого человека. Различия понятий заключается в следующем: в христианстве любовь связана с жертвенностью, то есть принижением своих собственных интересов; в конфуцианстве «человеколюбие» направлено на построение гармоничных отношений внутри общества, в котором каждый человек «совершенствует себя», передает свой опыт и помогает другим людям [5].

Таким образом, проведенный сравнительный анализ морально-этических концепций христианства и конфуцианства позволяет сделать вывод о наличии глубоких параллелей, несмотря

на различную природу учений. Как христианство, так и конфуцианство предполагают восхождение человека к нравственному идеалу: в христианстве это уподобление Богу через спасение, в конфуцианстве – «самосовершенствование», «воспитание» в себе качеств морального идеала «благородного мужа». Христианство и конфуцианство, будучи порождениями разных цивилизаций, провозглашают схожие основы достойного бытия человека. Их объединяет убеждение, что нравственное совершенствование личности лежит в основе благополучия как отдельного человека, так и всего мира.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. Библия. Книги Священного писания Ветхого и Нового завета. – Российское библейское общество, 2014. – 1371 с.

2. *Боревская, Н. Е.* Китайская культура во времени и пространстве / Н. Е. Боревская, С. А. Торопцев. – М. : Институт Дальнего Востока, РАН, 2010. – 483 с.

3. *Васильев, Л. С.* Христианство и конфуцианство (опыт сравнительного социологического анализа) / Л. С. Васильев, Д. Е. Фурман // История и культура Китая – М., 1974. – С. 405–477.

4. *Переломов, Л. С.* Конфуций: Лунь юй / Л. С. Переломов. – М. : Восточная литература РАН, 1998. – 588 с.

5. Христианство / Православный портал «Азбука веры». – URL: https://azbyka.ru/-xristianstvo (дата обращения: 15.02.2026).

6. *Черных, В. И.* О конфуцианстве и христианстве в понимании Бостонской школы / В. И. Черных // Киберленинка. – 2026. – URL: https://cyberleninka.ru/article/n/o-konfutsianstve-i-hristianstve-v-ponimanii-bostonskoy-shkoly/viewer (дата обращения: 16.02.2026).

7. 丁亮. 孔子“正名“思想新诠/丁亮//台大中文学报. - 第六十九期, 2020. - 44页.

8. 文言文词典//文学网. – 2026. – URL: https://wyw.hwxnet.com (дата обращения: 31.03.2026).

СОДЕРЖАНИЕ

ПЛЕНАРНОЕ ЗАСЕДАНИЕ.....3

Кочин В. П. ПРИВЕТСТВЕННОЕ СЛОВО.....3

Чжан Вэньчуань. ДОСТИЖЕНИЯ СОЦИАЛЬНО-ЭКОНОМИЧЕСКОГО РАЗВИТИЯ КИТАЯ И ПЕРСПЕКТИВЫ КИТАЙСКО-БЕЛОРУССКИХ ОТНОШЕНИЙ.....6

Чжао Хуэйжун. ОСОБЕННОСТИ КИТАЙСКО-БЕЛОРУССКИХ ОТНОШЕНИЙ И ПРЕДЛОЖЕНИЯ ПО ПРОДВИЖЕНИЮ ВЫСОКОКАЧЕСТВЕННОГО РАЗВИТИЯ ДВУСТОРОННЕГО СОТРУДНИЧЕСТВА.....18

Турбан Г. В. ВЫСОКОТЕХНОЛОГИЧНОЕ, ВЫСОКОКАЧЕСТВЕННОЕ РАЗВИТИЕ КИТАЯ И ЕГО ЗНАЧЕНИЕ ДЛЯ РЕСПУБЛИКИ БЕЛАРУСЬ.....22

Чэнь Чжэнь. ОСНОВНОЕ СОДЕРЖАНИЕ И ПЕРСПЕКТИВЫ РЕАЛИЗАЦИИ КИТАЙСКО-БЕЛОРУССКОГО МЕЖПРАВИТЕЛЬСТВЕННОГО СОГЛАШЕНИЯ О ТОРГОВЛЕ УСЛУГАМИ И ОСУЩЕСТВЛЕНИИ ИНВЕСТИЦИЙ.....31

Давыденко Е. Л. КИТАЙСКИЙ ОПЫТ ИННОВАЦИОННОГО РАЗВИТИЯ НА СОВРЕМЕННОМ ЭТАПЕ: ПРОБЛЕМЫ, ВЫЗОВЫ И ПЕРСПЕКТИВЫ ЕГО ИСПОЛЬЗОВАНИЯ В РЕСПУБЛИКЕ БЕЛАРУСЬ.....35

Шао Наньси. ИССЛЕДОВАНИЕ МЕХАНИЗМОВ МЕЖРЕГИОНАЛЬНОГО СОТРУДНИЧЕСТВА МЕЖДУ КИТАЕМ И БЕЛАРУСЬЮ.....47

Вертинская Т. С. ТРАНСПОРТНО-ЛОГИСТИЧЕСКОЕ ОБЕСПЕЧЕНИЕ БЕЛОРУССКО-КИТАЙСКИХ ТОРГОВЫХ ОТНОШЕНИЙ: СОСТОЯНИЕ, ПРОБЛЕМЫ, НАПРАВЛЕНИЯ РАЗВИТИЯ 57

Есин Р. О. АКТУАЛЬНЫЕ НАПРАВЛЕНИЯ ИССЛЕДОВАНИЯ КИТАЯ НА КАФЕДРЕ КОМПЛЕКСНОГО ИЗУЧЕНИЯ РАЗВИТИЯ КНР ФАКУЛЬТЕТА МЕЖДУНАРОДНЫХ ОТНОШЕНИЙ БГУ 69

Секция 1.
БЕЛОРУССКО-КИТАЙСКОЕ ТОРГОВО-ЭКОНОМИЧЕСКОЕ И НАУЧНО-ТЕХНИЧЕСКОЕ СОТРУДНИЧЕСТВО 74

Василевская В. Э. КЛЮЧЕВЫЕ СОБЫТИЯ БЕЛОРУССКО-КИТАЙСКОГО СОТРУДНИЧЕСТВА В 2025 Г. 74

Чжан Хайжун. НЕЗАКОННАЯ МИГРАЦИЯ КАК ВЫЗОВ ПРАВОПОРЯДКУ И НАЦИОНАЛЬНОЙ БЕЗОПАСНОСТИ В АДМИНИСТРАТИВНО-ПРАВОВОМ ИЗМЕРЕНИИ БЕЛАРУСИ И КНР 81

Кулагин М., Фарино К. В. SWAP AGREEMENTS' ROLE AND PLACE IN BELARUS-CHINA RELATIONS 86

Ян Цяньхуэй. CHINA-BELARUSIAN COOPERATION IN SERVICES TRADE: STATE, TRENDS AND PROSPECTS 94

Ли Цзэюй. ОПЫТ ИМПОРТОЗАМЕЩЕНИЯ В КИТАЙСКОЙ НАРОДНОЙ РЕСПУБЛИКЕ 103

Чэнь Хуэйсянь. BELARUS-CHINA ECONOMIC AND SCIENCE COOPERATION THROUGH THE LENS OF GLOBAL AND REGIONAL VALUE CHAINS 114

Гринько В. В., Малашенока А. BELARUSIAN FOOD EXPORTS TO CHINA: MARKETING ADAPTATION BASED ON CULTURAL CODES AND BRAND LOCALIZATION 119

Нин Юйлинь PROSPECTS FOR THE DEVELOPMENT OF THE BELARUS – WESTERN CHINA TRANSPORT CORRIDOR IN THE SYSTEM OF INTERNATIONAL ECONOMIC COOPERATION 125

Ма Синьтянь. RESILIENCE BUILDING AND RISK RESPONSE OF CHINA-BELARUS CROSS-BORDER LOGISTICS CORRIDORS UNDER THE BELT AND ROAD INITIATIVE 135

Фан Цзинцзин. THE SYSTEM OF MODERN EDUCATIONAL TECHNOLOGIES AS A PREREQUISITE FOR ECONOMIC DEVELOPMENT: A CASE STUDY OF THE INDUSTRIAL PARK GREAT STONE 144

Хапанцева С. Г., Говоровская А. А. ПОТЕНЦИАЛ И ПЕРСПЕКТИВЫ БЕЛОРУССКО-КИТАЙСКОГО СОТРУДНИЧЕСТВА В ОБЛАСТИ ЭЛЕКТРОМОБИЛЕСТРОЕНИЯ 150

Буйко Д. А. , Мачерко О. С. СОВМЕСТНЫЕ ПРЕДПРИЯТИЯ БЕЛАРУСИ И КИТАЯ В АВТОМОБИЛЕСТРОЕНИИ: МОДЕЛИ И ПЕРСПЕКТИВЫ 157

Тринчин В. В. TRANSFORMATION OF SUPPLY CHAINS IN THE ROAD CONSTRUCTION EQUIPMENT MARKET: SHIFT FROM EUROPEAN TO CHINESE SUPPLIERS IN BELARUS 162

Инь Мэнюэ. ОПЫТ СТРОИТЕЛЬСТВА УМНЫХ ЗДАНИЙ В РАМКАХ ГРАДОСТРОИТЕЛЬНОЙ СТРАТЕГИИ «СИНЬЧЭНЦЗЯНЬ» И ВОЗМОЖНОСТЬ ЕГО АДАПТАЦИИ В БЕЛАРУСИ 170

Щурок П. Д. СРАВНИТЕЛЬНЫЙ АНАЛИЗ ЭНЕРГЕТИЧЕСКОЙ ТРАНСФОРМАЦИИ: ВИЭ И BESS В КНР И В РЕСПУБЛИКЕ БЕЛАРУСЬ 180

Секция 2.
БЕЛОРУССКО-КИТАЙСКОЕ ГУМАНИТАРНОЕ СОТРУДНИЧЕСТВО 185

Смоляков Д. А. ОПЫТ РАЗВИТИЯ ВЫСШЕГО ОБРАЗОВАНИЯ В КНР: ОТ БАЗОВЫХ ПОДХОДОВ К НЕСТАНДАРТНЫМ РЕШЕНИЯМ 185

Олексюк А. И., Ласкович К. А. ПЕРСПЕКТИВЫ РАЗВИТИЯ СОТРУДНИЧЕСТВА В СФЕРЕ ВЫСШЕГО ОБРАЗОВАНИЯ МЕЖДУ БЕЛАРУСЬЮ И КИТАЕМ 193

Лукашевич П. А., Минакова А. РОЛЬ ИНСТИТУТОВ КОНФУЦИЯ В ФОРМИРОВАНИИ ПОЛОЖИТЕЛЬНОГО ИМИДЖА КИТАЯ В БЕЛОРУССКОМ ОБЩЕСТВЕ 200

Романюк В. О. ЦЕНТРЫ ИЗУЧЕНИЯ БЕЛАРУСИ В ВУЗАХ КНР В 2012–2025 ГГ.: ИНСТИТУЦИОНАЛЬНАЯ ЭВОЛЮЦИЯ И ФУНКЦИОНАЛЬНАЯ ТРАНСФОРМАЦИЯ 207

Гавриленко А. В. ОБРАЗОВАТЕЛЬНАЯ ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ МАГИСТРАТУРЫ ЮРИДИЧЕСКОГО ФАКУЛЬТЕТА БГУ В КОНТЕКСТЕ РАЗВИТИЯ СОТРУДНИЧЕСТВА С КИТАЙСКОЙ НАРОДНОЙ РЕСПУБЛИКОЙ 214

Толстоногова И. В. СОЦИОКУЛЬТУРНАЯ АДАПТАЦИЯ КИТАЙСКИХ СТУДЕНТОВ НА ФАКУЛЬТЕТЕ ЖУРНАЛИСТИКИ БГУ 220

Го Хэцзюнь. ФОРМИРОВАНИЕ ХРАМОВОЙ И РИТУАЛЬНОЙ АРХИТЕКТУРНОЙ СТИЛИСТИКИ КИТАЯ ПОД ВЛИЯНИЕМ БУДДИЗМА 225

Мэн Тяньсян. BELARUSIAN JEWISH DIASPORA AND THE EARLY FOUNDATIONS OF BELARUSIAN-CHINESE RELATIONS (LATE XIX – EARLY XX CENTURY) 230

Ду Бикунь. ЭВОЛЮЦИЯ ЗАСТОЛЬНОГО ЭТИКЕТА КИТАЙСКОГО И БЕЛОРУССКОГО НАРОДОВ В КОНТЕКСТЕ СОЦИОКУЛЬТУРНЫХ ИЗМЕНЕНИЙ 236

Секция 3.
КИТАЙСКИЙ ЯЗЫК И КУЛЬТУРА
В ОБРАЗОВАТЕЛЬНОМ ПРОСТРАНСТВЕ
РЕСПУБЛИКИ БЕЛАРУСЬ 242

Вычикова П. В. ПОДХОДЫ К СОВЕРШЕНСТВОВАНИЮ
ПРОСОДИЧЕСКИХ НАВЫКОВ СТУДЕНТОВ,
ИЗУЧАЮЩИХ КИТАЙСКИЙ ЯЗЫК 242

Дубовик П. В. РЕАЛИЗАЦИЯ МЕТОДИЧЕСКИХ
ПОДХОДОВ К ОБУЧЕНИЮ ПИСЬМЕННОЙ РЕЧИ
НА КИТАЙСКОМ ЯЗЫКЕ В СОВРЕМЕННЫХ
УЧЕБНО-МЕТОДИЧЕСКИХ ПОСОБИЯХ 254

孙佳. 语言景观视角下经贸汉语阅读教学研究 264

Макарова А. Ю. ИСПОЛЬЗОВАНИЕ ИНТЕРНЕТ-МЕМОВ
В ОБУЧЕНИИ КИТАЙСКОМУ ЯЗЫКУ 270

Алимова О. Г. КОМПЕТЕНЦИИ
ЭМОЦИОНАЛЬНОЙ РЕГУЛЯЦИИ КАК УСЛОВИЕ
ПОВЫШЕНИЯ ЭФФЕКТИВНОСТИ УСВОЕНИЯ
КИТАЙСКОГО ЯЗЫКАВ НАЧАЛЬНОЙ ШКОЛЕ 276

Protasenya N. S. 汉语熟语中«堂»字构件的文化语义研究 282

Шидловская Е. А. КОНЦЕПТ **月亮 «**ЛУНА»
В КИТАЙСКОЙ ЛИНГВОКУЛЬТУРЕ 286

Дурейко А. А. ЭВФЕМИЗАЦИЯ В КИТАЙСКОМ ЯЗЫКЕ:
ЛИНГВОПРАГМАТИЧЕСКИЙ АСПЕКТ 293

Найден А. Е. ГЕНДЕРНО-МАРКИРОВАННЫЕ ЭВФЕМИЗМЫ
И ИХ ФУНКЦИОНИРОВАНИЕ В РАМКАХ
СТЕРЕОТИПИЗАЦИИ ВНЕШНОСТИ ЖЕНЩИН:
ЗНАЧИМОСТЬ ФОРМИРОВАНИЯ СОЦИОКУЛЬТУРНОЙ
ГРАМОТНОСТИ ПРИ ИЗУЧЕНИИ КИТАЙСКОГО ЯЗЫКА 299

Ананич В. А. ЭВОЛЮЦИЯ ЯЗЫКА ЦИФРОВОЙ ЭПОХИ:
ИНТЕРНЕТ-СЛЕНГ И НЕВЕРБАЛЬНЫЕ
ЛИНГВИСТИЧЕСКИЕ СРЕДСТВА КОММУНИКАЦИИ
В КИТАЙСКИХ СОЦИАЛЬНЫХ СЕТЯХ 306

Хотулева А. В. ВЛИЯНИЕ ЯПОНСКОЙ ЛИТЕРАТУРНОЙ ТРАДИЦИИ НА ТАЙВАНЬСКУЮ СЛОВЕСНОСТЬ 312

Хотулева А. В. ОТЛИЧИТЕЛЬНЫЕ ЧЕРТЫ ТАЙВАНЬСКОГО ЛИТЕРАТУРНОГО МОДЕРНИЗМА 320

Влащенко П. В. ЛЕКСИКО-СТИЛИСТИЧЕСКИЕ ОСОБЕННОСТИ ТРАКТАТА ДИНАСТИИ МИН «РАСШИРЕННЫЕ НАСТАВЛЕНИЯ МУДРОСТИ» (增广贤文) 329

Петрашко В. А. СТИХОТВОРЕНИЕ «ЗЕЛЕНЫЙ РУЧЕЙ» («青溪») ВАН ВЭЯ: ОСОБЕННОСТИ ПЕРЕВОДА НА РУССКИЙ ЯЗЫК 338

Козловская М. О. МОРАЛЬНЫЕ ИМПЕРАТИВЫ КОНФУЦИАНСКОЙ ТРАДИЦИИ И ХРИСТИАНСТВА: СОПОСТАВЛЕНИЕ ОСНОВНЫХ ЭТИЧЕСКИХ КОНЦЕПЦИЙ 345

ДЛЯ ЗАПИСЕЙ

Научное издание

IX РЕСПУБЛИКАНСКАЯ ШКОЛА КИТАЕВЕДЕНИЯ: ПРИОРИТЕТНЫЕ НАПРАВЛЕНИЯ ИССЛЕДОВАНИЯ СОВРЕМЕННОГО КИТАЯ И БЕЛОРУССКО-КИТАЙСКОГО СОТРУДНИЧЕСТВА

Сборник статей участников
IX Республиканской школы китаеведения
Минск, 4 марта 2026 г.

第九届白俄罗斯共和国汉学研讨班：新时代中国和中白合作的重点研究领域

明斯克2026年3月4日

На русском, английском и китайском языках

Ответственный за выпуск *А. В. Воловик*
В подготовке материалов сборника принимали участие
А. А. Алаева, *Ю. А. Шаврук*, *М. В. Яромко*
Компьютерная верстка *Т. В. Лукашонок*

Подписано в печать 11.05.2026. Формат 60×84/16.
Бумага офсетная. Ризография.
Усл. печ. л. 20,93. Уч.-изд. л. 17,02. Тираж 75 экз. Заказ 55.

Издатель и полиграфическое исполнение:
государственное учреждение образования
«Республиканский институт высшей школы».
Свидетельство о государственной регистрации издателя,
изготовителя, распространителя печатных изданий
№ 1/174 от 12.02.2014.
Ул. Московская, 15, 220007, г. Минск.